

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Отдел истории Востока

А. Ш. Кадырбаев

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Очерки истории и историографии

Москва

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)42-99
К13

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
Б. У. Китинов, д-р. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
А. Д. Васильев, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
Д. М. Тимохин, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Кадырбаев, А. Ш.

К13 Золотая Орда: очерки истории и историографии : монография / А. Ш. Кадырбаев ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Отд. истории Востока ; [отв. ред. Б. У. Китинов]. – Москва : ИВ РАН. – 2022. – 368 с.

ISBN 978-5-907543-55-3 (в пер.).

Исследование посвящено истории взаимоотношений народов Золотой Орды, как внутри этой кочевой империи, так и с народами соседних государств, а также вопросам историографии данной проблемы.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)42-99

Фото на передней стороне переплета: изображение пайцзы хана Узбека. Золотая Орда. 1312–1341 гг. Надпись выполнена на монгольском языке уйгурским письмом: “Вечного Неба силою, великим соизволением и могуществом [Его], Узбека повелению который человек не повинуется, [тот] проступится, умрёт”.

ISBN 978-5-907543-55-3 (в пер.)

© Кадырбаев А. Ш., 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Источники и историография Золотой Орды	15
Китайские и монгольские источники	15
«Жизни в пути»: путешественники Запада и Востока О Золотой Орде	29
Золотая Орда и тюрко-монгольские степные народы в концепциях ранних евразийцев	45
Советская историография о Золотой Орде	60
Современная российская историография о Золотой Орде	76
Современная историография Татарстана о Золотой Орде	101
Современная историография Казахстана о Золотой Орде	108
Глава II. Народы Евразии под властью Золотой Орды	110
«Кипчакский» поход монголов на земли, завещанные Чингис-ханом Улусу Джучи. 1236–1242	110
Владычество монголов на Руси в системе взаимоотношений их Улусов – Золотой Орды и империи Юань	128
Кок-Орда – «левое крыло» Золотой Орды	151
Северо-Западный и Центральный Кавказ в эпоху монгольского нашествия Золотой Орды	162
Средневековые уйгуры в Золотой Орде	176
О миграциях в XI–XIII веках племен из Центральной Азии, Приуралья и Кавказа, представленных среди основных родов – главной военной опоры Джучиева Улуса	185

Финно-угорские народы в монгольскую эпоху и под властью Золотой Орды	211
Христиане в Золотой Орде	217
Иудеи в Золотой Орде	222
Пиратство Руси накануне и в эпоху Золотой Орды XI–XIV века	228
Глава III. Золотая Орда в окружающем мире	234
Между Западом и Золотой Ордой. Выбор князя Даниила Галицкого	234
Азербайджан и Персия – «яблоко раздора» монгольских империй Джучидов и Хулагуидов	239
Куманы и Золотая Орда в Венгрии и на Балканах	257
Польша в эпоху монгольского нашествия и Золотой Орды	270
Золотая Орда и ее связи с мусульманским миром	282
Последний из могикан монгольской эпохи: эмир Тимур – могильщик Золотой Орды	292
Глава IV. Наследники Золотой Орды	315
Поход Ермака в Сибирь: «собрание» бывших владений Золотой Орды в государстве Российском	315
К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды	336
Библиография	350

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение почти двух столетий империи, созданные в результате монгольских завоеваний XIII века и возникшие после распада мировой Монгольской державы в 1260 году, в том числе Золотая Орда или Джучиев Улус – монгольское государство в Восточной Европе, Западной Сибири и западной части центральноазиатских степей, известных с XI до XIV века как Дешт-и-Кипчак – степь кипчаков, доминировали в большей части известного тогда мира. Это было время, когда, по образному выражению летописцев той эпохи, «монголы держали кормило управления миром». На вершине своего могущества эти империи, созданные монгольскими завоевателями, занимали территорию в 32 миллиона квадратных километров и включали в свой состав более 100 миллионов населения – представителей самых разных народов континента Евразии. По своему территориальному охвату завоеванных земель Монгольская империя до своего распада не знает равных в мировой истории, в этом отношении ее еще никто не смог превзойти. А если говорить о землях, куда дошли «копыта коней» монгольских завоевателей, но где они не смогли укрепиться, то картина предстает еще более внушительная: на востоке – Японские острова, на западе – Адриатическое море и граница современных Чехии и Германии, на юго-востоке – остров Ява Малайско-Индонезийского архипелага, на юго-западе – Египет, на юге – Индия и Бирма.

Оценивая роль империй Чингис-хана и его преемников в истории прежде всего Золотой Орды – монгольского государства, включившего в свой состав Русь, Крым, Северный Кавказ, Поволжье, Дешт-и-Кипчак – степи Евразии от Алтая до Карпат, Северный

Хорезм, Западную Сибирь необходимо констатировать, что монгольские завоевания привели к уничтожению многих народов и цивилизаций на территории Евразии.

Монгольским завоевателям удалось сокрушить большинство империй в Евразии: в 1221 году – хорезмшахов, в 1231 году – чжурчжэней – Цзинь, в 1241 году – Румский султанат туркмен-сельджуков, в 1258 году – Багдадский халифат, в 1279 году – китайцев – Южная Сун, а также государство тангутов Си Ся в 1227 году, древнерусские и болгарское княжества в 1237–1239 годах, корейские – в 1259 году, венгерское в 1241 году, грузинское и армянское государства в 1222 году. Что касается Европы, то после прорыва монголов в 1242 году к Адриатическому морю и ее центру, под Лигнице они разгромили объединенные силы европейских рыцарей, перед этим пройдя в 1241 году смертоносным маршем по Польше и Венгрии. Лишь смерть великого хана монголов Угэдэя в Каракоруме – столице Монгольской империи и борьба за трон великого хана вынудили монгольских военачальников во главе с Бату-ханом прекратить поход на Европу. Свою немаловажную роль в прекращении похода сыграла мужественная борьба завоеванных монголами древнерусских и болгарского княжеств, кавказских, тюркских и финно-угорских народов в 1237–1239 годах, которые ценой утраты своей независимости нанесли завоевателям невосполнимые потери. Западная Европа еще почти полтора столетия жила в страхе перед угрозой нового монгольского нашествия из глубин Азии, в то время как Византийская империя, Венгрия, Болгария и Валахия на Балканах периодически подвергались набегам монголов из Золотой Орды и платили им дань. Попытка установить с монгольскими владыками подобие равноправных межгосударственных отношений потерпела неудачу, поскольку монголы не стремились к этому, а требовали от западноевропейских правителей полного подчинения и в случае неповиновения грозили всяческими карами.

Завоевание Руси монголами и почти трехвековое их господство в этой стране занимает в ее истории особое место, специфика которого и позволяет выделять это время в качестве самостоятельного периода развития русского народа. Эта специфика

связана прежде всего с тем, что на протяжении XIII–XIV веков представители Руси впервые в своей истории утратили положение народа, политически господствующего на своей территории, и оказались включенными в состав полиэтничной завоевательной империи. Поэтому монголы находились в более выгодной ситуации, чем их кочевые предшественники, вторгавшиеся на Русь до них, тем более, что кроме Руси монголы покорили большинство народов Евразии.

Как понять феномен монгольских завоеваний? Каким образом империи и государства на территории Евразийского континента, в течение столетий определявшие прогресс человеческой цивилизации, оказались почти на целый век за бортом мировой истории, исчезли как самостоятельные политические единицы? Каким же образом империи – Хорезмшахов, Румский султанат сельджуков, Цзинь и Сун в Китае, Багдадский халифат – оказались под властью монгольских завоевателей? Каким образом монгольские ханы, стоявшие во главе разноплеменного кочевого государства с населением в несколько миллионов человек, смогли утвердить свою власть в обширных регионах, которые по территории, численности населения и уровню цивилизации значительно превосходили завоевателей? Часто говорят о военной мощи монголов.

Но действительно ли они были так сильны и могли сокрушить любого противника? Несомненно, к началу XIII века монголы были одной из передовых армий мира. Дружины степных наездников-монголов и примкнувших к ним тюрок превратились в настоящую армию, сохранившую все достоинства кочевых воинств – скорость передвижения, маневренность в походе и на поле боя, традиции членения войска и выделения резервов, приемы ложных отступлений с заманиванием в засаду. Дисциплина придавала вековым приемам «чистоту исполнения», а полномочия и авторитет полководца настолько усилили мощь войска, что под копытами коней воинов Чингис-хана и его первых наследников оказалось полмира.

Передовая военная техника, заимствованная ими в ходе завоевания Китая и мусульманских стран, в сочетании с железной дисциплиной и великолепной организацией принесли монголам

немало побед. В Западной Европе, на Ближнем Востоке, Руси, в Центральной и Восточной Азии сложился миф об их непобедимости. Монголы действительно наводили ужас на противника, который зачастую был готов расписаться в своем поражении еще до того, как начинался бой. Но какой бы ужас ни внушала монгольская конница, какими бы сильными ни казались завоеватели, само чередование побед с поражениями, а также наличие государств, сумевших отразить их нашествие, свидетельствует о том, что монголы не всегда обладали подавляющим военным превосходством. Дело, видимо, не только в военной мощи монголов. При завоевании Хорезма, Дешт-и-Кипчака, Руси и других стран Евразии в каждом государстве среди населения имелись значительные группы людей, которые с оружием в руках переходили на сторону завоевателей, сообщали им планы своего командования, открывали им ворота городов и крепостей.

Обращает на себя внимание и частое отсутствие стойкости и воли к борьбе как у господствующих правящих сословий в этих государствах, так и в их армиях, нежелание сражаться с монгольскими завоевателями. В некоторых странах монгольское нашествие воспринималось населением как «кара Божья» или «гнев Неба» за несправедливые действия их правителей. В то же время было бы неправильно преувеличивать степень и характер разрушений, совершенных монголами. Лишь их первоначальные завоевания характеризовались особой жестокостью, которая должна была устрашить и парализовать возможное сопротивление. Как только монголы осознали, что налогообложение покоренных стран приносит больше выгоды, чем грабеж, они кардинальным образом изменили свою политику на завоеванных территориях.

Но это одна сторона медали. При всем трагизме монгольская эпоха не была проста и однозначна. Это относится и к таким сложным конгломератам, как империи Чингис-хана и его первых преемников, прежде всего к Золотой Орде. Поэтому абсолютно негативное отношение к монгольскому завоеванию и всему, что с ним связано, видимо, не совсем правомерно. Вообще же золотоордынский опыт сосуществования различных культур в одном государ-

стве – явление довольно уникальное, интересное и поучительное, при всех его издержках, даже для современных политических деятелей. И нынешние страны СНГ, которые далеко не всегда хотят и умеют найти общий язык с подчиненными им «инородцами», здесь не исключение.

Монголы не принесли на Русь собственное общественное устройство. Тем более, что они были здесь немногочисленны, хотя и доминировали в правящей верхушке, опираясь в основном на тюркских кочевников Дешт-и-Кипчака, что уже к началу XIV века привело к их тюркизации в языковом отношении. Поэтому они не оказали заметного влияния на этнические процессы и антропологический тип населения Руси, Северного Кавказа, Крыма, Западной Сибири, Северного Хорезма и Дешт-и-Кипчака. Вместе с тем культурное влияние извне никогда не было таким продолжительным по времени в русской истории, как во времена владычества Золотой Орды.

Роль монголов и тюрков важна не только в создании военно-административной системы Золотой Орды, господствовавшей на Руси, но и в создании культуры этой империи, так как они были наследниками весьма значимой центральноазиатской традиции военного дела и контактов с культурной метрополией субрегиона Дальнего Востока и Центральной Азии – Китаем. Так, монголы наследовали киданям, тангутам и чжурчжэням – северным «варварам», которые перед ними не только завоевали север и северо-запад Китая и освоили многие составляющие его культуры, но и выработали – как на основе собственных традиций, так и их симбиоза с духовными и материальными ценностями завоеванных народов, прежде всего тюркских, высочайшую самобытную культуру, наследие которой и сегодня поражает воображение. Монголы и до своего возвышения обладали самостоятельным комплексом материальной и духовной культур, а их контакты с империями киданей Ляо и чжурчжэней Цзинь в Китае, тангутским государством Си Ся, тюрками – уйгурами, кипчаками, канглы, карлуками, мусульманами – таджиками, персами, арабами подготовили монголов и их культуру к тому, чтобы широко освоить и творчески пре-

образовывать достижения цивилизаций Китая и мусульманского Востока, буддийских Тибета и Кореи, католической Европы и православных Руси и Кавказа.

Этому способствовало и то обстоятельство, что отношение монголов к духовным и идеологическим традициям покоренных народов, в частности Руси, отличалось, в первую очередь, толерантностью. Они не стремились уничтожить местные верования и традиции, которые застали на Руси, у кавказских и финно-угорских народов, не пытались насаждать собственную религию – шаманизм или же использовать какую-нибудь другую идеологию, как средство унижения покоренного народа и укрепления собственной власти. Так, распространение ислама среди монголов и тюркских народов Золотой Орды не привело к исламизации ее русских и финно-угорских подданных. Толерантное отношение монголов к разным верованиям было результатом их собственного подхода, что заставляет высоко оценивать идеологическую и религиозную политику монголов.

Именно монголы и их элита стали заказчиками новой имперской культуры и отбирали элементы, необходимые для ее построения, дополнявшие собственно монгольское культурное наследие, а история Золотой Орды – наглядное подтверждение сказанному. Монгольская имперская культура, сложившаяся на огромных пространствах Евразии от Китая до Руси и Малой Азии в итоге синтеза культур многих евразийских народов, оказалась притягательной не только в связи с престижем монгольской власти и мощи их военной силы, но и в силу собственных достоинств, оказав влияние не только на весь континент Евразии [Горелик, Казань, 1990]. Поэтому, при всем уважении к великому русскому поэту А. С. Пушкину и основоположнику теории научного коммунизма К. Марксу, [Marx, L., 1899, p. 75] трудно согласиться с их категоричными мнениями, что, в отличие от мусульман-мавров, завоевателей Иберийского полуострова, обогативших культуру его народов научными и духовными достижениями арабоязычной цивилизации, монголы принесли только разрушение и регресс завоеванным странам и народам.

Ко времени прихода основателя Золотой Орды – Бату-хана (или Батые русских летописей) к власти и во многом в итоге его действий принципиально изменилась геополитическая расстановка сил в Старом Свете. В Западной Азии центр влияния сместился от Багдада, главного города одноименного халифата, к Табризу – столице монгольской империи ильханов Хулагуидов в Азербайджане, Персии и на Ближнем Востоке, в Восточной Европе – от древнерусского Киева к Сараю в устье Волги – столице основанной монголами империи Золотой Орды, в Восточной Азии – от Кайфэна, столицы китайской империи Южной Сун, к Каракоруму – столице единой Монгольской империи, а затем к Ханбалыку (Пекину) – столице Юаньской империи – государства монголов в Китае. Причем все эти новые на тот момент мировые центры силы официально, хотя и номинально, признавали верховную власть великого монгольского хана – императора династии Юань в Ханбалыке на территории Китая.

Во время правления ханов Золотой Орды на Руси, Северном Кавказе, в Дешт-и-Кипчаке, Поволжье, Крыму, Западной Сибири и Северном Хорезме были созданы предпосылки для интеграции между культурами, религиями и цивилизациями населяющих эти земли народов, хотя осуществлялось это зачастую посредством насильственного переселения массы людей в результате завоеваний или вовлечения в эти процессы авантюристов, искателей наживы и приключений. Именно ханы Золотой Орды впервые в истории Руси назывались ее царями. Монголы объединили разрозненную Русь в единое государство, принятое ими административное устройство во многом стало фундаментом для создания в последующем Российского государства. Поэтому мнение, что в определенной степени ханы Золотой Орды были объединителями Руси, не лишено оснований.

Монгольские завоевания способствовали началу широко-масштабных миграционных процессов, новых культурных контактов, зарождению новых вкусов и моды, формированию идей космополитизма. Подобные заимствования создавали условия для расширения связей, формирования новых вкусов. Конечно, мон-

голы совсем не ставили своей целью создать сеть глобальных информационных коммуникаций. Они были одержимы идеей покорения мира, и многие результаты их контактов с другими культурами и цивилизациями оказались непреднамеренными. Транзит высоких технологий в большей степени был следствием политической воли правителей Монгольских империй, заметное место среди которых занимала Золотая Орда, нежели следствием развития экономики и торговли.

Тем не менее обширные и постоянные культурные и технологические контакты между ремесленниками, инженерами, художниками и другими представителями интеллектуального труда разных народов и государств стали основой для плодотворного обмена, способствовали претворению в жизнь новых возможностей и уникальных открытий, которым через несколько столетий было суждено потрясти мир. Монголы также способствовали распространению и взаимопроникновению различных религий. Еще одним следствием масштабного культурного обмена стало визуальное расширение горизонтов Евразии и развитие картографии. В определенной степени это подтолкнуло европейцев к поискам новых морских путей в Индию и впоследствии привело к эпохе Великих географических открытий.

Важный вклад внесли монголы в языкознание. Их империи, и Золотая Орда наглядное тому подтверждение, были многонациональными, и для управления завоеванными территориями монголы использовали разные языки. Например, в Золотой Орде функционировали монгольский и тюркский языки на средневековой уйгурской письменности, арабский и фарси – новоперсидский язык на арабском алфавите. Они создавали специальные школы для подготовки переводчиков, стимулировали создание многоязычных словарей, которые начинают появляться в XIII–XIV веках в разных странах, связанных с Великим Шелковым путем от Китая до Руси. Мы не говорим уже о многочисленных заимствованиях монгольских и тюркских слов различными языками и стимулированных монголами языковых взаимодействий, в частности, восточнославянско-тюркских.

Походы монгольских ханов изменили средневековый мир, причем изменения эти не знали аналогов в предшествующей монгольской эпохе мировой истории. Монгольские завоевания замкнули цепь путей международной торговли в единый сухопутный и морской комплекс. Впервые все крупные региональные составляющие средневековой мировой системы (Китай, Индия, мусульманский Восток, Западная Европа и Золотая Орда, под управлением которой были Восточная Европа, Западная Сибирь и обширные степные и оазисные пространства Центральной Азии) оказались интегрированными в единое макроэкономическое пространство.

Все это способствовало развитию глобального информационного, технологического и культурного обмена между цивилизациями Старого Света, т. е. правители Золотой Орды способствовали средневековой глобализации XIII века – первой в истории человечества. Система связей, созданная в монгольскую эпоху, заметным периодом которой является время существования Золотой Орды, оказалась настолько велика, что даже после падения монгольских империй и изгнания монгольских завоевателей из завоеванных стран – от Руси до Китая – система международной торговли сократилась, но не исчезла целиком [Крадин, Скрынникова. М., 2006, с. 472–488].

Золотая Орда, возникшая на развалинах мировой Монгольской державы, созданной Чингис-ханом, в определенной степени трансформировалась под воздействием культурных традиций завоеванных монголами народов, прежде всего тюркских кочевников Дешт-и-Кипчака и в определенной степени Руси, но в отличие от предшествовавших ей кочевых народов, приходивших на Русь, не восприняла модель государственного развития поработенных ею народов, хотя ее смешанный в этническом и культурном отношении правящий класс, где преобладали выходцы из знати кочевых народов, все же в конечном счете смог лучше приспособиться к изменениям, что и предопределило сравнительно более долгое владычество потомков Чингис-хана в этой стране, чем это удалось монгольским завоевателям в Восточной Азии и на Ближ-

нем Востоке, чье господство здесь длилось в пределах столетия, а Золотой Орды – почти три века. Глубину и масштабы влияния Золотой Орды на поработанные ею народы, в частности, на Руси, трудно преувеличить, поскольку были затронуты все аспекты их жизнедеятельности и духовной жизни. Это касалось в том числе внешней оболочки, проявляясь в парадных одеждах, придворных церемониях, великолепии ее столицы – Сарая, хотя и не меняло культурного субстрата основной массы подчиненных ей народов.

Следует отметить, что название «Золотая Орда» является анахронизмом. Хотя оно применительно к Улусу Джучи и встречается в русских летописях эпохи монгольского владычества на Руси, но укоренилось в сочинениях только с XVI века, а официальными (или современными ему) названиями этого государства были – Улус Джучи, Улуг Улус (Великий Улус), Монгольское государство, Кипчакское ханство, Узбеков Улус. Два последних названия, вероятно, связаны с тюркизацией правителей Золотой Орды и их окружения в среде народов, завоеванных ими и вовлеченными в этот процесс кипчаками. Жители обширных степных пространств Дешт-и-Кипчака достаточно быстро стали основной военной опорой золотоордынских ханов, хоть поначалу и являлись главными врагами монгольских завоевателей во время их похода на Запад в 1237–1242 годах, что и отразилось в названии ханства. А Узбеков Улус назван именем самого могущественного хана в истории Золотой Орды – Узбека. Тем не менее считаем возможным использовать название «Золотая Орда» как наиболее принятое в историографии, а также как более известное и привычное [Почекаев. СПб, 2010, с. 9].

Глава I

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Китайские и монгольские источники

Кипчаки и канглы, жившие на территории евразийских степей от Алтая до Карпат, в том числе землях современных России и Казахстана, известны в древнерусских летописях как половцы, в европейских и византийских хрониках как команы, в китайских династийных историях как циньча. Так их называли накануне и в эпоху монгольского нашествия, а также во времена Золотой Орды или Улуса Джучи – Монгольской империи в Восточной Европе, Западной Сибири и Центральной Азии. Определенную ценность для изучения истории этих народов представляют китайские источники – официальные династийные истории: «Юань-ши» («История (монгольской) династии Юань»), «Синь Юань-ши» («Новая история Юань»), «Мэнуэр-шицзи» («Исторические записки о монголах»), «Юань-ши и-вэнь чжэн-бу» («Подтверждения и дополнения к «Истории Юань» переводными текстами»), «Си-ю лу» («Описание путешествия на Запад»). К кругу китайской историографии монгольской эпохи относится монгольский памятник XIII века «Юань-чао-би-ши» («Тайная история монголов»), дошедший до нашего времени на китайском языке.

«Юань-ши» – официальная династийная история, составленная по приказу основателя китайской династии Мин императора

Тайцзу (Чжу Юаньчжана), свергнувшего в 1368 году монгольскую династию Юань в Китае. Приказ о написании истории династии Юань был отдан группе из 16 ученых во главе с Сун Лянем (1310–1381 годы жизни) и Ван Вэем (1321–1372 годы жизни) 9 марта 1369 года. Работа по написанию «Юань-ши» велась напряженно и интенсивно. Ученые с коллективом помощников и писцов творили 188 дней. 12 сентября того же года они доложили о ее завершении. Затем еще 14 ученых продолжили создавать «Юань-ши» в течение 143 дней. В итоге за 331 день, т. е. меньше, чем за год, история династии Юань была написана.

Члены комиссии по составлению «Юань-ши» жили во времена павшей династии Юань, служили ей и благодаря этим обстоятельствам хорошо знали эпоху монгольского владычества в Китае. Однако та спешка, которая наблюдалась в процессе написания «Юань-ши», не уберегла ее авторов от ошибок. Слабым их местом была недостаточная осведомленность об истории монголов до Чингис-хана, первых правлениях великих монгольских ханов до Шицзу – Хубилай-хана, относительно представление о походах монголов на Запад, особенно о «Кипчакском» походе 1236–1242 годов на Дешт-и-Кипчак, Русь и Центральную Европу. То же можно сказать и об освещении событий, касающихся Золотой Орды. Иногда жизнеописания некоторых лиц даются дважды, например, Субэдэй-бахадур, а жизнеописания других видных деятелей начала правления династии Чингисидов, таких, как Бату-хан, монгольский полководец Джэбэ-нойон, не говоря уже о ханах-правителях Золотой Орды просто не приводятся.

Скорее всего, это объясняется отсутствием у авторов «Юань-ши» источников, которые были у персидских историков монгольской эпохи Рашид-ад-Дина Фазлаллаха и Джувейни. Не были знакомы авторы «Юань-ши» и с таким первоисточником, как «Юань-чао-би-ши» («Тайная история монголов»), поскольку его тексты в годы правления монгольской династии Юань были доступны очень ограниченному числу высокопоставленных лиц, что отмечается в «Юань-ши»: «Ролословные династии Юань, которые хранились в золотом сундуке (императорского) храни-

лица книг, являлись строго секретными. Лица, не принадлежащие царствующей династии, не имели права знать их» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 107].

Вероятно, после падения власти династии Юань в Китае и изгнания монголов из Ханбалыка – ее столицы на месте современного Пекина родословия были увезены в Монголию. Авторы «Юань-ши» могли в основном располагать теми документами, которые со времен Хубилай-хана, основателя династии Юань, фиксировались на китайском языке и согласно китайской историографической традиции. Причем данные, касающиеся событий в землях к западу от Китая, были очень ограниченными. Поэтому, когда ряд китайских историков пытается представить империю Юань – монгольское государство в Китае (хотя оно включало в себя и другие земли – Монголию, Маньчжурию, Корею, Тибет, часть Восточного Туркестана) как империю от Адриатики до Желтого моря или от Руси и Малой Азии до Дайвьета (Вьетнама), следует констатировать, что такого государства никогда не было. Вместе с тем, при всей ограниченности сведений «Юань-ши», все же ученые, составлявшие эту династийную историю, приводят данные о завоевании монголами Дешт-и-Кипчака, Волжской Булгарии, Руси, походах на Венгрию и Польшу, о Джучиевом Улусе – Золотой Орде.

Основным источником «Юань-ши» явились «Шилу» – «Правдивые записи» о деяниях 13 монгольских императоров. Но в связи с тем, что «Юань-ши» в первоначальном виде не включала историю царствования последнего монгольского императора Юань, которого звали Тогон-Тэмур (китайское храмовое имя Шуньди), авторы продолжали сбор и изучение документов. 3 марта 1370 года комиссия по составлению этой династийной истории снова принялась за работу и закончила ее 23 июля 1370 года. В написании «Юань-ши» принимали участие как китайцы, так и ученые из числа монголов и тюрков, в частности, монгол Тото.

«Юань-ши» включает 270 цзюаней (глав) и состоит из четырех больших частей: 1. «Бэньцзи» («Основная хронология», главы 1–47); 2. «Чжи» («Описания», главы 48–105); 3. «Бяо» («Гене-

алогические таблицы», главы 106–113); 4. «Лечжуань» («Жизнеописание – биографии», главы 114–270).

В первой части – «Бэньцзи» – даны сведения о 13 монгольских императорах, и в зависимости от материалов, имеющих у авторов, по годам, месяцам, а иногда и по числам (в основном о Чингисидах – монгольских правителях Юаньской империи – монгольского государства в Китае) кратко описаны или упомянуты события из жизни монгольских государей и основные политические события, происходившие при них. В родословной Чингисидов, приведенной в «Юань-ши», сказано: «У Тайцзу хуанди (императора Чингис-хана, основоположника династии) было шесть сыновей. Старшего звали Джучи-тайцзи (принц), второго – Чахэтай-тайцзи (Чагатай), третьего – Тайцзун-хуанди (император, Угэдэй-хан), четвертого – Толэй (Толуй) или Жуйцзун, пятого – Улучи, у которого не было потомства, шестого – Колецзянь-тайцзи (Кюлькан, погибший в «Кипчакском» походе Бату-хана при осаде русского города Коломны)». «Джучи-тайцзи наследовали его сыновья Бадудаван (великий князь Бату, Салида (Сартак), Мангэ-Тэмур (Мункэ-Тэмур), Тото, Боху, Юцзибе (Узбек)». В приведенном тексте все перечисленные ханы Золотой Орды ошибочно названы сыновьями Джучи.

В 117 цзюане «Юань-ши» есть лишь краткое упоминание о Джучи, старшем сыне Чингис-хана, с именем которого связывается создание и название Джучиева Улуса, или Золотой Орды, именовавшейся в китайских источниках «Цзинь-чжан-го», и помещен список его потомков, ханов Золотой Орды. Вот этот текст: «Джучи является старшим сыном Тайцзу (Чингис-хана). В самом начале (становления монгольского государства) получил во владение улус на северо-западе (Монгольской империи), что было положено ему как циньвану – великому князю (члену правящей династии Чингисидов). Эти земли были очень удаленными и были от столицы (Ханбалыка на месте современного Пекина. – *Авт.*) на расстоянии нескольких десятков ли. Если прибегнуть к использованию верховых коней почтовых станций ямов, чтобы двигаться быстрее, столицы можно было достигнуть лишь через 200 с лишним дней.

Поэтому о тех землях, их городах, традициях и нравах жителей трудно было получить сведения. После смерти Джучи его наследником стал Бадун (Бату). Наследником Бадун после его смерти стал его младший брат Салида (Сартак). После смерти Салида наследником стал младший брат Мангэ-Тэмур (Мункэ-Тэмур), которому после смерти наследовал младший брат Тото-Мангэ (Тудамункэ или Тудаменгу). После смерти Тото, трон достался его младшему брату Боху (Тото-Боху, Тула-Бука или Токта). После смерти Боху наследником стал его младший брат Юцзибе (Узбек). На 2-м году Чжи-Юань (девиз годов правления Шицзу – всемонгольского великого хана и основателя – первого императора династии Юань Хубилай-хана), т. е. в 1264 году, Юцзибе отправил послов (великому хану) с просьбой выделения ему земель и ежегодного пожалования (предоставить ему в распоряжение доходы с этих земель), чтобы содержать ямы – почтовые станции и войска. Т. к. у столицы (Ханбалыка – ставки великого хана) не было до этого (во владениях Юцзибе) областей, управляемых ею, на 3-й год Чжи-Юань (1265 год) Чжуншу (Госсовет Монгольской империи) направил Шицзу (Хубилай-хану) просьбу об учреждении в землях (Юцзибе) цзун-гуань-фу – административного ведомства (по управлению). (Юцзибе) были пожалованы печать и титул князя 3 ранга. На 1-й год Чжи-Да (1308 год) Юцзибе умер. Его наследником стал сын Чжагунбе (Джанибек)...» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 117, с. 883].

Генеалогия Джучидов – ханов Золотой Орды, приводимая в «Юань-ши», не всеохватывающая, но достаточно полная: 1. Бадун (Бату, Батый древнерусских летописей, умер в 1256 году), 2. Салида (Сартак, умер в 1257 году), 3. Мункэ-Тэмур (Менгу-Тимур), 1267–1280 годы правления), 4. Тото-Мункэ (Тудаменгу, 1280–1287 годы правления), 5. Тото-Боху (Токта, 1291–1312 годы правления), 6. Юцзибе (Узбек, 1313–1341 годы правления). Эта генеалогия, т. е. преемственность друг другу ханов Золотой Орды на престоле, верная в целом, имеет ряд неточностей. Так, все ханы-преемники объявлены младшими братьями хана-предшественника, что отражало идеальные представления монгольской

системы наследования монаршей власти, когда трон должен был передаваться младшему брату.

Но жизнь вносила свои коррективы. Здесь можно видеть незнание китайскими авторами «Юань-ши» реальной истории преемственности ханов Золотой Орды. Не упоминаются, например, в жизнеописании Джучи в «Юань-ши» третий хан Золотой Орды, брат Бату-хана Берке, первый из золотоордынских ханов ставший мусульманином, шестой хан Тула-Бука (Боху), он же Токта, не говоря уже о том, что сын Бату-хана Сартак ошибочно называется его младшим братом. Также в «Юань-ши» Узбек-хан ошибочно назван братом Бату-хана и неправильно названа дата его смерти – 1308 год, что, вероятно, свидетельствует об отсутствии контактов в это время между Золотой Ордой и империей Юань. Схема преемственности ханов Золотой Орды, изложенная в «Юань-ши», в жизнеописании Джучи, интересна, хотя и не вносит никаких революционных изменений в наши представления об этом и об истории Золотой Орды.

В «Юань-ши» нет жизнеописания Баду (Бату, Батыя), второго сына Джучи, первого реального наследника Джучиева Улуса и хана, в обязанность которого вменялось расширение Улуса далеко на запад, «к заходу солнца, куда дойдут копыта монгольских коней», хотя в родословной Чингисидов, помещенной в «Юань-ши», о Бату-хане есть просто упоминание как о наследнике Джучи – «место Джучи-тайцзи – сын Баду-даван (Бату – великий ван или великий князь) наследовал...» [Юань-ши, Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 3].

Все последующие ханы Золотой Орды вплоть до хана Узбека также ошибочно названы в «Юань-ши» сыновьями Джучи. Все контакты Золотой Орды с династией Юань в тексте «Юань-ши» приписаны Юцзибе – Узбеку, начиная с 1264 года, хотя в действительности годы его правления – 1313–1341. В «Юань-ши» приводится только один из таковых контактов, который состоялся в 1339 году. «Юань-ши» ошибочно сообщает, что смерть Узбек-хана была в 1309 году, правильно информирует об имени его преемника на троне Золотой Орды Чжагунбе – Джанибека, правившего в 1342–

1357 годах, но не говорит о кратковременном правлении его брата Тинибек в 1341–1342 годах. Не приводятся также в «Юань-ши» сведения и о ханах Золотой Орды, правивших после хана Джанибека вплоть до ее распада.

Применительно к рассматриваемой нами теме самый значительный материал содержится в части «Лечжуань», где можно найти подробные жизнеописания многочисленных монгольских, тюркских, китайских, тангутских, тибетских, мусульманских (иранских и арабских), кавказских, европейских и других знатных чиновников, военачальников, деятелей культуры, служивших в разное время Чингис-хану и его первым наследникам, активных участников монгольских походов, в том числе в Восточную Европу, в частности, в Дешт-и-Кипчак и на Русь.

В жизнеописаниях мусульманина Исмаила (цзюань 120, с.(1412) 27364), кипчака Тутуха (цзюань 128, с.(1486) 27438), монголов из племени урянхай Субэдэй-бахадур (цзюань 122) и его сына Урянхата (Улянхэтэй), Мангэсара (цзюань 131), тангута Сили Цяньбу, китайцев Гао Мина (цзюань 160), Ян Вэйчжуна, Ши Тянь-линя, помещенных в «Юань-ши», содержатся сведения о походах монголов в Дешт-и-Кипчак и дальше на запад, активными участниками которых и являлись указанные персонажи. В жизнеописании Урянхата отмечается, что он «сопровождал чжувана – великого князя Баду (Бату), когда тот ходил карательным походом на циньча (кипчаков), волосы (русских), аболер (волжских болгар). В год (под циклическим знаком) бин-у, т. е. в 1246 году, был в окружении Баду в походе на болер(болгар). Умиротворили их. В год цзи-ю (1249 год) Динцзун (Гуюк, великий монгольский хан) умер, и Баду со своим окружением хотел дать трон (всемонгольского хана) Сяньцзуну (Мункэ-хану). Долго не мог это осуществить. Через 4 месяца (после смерти Гуюк-хана) хуанхоу – вдовствующая императрица (жена Гуюк-хана) спросила, «кто будет возведен на трон?» Все пришли в замешательство и не знали, что сказать. Урянхатай сказал: «Это дело уже решено (Бату-ханом). Нельзя изменить принятое решение».

А биография кипчака Тутуха предоставляет данные о том, в каком состоянии, как с точки зрения уровня социального разви-

тия, так и хозяйственно-культурного типа, находились тюркские народы Дешт-и-Кипчака накануне монгольского нашествия (XI–XII вв.). В «Юань-ши» упоминаются даты монгольских походов на запад, в Восточную Европу, конкретно на кипчаков Прикаспия и Поволжья, на Русь, и это позволяет предположить, что приказ о западном походе отдавался дважды – в 1234 и 1235 годах сначала Бату-хану, а затем его братьям, будущим великим ханам единой Монгольской империи Мункэ и Гуюку, причем данное предположение подтверждается в жизнеописании Сили Цяньбу.

В цзюане 63 сообщается о снабжении монгольских войск, идущих походом на запад, когда воины Бату-хана получали на двоих столько продовольствия, сколько в других частях давали десятерым [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 8]. Первыми объектами похода монголов на запад были кипчаки, древнерусские княжества и волжско-камские булгары (известные в китайской транскрипции в «Юань-ши» как «вэньэрбола», «аболер», «булиар», «боцзыбали») [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 131]. Булгары упоминаются в «Юань-ши» во второй части «Чжи» – «Описания» в разделе «Дили» – «География» в повествовании о походах монголов на Волжско-Камскую Булгарию. Сообщается о походе на «вэньэрбола» в биографии Мангэ-сара. Волжско-Камская Булгария пала в 1241 году, уже после завоевания монголами Руси.

В «Бэньцзи», в хронике царствования Сяньцзуна (Мункэ-хана) и жизнеописании знаменитого монгольского полководца Субэдэй-бахадур, помещенных в «Юань-ши», подробно рассказывается об участии Мункэ-хана, впоследствии последнего великого хана единой мировой Монгольской империи, в походе против кипчаков Западного Казахстана и Поволжья, а затем русских, пленении правителя кипчаков Бачмана (Бачиманя в китайской транскрипции), мужественно принявшего смерть от монголов [«Юань-ши, Шанхай–Пекин, 1958, цзюань 3].

Уже упоминалось, что «Юань-ши» содержит достаточно неточностей в передаче фактов по истории Золотой Орды. Ошибки и пропуски в «Юань-ши», написанной коллективом авторов менее

чем за девять месяцев, были замечены сразу после ее издания, и первый император китайской династии Мин имел намерение заставить ученых пересмотреть эту династийную историю. Большая работа по устранению неточностей и ошибок «Юань-ши» проводилась в Китае в период правления маньчжурской династии Цин (1644–1911). Одной из главных причин активизации работы историков в данной области являлся повышенный интерес к истории иноземных династий, когда-либо правивших Китаем и другими странами и регионами Евразии.

На рубеже XIX–XX веков за пересмотр «Юань-ши» с целью ее дополнить взялся китайский историк Ту Цзи. Его работа «Мэнзэр-шицзи» («Исторические записки о монголах»), по замыслу автора, должна была заменить «Юань-ши». При жизни автора труд переиздавался несколько раз в 8, 10, 14 томах. Эти издания, составляющие отдельные части труда, были собраны и изданы в 28 томах в 1934 году. Из 160 глав 147 посвящено «Бэньцзи» и «Лечжуань», одна – «Бяо» и одна – «Дили-чжи». Ту Цзи проделал кропотливую работу по изучению и сравнению «Юань-чао-би-ши» («Тайной истории монголов») и научной литературы на европейских языках, в которой цитировались персидские и арабские источники, в частности, труды Д’Оссона и Ховорса. Ту Цзи внес заметные коррективы в «Юань-ши», пересмотрел изложение большинства событий в ней, в том числе относительно западного похода монголов и истории Золотой Орды и дополнил ее.

Весьма ценны для историка произведенные Ту Цзи датировки событий, связанные с походами монголов на запад, в «Лечжуань», отождествление географических терминов Евразии монгольской эпохи с современными географическими пунктами, объяснение монгольских терминов, что важно для изучения истории Джучиева Улуса, включавшего в свой состав Русь, Дешт-и-Кипчак, Крым, Кавказ, Поволжье, Западную Сибирь и Северный Хорезм. Но все же большая часть сведений в «Мэнзэр-шицзи» имеет отношение к истории монгольского государства в Китае. К тому же работа Ту Цзи не была завершена [Ту Цзи, (б. м.), 1934]. Во второй половине XIX века китайские историки обратили вни-

мание на арабо- и персоязычные источники и работы мусульманских авторов по истории монгольских ханов и их завоеваний в Дешт-и-Кипчаке и Средней Азии. Ученый и дипломат Хун Цзюнь, китайский посол в Российской империи, в бытность свою в Петербурге начал переводить персидские и арабские источники монгольской эпохи на китайский с комментариями. Он написал труд из 20 глав – «Юань-ши и-вэнь чжэн-бу» – «Подтверждения и дополнения к «Истории Юань» переводными текстами», опубликованный в 1897 году и значительно дополняющий «Юань-ши», особенно по ранней истории монголов и их первым походам в Дешт-и-Кипчак [Хун Цзюнь, Пекин, 1897].

Пересмотру «Юань-ши» было посвящено сочинение китайского историка Кэ Шаомина (1850–1933) «Синь Юань-ши» («Новая история Юань»). Она была завершена в 1920 году и декретом президента Китайской республики включена в число официальных династийных историй Китая. «Синь Юань-ши» состояла из 257 глав и делилась, как и «Юань-ши», на четыре большие части – «Бэньцзи» (главы 1–26), «Бяо» – (главы 27–53), «Чжи» (главы 34–103) и «Лечжуань» (главы 104–257). Структура этих четырех частей несколько видоизменена по сравнению с «Юань-ши». Например, «Основной хронологии» – «Бэньцзи» предпослано введение, в котором кратко излагается предыстория рода Чингис-хана. В части «Бяо» автор написал новый параграф «Таблица провинциальных правителей по городам». В «Лечжуань» он изменил классификацию биографий и произвел некоторые структурные перестановки, расположив биографии в более или менее хронологическом порядке. Но главное состоит в том, что автор, опираясь на труды своих предшественников, западноевропейские переводы персидских и арабских сочинений, а также и на китайские источники, не использованные составителями «Юань-ши», заново написал значительную часть этой династийной истории. При этом Кэ Шаоминь иногда переписывал целые абзацы из «Юань-ши», но располагал материалы в большей логической последовательности и датировал события.

Автор уточнил «Бэньцзи», сравнив все данные этой части с материалами из «Лечжуань». В отличие от «Юань-ши» здесь

представлена более полная картина важных исторических событий первой половины XIII века, связанных с Джучиевым и Чагатайским (в Средней Азии) улусами. В части «Генеалогические таблицы» – «Бяо» заново составлены генеалогии ханов трех западных монгольских Улусов – ханов Золотой Орды, дома Чагатай и ильханов Хулагуидов – монгольских повелителей Ирана, Азербайджана, Месопотамии. Много дополнительных сведений, имеющих прежде всего отношение к истории Золотой Орды, внесено автором в биографии исторических деятелей, служивших монголам. Заново составлены жизнеописания около 20 человек, в том числе кипчаков и канглы. Некоторые из них являются участниками монгольских походов на запад и связаны с историей Джучиева Улуса. Таким образом, «Синь Юань-ши» является одним из источников и по истории Золотой Орды [Кэ Шаоминь, Шанхай, 1936].

В указанных китайских источниках отражены внешнеполитические связи правителей Золотой Орды с монгольскими повелителями Китая – императорами династии Юань, с которыми до 1260 года они жили в пределах одного государства – мировой Монгольской державы вплоть до ее распада. Хотя сведения эти отрывочны. Так, в частях «Дили-чжи» вышеупомянутых династийных историй говорится, что в состав Улуса Джучи входили страны асов (на Северном Кавказе) и кипчаков (Дешт-и-Кипчак), Хорезм, Русь и Волжско-Камская Булгария. А дипломатические отношения между Юаньской империей и Золотой Ордой сохранялись до середины XIV века, несмотря на географическую отдаленность этих монгольских империй друг от друга и даже вопреки длительным междоусобным войнам, которые велись в течение второй половины XIII века между различными домами Чингисидов.

Следовательно, значение сведений китайских источников также и в том, что они позволяют представить картину взаимоотношений Золотой Орды с внешним миром, даже со столь отдаленным географически, как Китай под властью монголов.

Переводы отдельных частей китайских источников, в частности, «Юань-ши», на другие языки были в свое время разобраны в трудах В. В. Бартольда [Бартольд, М., 1965, т. I] и Б. Я. Владимир-

цова [Владимирцов, Л., 1934]. Из первых переводов «Юань-ши» прежде всего необходимо отметить исследование Н. Я. Бичурина, которое знаменовало собой качественно новый этап в области изучения завоеваний Чингис-хана и его первых наследников, а также истории созданных ими государств, каковым и была Золотая Орда. Н. Я. Бичурин пролил свет на ту часть «Юань-ши», которая специально посвящена истории монгольских походов, в том числе и на запад, в земли Дешт-и-Кипчака. Здесь впервые представлен полный перевод из «Бэньцзи» кратких биографий Чингис-хана (по китайскому храмовому имени Тайцзу, 1206–1227 годы правления), Угэдэй-хана (Тайцзуна, 1229–1241 годы правления), Гуюк-хана (Динцзуна, 1246–1248 годы правления) и Мункэ-хана (Сяньцзуна, 1251–1259 годы правления) [Бичурин, СПб, 1829].

В начале XX века британский ученый Е. Бретшнейдер опубликовал биобиблиографический обзор биографий выходцев из тюркских народов кипчаков и канглы – уроженцев Дешт-и-Кипчака, содержащихся в «Юань-ши», в части «Лечжуань», главной военной силы золотоордынских ханов [Bretschneider, London, 1910, vol. 2] Французский ученый Л. Гамбис в 1945 и 1954 годах опубликовал переводы глав 107 и 108 «Юань-ши» («Генеалогические таблицы монгольских царевичей, потомков Чингис-хана») [Hambis, Leiden, 1945; Hambis, Leiden, 1954, t. 1]. Эти переводы необходимы для работы над «Лечжуань» и «Бэньцзи». Из других переводов назовем работы П. Пельо и Л. Гамбиса [Pelliot, Hambis, Leiden, 1951, t. 1; PelliotP., Paris, 1920, t.15; Он же, BEFEO, 1909, t. 9; Он же, Toung Pao, 1914, Э. Хэниша, [Haenish, Leipzig, 1940], С. К. Козина [Козин, М. – Л., 1941]. Большая работа по переводу материалов китайских династийных историй монгольского периода применительно как к истории тюркских и иранских народов, так и Золотой Орды, проделана турецким синологом Б. Огелем [Ogel, Taipei, 1964].

К подобного типа источникам можно отнести «Си-ю лу» – «Описание путешествия на Запад» проповедника даосизма –китайской традиционной религии Чан Чуня в 1220–1224 годах в ставку Чингис-хана в Среднюю Азию, по землям, ставшим впоследствии частью Джучиева Улуса. В этом китайском источнике есть

сведения о быте, хозяйственной деятельности, обычаях и расселении народов и племен, представленных затем в войсках Золотой Орды – татар, уйгур, найман, киреит, карлук [Ила Чуцай, т. IV, СПб., 1866] «Си-ю лу» было переведено на русский и английский языки П. И. Кафаровым и Е. Бретшнейдером [Bretschneider E., L., 1910, vol. 1].

Вспомогательным источником о Дешт-и-Кипчаке и истории Золотой Орды является памятник монголов «Юань-чао-би-ши» («Тайная история монголов»), известный также под названием «Сокровенное сказание». Его данные в определенной степени дополняют сведения китайских источников. Монгольским источником по истории Золотой Орды могла бы быть Великая Яса – свод законов Чингис-хана, но мы располагаем сведениями о ней из совокупности оригинальных источников разного происхождения, в частности, из «Сокровенного сказания», который является основой идентичности народа-завоевателя – монголов, важнейшим источником для изучения социальной организации, ценностей и культурного мира племен – создателей Золотой Орды. Текст «Сокровенного сказания» включает разнообразные жанры. Во-первых, это история рода Чингис-хана, представителями которого были все ханы-правители Золотой Орды. Этот монгольский источник можно назвать эпосом, функцией которого была трансляция идеалов кочевого общества, к которому относилось правящее сословие Золотой Орды. Оригинальный текст дошел до наших дней не на монгольском языке, использовавшем тогда средневековое уйгурское письмо, а в слоговой транскрипции китайскими иероглифами [Эгль, Улан-Удэ, 2004, с. 498–499].

К числу монгольских источников по истории Золотой Орды могут быть отнесены находки в остатках золотоордынских поселений в Поволжье, на берегах Дона и Днепра. А именно рукописи на бересте на монгольском языке средневековым уйгурским письмом. Монгольский язык на средневековом уйгурском письме продолжал функционировать в канцеляриях Золотой Орды и в конце XIV века. До нашего времени дошли подлинник письма хана Золотой Орды Тохтамыша (1380–1382) польскому королю Ягайле,

ярлыки других золотоордынских ханов: Мункэ-Тэмура за 1267 год, Бердибека за 1357 год и грамоты Тайдулы, датированные 1347, 1350 (?), 1354 годами, ярлыки и грамоты Темир-Кутлука, изданные на берегах Дона и Днепра в 1393 и 1397 годах, а также надпись на золотой пайцзе, относящаяся ко времени правления хана Абдуллы (1362–1369) [Усманов, М., 1990, с. 70; Григорьев, Л., 1978, с. 12; Он же, *Turcologica*, 1986; Султанов М., 1975, с. 234–235].

В Золотой Орде, как и в других государствах, основанных монголами после распада единой мировой Монгольской империи, монгольский язык на средневековом уйгурском письме считался «ханским» и в качестве такового продолжал употребляться вплоть до распада Золотой Орды под влиянием традиции, унаследованной с прежних времен, независимо от реальных условий данной эпохи.

Ханские ярлыки являются де-факто единственным источником права Золотой Орды, отражавшим изменения в социальной и политической сфере. Они существенно корректировали, уточняли и дополняли законодательство, унаследованное от Монгольской империи, и стали основным источником права в Улусе Джучи, оттеснив на второй план Великую Ясу, хотя формально обладали по сравнению с ней меньшей юридической силой. Подобная роль ярлыков позволяет говорить о создании системы права, отличной от права Монгольской империи, уже на раннем этапе существования Улуса Джучи, начиная с его первых ханов. Особенностью ярлыков, в отличие от Великой Ясы, было то, что они действовали только в течение жизни и правления издававшего их хана, поэтому каждый новый правитель, вступая на трон, или подтверждал пожалования своего предшественника, или отменял их.

Таким образом, каждый хан Золотой Орды по восшествии на престол издавал ярлыки, являвшиеся законами для всего населения, а в еще большем количестве – для ордынских сановников, землевладельцев, купцов, духовенства. Не менее многочисленными были ярлыки-акты о назначении на должность, о пожаловании земельного владения и т. п. [Почекаев, М., 2019, с. 327–328; Березин, СПб, 1864, с. 42; Rachewiltz I. de, 1993. vol. 6, p. 91–104].

В последние годы появилось несколько работ о китайских источниках по истории Золотой Орды. В первую очередь это статьи Е. И. Кычанова [Кычанов, Казань, 2002, с. 30–42] и Чхао – Чхучанга [Чхао Чху-чанг, Казань, 2002, с. 188–192], где анализируется «Юань-ши» как источник по истории Золотой Орды и данные этой династийной истории о внешнеполитических связях правителей Сарая с далеким Китаем под владычеством монголов. В целом китайским источникам по истории народов Дешт-и-Кипчака – кипчаков и канглы, впоследствии ставших ядром этногенеза ногайского, казахского, каракалпакского, башкирского, карачаевского, балкарского, кумыкского, татарских народов, уделялось достаточное внимание, чего не скажешь о Золотой Орде, по истории которой их сведения изучены недостаточно. Не считая вышедших в последние годы статей Е. И. Кычанова и Чхао-Чхучанга, эта тема практически не отражена в отечественной, западной и китайской историографии.

«Жизни в пути»: путешественники Запада и Востока О Золотой Орде

В середине XIII века берет начало цепь длительных и опасных путешествий в Восточную Европу и Центральную Азию. Пальма первенства среди европейцев принадлежит Карпини и Рубруку, достигшим пределов великой Монгольской империи, созданной Чингис-ханом и его первыми наследниками.

Первую западноевропейскую миссию возглавил видный деятель римской католической церкви, монах ордена миноритов Святого Франциска, искушенный проповедник и дипломат, занимавший высокие должности в Испании, Германии и Ватикане, итальянец родом из маленького городка близ Перуджи – Джованни дель Пьяно Карпине, вошедший в историю под латинизированным именем Плано Карпини. В состав миссии входили еще два монаха – Бенедикт из Польши и Стефан из Богемии. Глава второго посольства – Гильом де Рубрук также был францисканским

монахом-миноритом, весьма близким к семье короля Франции, энергичным, умным и широко образованным человеком. Выходец из французской части Фландрии – фламандец, он вошел в историю под фамилией Рубрук из местечка близ Касселя.

Посланные ко двору великих монгольских ханов римским папой и французским королем миссии Карпини и Рубрука, на которые возлагались, кроме дипломатических и религиозных поручений, специальные поручения по разведке, проникают через земли Улуса Джучи в самое сердце Азии. Время их путешествия приходится на один из наиболее сложных периодов истории – эпоху монгольского владычества. Западноевропейские путешественники посетили эти земли, входившие в Джучиев Улус, спустя всего несколько десятилетий после того, как по ним прошел смерч монгольского нашествия. Некогда цветущие селения лежали в руинах, что ярко показано в записях обоих путешественников. В районе реки Сыр-Дарья Карпини и его спутники нашли бесчисленные разрушенные города и крепости и много опустошенных селений. Сохранились его свидетельства о массовом истреблении монгольскими завоевателями кочевых тюркских племен кангитов (канглы), команов (кипчаков): «Мы выехали в землю кангитов... В этой земле, а также в Комании (стране кипчаков) мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу... Эти люди, как команы, так и кангиты, не обрабатывали землю, а питались только скотом, они не строили также домов, а помещались в шатрах. Их также истребили татары (монголы) и живут в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабство...» [Путешествия..., А., 1993, с. 64]. Такова была участь той части населения Дешт-и-Кипчака, которая вступила в борьбу с монгольскими войсками Чингис-хана и его первых наследников.

Тяжелые последствия установления монгольского владычества сказались и на Семиречье, часть территории которого вошла в Джучиев Улус, хотя эти земли были захвачены завоевателями почти без боя. Население региона, разоренное непрерывными войнами еще до нашествия Чингис-хана, не смогло оказать сопротив-

ления монголам. Хотя непосредственного уничтожения городов Семиречья во время монгольского нашествия не предпринималось, происходил значительный упадок городской и оседло-земледельческой культуры и превращение освоенных под пашни земель в пастбища монгольских кочевников уже в первые десятилетия утверждения их владычества в крае.

Рубрук, проезжавший эти места через семь-восемь лет после Карпини и лишь немногим более трех десятков лет спустя после монгольского нашествия, в 1253–1255 годах, одним из первых оставил свидетельство о разрушении земледельческой культуры, об исчезновении городов Семиречья, в частности Илийской долины. Вот что он писал: «Мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое озеро. Летом мы возвращались с северного бока этого моря (т. е. озера Балхаш. – *Авт.*), где равным образом были горы. На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городов, но по большей части они были разрушены татарами (монголами), чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища». Некогда цветущий, густонаселенный регион, к этому времени ставший частью Джучиева Улуса, с развитой городской культурой и оседло-земледельческим хозяйством, быстро терял свое бывшее экономическое, политическое и культурное значение.

Но Рубрук все же застал остатки былого величия городской культуры у восточных границ Джучиева Улуса. Он оставил описание городов Каялыка и Ики-Огуза в долине реки Или. По словам Рубрука, проехавшего через Каялык осенью 1253 года, это был большой город, где «был базар» и который «посещали многие купцы». Кроме местного тюркского населения в Каялыке жили выходцы из Персии, ныне известной как Иран, и других стран, здесь имелись мечети и христианская церковь. Об Ики-Огузе или Эквиусе Рубрук писал как о «хорошем городе, расположенном в плодородной долине», где обосновались персидские купцы. Упо-

мянул он и оросительную систему, сохранившуюся в Семиречье до середины XIII века: «На седьмой день к югу стали видны очень высокие горы и мы въехали на равнину, которая орошалась как сад, и нашли возделанные земли... И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею...» [Путешествия..., М., 1957, с. 125].

Карпини и Рубруком, а также другими путешественниками, такими как армянский царь Хетум I со свитой, который следовал по приказу великого монгольского хана в 1253 году в его ставку в Каракорум, и итальянский купец Франческо Пеголотти (1340 год), в качестве торговых центров названы еще на территории Улуса Джучи города Сарайчик (Сарайчук), Отрар, Алмалык. Хетум I возглавлял армянское посольство в составе деятелей армяно-грегорианской христианской церкви: епископа Тэр-Степаноса, вардапета Мхитара, священников Барсега – посла Армении при Бату – хане Золотой Орды и Тороса, Карапета – придворного иерея и ученого, а также множества князей. Сначала они направились через Дербент к Бату-хану и его сыну Сартаку. «Там ему (Хетуму I) был оказан большой почет и гостеприимство. Потом его послали на тот берег Каспийского моря к Мангу-хану (Мункэ – великому монгольскому хану). Переправившись через реку Ертич (Иртыш), они вступили в страну наймана, потом поехали в Кара-кытай и достигли Татаристана (Монголии), были представлены Мангу-хану (Мункэ-хану. – *Авт.*)... (Хетум I) был почтен им... пробыл в Орде 50 дней...» [Гандзакеци, М., 1976, с. 212].

Ценность записей Карпини и Рубрука обусловлена тем, что они принадлежат к числу впечатлений очевидцев о жизни в тех краях в то время. Подобных свидетельств сохранилось не так много. В частности, в них приводятся названия земель и народов, обитавших на землях Джучиева Улуса и выше уже упоминавшихся – кангиты (канглы), команы (кипчаки). Эти племена впоследствии участвовали в этногенезе современных тюркских народов, в том числе ногайцев, казахов, башкир, татар, кумыков, карачаевцев, балкарцев, узбеков, туркмен.

Описания Карпини и Рубрука содержат массу подробностей о нравах, жизни, быте, духовной культуре, общественном устройстве народов Джучиева Улуса, касается ли это роли женщины в кочевом обществе или распространения христианства несторианского толка и других религий среди монгольских и тюркских кочевников. По данным Карпини и Рубрука, основой хозяйственной деятельности большинства населения центральноазиатских степей было экстенсивное скотоводство: «Они, найманы... не занимались земледелием... Они (кипчаки) очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми. Выючного скота у них огромное количество, какого, по нашему мнению, нет ни у кого в мире».

Важную роль в кочевом хозяйстве играла лошадь. Не случайно при погребальном обряде у кочевников Джучиева Улуса в могилу воина клали коня, о чем рассказывает Рубрук: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают статую... Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира». Для прокормления требовались огромные пастбища, и кочевки осуществлялись по определенным, веками установившимся маршрутам. «Всякий знает, – писал Рубрук, – где он должен пасти свои стада летом, весной и осенью». Но кочевники Дешт-и-Кипчака не были только «чистыми кочевниками», значительная их часть вела полукочевой образ жизни. Часть из них, кто не имел возможности кочевать из-за нехватки скота, занималась земледелием, сеяла в основном просо, о чем сообщают наши путешественники. Кроме проса возделывали пшеницу, ячмень. Хлеб получали также в обмен на продукты скотоводства от земледельцев Средней Азии. Как рассказывает Рубрук, «...бедные люди добывали себе хлеб... в обмен на баранов и кожи...».

В Семиречье, в частности в Таласской долине, на базе искусственного орошения местные жители занимались виноградарством. «Я видел там лозы и дважды пил вино», – писал по этому поводу Рубрук [Путешествия..., М., 1957, с. 126].

Следует отметить вклад Карпини и Рубрука в географию. Они обогатили науку важными географическими открытиями. Из запи-

сей Карпини западноевропейцы впервые узнали реки Восточной Европы и Восточного Дешт-и-Кипчака под их настоящими названиями – Непер (Днепр), Дон, Волга, Яик (Урал). Но, к сожалению, Карпини спутал Черное море с Каспийским.

Гораздо более компетентны наблюдения и географические обобщения Рубрука. Из отчета Рубрука очевидно, что он следовал по территории Джучиева Улуса севернее Аральского моря и Сыр-Дарьи. После долгого пути через обширные территории, подвластные Улусу Джучи, он достиг гор Каратау и, перевалив их, попал в долину реки Чу. Затем путь шел через горы Заилийского Алатау в долину реки Или, «текущей к большому озеру», т. е. к Балхашу, и вдоль северного подножья Джунгарского Алатау к озеру Алаколь. Оттуда через Джунгарские ворота проник в долину Черного Иртыша.

Рубрук первым подтвердил предположение античных авторов о Каспийском море как замкнутом бассейне, описал устье Дона и Волги, впервые упомянул Тибет и указал основные черты рельефа Центральной Азии, сделав этот вывод из наблюдений над направлением течения рек Таласа, Чу, Черного Иртыша. Уникальны сведения Рубрука о столице Монгольской империи – Каракоруме в пору его расцвета, о европейской общине при дворе монгольских ханов, чьи «золотых дел мастера» из числа пленных ремесленников своими диковинами поражали воображение степных владык. Он был единственным европейцем, прожившим в Каракоруме достаточно долго и описавшим его. Достоверность его описания подтверждена раскопками руин Каракорума, произведенными во второй половине XX века советскими и монгольскими археологами.

В сочинениях Карпини и Рубрука содержатся ценные сведения по различным вопросам исторической географии Улуса Джучи, или Золотой Орды. Оба путешественника пересекли территорию этого государства с запада на восток и обратно в самом начальном периоде существования Золотой Орды, при правлении ее основателя Бату-хана. Сообщаемые ими данные можно разделить на две части: первую составляет описание дороги с приводимыми при этом конкретными сведениями обо всем, что встреча-

лось на пути, вторая содержит материалы, касающиеся государства в целом, его устройства и географии, почерпнутые из различных источников во время поездки.

Оба путешественника посетили Золотую Орду с промежутком всего лишь в восемь лет, однако сравнение их наблюдений дает материал о тех изменениях, которые произошли на подвластных ей землях за это время. В первую очередь это относится к начальному периоду возникновения городов в степных районах. Если Карпини не встретил здесь ни одного стационарного поселения, то Рубрук уже сообщает о нескольких городских поселениях и недавно основанной столице государства – Сарае в низовьях Волги.

Немаловажную черту отчетов Карпини и Рубрука составляет надежность приводимых ими сведений географического и административно-политического характера. Карпини и Рубруку принадлежат наиболее ранние сведения, суммарно очерчивающие территорию Золотой Орды. Данные Карпини о землях, подконтрольных Золотой Орде, довольно отрывочны и не позволяют создать целостной картины территории государства. Он приводит общий список народов, покоренных монголами на обширных пространствах Евразии. Из конкретных исторических регионов, подвластных золотоордынским ханам, Карпини упоминает лишь «страну команов» от Днепра до Урала. Сведения же, относящиеся к восточному Дешт-и-Кипчаку, не позволяют определить, где кончаются земли, подвластные Бату-хану, хотя путешественник называет районы кочевков-владений братьев Бату – Орду-Эджэна и Шейбана, также находившихся в подчинении Улуса Джучи. В целом данные Карпини могут служить хорошей иллюстрацией того административно-политического единства империи монголов, которое она представляла в самом начальном периоде своего существования. Различные части империи, в том числе и Улус Джучи, в это время еще находились в стадии формирования собственных внутригосударственных структур и во многих вопросах политического и экономического характера подчинялись великому монгольскому хану в Каракоруме [Егоров, М., 1985, с. 27–40; Гекеньян, Казань, 2002, с. 82–110].

Среди путешественников, которым принадлежит честь первыми познакомить средневековую Европу с монгольским миром, в том числе с Джучиевым Улусом, находился Бенедикт Поляк, спутник Плано Карпини. Бенедикт разделил все тяготы миссии Карпини и повсюду сопровождал его. Хотя Бенедикт не оставил записок о своем путешествии в степи Евразии, его короткий рассказ об этом зафиксирован неким Симоном де Квентином, участником более поздней миссии. О заслугах Бенедикта лучше всего сказал сам Плано Карпини: «... всему тому, что мы пишем вам... вы должны верить... мы... сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними с лишком год и четыре месяца, или пробыв в их среде... Ведь мы имели поручение от верховного первосвященника, чтобы обследовать все в совокупности и тщательно осмотреть каждую подробность. Это и выполнено со всем тщанием как нами, так и принадлежащим к тому же ордену братом Бенедиктом, который был участником наших бедствий и толмачом...» [Путешествия..., М., 1957, с. 77].

Из описаний Рубрука можно понять, что подвластные Золотой Орде территории включали большую часть нынешнего Казахстана вплоть до его южного региона, и Рубрук покинул их, лишь находясь в шести днях пути восточнее города Таласа, или Тараза, где начинались владения самого великого хана монголов Мункэ [Путешествия..., М., 1957, с. 91].

Карпини и Рубрук имели разный статус при поездке к монгольскому хану. Первый был официально наделен полномочиями посла, а второй выдавал себя за проповедника католического христианства. Но со своей главной задачей – сбором информации о монголах и их намерениях – оба путешественника справились прекрасно. И если Карпини привез устрашающее известие о намерении монголов совершить новое нашествие на Европу, то Рубрук несколько успокоил западноевропейцев сообщением о подготовке монгольского похода против мусульманских стран. Попытка установить с монгольскими властями подобие равноправных межгосударственных отношений потерпела неудачу, поскольку монголы не стремились к этому, а требовали от западноевропейских прави-

телей полного подчинения и в случае неповиновения грозили всяческими карами.

И, тем не менее, обе миссии способствовали наведению в средние века «мостов» между народами и цивилизациями Восточной Европы и Центральной Азии, огромные территории которых являлись частью Джучиева Улуса с одной стороны и Западной Европы – с другой. Так происходил взаимный обмен информацией – непрерывное условие развития общества.

Вслед за монахами-дипломатами на караванные дороги Востока устремляются итальянские купцы – люди острого ума, дерзкие и волевые. Несколько десятков лет длились трансзиатские путешествия венецианских торговцев из семьи Поло. Один из них, умный и благородный гражданин Венеции Марко Поло, поведал в своей «Книге» об увиденном и услышанном за годы странствий, значительная часть которых пришлась на территорию Джучиева Улуса – плато Устюрт, северные отроги Тянь-Шаня, закаспийские и приаральские степи, долину реки Или, озеро Алаколь. Эти маршруты в основном совпадали с теми или иными участками южного или северного ответвлений Великого Шелкового пути, пересекавших земли Джучиева Улуса. «Книга» Марко Поло превращает читателей в участников путешествий семьи Поло, посвящает в события, происходившие в разных странах, в том числе и в Центральной Азии.

Марко Поло верно сказал о причинах, способствовавших монгольскому завоеванию Дешт-и-Кипчака – страны кипчаков, раскинувшейся от Иртыша до Дуная: «... не были они дружны между собою и не составляли единого царства, а потому команы (кипчаки) потеряли свои земли и были разогнаны по свету, а те, что остались, были в рабстве». Он также сообщает о междоусобных войнах на землях Джучиева Улуса после распада империи Чингисхана на отдельные государства, что имело трагические последствия для ее народов: «...много людей погибло и много вдов осталось, много детей стало сиротами и много женщин навсегда остались в слезах...» [Книга Марко Поло, М., 1957, с. 41–49; Гольман, М., 1988, с. 14–33].

Исследователями единодушно отмечается объективность и точность наблюдений Марко Поло, научный характер его труда, дается высокая оценка его литературных достоинств, подчеркивается большое историко-культурное значение.

Следующими за Карпини путешественниками из Западной Европы, побывавшими в степях Дешт-и-Кипчака, подвластных Золотой Орде, были монахи ордена Святого Франциска Андре Лонжюмо и семь его спутников, направленные в 1249 году ко двору великого монгольского хана французским королем. Через Акру, Антиохию, Мосул, Тебриз, а затем вдоль южного берега Каспийского моря через золотоордынские владения в Северном Хорезме, пройдя Семиречье и Джунгарию, они прибыли в ставку вдовы умершего великого хана Гуюка – регентше при малолетнем наследнике монгольского трона. Хотя отчет об этом путешествии не сохранился, но некоторые материалы данного посольства могут служить хорошим дополнением к сведениям о восточной части Джучиева Улуса, собранным Карпини и Рубруком, и требуют дальнейшего изучения.

Хотя путешествие видного деятеля римской католической церкви, уроженца южной Италии Джованни Монтекорвино в Китай в 1291–1294 годы было осуществлено морем, тем не менее он доказывал преимущество пути через земли Джучиева Улуса по сравнению с морским путем вокруг Индии. Монтекорвино отмечал: «А что до дороги, то сообщаю, что путь через земли императора северных татар (т. е. Золотой Орды) самый короткий и безопасный, так что с послами его можно пройти за пять-шесть месяцев, а то и того менее. Все другие пути гораздо длиннее и опаснее и на них два морских перехода... и может случиться, что и за два года его не сделаешь». Следует отметить, что большинство купцов и миссионеров с Запада шли в XIII–XIV веках в Центральную Азию и Китай именно этим путем, издревле известным как Великий Шелковый путь и игравшим важную роль в жизни древней и средневековой Евразии, о чем свидетельствует и Монтекорвино.

Преемником Монтекорвино на поприще миссионерства в Китае стал его соотечественник Джованни Мариньоли, проис-

ходивший из знатной итальянской семьи из Флоренции. До своего назначения послом и представителем римского папы при дворе монгольских владык Китая Мариньоли преподавал в Болонье. История его путешествия в Китай через владения Джучиева Улуса известна из его записей, дошедших до наших дней. Путешествие через степи Евразии Мариньоли и его свита начали в июне 1339 года, высадившись во владениях Золотой Орды в крымском порту Кафа (ныне Феодосия). Затем по суше, минуя Тану (в районе современного Азова), миссия Мариньоли посетила столицу Золотой Орды – Новый Сарай в период ее расцвета и была принята ее знаменитым правителем Узбек-ханом. Ему Мариньоли вручил послание римского папы с призывом установить дипломатические отношения между золотоордынским двором и Ватиканом. Среди даров, преподнесенных Мариньоли Узбек-хану, была прекрасная скаковая лошадь.

После того, как Мариньоли и его свита пробыли зиму 1340 года в Новом Сарае, в начале весны они двинулись на восток, вглубь Азии, сопровождаемые золотоордынской охраной до Алмалыка. Их путь пролегал через реку Урал севернее современного города Атырау (Гурьева) в ее устье, город Ургенч в Хорезме, Отрар. Они, вероятно, прибыли в Алмалык уже осенью и узнали о гибели здесь семи францисканцев, вырезанных мусульманами. Мариньоли и его спутники оставались в Алмалыке до 1341 года, восстанавливая разрушенную церковь.

В Восточном Туркестане они задержались в Комуле, где Мариньоли проповедовал католицизм среди местного, преимущественно буддийского, населения. И лишь в августе 1342 года миссия достигла Ханбалыка (на месте современного Пекина), – столицы монгольского государства в Китае – Юаньской империи [Rachewiltz, Stanford, 1974, p. 50–60, 160]. Зная вкусы монгольских владык и их старинное почтение к лошади, западноевропейцы привезли Тогон-Тэмуру, великому монгольскому хану и императору Китая очень удачный подарок – великолепного вороного скакуна с белыми задними бабками, который вызвал фурор [Дубровская, М., 2011, с. 420–429].

Венчает пребывание западноевропейцев в Золотой Орде Иоганн Шильтбергер, немецкий солдат из Баварии, пробывший в плену у мусульман с 1396 по 1427 годы. За время 30-летнего плена И. Шильтбергер вместе со своими хозяевами побывал во многих странах Востока, в том числе и в Золотой Орде, которая переживала тогда смутное время междоусобиц, свидетелем которых и стал наш герой. Он сообщает о претенденте на ордынский престол, которым был Койричак, в произношении Шильтбергера – «Чакра, королевский сын из Великой Татарии (Золотой Орды. – *Авт.*)» – потомок Урус-хана из рода Чингис-хана, правителя Кок-Орды, восточной части Джучиева Улуса. «Этому принцу (Койричаку. – *Авт.*) было предложено возвратиться на родину, чтобы занять там престол... он отправился туда в сопровождении 600 всадников, в числе которых находился и я (И. Шильтбергер. – *Авт.*) с четырьмя товарищами...» И. Шильтбергер описывает свое пребывание в ордынских владениях: «...прошли мы через область,... называемому по-татарски Темир-Капи, что по-нашему означает Железные Ворота (город Дербент. – *Авт.*). Они отделяют Персию от Татарии. Затем мы прошли через город Оригенс, который весьма обширен и лежит посреди реки Эдил (Волги. – *Авт.*). Далее – через гористую страну Джулад (Татартун, Верхний Джулат в центральной части Северного Кавказа. – *Авт.*), населенную большим числом христиан...»

Немецкий путешественник обращает внимание на особенности образа жизни кочевых народов Джучиева Улуса: «Татарские владетели имеют также привычку кочевать зимой и летом с женами, детьми и своими стадами. Там, где останавливается король (хан. – *Авт.*), должны быть построены 100 тысяч юрт... В этой стране сеют только просо и хлеба вовсе не едят. Все это я видел своими глазами, когда находился при упомянутом выше королевском сыне Чакре (Койричаке. – *Авт.*)... Был я в Золотой Татарии (Золотой Орде. – *Авт.*) ... Вообще они не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется молоком лошадиным и верблюжьим. Они питаются мясом этих животных. Нужно заметить, что в этой стране король и вельможи кочуют..., перевозят

с собой все свое прочее добро и странствуя по этой совершенно ровной стране от одного пастбища к другому...» Описывает он и обряд коронации золотоордынского хана при восхождении его на трон, сохранявшийся у их потомков – казахских ханов до XIX века: «... при избрании короля они сажают его на белый войлок и три раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам...»

Не остались без внимания немца ратные доблести ордынцев: «Нет между язычниками (мусульманами. – *Авт.*) народа столь храброго, как обитатели Золотой Татарии, который мог бы переносить столько лишений в походах и путешествиях, как они...» Причем у степных народов Джучиева Улуса даже женщины обладали военными навыками и были свободнее, чем у оседлых народов: «В бытность мою у Чакры (Койричака. – *Авт.*) перед ним и Едигеем (первом вельможе в Улусе Джучи. – *Авт.*) предстала одна татарская дама, по имени Сандур-мелик, со свитой, состоящей из 4 тысяч девиц... Необходимо знать, что эта дама, равно как и провожавшие ее женщины, ездила верхом и упражнялась в стрельбе из лука не хуже мужчины и что она, готовясь к битве, привязывала к каждой стороне (лошади или седла) по мечу и луку. Когда двоюродный брат короля (хана. – *Авт.*), убившего ее мужа, будучи взятым в плен в сражении с Чакрой, был отведен к ней, она приказала ему стать на колени, обнажила меч и одним ударом отсекла ему голову, говоря: «Теперь я отомстила!» Это случилось в моем присутствии, и я говорю здесь об этом как очевидец...»

Дается также описание стран, подвластных Золотой Орде: «К числу этих стран принадлежит, во-первых, Хорезм с главным городом Ургендз (Ургенч. – *Авт.*)... затем страна Бештамак, весьма гористая, с главным городом Джулад (Пятигорье на Северном Кавказе. – *Авт.*). там же и большой город Астрахань в хорошей стране, и город (Новый. – *Авт.*) Сарай – резиденция татарского короля. Есть еще город Болгар, богатый разного рода зверями. А также города Сибир и Азак, называемый христианами Тана. Он лежит на берегу Дона, изобилующего рыбой, которую вывозят на больших

судах и галерах в Венецию, Геную и острова (греческого. – *Авт.*) Архипелага. Далее страна, называемая Кипчак, со столицей Солкат (в Крыму. – *Авт.*). В этой стране собирают разного рода хлеба. Есть (в этой стране) город Каффа (совр. Феодосия. – *Авт.*), на берегу Черного моря, окруженный двумя стенами...», – повествует Иоганн Шильтбергер [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 33–35, 43–46].

В 1333 году выходец из Марокко, представитель исламского мира и арабской цивилизации, великий путешественник всех времен и народов, побывавший чуть ли не во всех странах Востока, бербер Ибн-Баттута посетил столицу Золотой Орды Новый Сарай и летнюю резиденцию золотоордынских ханов – или летнюю столицу – Сарайчук (Сарайчик). Он побывал также в городе Булгаре у волжских булгар, где пробыл три дня, в Крыму – в городах Кафе, Керчи, Старый Крым (т. е. Крым-Солгат), затем в Азове и Маджаре – городе в центральной части Северного Кавказа, Бешдаге (Пятигорье), где уже тогда было место летнего отдыха правителей Джучиева Улуса.

Подробно повествует марокканец «о великом султани Мухаммеде Узбеке» – повелителе Золотой Орды, его женах и семье, порядках при золотоордынском дворе, образе жизни народов, подвластных Джучиевому Улусу. Приводит много этнографических данных по этому поводу. О Новом Сарае Ибн-Баттута говорит как об одном «из красивейших городов, ... чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... В нем 13 мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем (живут) разные народы, как-то: Монголы – это (настоящие) жители страны и владыки (ее); некоторые из них мусульмане; Асы, которые мусульмане; Кипчаки, Черкесы; Русские и Византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их...» [Ibn-Battuta, L., 1929, с. 39].

По свидетельству Ибн-Баттуты, Сарай являлся крупным центром мировой торговли: «Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в (особом) участке, где стена окружает имущество купцов...» В Сарае Ибн-Баттута удостоился чести получить аудиенцию у хана Золотой Орды Узбека: «Он почтил и меня – да воздаст Аллах ему добром! – и прислал мне тюркского невольника. Я был личным свидетелем (одной) его благодати. Хотел я из Сарая поехать в Хорезм (Хорезм. – *Авт.*), но он удерживал меня от этого и сказал мне: «Останься еще несколько дней, а потом поезжай!» Но путь в Хорезм лежал через Сарайчук. В Сарайчуке Ибн-Баттута описал большой pontонный мост через Урал и жилище уважаемого дервиша: «Из Сарая мы ехали 10 дней и прибыли в город Сарайджук (т. е. Сарайчик). Джук... значит «маленький», так что Сарайджук значит Сарай Малый. Он лежит на берегу большой и быстрой реки, которая называется Улусу (Урал. – *Авт.*) ..., что значит «великая река». На ней мост из судов, как мост Багдадский. У этого города кончилась наша езда на лошадях, везущих арбы. Мы продали их... Для возки арбы мы наняли верблюдов. В этом городе келья благочестивого пожилого человека из тюрков; имя ему Ата..., что значит «родитель». Он угостил нас в ней и помолился за нас. Угостил нас также кади (мусульманский судья. – *Авт.*) его (города), но я не знаю имени его» [Ibn-Battuta, L., 1929, с. 40].

Пять лет спустя через эти места следовал в Хорезм очередной католический миссионер. Покинув Сарайчук, Ибн-Баттута провел в пути по землям Джучиева Улуса «40 дней», направляясь из столицы Золотой Орды в Ургенч, тогда главный город Хорезма, форпост Джучидов в Средней Азии. Ургенч поразил его богатством природы и оживленной торговлей. По словам Ибн-Баттуты, «это самый большой, значительный, красивый и величавый город тюрков с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами. В городе кипит жизнь и из-за столь большого числа жителей он кажется волнуемым морем».

Похвалы путешественника, побывавшего во многих странах, удостоились жители Хорезма: «Во всем мире мне еще не доводи-

лось встречать людей более благонравных, чем хорезмийцы, более благородных, более гостеприимных по отношению к чужестранцам» [Ibn-Battuta, L., 1929, с. 42]. А плодам хорезмской земли, например, «удивительным дыням» он посвятил специальный рассказ в своих записях: «Как на востоке, так и на западе (мусульманского) мира нет дынь, подобных хорезмским, за исключением бухарской, за которой следует исфаханская дыня. Кожа ее зеленая, мякоть красная, очень сладкая и при этом очень твердая. Удивительно, что ее разрезают на куски, сушат на солнце и кладут в корзины ... и везут из Хорезма в дальние города Индии и Китая. Среди всех сушеных фруктов нет лучше ее».

Ибн-Баттута посетил соборную мечеть и совершил хутбу – пятничную молитву, получил аудиенции у главы города эмира Кудлутумура, родственника хана Золотой Орды Узбека, и хорезмского кади – предводителя мусульман Абу Хафса Умара, с которыми отобедал. При этом отмечал роскошь и богатство приемов, изобилие и изысканность поданных блюд. Интересно его описание мусульманского судопроизводства в Хорезме, решения которого, по мнению Ибн-Баттуты, «точные, справедливы, потому что их (мусульманских судей. – *Авт.*) не заподозрят в пристрастии и они не берут взятку» [Ibn-Battuta, L., 1929, с. 43; Ибрагимов. М., 1988, с. 77–78].

В заключение хотелось бы сказать о великой мере трудов и нравственной силе путешественников Запада и Востока, открывших мир, называемый золотоордынской цивилизацией, которым, как людям Средневековья, было свойственно ощущение «жизни в пути», поскольку пребывание в бренном мире представлялось постепенным приближением и восхождением к Богу, Всевышнему, Творцу. Путешествия были богоугодным делом и на Западе, и на Востоке, и у христиан, и у мусульман. «Все странствующие, без разбору, принимаются, точно Христос, ибо сказал он: «Я был странником, и вы приняли меня...» [Даркевич, М., 1976, с. 75]. С именем Пророка Мухаммада ассоциируется изречение: «За знаниями не ленитесь идти даже в Китай».

Путешественников Запада и Востока, побывавших в Золотой Орде и оставивших свои столь яркие следы в летописи челове-

ских свершений, влекли противоречивые побуждения – от жажды наживы и долга службы до нарождающегося духа исследования. И, тем не менее, с дистанции более семи столетий ясно видно: Плано Карпини и Бенедикт Поляк, Гильом де Рубрук, Марко Поло, Андре Лонжюмо, Джованни Монтекорвино, Джованни Мариньоли, Иоганн Шильтбергер, Ибн-Баттута открывали «земли незнакомые», осуществляли связи между народами и культурами, способствуя преемственности человеческих знаний. От них тянутся нити к Колумбу и Магеллану, которые олицетворяют уже новую эпоху Великих географических открытий.

Золотая Орда и тюрко-монгольские степные народы в концепциях ранних евразийцев

Концепция евразийства возникла между двумя мировыми войнами в среде российской эмиграции на Западе, после Октябрьской революции 1917 года. Первыми объектами внимания евразийцев были почти совершившийся в 1918–1919 годах распад Российской империи, а затем воссоздание этого государства под новым названием Союз Советских Социалистических Республик. Однако, по мнению евразийцев, воссоздание было проведено большевиками на основе их ложной коммунистической идеологии, а потому будет недолговечным. Исходя из данной посылки, они ставили перед собой задачу осознать и обосновать историческое единство огромных пространств, получивших тогда название СССР. Им казалось важным подчеркнуть основную идею защищаемого ими исторического единства – органического соединения Востока и Запада, Азии и Европы – «Евразии». Для евразийцев терминологическое определение «Евразия» было началом разносторонних (исторических, географических, этнографических, культурных, экономических) исследований евразийского единства [Вилента, М., 1988, с. 27–40]. В годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны в России и на территориях стран и народов, ранее входивших в состав Российской империи, евразийцы обнаружили слабость старых россий-

ских традиций, хрупкость казавшихся вековыми устоев. Идеолог российского евразийства Н. С. Трубецкой писал: «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли «русской культурой». Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это свершилось, и многие задумывались над причинами этого явления» [Трубецкой, София, 1920, с. 4].

Поэтому евразийцы выдвинули как основополагающую идею концепцию «России – Евразии», объясняя историческую миссию России быть Евразией – целостным единением многих народов, но в первую очередь славянских и тюркских, населяющих ее «степи и леса». Выразитель евразийских идей П. Н. Савицкий указывал на резкое отличие истории России от истории стран Западной Европы и призывал освободиться от европоцентризма в сознании и противопоставить культуре стран Запада культуру народов России. Евразия, по мысли П. Н. Савицкого, как самодостаточный культурно-исторический мир объединяет славянские, тюркские, кавказские, финно-угорские, монгольские, иранские и другие народы. Евразия является областью равноправия и братства народов, не имеющих аналога в межнациональных соотношениях колониальных империй Запада. А евразийскую культуру можно представить себе в виде культуры, являющейся в той или иной степени общим созданием и общим достоянием народов Евразии.

Таким образом, именно П. Н. Савицкому принадлежит авторство в применении термина «Евразия» и его обоснование [Савицкий, София, 1921, вып.1, с. 127, 135]. Самой постановке вопроса «Россия – Евразия», объяснению предназначения России быть Евразией принадлежит важное место в исторических теориях евразийцев, основателей концепции евразийства.

«Становым хребтом истории Евразии» названа евразийцами в их коллективном труде «Евразийство» степная зона, тянущаяся от устьев Дуная до Тихого океана и населенная преимущественно тюркскими и, отчасти, монгольскими народами [Савицкий, М., 1993, с. 100–101].

Евразийцы настаивали на особом значении Евразии, указывая на ее пространственные масштабы и географическую природу.

В связи с этим они обосновывали ключевое влияние географических и социальных факторов на образование централизованного Российского государства. Учитывая то, что Русь располагалась в основном в лесной зоне и ей постоянно приходилось иметь дело с тюркскими народами степи, евразийцы положили в основу деления на периоды истории России «соотношение между лесом и степью», или славянским и тюркским миром. По этому принципу российская история делится на пять периодов.

Первый – с древности до 972 года – попытка объединения леса и степи. Во время этого периода славяне и тюрки впервые выходят на историческую арену, причем, как свидетельствуют византийские источники, это происходит почти в одно и то же время. Так, византийский хронист Менаандр сообщает в 579 году о «важнейших князьях склавинского (славянского. – *Авт.*) народа» [Менаандр, М., 1941, № 1, с. 247]. А с тюрками, впервые упоминаемыми в китайских хрониках в 542 году и создавшими в 551 году степную империю – Тюркский каганат от Кореи до Черного моря с центром на Тянь-Шане, Византия уже в 567 году обменялась посольствами.

С этого времени славяне и тюрки сражаются против общего врага – Византии. В 907 году князь Древней Руси Олег «прибывает свой щит к вратам Царьграда», как в древнерусских летописях называлась столица Византии Константинополь, ныне Стамбул. В княжение его сына Игоря в 941 и 944 годах, а затем и при его внуке князе Святославе восточные славяне совершают походы на Византию. В свою очередь, тюрки уже в IX веке сражаются с византийцами в Малой Азии, а в X веке волны тюркских кочевников до основания сотрясают «Второй Рим», ставя под вопрос само существование Византии. Тюркские племена печенегов, торков-огузов с северо-запада, из причерноморских степей, и туркмен-сельджуков с востока тревожили Византию. Казалось, из степей Центральной Азии, прародины упомянутых тюркских степных народов, из коренных огузских степей Приаралья протянулись две огромные клешни: на севере печенеги и торки, на востоке – туркмены-сельджуки, которые грозили, сомкнувшись с восточными славянами, раздавить Византию.

Это и произошло в 965 году с союзником Византии – тюркским Хазарским каганатом в Нижнем Поволжье, чья правящая верхушка приняла иудаизм, подданными которого вместе со степными тюрками-хазарами, горскими народами Северного Кавказа была и часть восточнославянских племен, когда обитавшие в прикаспийских степях, где ныне Казахстан, тюрки-огузы (торки древнерусских летописей) в союзе с Древней Русью при правлении князя Святослава сокрушили Хазарское государство [Кляшторный, М., 1964; Зуев, А., (?) 2002; Карамзин, М., 1989, т. 1, с. 45, 118, 126, 191, 272].

Второй период начинается с 972 года и длится до нашествия монгольского Бату-хана, Батые древнерусских летописей – внука Чингис-хана на Русь в 1237 году. Он характеризуется борьбой леса и степи, когда Русь испытала натиск тюркских степных народов – печенегов, половцев древнерусских летописей (кипчаков мусульманских источников, команов европейских и византийских хроник, цинча китайских династийных историй), что нашло отражение как в древнерусских летописях, так и в бессмертном творении древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Войны древнерусских князей с половцами, как и с их тюркскими предшественниками, сменялись союзами с ними, участием древнерусских князей и половецких ханов в междоусобицах друг друга, династийными браками. Примером последних может служить родословная основавшего в 1147 году Москву князя Юрия Долгорукого, чья жена была половчанкой. В 1223 году половцы выступили в поход на монголов в составе объединенного войска древнерусских княжеств и вместе с ними испытали горечь поражения на реке Калке [Федоров-Давыдов, М., 1968, с. 47–48; Баскаков, М., 1985, с. 70–90].

Третий период длился с 1238 до 1452 года – времени основания Касимовского ханства в составе Российского государства – и олицетворяет победу степи над лесом, когда после монгольского завоевания Руси и создания империи Золотая Орда, 250 лет повелевавшей древнерусскими землями, в которой тюркские степняки со временем растворили в своей среде монгольских завоевателей-

пришельцев и унаследовали их традиции государственности, восточные славяне и тюркские степные народы разделили общую историческую судьбу, развиваясь в единой системе связей, что сближало их и, при всех ужасах ордынского владычества, приводило к взаимообогащению их культур, определяя во многом сходство их жизненного уклада и духовных ценностей.

По мнению евразийцев, объединение русских земель в единое государство произошло в эпоху Золотой Орды и осуществлено оно было не «русскими славянами, а монголо-туранцами (монголами и тюрками. – *Авт.*)» [Трубецкой, М., 1993, с. 59]. Н. С. Трубецкой считал, что подлинное начало России как великого государства было положено не славянами и не варягами – выходцами из Скандинавии, сформировавшими первые древнерусские правящие княжеские династии в Киеве, а степными народами – тюрками и монголами. Евразийцы опровергали распространенное мнение о том, что, оказавшись в составе Золотой Орды, Русь остановилась в своем развитии. По их мнению, были радикально изменены пути этого развития, и в итоге они привели страну к принятию от Золотой Орды эстафеты гегемонии в будущей евразийской державе, каковой и стала Россия. Поэтому евразийцы положительно оценивали период, когда Русь находилась в составе Золотой Орды: «Правда, сначала Северо-Восточная Русь была в этой (золотоордынской. – *Авт.*) системе вассалом. Но, как известно, к концу XIV в. Русь в лице Московского государства с полной несомненностью стала решающей силой в великом состязании «царств-наследников» Золотой Орды» [Савицкий, М., 1994, с. 535].

Четвертый период – 1452–1696 годы (от возвышения Москвы и падения Золотой Орды до взятия Петром Великим города Азова, тогда османской крепости) – время побед леса над степью, когда «Русский Север» наступает на монголо-турецкий (монголо-тюркский. – *Авт.*) Восток: завоевание Казанского, Астраханского, Сибирского на Тоболе – ханств, поглощение башкирских владений и Ногайской Орды [Трепавлов, М., 1998, № 1–2 (4–5), с. 101–112], а позднее, в XVIII–XIX вв., и Казахских жузов, Крымского ханства, ханств Средней Азии – Хивинского, Кокандского, Бухар-

ского, благодаря чему постепенно из Великого княжества Московского образуется великая евразийская держава – Российская империя, включившая в свой состав земли своей предшественницы – Золотой Орды.

Пятый период – «распространение Российского государства до естественных пределов Евразии» (1696–1917) – объединение леса и степи в «отношении хозяйственно-колониационном». Социальное и политическое развитие евразийской общности определялось борьбой между «лесом» и «степью», где «лес» постепенно брал верх. Однако эта борьба выявила значение тюркских кочевых народов в создании политической, материальной и духовной цивилизации, которая органически охватывала всю территорию Евразии.

Евразийцы стремились связать изучение географического фактора с постановкой исторических проблем, что им в полной мере удалось. Согласно их точке зрения, большие евразийские территории, содержащие в себе колоссальные природные богатства, диктуют необходимость контроля, что неизбежно приводило к жестко централизованной системе управления.

Таким образом, вполне правомерно, что евразийцы начали переосмысливать роль восточных, прежде всего тюркских, кочевых народов в истории России. Их заслуга состоит не только в том, что они включали тюркский степной мир в ее историю, но и в том, что посмотрели на саму эту историю не с Запада, глазами европейцев с позиции европоцентризма, а как бы из другого мира – тюркского, степного, азиатского. Это обогатило российскую науку, позволило осознать некоторые стороны русского исторического процесса, в частности, взаимоотношений России с тюркскими культурами.

В связи с этим приверженцы российской концепции евразийства придавали большое значение географическому фактору, особенно огромным степным пространствам Евразии (где прародина всех, а не только степных, тюркских народов, несмотря на современные места их обитания), в формировании русского национального характера. Именно в степной, а не в «лесной» или

«речной» зоне, подобно тому, как это было у тюркских степных народов, по мнению евразийцев, вырабатывались формы властвования, мышления и психологии, не свойственные другим культурам. В русском национальном типе можно обнаружить азиатские мотивы поведения: массовость и довольно часто иррациональность политических акций, наблюдаемые до сегодняшнего дня. Богатство природы и обширность территории повлияли на национальный характер русских, которым свойственны поистине материковый размах (русская широта), осознание органической связи общественной жизни с природной, взгляд на любые формы политической жизни как на нечто относительное.

Формирование нации шло одновременно с образованием империи на огромных пространствах двух, и даже какое-то время трех материков (до уступки Северо-Американским Соединенным Штатам Русской Америки в 1860-х годах), что наложило свой отпечаток на ход российской истории [Евразийство, М., 1972, с. 381; Ланда, М., 1995, с. 66].

Исторический миф о «собрании» земель предполагает, что единый народ якобы существовал как бы сам по себе, а затем объединился в едином государстве. На самом деле и на Руси, и в любой другой стране все происходило с точностью до наоборот. Государство, тем более имперского уровня, каковыми и были Золотая Орда и его преемник – Государство Российское, объединившее изначально под своей властью разнородные племена и общины, постепенно превращало их в единый народ.

Следовательно, российская концепция евразийства включает в себя ряд исходных позиций: о существовании особого континента Евразии с особыми природными условиями, климатом и ландшафтом; о месте, где развивается народ, как категории, отражающей синтез социально-исторической среды и территории, которую он заселяет; об определенном типе менталитета и нравственности народа, обусловленного местом, где он развивается; об особых условиях жизни и мировоззрении, порождающих и особую социально-политическую организацию общества на территории Евразии.

В статье «Монгольское иго в русской истории» (1927) Г. В. Вернадский изложил концепцию истории в представлении Евразийской школы. Исследователь рассматривал историю России как неотъемлемую часть истории Монгольской империи. На его взгляд, главным результатом завоевания Руси монголами стало включение ее в социально-политическую и культурную систему Монгольской империи, что позволило Руси установить тесные связи с центром степи и окраиной азиатского континента. Г. В. Вернадский считал, что монгольское иго не являлось тяжелым бременем для России. В отличие от Польши и Литвы, установивших политическую власть на некоторых русских землях, Монгольская империя не вмешивалась во внутреннюю культурную жизнь некоторых регионов, в том числе русских.

Фундаментальный труд Г. В. Вернадского «Монголы и Русь» является вершиной теоретических исследований евразийской школы и повторяет многие позиции евразийских ученых по этому важному вопросу российской истории. Он поместил историю России в качестве ханского «вассала» в историю Монгольской империи и Золотой Орды. Г. В. Вернадский писал о минимальном разрушительном воздействии вторжения и дал положительную оценку влиянию монголо-татарского ига на организацию государственности России. По его мнению, «социальная классовая организация, возникшая в монгольский период, получила дальнейшее развитие и закончилась с образованием Московского государства».

Г. В. Вернадский отметил, что один из трех элементов власти на Руси – либеральный и демократический элемент, который играл ведущую роль в ограничении княжеской власти, был уничтожен. Ученый делает вывод: «Совершенно очевидно, что такая перемена не могла произойти за одну ночь. В самом деле, процесс трансформации свободного общества в общество обязательной повинности начался во время монгольского периода и продолжался до середины семнадцатого века». По мнению историка, «внутренняя политическая жизнь Руси никогда не прекращалась, а только была ограничена и деформирована монгольским правлением». Традиционные отношения внутривнутриполитической жизни Руси

были полностью разрушены монгольским вторжением, а относительное значение и сама природа каждого из трех элементов власти (вечевой, княжеской, боярской) претерпели коренные изменения. В домонгольский период городские демократические институты процветали, но разрушения монгольского нашествия нанесли им сокрушительный удар. По мнению Вернадского, князьям и боярам удалось приспособиться к требованиям завоевателей, а горожане «вскипали негодованием при каждом очередном ограничении, вводимом новыми правителями». Поэтому монголы стремились подавить сопротивление городов и ликвидировать вече. Для этого новая власть активно использовала русских князей, которые и сами опасались революционных тенденций вече. Городские выступления подавлялись совместными усилиями князей и ханов. В итоге «власть вече, таким образом, резко сократилась, а к середине четырнадцатого века оно прекратило нормальную деятельность в большинстве городов Восточной Руси и не может рассматриваться как элемент правления».

Г. В. Вернадский затронул вопрос влияния ордынской ямской системы на формирование русской почтовой службы. Он поддержал идею евразийцев о прямом ордынском воздействии на формирование русской ямской системы. По утверждению исследователя, татаро-монголы организовали совершенную почтовую систему, позволявшую имперским гонцам, иностранным послам и даже торговцам получать корм и транспортные средства на особых дорожных станциях. Свою почтовую систему ордынцы ввели и на территории покоренной Руси.

В общественно-политическом развитии Руси Г. В. Вернадский также заметил влияние монголов. На большей части территории Руси монголы позволили местным князьям продолжать править своими княжествами. Они ввели новую единицу деления населения Руси – тумен. В каждом тумене существовала полная административная структура, отвечающая за набор воинов и сбор налогов. Эти должностные лица не принадлежали русским князьям и несли ответственность только перед ханским правительством. Ответственных лиц называли «даруги». Г. В. Вернадский считал,

что среди всех отраслей княжеского управления монголо-татарское иго меньше всего затронуло судебную систему. Важным аспектом московской монархии, продолжающей монгольские традиции, является церемониал дипломатических переговоров. Русские ритуалы, в том числе дипломатические, во многом отражали монгольскую модель.

Г. В. Вернадский – наиболее авторитетный представитель евразийства. Его работы повлияли не только на теоретические построения евразийства, но и на взгляды представителей марксистской школы. Однако, несмотря на высокий научный уровень его работы, он явно преувеличивал роль монголов в жизни Руси [Вернадский, Берлин, 1927, с. 159]. В. В. Трепавлов отметил недостатки исследования Вернадского – недостаточную обеспеченность источниками и высокую степень гипотетичности [Трепавлов, М., 1995, с. 167–168].

Н. А. Клепинин (1899–1941) также указывал, что монголо-татарская власть стала важным фактором укрепления деспотизма России и становления великодержавия. По его мнению, Северо-Восточная Русь вошла в состав Монгольской империи. Таким образом был расширен ее кругозор и начался процесс ее включения в мировую историю. Монголо-татары не управляли Русью напрямую и не навязывали свой образ жизни, а только требовали исправную выплату дани. Исследователь признал, что такое медленное, неосознанное воздействие было намного сильнее, чем прямое военное. В отличие от иных евразийцев, считавших, что Россия стала наследником империи Чингис-хана, Н. А. Клепинин также видел на Руси наследство Византии – Киева [Клепинин, СПб., 2004, с. 16].

С. Г. Пушкирев (1888–1984) – сторонник теории евразийства. В своей статье «Россия и Европа в историческом прошлом» (1927) он опроверг распространенное мнение о том, что Россия защищала европейскую цивилизацию от монгольского завоевания. Он считал, что русский народ легче уживался с кочевыми восточными, чем с западными соседями. Напротив, «татары защищали Россию от европейского вторжения» [Евразийский временник, т. 5, с. 147, 149].

Историк также затронул проблему вече. Он объяснил снижение роли вече последствиями ига, т. к. русское городское вече являлось главной силой против монголо-татар [Пушкарев, Нью-Йорк, 1976, с. 137–138]. Влияние монголо-татар на русскую культуру С. Г. Пушкарев полагал несущественным, поскольку православие по-прежнему осталось главной культурной силой Руси. Между покоренным народом и завоевателями не было тесного общения. Они были очень разными по религиозному и национально-политическому строю, являясь по сути антагонистами [Пушкарев, Ставрополь, 1993, с. 93].

Б. Н. Ширяев (1887–1959) также отстаивал идею благотворного влияния монгольского ига на русский народ и евразийский континент. В статье «Наднациональное государство на территории Евразии» (1927) он пришел к выводу, что монголо-татарское нашествие стало важнейшим событием в средневековой русской истории, изменившим ее судьбу. Именно во время ига и под влиянием внешней политики монголо-татарской власти Россия завершила свое преобразование в государство: «монгольское иго вызвало русский народ из провинциализма исторического бытия мелких разрозненных племенных и городских княжеств так называемого удельного периода на широкую дорогу государственности». «В этой промежуточной эпохе и кроется генезис русской государственности» [Ширяев, Париж, 1927, с. 3–7].

Представитель евразийской школы Э. Хара-Даван (1885–1941) подробно изучил сходство между российскими и монгольскими социальными и политическими институтами. Он высоко оценил влияние монголо-татарского ига на Русь. Э. Хара-Даван поддерживал тезис евразийцев о решающей роли монголов в формировании государственности России, указав, что чрезвычайное усиление княжеской власти и формирование единого Русского государства находились под влиянием монгольского владычества. Монголы дали покоренным русским землям самодержавие, централизм, элементы крепостного права и основные элементы будущей московской государственности: почтовые тракты, ямскую повинность населения, однообразное военно-административное устройство,

податное обложение по десятичной системе. Кроме того, под влиянием монгольского владычества русские княжества и племена объединились, образовав сначала Московское царство, а впоследствии Российскую империю. «Монголы приступили к собиранию, к организации Руси, подобно своему государству, ради водворения в стране порядка, законности и благосостояния» [Хара-Даван, М., 2003, с. 225, 239]. По мнению Хара-Давана, политика татар в отношении Руси была направлена на содействие формированию единого государства с целью сбора налогов и установлению стабильного вассального порядка на Руси по своему образцу.

Таким образом, Русь сформировала государственность и великодержавие под влиянием общей основы всей Монгольской империи – Ясы. Строгая и четкая модель управления, основанная на Ясе Чингис-хана, внушительная фискальная система оказали значительное влияние на национальную и социальную системы завоеванной страны. Монгольские правители помогли служившему им князю Северно-Восточной Руси стать полным правителем своего удела и устранить ограничения вечевого и боярского порядка. Завоеватели способствовали превращению городской и вечевой России в сельскую и княжескую.

Кроме того, Э. Хара-Даван утверждал, что монголо-татарское иго глубоко повлияло на культуру русского народа и способствовало укреплению православной церкви. Исследователь также отметил, что большое количество сановников ханства интегрировалось в Россию: «Монгольское иго внесло определенный процент монгольского происхождения в кровь русского народа». По мнению Э. Хара-Давана, монгольское иго для России являлось «превосходной, хотя и тяжелой школой, в которой выковалась московская государственность и русское самодержавие» [Хара-Даван, Элиста, 1991, с. 180–203, 204, 226].

1980-е годы отмечены возрождением интереса к евразийскому направлению. Оно связано с работой историка-этнолога Л. Н. Гумилева (1912–1992), который называл себя «последним евразийцем». По мнению Л. Н. Гумилева, Русь и Россия ни в какой период своей истории не могли быть определены как европейское

национальное государство. На взгляды Л. Н. Гумилева во многом повлияли произведения Г. В. Вернадского. Концепция выдающегося исследователя значительно отличалась от взглядов, сформировавшихся в советской исторической науке в 1930–1970-е годы.

Л. Н. Гумилев отрицает татаро-монгольское иго в традиционном его понимании и не считает XIII–XV века эпохой безвременья и порабощения русского народа. Согласно его убеждениям, вторжение Батия не является поворотным моментом в истории России – это всего лишь «монгольский рейд», или «большой набег, а не планомерное завоевание, для которого у всей Монгольской империи не хватило бы людей». Разорение, вызванное завоеванием, было преувеличено. Последствия нашествия представляются Гумилеву незначительными: «Великое княжество Владимирское, пропустившее через свои земли татарское войско, сохранило свой военный потенциал».

Л. Н. Гумилев положительно оценил влияние монголов на политическое развитие русских земель. Он отрицал тезис о подчинении Руси Орде, полагая, что так называемого ордынского ига вообще не существовало. Отношения между князем и ханом характеризуются исследователем как союз равноправного сотрудничества и симбиоз. Их политическая сущность заключается в следующем обстоятельстве: русские князья платили дань Орде, чтобы получить военную помощь. Отношения господства-подчинения между Русью и Ордой не обнаружены. Золотая Орда уберегла Русь от натиска как с Запада, так и с Востока. Русские земли вошли в состав Улуса Джучи, но их автономное положение не было ликвидировано [Гумилев, М., 1989, с. 521, 532–533, 616]. Русь сохранила свою самобытность и политическую независимость, на которую монголы не покушались. По мнению Л. Н. Гумилева, Золотая Орда сыграла активную роль в подавлении распрей между князьями и создала условия для образования новой великорусской нации.

Л. Н. Гумилев рассматривал московское самодержавие как наследие Золотой Орды: «На базе же русско-татарского симбиоза после распада Золотой Орды возникло Великое княжество Московское, унаследовавшее традиции чингизидов» [Гумилев, М., 1997,

№ 1, с. 125–127]. В результате русско-монгольского взаимодействия великий князь московский заимствовал у ордынских правителей новую норму поведения, в основе которой лежали строгая дисциплина, этническая терпимость и глубокая религиозность. Таким образом великий князь заменил традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц, для того чтобы создать авторитарную монархию [Гумилев, М., 1989, с. 549].

Вопрос о том, почему именно Москва оказалась в наиболее выгодном положении, неоднократно ставился в российской науке. С точки зрения пассионарной теории этногенеза, предложенной Л. Н. Гумилевым, причина возвышения Москвы состоит в том, что именно Московское княжество привлекло множество пассионарных людей: татар, литовцев, русичей, половцев. Так, татары-золотоордынцы, бежавшие после переворота Узбека в Москву, составили костяк русского конного войска, которое впоследствии и обеспечило победу на Куликовом поле [Гумилев, М., 2016, с. 147].

Л. Н. Гумилев подверг критике взгляд Н. И. Костомарова на разделение России на южную республиканскую и самодержавную Великороссию. Н. И. Костомаров обвинил монголо-татар в задержке [Гумилев, М., 2016, с. 147] развития демократических принципов на юге. По словам Л. Н. Гумилева, Юго-Западную Русь покорили не монголо-татары, а литовцы. Л. Н. Гумилев также осудил С. М. Соловьева и В. О. Ключевского за объяснение отставания России от Европы ордынским игом и концепцию «борьбы леса со степью». По его мнению, европейцы отрицательно влияли на Русь: «Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления».

Таким образом, концепция Л. Н. Гумилева соотносится как с разработками евразийцев, так и с выводом Н. М. Карамзина о положительных последствиях завоевания Руси монголами. По мнению ученого, Батый заключил мир со своими оседлыми соседями. У Монгольской империи не хватило сил для проведения столь масштабного завоевания. Без «татаро-монгольского ига» отношения между ханами и князьями имели характер равноправного сотрудничества, а не правления и подчинения.

Взгляды Л. Н. Гумилева получили большое распространение в странах СНГ. Так, например, в 1996 г. в Казахстане был открыт Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. В то же время построения Л. Н. Гумилева подверглись широкой критике со стороны ученых. «Плодом предвзятых идей и авторской фантазии» назвал выводы Гумилева Я. С. Лурье [Лурье, СПб., 1994, № 10, с. 167–177].

С конца 1980-х годов в российскую историческую науку стала возвращаться дискуссия, свободная от давления идеологии, открылся доступ к наработкам западной историографии. В России стали публиковаться произведения евразийцев.

Завершая анализ взглядов евразийцев на исторический процесс, можно сказать, что представители этого направления придают факту монгольского нашествия и влияния Золотой Орды на Русь не просто первостепенное, но исключительное значение для русской истории. По мнению евразийцев, Русь являлась составной частью монгольского государства. Под непосредственным влиянием монгольской государственности она превратилась в самостоятельное Московское государство. Россия, а затем и Советский Союз – это особый географический, этнографический и культурный мир, объединивший народы степей и равнин Евразии и являвшийся наследником могущественной державы Чингис-хана.

В целом взгляды евразийской исторической школы 1920 – начала 1930-х годов сводятся к следующим пунктам: 1) признание большой роли монгольского фактора в объединении Северо-Восточной Руси; монголо-татарское завоевание рассматривалось как неотъемлемый исторический прогрессивный феномен; 2) вывод о значительном усилении княжеской власти как следствии монгольского влияния; именно монголы ослабили власть веча и бояр; 3) нивелирование разрушительных последствий монголо-татарского завоевания; 4) восприятие российской истории в тесной взаимосвязи с историей Монгольской империи; трактовка Руси в качестве одного из монгольских улусов; 5) объяснение достижений русского народа в создании своей собственной уникальной национальной культуры и государственности благотворным влиянием

Золотой Орды и «монгольской государственной мысли»; 6) идея о положительном влиянии религиозной политики Золотой Орды на развитие русской церкви. Несомненная заслуга евразийцев состоит в привлечении широкого общественного интереса к периоду господства Золотой Орды над Русью.

В евразийской концепции истории впервые в российской историографии поднимается проблема многонационального государства, что и поныне актуально как для России, так и для стран тюркского мира. Последователи российской концепции евразийства выделяли туранский (тюркский) тип как оказывающий определяющее влияние на евразийскую культуру вплоть до эпохи Петра Великого. Главная черта психологии тюркских степных народов, по их мнению, – стремление к экстенсивности, что обеспечивало относительную культурную устойчивость данному типу, создававшую условия для сбережения национального потенциала. В целом евразийцы положительно оценивали влияние туранцев (тюрков) и монголов на развитие русского национального менталитета и государственности, подчеркивая заметную роль в их формировании Золотой Орды, и вместе с тем, указывали: – «мы не славяне и не туранцы (тюрки), хотя в ряду наших предков есть и те, и другие, а – русские» [Трубецкой, М., 1993, с. 95; Савицкий, София, 1921, с. 4–7; Вернадский, Прага, 1927, ч. 1, с. 8.; И. Р. (Трубецкой), ВМГУ, серия 9 – филология, № 4, 1991, с. 35].

Советская историография о Золотой Орде

После установления советской власти изучение Золотой Орды и ее влияния на историю России вступило в новую стадию. В историографии стала доминировать марксистско-ленинская идеология. К. Маркс негативно оценивал Золотую Орду и ее влияние на Русь. Он писал: «Монгольское господство не только подавляло, но и оскорбляло, иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой» [Марх, L., 1899, р. 78]. Поэтому в советской историографии влияние Золотой Орды на Русь рассматривались как

негативное. Тем не менее при всех этих идеологических и политических факторах развития советской исторической науки в СССР появились выдающиеся исследования, не утратившие значения и по сей день.

В первые 15 лет существования советской власти историческая наука не подвергалась чрезмерному давлению с ее стороны. В 1920-е годы в работах о монгольском нашествии на Русь в некоторой мере отразились взгляды дореволюционных историков. М. Н. Покровский (1868–1932) полагал, что причиной естественной смерти городов Руси были изменения местных экономических условий и внутренняя борьба между князьями. Монгольское завоевание просто ускорило процессы, начавшиеся в XI–XII веках, и не оказало влияния на традиционный внутренний уклад Руси. Но в труде М. Н. Покровского прослеживаются идеи Н. М. Карамзина и Н. И. Костомарова, признававших роль завоевателей в становлении централизованного Российского государства [Покровский, М., 1967, с. 43].

Уничтожение системы вече – также следствие татарского завоевания. По мнению М. Н. Покровского, ямская гоньба в России – наследие Золотой Орды. Битве на Куликовом поле М. Н. Покровский не придавал большого значения. В своем главном произведении «Русская история с древнейших времен» ученый не осветил это событие.

Концепция М. Н. Покровского подверглась критике со стороны более поздних советских историков. По мнению Е. В. Гутновой, она оказала отрицательное влияние на дальнейшее развитие исторических исследований [Гутнова, М., 1990, с. 96]. О. Д. Соколов считал, что М. Н. Покровский преувеличил роль завоевателей в упорядочении фискальной системы на Руси [Соколов, М., 1970, с. 150], а А. Н. Насонов говорил, что он игнорировал катастрофические последствия завоевания монголов для экономики и культуры Руси [Насонов, М. – Л., 1940].

Н. А. Рожков (1868–1927) считал, что Золотая Орда способствовала экономическому развитию русских земель. В период Золотой Орды рост торговли между Русью и Востоком стал одной

из предпосылок подъема торговой экономики Руси. Он не согласился с мнением о том, что нашествие монголов задержало экономическое развитие Руси [Рожков, М., 1936, с. 82, 84, 85].

А. Е. Пресняков (1870–1929) обобщил предыдущий исторический опыт, и его труд «Образование Великорусского государства» стал классикой российской исторической науки. Пресняков не отрицал существенное влияние на развитие политических процессов на Руси ордынских факторов. Он считал, что Северо-Восточная Русь была объединена в форме зависимости от Золотой Орды, и отметил, что Золотая Орда наложила вето на традиционную систему родового старшинства, способствовала формированию вотчинного деспотизма Москвы и единого государства [Пресняков, М., 1918, с. 15].

Свое отношение к последствиям монгольского завоевания выразил М. Г. Худяков (1894–1936). По мнению исследователя, система управления, установленная монголами, познакомила Русь с таким явлением, как переписи населения, а также наладила налоговую систему. Отмеченных выше явлений на Руси до монгольского завоевания не существовало [Худяков, М., 1991, с. 237–238, 240].

Значительные достижения советской исторической науки в области изучения Монгольской империи связаны с работами В. В. Бартольда (1869–1930). Многие его взгляды на «татарский вопрос» и его роль в общественной жизни Руси в XIII–XIV вв. были единодушно признаны историками. Его труды, часто имеющие энциклопедическое, теоретическое значение, составили целый этап в развитии мировой востоковедной науки и вошли в ее золотой фонд.

Выдающийся русский востоковед продолжил работу по сбору материалов по истории монголов. Он уделил внимание многим аспектам татаро-монгольского завоевания Руси и одним из первых советских исследователей попытался пересмотреть устоявшиеся взгляды дореволюционной историографии о негативных последствиях монголо-татарского ига в судьбе России. По мнению В. В. Бартольда, влияние Золотой Орды на развитие России нашло отражение во внешней политике России, церемонии встречи

послов и национальной идеологии. Он высоко оценил роль монгольского завоевания [Бартольд, М., 1963, с. 712, 715]. С его точки зрения, нашествие благотворно сказалось на развитии Руси.

Б. Я. Владимирцев (1884–1931) – видный знаток монгольских источников. В своей монографии «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» он определил социальный строй монголо-татар как особую форму феодального строя, т. н. «кочевой феодализм», экономической основой которого является феодальная собственность на пастбища. Монгольское кочевое общество оказало влияние на формирование централизованного русского государства [Владимирцев, Л., 1934].

В период 1920–1930-х годов влияние Золотой Орды на Русь оценивалось по-разному. Начиная с 30-х годов XX века под влиянием марксистской идеологии, возобладало единое представление о времени монгольского господства на Руси как о мрачном периоде русской истории. Ученые отрицательно оценивали роль господства Золотой Орды в развитии русского государства.

Наиболее яркими представителями этого направления советской науки в области анализа русско-ордынских связей являются А. Н. Насонов, В. В. Мавродин, Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, В. В. Каргалов, В. Л. Егоров.

Интересны взгляды С. В. Бахрушина (1882–1950) на последствия ордынского ига на Руси. По мнению ученого, терминология золотоордынских документов заимствована из Ирана и Хорезма. Критикуя М. Н. Покровского, Бахрушин указал на то, что корни складывания государственности на Руси уходят в домонгольскую эпоху [Политов, М., 2017, с. 88–89].

А. Н. Насонов (1898–1965) выразил свои взгляды на русско-ордынские взаимоотношения в статье «Татарское иго в освещении М. Н. Покровского», где выступил с критикой мнения Покровского о том, что переход городской Руси в сельскую произошел в домонгольский период. Он рассматривал упадок городской жизни Руси как последствие монгольского завоевания и не считал, что Русь была частью Золотой Орды, чье влияние на Русь, по мнению ученого, было абсолютно отрицательным.

В монографии «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси» А. Н. Насонов опроверг «положительное влияние» монголов на формирование единого российского государства в дореволюционной буржуазной историографии. Он пришел к выводу о том, что политика монголов на Руси заключалась не в создании государства из политически разрозненного общества, а в предотвращении объединения Руси всеми возможными способами. Образование централизованного государства стало результатом борьбы против монголов за свержение их владычества [Насонов, М., 1940, с. 5]. Он отстаивал идею активного вмешательства ордынцев в общественную жизнь и политические институты Руси и сосредоточился на исследовании и анализе влияния Золотой Орды на укрепление власти князей и отмену вечевой системы.

А. Н. Насонов предложил свой взгляд на проблему функционирования института баскачества – одного из инструментов управления русскими землями, что вызвало дискуссию среди историков. Он отметил положительную роль сражения на Куликовом поле в процессе объединения Руси вокруг Москвы. В целом А. Н. Насонов пришел к выводам о том, что монголо-татары оставили яркий след в административной системе России, оказали существенное влияние на развитие ее политических институтов, создали государственное образование в Восточной Европе, основанное на феодальной родовой (кочевой) элите.

Монография А. Н. Насонова «Монголы и Русь» имела принципиальное значение в области истории русско-монгольских взаимоотношений. Большинство выводов автора послужили основой для последующего развития изучения «татарского вопроса». Преимущество исследования Насонова заключается в широком использовании фактического материала по вопросу завоевания монголами Руси и его воздействия. Недостатки связаны с отсутствием новых, переведенных на русский язык китайских источников. Недостатки работы не отменяют факт принципиального значения наблюдений А. Н. Насонова в развитии дальнейших исследований по русско-монгольской проблематике [Насонов, М., 1940, с. 5].

Б. Д. Греков (1882–1953) при изучении истории взаимодействия Руси и Золотой Орды воспользовался традиционными приемами марксистской историографии. Он обратился к классическим произведениям марксистской мысли, провозгласившим отрицательное влияние Золотой Орды на русскую историю [Греков, Якубовский, М., 1937]. Греков критически оценил выводы исследователей, считавших, что правление Золотой Орды сыграло положительную и даже прогрессивную роль в истории России. [Греков, М., 1937, № 6, с. 61–62].

Этот же автор вместе с А. Ю. Якубовским (1886–1953) провел фундаментальное исследование по истории Золотой Орды, сыгравшее большую роль в последующих исследованиях в этой области. Основываясь на тщательном анализе русских летописей и восточных исторических материалов, они написали книгу «Золотая Орда и ее падение». Их труд стал одним из первых по истории Золотой Орды и Руси в советской науке, где не только подробно изложены основные этапы становления и развития Улуса Джучи, но и содержится анализ взаимоотношений Руси и Золотой Орды.

Значение труда Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского в российской исторической науке было велико. Развитие их взглядов можно проследить в работах М. Г. Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» (1960), Г. А. Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966), «Общественный строй Золотой Орды» (1973) и «Золотоордынские города Поволжья» (1994), М. А. Усманова «Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.» (1979), В. Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв.» (1985).

Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский отрицали влияние Золотой Орды на Русь. Они считали, что Русь не стала частью Орды, а сохранила политически автономное положение и собственную княжескую власть. Проявлением зависимости от Орды стала выплата ей дани. Основная причина отсутствия значительного воздействия ордынской власти на Русь заключалась в том, что Золотая Орда являлась более примитивным и варварским государством, чем завоеванная ею русская земля. Золотая Орда не имела силы

ассимилировать покоренные народы, поэтому влияние монголов на экономическое и политическое развитие России не следует преувеличивать [Греков, Якубовский, М., 1950, с. 231–232]. А. Ю. Якубовский раскритиковал мысль Х. Д. Френа о влиянии Золотой Орды на ход русской истории.

В 1937 году Б. Д. Греков опубликовал в «Историческом журнале» сводную статью о нашествии монголов на Русь. Политика Золотой Орды на Руси ученым четко определена как враждебная. Б. Д. Греков не согласен с позицией Н. М. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина, С. Ф. Платонова о роли ордынского хана как положительной силы, улаживавшей конфликт между князьями. По мнению Грекова, ордынская политика не способствовала формированию централизованного государства в России – наоборот, ханы действовали вопреки интересам Руси. Взгляды ученого нашли отражение в монографии по истории Золотой Орды. По мнению Б. Д. Грекова, период ордынского господства имел для русского народа отрицательный характер – он препятствовал экономическому и культурному развитию страны.

В своих выводах относительно института баскачества ученый в основном повторяет тезисы А. Н. Насонова. Основной обязанностью баскаков Б. Д. Греков назвал контроль над русскими князьями. А. Ю. Якубовский поддержал точку зрения А. Н. Насонова о баскаках на Руси в качестве военачальников, державших в повиновении покоренное население. Кроме того, Б. Д. Греков высказался о роли завоевателей в формировании русской почтовой службы.

П. П. Смирнов (1882–1947) отметил, что под влиянием монгольской системы управления князь стал напрямую зависеть от воли ордынского хана. Князья не договаривались с вечем по вопросу наследования. Монгольская власть помогла русским правителям избавиться от ограничений веча. Быстрое расширение власти князя под властью хана привело к полному подчинению городов и ликвидации элементов городского самоуправления, что происходило прежде всего в самом сильном Московском княжестве [Смирнов, М. – Л., 1947, т. 1. с. 232].

К. В. Базилевич (1892–1950) опроверг мнение П. П. Смирнова о том, что монголо-татарское иго привело к повышению производительных сил и укреплению политического положения великого князя Московского [Базилевич, М., 1940, с. 43].

В середине XX века в трудах советских историков появилась новая трактовка влияния ордынской власти на вече. М. Н. Тихомиров (1893–1965) обнаружил сохранение вечевых традиций в городах Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия [Тихомиров, М., 1956, с. 212]. Ученый сообщил об устойчивости вечевых элементов. М. Н. Тихомиров считал, что Куликовская битва стала поворотным моментом в борьбе с чужеземным игом и что не следует преувеличивать роль Москвы в объединении Руси в конце XIV века.

В 1947 году вышло специальное исследование А. А. Семенова «К вопросу о золотоордынском термине «баскак», посвященное проблеме баскачества [Семенов, М., 1947, № 1, с. 138–140]. По его мнению, русское значение слова «баскак» целесообразно передать термином «наместник хана» в том или ином княжестве. Для осуществления своих полномочий баскаки располагали военными отрядами. Сбор дани в прямую обязанность баскаков не входил. Они являлись начальниками чиновников, осуществлявших сбор дани в пользу хана, «данщиков» и «пошлинников».

Главной особенностью советской историографии послевоенного периода является широкое использование в исследованиях археологического материала. Особо следует отметить работу выдающегося советского ученого Б. А. Рыбакова. В его фундаментальном исследовании «Ремесло Древней Руси» дана отрицательная оценка монгольского нашествия на Русь, так как сопровождалось оно падением производительных сил и многочисленными жертвами. Одним из наиболее серьезных последствий нашествия стал упадок средневековых городов России. В целом Б. А. Рыбаков утверждал, что вторжение привело к регрессу России и отставанию ее развития на века [Рыбаков, М., 1948].

По сравнению со сталинским периодом период «оттепели» конца 1950-х – начала 1960-х годов привел к смягчению, в опре-

деленной степени, идеологических догм. Новые веяния дали возможность историкам разнообразить интерпретацию роли Золотой Орды в истории Руси, не ограничиваясь исключительно негативной оценкой.

В 1963 году вышла «Краткая история СССР», отразившая взгляд официальной науки на ключевые аспекты истории России, где период монгольского господства назван самым тяжелым в ее истории [Краткая ..., Л., 1972, с. 63].

В 1956 году была опубликована монография В. Т. Пашуто (1918–1983) «Героическая борьба русского народа за независимость в XIII веке», содержащая негативную оценку периода зависимости Руси от Золотой Орды. В. Т. Пашуто показал себя сторонником взглядов А. Н. Насонова и высоко оценил борьбу Руси с завоевателями, отметив, что эта борьба способствовала ее объединению. Он выступил против идеидореволюционных историков и представителя евразийской школы Г. В. Вернадского о «благоприятных последствиях монгольского владычества» [Пашуто, М., 1956, с. 3–7].

В работах В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина получил дальнейшее развитие вывод Тихомирова о Куликовской битве. Говоря о важности Куликовской битвы, В. Т. Пашуто подчеркнул, что победа на Куликовом поле позволила Москве упрочить свои позиции в качестве главного центра объединения древнерусских земель, знаменующего освобождение от ига Золотой Орды.

Исследование Л. В. Черепнина (1905–1977) «Образование Русского централизованного государства» является обобщением его многолетней работы над этой темой. В главе, посвященной социальной и политической истории средневековой Руси, Л. В. Черепнин писал о негативном влиянии монголо-татарского нашествия и ордынской власти. Этого мнения исследователь придерживался и в дальнейшем [Черепнин, М., 1970, с. 191–192, 200].

В вопросе ордынского влияния на политическую организацию Руси Л. В. Черепнин особое внимание уделил вечевой системе. По его мнению, вечевой порядок был уничтожен ордынскими властями и русскими князьями. Вече и русский народ являлись актив-

ной силой, способной противостоять Золотой Орде, арусские князья выступали исполнителями ханской воли [Черепнин, М., 1960, с. 475]. Иногда приказы хана отвечали интересам самих князей.

Труд М. Г. Сафаргалиева (1906–1970) «Распад Золотой Орды» – заметный вклад в историю изучения государства Золотая Орда. Монография стала первой попыткой предложить альтернативу крайне негативной оценке советских ученых ордынского периода. М. Г. Сафаргалиев подробно рассмотрел историю становления Золотой Орды и ее поэтапного превращения в мощную державу. По его мнению, Улус Джучи не являлся единым централизованным государством, а Русь не являлась его частью [Сафаргалиев, Саранск, 1960, с. 45].

В трудах В. В. Мавродина (1908–1987), посвященных становлению единого российского государства, содержатся анализ и выводы о социально-политическом развитии Руси в XIII–XV вв. В монографии «Образование Русского национального государства» [Мавродин, Л. – М., 1939] В. В. Мавродин поддержал мнение Б. Д. Грекова о том, что Русь не была частью Золотой Орды. Князья были вассалами ордынских ханов, получали от них ярлыки и платили дань. По мнению В. В. Мавродина, основной причиной объединения Руси было то, что развитие общества и экономики ослабило экономическую изоляцию княжеств.

Среди историков и археологов, посвятивших себя изучению Золотой Орды, наиболее значительной фигурой является Г. А. Федоров-Давыдов (1931–2000). В своих работах исследователь показал выдающиеся познания в области истории, археологии, нумизматики тюркских народов. В монографии «Общественный строй Золотой Орды» 1973 года он изложил политическую историю Золотой Орды, выяснил эволюцию значения конкретных социальных терминов и сделал реконструкцию многих аспектов общественной жизни Монгольской империи и Золотой Орды в XIII–XIV веках.

По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, монгольское завоевание оказало на население Руси меньшее влияние, чем на кочевые сообщества [Федоров-Давыдов, М., 1973, с. 25]. В отличие

от отрицательного взгляда на монгольскую политику по отношению к Руси, Г. А. Федоров-Давыдов указывает, что монгольская знать Улуса Джучи не была варварской и жадной, и для того, чтобы взимать больше налогов, она ограничивала походы на Русь. Г. А. Федоров-Давыдов поддержал взгляды А. Н. Насонова на функции баскаческой организации. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, баскаки также могли выступать в качестве наместников и сборщиков дани.

А. А. Зимин (1920–1980) в своих исследованиях отметил трансформацию социальной структуры Руси и власти князей под влиянием Золотой Орды. Права бояр, знатного сословия Руси, претерпели коренные изменения в монгольскую эпоху. Многие из них были утрачены, в частности, право на свободный выезд. Одновременно усилилась власть князей. Ордынские правители освободили князей от ограничений бояр и веча, т. к. отныне только хан имел право распоряжаться княжескими столами. Одним из негативных последствий монгольского ига стало постепенное закрепощение крестьян, увеличение числа холопов.

Особое внимание А. А. Зимин уделил институту баскачества. По мнению ученого, упразднение баскаческой организации на Руси произошло вследствие городских восстаний 1320-х годов. Попытка насадить свою систему сбора дани монголам не удалась [Зимин, т. 9, № 1, 1952].

И. Б. Греков (1921–1993) и Ф. Ф. Шахмагонов (1923–2014) указали на то, что после распространения своего политического влияния на русские земли Золотая Орда не нарушила процесс их развития. У нее не было достаточно сил, чтобы напрямую управлять Русью. Русские земли были нужны ордынским ханам только для обогащения своей казны.

Лингвистические исследования А. С. Демина (р. 1935) привели к выводу о влиянии тюркской документальной письменности на культуру Северо-Восточной Руси в XIII–XIV веках. Особенно большие изменения претерпела дипломатическая переписка, когда под воздействием ордынской дипломатии русские князья стали использовать ордынскую форму посланий. Косвенным

доказательством тюркского влияния на российские акты является то, что организация делопроизводства в Золотой Орде была даже более совершенной, чем на Руси и в странах Европы [Демин, М., 1974, с. 518, 536].

В. В. Каргалов подробно описал завоевание Руси монголами, определил характер и особенности политических отношений между Русью и Золотой Ордой, социально-политические последствия нашествия. Он опроверг мнение о том, что Русь была полностью присоединена к Золотой Орде, и считал, что Северо-Восточная Русь имела особый статус в Золотой Орде и не стала непосредственной ее частью. Княжества Руси сохранили свою администрацию, войска, религию и обычаи. С его точки зрения, русско-золотоордынские взаимоотношения во второй половине XIII века следует определять как договор или компромиссные отношения, т. е. союз между местными князьями и ордынцами. В новых обстоятельствах был достигнут «определенный компромисс» между русскими правителями и ордынскими ханами, князья признали верховную власть хана над Русью. С другой стороны, русский народ оказал сопротивление иноземному игу, что привело к отсутствию административных институтов Золотой Орды на северо-востоке Руси и созданию условий для развития независимой страны. В этом состоит главный вывод В. В. Каргалова.

Изучив письменные и археологические данные, исследователь полагал, что при изучении последствий вторжения монголов на Русь нельзя обращать внимание только на один поход Батыя – необходимо учитывать воздействие дельнейших частых нашествий ордынцев во второй половине XIII века. В. В. Каргалов отрицал какое-либо положительное влияние Золотой Орды на Русь. По его мнению, монгольское нашествие XIII века и окончательное установление их власти на русской земле оказало негативное влияние на социально-политическое развитие Руси [Каргалов, М., 1966, с. 36]. Владычество Золотой Орды – основная причина отставания России от развитых европейских стран, утверждает ученый. Что касается изменений во внешней торговле, то, по мнению В. В. Каргалова, зависимость от завоевателей не привела к пол-

ной изоляции русской торговли, поскольку Русь продолжила торговать с Западом через Новгород и Смоленск, а после установления отношений с Золотой Ордой возобновила торговлю с Востоком по Волжскому пути. Как отмечает историк, изменилось только направление торговли.

В начале 80-х годов XX века в СССР провели ряд мероприятий, посвященных 600-летию Куликовской битвы и 500-летию освобождения от власти Золотой Орды. В. В. Каргалов, В. А. Кучкин, И. Б. Греков, В. Л. Егоров, Л. Г. Бескровный, В. Т. Пашуто опубликовали статьи и монографии по данной проблематике.

Н. С. Борисов (р. 1952) изучил влияние Золотой Орды на русскую культуру. Он отметил, что религиозная политика Золотой Орды привела к усилению авторитета православной церкви на Руси [Борисов, М., 1986, с. 36].

В. Л. Егоров (р. 1938) в своем труде «Историческая география Золотой Орды» провел первое в российской исторической науке подробное исследование территории Золотой Орды. Важнейшим его выводом стала концепция «буферных зон». По мнению В. Л. Егорова, Русь не вошла в состав Улуса Джучи, а только платила ему дань. Монгольская аристократия рассматривала Русь как источник пополнения казны людских ресурсов – в качестве военной силы и рабов. При Золотой Орде русские княжества оказались насильно втянутыми в орбиту политических и экономических интересов монголов. Мнение А. Н. Насонова о том, что монголы ввели на Руси систему военной организации во главе с баскаками, показалось В. Л. Егорову «не только подозрительным, но и почти нереальным». Ученый выступил против суждений ряда советских исследователей о низком уровне цивилизационного развития завоевателей и указал на то, что Золотая Орда имела высокоразвитую городскую культуру и институты государственного управления. Егоров отметил, что оседлая цивилизация Руси оказала огромное влияние на развитие городской культуры Золотой Орды. В. Л. Егоров подверг сомнению точку зрения Л. Н. Гумилева о том, что Золотая Орда стала восточным барьером России и защищала ее безопасность [Егоров, М., 1975].

В 1977 году была опубликована первая часть труда А. Н. Вигилева «История отечественной почты». Исследователь изучил истоки русской почтовой системы, говорил о влиянии на нее ямской системы Золотой Орды.

А. Л. Хорошкевич (1931–2017) пришла к выводу о негативном влиянии монголо-татарского господства на Руси. Хорошкевич подержала взгляды А. А. Зимина на изменение положения русских крестьян, указав, что развитие феодального строя было замедлено игом Золотой Орды, а консервация холопства усилилась [Хорошкевич, Плигузов, М., 1989, с. 22].

М. Д. Полубояринова (р. 1932) посвятила специальное исследование о положениирусских людей в Золотой Орде [Полубояринова, М., 1978, с. 42–43].

Подводя итог, можно сказать, что в советской историографии были изучены такие вопросы, как последствия монгольского разорения для русских городов, их развитие в период владычества Золотой Орды, а также влияние монгольского завоевания на формирование централизованного государства, воздействие монгольского нашествия и ордынской власти на социально-политическое развитие России.

С началом Великой Отечественной войны и ростом патриотических настроений история Золотой Орды была использована в агитационных целях для борьбы против нацистской Германии. Под влиянием марксистской идеологии в историографии стали преобладать негативные комментарии о монгольском нашествии и Золотой Орде, считалось, что эпоха Золотой Орды была темным периодом в истории России. Данный подход отражен в фундаментальных трудах советских историков А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского. Их взгляды получили широкое распространение в советской историографии.

Большой вклад в изучение монгольского завоевания Руси внесли востоковеды. В первой половине XX в. советские ученые проделали большую работу по переводу источников восточного происхождения, написанных на тюркских и монгольском языках. В результате их работы в научный оборот были вве-

дены новые исторические материалы. Среди востоковедческой литературы выделяются труды В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцева, В. Г. Тизенгаузена, Е. И. Кычанова. В 1941 году С. А. Козиным (1879–1956) был впервые опубликован ценнейший памятник «Сокровенное сказание», повествующий о ранней истории монгольских племен. И. П. Петрушевский (1898–1977) опубликовал полный перевод исторической хроники монголо-татарских племен персидского историка и государственного деятеля монгольского Улуса Хулагуидов Рашид ад-Дина Фазлаллаха. Е. И. Кычановым опубликована книга «Чингиз-хан. Человек и время» [Кычанов, М., 1984], а также ряд статей о социально-экономическом уровне монголо-татарских племен XIII века.

Сформированная база стала надежной основой для изучения Золотой Орды в советской науке. Кропотливая исследовательская работа привела к появлению добротных трудов по русско-ордынской проблематике, не утративших свое значение и в наши дни.

Многие советские историки: М. Н. Покровский, А. Н. Насонов, Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Б. А. Рыбаков, В. В. Каргалов – признают заметное влияние монгольского владычества на судьбу России. Правда, считают, что оно не играло решающей роли в развитии русских земель. Русь в этот период сохраняла собственную государственность. По представлению А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова, А. Ю. Якубовского, В. Т. Пашуто, Золотая Орда провоцировала конфликты между князьями, а ее политика была направлена на то, чтобы воспрепятствовать политическому единству России и созданию централизованного государства. Некоторые историки (Н. А. Рожков, В. В. Бартольд, Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт, А. А. Зимин, В. А. Кучкин, Ю. А. Лимонов, Г. А. Федоров-Давыдов) считали, что влияние нашествия на русскую историю преувеличено.

Социально-политическое развитие России и образование единого российского государства в XIII–XV вв. изложено на страницах трудов В. В. Мавродина, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова и др. В их работах решающим фактором формирования централизованного государства на Руси названы не положительные

последствия действий ордынских ханов, а необходимость борьбы за свержение владычества Золотой Орды. Напротив, историки делали акцент на негативных сторонах владычества Золотой Орды. М. Г. Сафаргалиев и Г. А. Федоров-Давыдов впервые на высоком научном уровне исследовали общественно-политический строй Золотой Орды. Исследования Б. Я. Владимирцева, А. Ю. Якубовского и М. Г. Сафаргалиева показали, что монголо-татары значительно уступали покоренному народу в области экономического, политического и культурного развития и не могли предложить «позитивные» и «ценные» нововведения.

Отмена института веча во время ига – один из ключевых вопросов советской историографии. В решении этого вопроса в трудах исследователей наблюдаются разногласия. А. Н. Насонов, Л. В. Черепнин, П. П. Смирнов и А. Л. Хорошкевич напрямую связывали исчезновение веча с ордынской политикой, в то время как другие ученые пытались найти другие причины – усиление княжеской власти, рост феодального землевладения и др. М. Н. Тихомиров считал, что система веча продолжала существовать в период ордынского господства. Ю. А. Лимонов отмечал, что Орда не имела принципиального влияния на систему городской автономии.

В вопросе заимствования Русью финансовых институтов М. Н. Покровский и Н. А. Рожков признали положительное влияние Золотой Орды на экономические факторы развития Руси. По мнению Н. А. Рожкова, финансовые институты России были заимствованы у монголо-татар. Б. Д. Греков считал, что финансовые институты зародились на Руси в домонгольский период. И. В. Базилевич отметил упадок сельского хозяйства и задержку экономического развития России вследствие монгольского завоевания. А. А. Зимин писал об укреплении крепостного права.

Таким образом, при оценке роли монгольского завоевания на историю народов Азии и Восточной Европы значительное число советских исследователей стояли на позициях извечного противостояния оседлой Руси и кочевой Степи (печенегов, половцев, монголо-татар). По их мнению, Золотая Орда принесла разрушение и смерть, задержала развитие Руси и не оказала серьез-

ного влияния на жизнь, обычаи и государственность русского народа, а также не имела глубокого воздействия на историю России. Монгольское нашествие являлось только одним из факторов исторического процесса, причем не основным. Оно рассматривалось как негатив, образование единого Российского государства – как результат народной борьбы против ига Золотой Орды, а сама она однозначно трактовалась как враг и поработитель Руси. Основным вывод заключался в том, что Россия отстала от стран Западной Европы из-за масштабных разрушений, человеческих потерь, необходимости платить тяжелую дань во время Золотой Орды, но вектор своего развития не изменила.

Современная российская историография о Золотой Орде

С 1990-х годов изучение Золотой Орды и ее влияния на историю Руси характеризуется подъемом интереса к данной проблематике в общественной жизни. Продолжилось исследование золотоордынского периода отечественной истории профессиональными историками. Разные аспекты этой темы представлены в работах И. Я. Фроянова, Т. И. Султанова, В. А. Кучкина, В. В. Трепавлова, А. А. Горского, Ю. В. Селезнева, Ю. В. Кривошеева, А. Л. Юрганова, А. Л. Хорошкевич, Р. Ю. Почекаева и др. Следует отметить, что ряд ученых остались сторонниками марксистской концепции и негативно относятся к Золотой Орде, другие не придерживаются отрицательного взгляда на ордынский период русской истории.

К последним относится А. Л. Юрганов (р.1959), чей взгляд отличается от преобладающего в советской историографии мнения. По его представлению, государственное устройство Золотой Орды положительно сказалось на формировании российского самодержавия [Юрганов, М., 1998, с. 197]. Ордынский хан был верховным правителем Руси, когдарусские князья были его вассалами. В этих условиях отношения вассально-дружинные пришли на смену княжеско-подданническим, было ликвидировано вече и установлен

режим деспотизма. «Огромное влияние на формирование удельно-вотчинной системы оказало монгольское право и сама монгольская система властвования» [Юрганов, М., 1988, с. 162]. Историк также связывает существование системы местничества на Руси с примерами из администрации государства Чингис-хана.

В своих трудах по политической истории Руси XIII–XIV веков И. Я. Фроянов (1936–2020) использует понятие «город-государство». Исследуя влияние Золотой Орды на социально-политическое развитие Руси, он пролил свет на судьбу вечевого строя после монгольского нашествия. Общество Руси до монгольского завоевания основывалось на вечевом порядке, а после нашествия князья приходили к власти благодаря ярлыкам, которые получали от хана Золотой Орды, в то время как раньше садились на престол по приглашению вече, обсуждая при этом условия своего княжения. Так что монгольское завоевание «сделало князя самостоятельным по отношению к вечу, создав условия для реализации его монархических потенций» [Фроянов, СПб., 1995, с. 32].

Продолжателем теории города-государства является его ученик Ю. В. Кривошеев (1955), который придерживается нейтральной позиции относительно вопроса обордынском иге. Он считает, что в российской историографии преувеличиваются отрицательные последствия монгольского завоевания, к которым относится мнение об отсталости из-за этого России от Европы. История Руси и Орды, по его мнению, не ограничивается ожесточенными политическими и военными противостояниями, их отношения, несомненно, были ярче и шире [Кривошеев, СПб., 2003, с. 105].

В историографии часто ставилась проблема трансформации основных институтов государственности Руси и влияния на это ордынского фактора. Ю. В. Кривошеев не видит заметного влияния монгольского нашествия на внутривнутриполитическую структуру Руси. С его точки зрения, была необходимость получения от хана ярлыка на княжение, и, хотя ордынцы вмешивались во внутренние распри на Руси, все это происходило в вассально-даннической системе, не нарушавшей традиционного устройства земель Руси. Ю. В. Кривошеев отметил важную роль Золотой Орды

в изменении статуса князей Руси в XIII–XIV веках, хотя глубокие изменения в общественной жизни Северо-Восточной Руси основаны не только на факторе монгольского нашествия, но и на итогах исторического процесса домонгольского периода, когда русское общество прошло в XIII веке кризис власти, а еще в первой его половине – время глубоких внутренних перемен. Монгольское нашествие обострило и ускорило течение этих процессов, являясь при этом не единственной их причиной.

Ю. В. Кривошеев рассмотрел ряд аспектов функционирования вече. По его мнению, город-государство во время ордынского правления унаследовал основные черты старого города-государства Руси. Исход политической борьбы на Руси во время монгольского завоевания определялся тремя политическими силами: князем, монголами и вечем. Последнее выражало мнение городской общины. Вечевая деятельность в ордынский период была все еще активной, существовала система тысяцких. Установление даннических отношений между Россией и Ордой не изменило сущности вечевого порядка. Вече продолжило работу в присущем ему режиме. В первом столетии подчинения монголам, самом трудном периоде для Руси, вече активно участвовало во внутренних делах Руси.

Несмотря на сохранение системы вече, оно утратило право приглашать и изгонять князя. В этом Кривошеев увидел влияние татар. С установлением власти Орды князья получали право на управление от ее ханов и полагались не только на свои дружины, а и на помощь монгольской армии в управлении страной. Князья использовали в своих интересах союз с Ордой, считая его необходимым, но временным.

Ю. В. Кривошеев не согласился с Л. В. Черепнинным в вопросе прямого приказа Орды подавить вечевой порядок. Князь не намеренно сражался с вечем. Анализируя политику Ивана Калиты, ученый пришел к выводу о том, что особой борьбы между властью князя и вечем в 20-х и 30-х годах XIV в. не наблюдалось. Поведение Калиты преследовало цель не подавить вече, а объявить победу над враждебным городом-государством. Причину прекращения вечевой деятельности Кривошеев находит в «глубинных процес-

сах, происходивших в русском обществе того времени, связанных в том числе с изменением государственных форм».

Также Ю. В. Кривошеев отрицал вывод А. Н. Насонова о существовании монгольской военно-политической организации на Руси. По мнению ученого, десятичная организация существовала на Руси (включая ее северо-восточные княжества) в XI–XII вв., до монгольского нашествия. Монголы приспособили десятичную организацию к сбору дани, а к ней в качестве контролирующего органа добавили институт баскачества. Непосредственно сбором дани стали заниматься откупщики – «бесермены». Баскаки, по мнению Кривошеева, «представляли собой постоянный институт ханской – по сути верховной – власти на Руси. Их присутствие – ханских наместников – означало прямую власть монголов над Русью». Функции баскаков вполне согласуются с трактовкой термина «баскак» не как «даватель», а как «охранитель», «опекун», «ханский наместник». Институт баскачества существовал в Северо-Восточной Руси до начала XIV века. Полемизируя с А. Н. Насоновым, Ю. В. Кривошеев отметил, что «баскаки являлись обладателями слишком больших должностей, слишком значимых в монгольской иерархии, чтобы находиться на периферии городов».

Таким образом, вопреки сложившимся представлениям, Ю. В. Кривошеев считает, что монголо-татарское нашествие не нанесло Руси непоправимого вреда, приведя к упадку и стагнации социального, политического и экономического развития Русской земли. Русь не являлась частью ханства. Она сохранила как верхние (вече, князь, усиление власти которого в какой-то мере связано с монголо-татарским фактором), так и нижние (десятники и сотники) слои феодального общества, а также городскую и сельскую местность. На северо-востоке Руси в XIII и XIV вв. традиционная система городов-государств все еще играла значительную роль. Монголо-татарское нашествие сказалось на социально-политическом развитии русских земель, но не разрушило фундаментально структуру социальных отношений, сложившуюся в XI–XII вв. Татарское нашествие и иго – лишь один из факторов, повлиявших на постепенное изменение политического строя, пере-

ход к единому государству и формирование классов [Кривошеев, СПб., 2003, с. 224, 226–227, 233, 352–353, 368–376]. Трансформация социально-политической системы произошла под влиянием внутреннего развития Руси. Расширение территории, усиление княжеской власти и начало формирования классов привели к краху изначальной государственной системы и появлению нового, единого государства.

В исследованиях востоковеда и историка Т. И. Султанова эпоха Золотой Орды важна тем, что стала временем рождения новых этнополитических сообществ на степных просторах Евразии с новыми элитными группами, новой структурой власти и новыми формами организации кочевого мира [Султанов, А., 2004]. Одними из этих этнополитических сообществ стали такие тюркские народы России, как ногайцы, крымские и сибирские татары, башкиры, казахи, чей этногенез или рождение как этносов неразрывно связано с эпохой создания и распада Золотой Орды, которая иерархически организовала постплеменные сообщества в лице этих народов, возглавляемых Чингисидами [Кляшторный, Султанов, СПб., 2009]. Т. И. Султанов впервые осуществил систематическое исследование принципов функционирования властной элиты Чингисидов, возникшей во времена Монгольской империи и Золотой Орды, без которой было бы немыслимо формирование тюркских народов России и их государств в постордынскую эпоху [Султанов, А., 2001, с. 14–108; Чингиз-хан ..., М., 2021].

Во многих своих работах особое внимание вопросу существования на Руси ордынских институтов уделял В. В. Трепавлов (р. 1960). На круглом столе, организованном в 1997 году журналом «Родина», В. В. Трепавлов отметил, что оценки монгольского нашествия не могут быть однозначными. «Но то, что мы называем «игом», это такое глобальное явление, такой перелом всей российской истории, что обычными эмоциональными мерками «хорошо/плохо» его оценивать некорректно... К тому же если для русских людей Золотая Орда, ее ханы – это традиционный образ завоевателей, то для множества тюркских народов России Золотая Орда была этнической колыбелью. И отношение к этому государству,

к правящему этносу, к монголам у них совсем другое», – сообщил В. В. Трепавлов.

В 2016 г. В. В. Трепавлов выступил на конференции, приуроченной к 750-летию образования Золотой Орды. На вопрос, входила ли Русь в состав Золотой Орды, ученый склонен отвечать утвердительно: «От империи Орда унаследовала управление русскими данниками. Они теперь составляли часть ее подданных, но не в рамках обычной улусной системы, а как владения иного рода – как плательщики «выхода», управляемые на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрацией» [Трепавлов, М., 2017, с. 18]. Несмотря на то, что Русь подчинялась монголам, ее внутреннее устройство и автономия княжеской власти сохранились.

Рассуждая о монгольском влиянии на систему управления, военное дело, экономику Руси, В. В. Трепавлов справедливо утверждает, что очень трудно определить, откуда в Россию пришло то или иное политическое явление или институт. Ученый не согласен с точкой зрения Л. Н. Гумилева, который определяет отношения между русскими князьями и ханами Золотой Орды как «политический союз» или «симбиоз». Представления евразийцев об очевидном заимствовании Русью ордынских титулов, социальных терминов, финансовой системы, военной организации и почтового устройства, по мнению Трепавлова, не соответствуют фактам. Историк видит след влияния монгольской системы управления в резком увеличении веса единоличной власти. Князь был непосредственно связан с ордынским ханом, старшим государем, и места боярству или какому-нибудь вече просто не оставалось.

По мнению В. В. Трепавлова, власть и система налогообложения развивались на русской земле под влиянием Золотой Орды на протяжении двух с половиной веков, но на самом деле влияние Золотой Орды было ограничено. Явления, которые многие историки считают монгольскими заимствованиями, на самом деле появились на Руси еще в домонгольский период. Москва не является преемником Золотой Орды, т. к. в большей мере она заимствовала технические инструменты управления, чем идеологию. В этих

суждениях позиция В. В. Трепавлова пересекается с взглядами С. М. Соловьева.

Тем не менее В. В. Трепавлов отмечал некоторое влияние Золотой Орды на русские земли. Ханские правители XIII – XV вв. были абсолютно легальными государями, занимавшими на иерархической лестнице позицию выше всех великих и местных князей. Только с первой четверти XIV в., когда Золотая Орда приняла ислам, у русских появилась идеологическая основа для борьбы – религиозная, и начали разворачиваться события, приведшие к Куликовской битве. Русское государство переняло определенные явления и учреждения восточной модели управления, например, ясачную систему эксплуатации. Монголы провели перепись на завоеванных землях Руси и установили максимальную единицу исчисления населения – тумен [Трепавлов, М., 2010, с. 9, 14, 48].

В. В. Трепавлов зафиксировал факт перехода ордынских царевичей на службу к великому князю Московскому и введение тюркской знати в русскую аристократию. Ученый подсчитал, что около 120 дворянских родов России имели монголо-татарское происхождение и составляли 20% всей знати в XVI веке [Трепавлов, М., 1998, № 1–2, с. 103]. Ордынская знать принимала активное участие в политической жизни России. Следовательно, игнорировать золотоордынский фактор при изучении истории России XIII–XV вв. невозможно. Восточные атрибуты русской государственности и культуры – популярное направление в исторических исследованиях [Трепавлов, СПб, 2021, с. 7–79].

Среди работ по русско-ордынской проблематике выделяются исследования А. А. Горского. Во введении к работе «Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития» А. А. Горский отмечает, что при изучении ордынского влияния наиболее актуальными задачами являются сопоставление политической структуры русских земель до и после завоевания Батыем, выяснение различий пути развития разных земель Руси и причины образования единого Российского государства с ядром в Северо-Восточной Руси.

В вопросе оценки монголо-татарского влияния А. А. Горский солидарен с позицией В. В. Трепавлова: «опосредованное влия-

ние завоевания на историю российской государственности. Здесь нужно говорить не о «положительном» или «отрицательном» влиянии, а о том, насколько оно было значительно». Ученый назвал период XIII–XIV вв. поворотным пунктом в истории России, признав, что монголо-татарское нашествие и ордынское иго оказали огромное влияние на политическую систему Руси.

Во-первых, после татарского нашествия в середине XIII в. было установлено так называемое «золотоордынское иго», которое привело к резкому усилению изоляции между землями Руси, ослаблению политических контактов между ними и росту внутриполитических разногласий (при поддержке ханов).

Во-вторых, именно в период правления Орды владимирские князья были признаны старейшими на Руси, что способствовало их общерусским притязаниям. Владимиро-Суздальское княжество, особенно его крупные поселения, первым оправилось от завоевания. Оно превзошло другие русские земли, существенно расширив свой потенциал. Объединительный процесс начался во Владимиро-Суздальской земле и завершился образованием единого государства под названием «Россия» в конце XV – начале XVI в.

В-третьих, ордынское правление на долгое время изменило устойчивость русских земель. Ранее члены различных княжеских ветвей боролись только за передел внутри земель и общерусский престол, но не было обычая посягать на «чужие» земли, принадлежащие другой ветви (за некоторыми исключениями). Ситуация изменилась в ордынскую эпоху. В это время князья стали аннексировать «чужие» территории. Такие присоединения называли «примыслами» [Горский, М., 2004, с. 335; Он же, М., 2010, с. 194]. До XV в. большинство приобретений «примыслов» в той или иной степени проводилось при участии Орды. Согласно вычислению А. А. Горского, из 40 приобретений, осуществленных русскими князьями в этот период, 29 были прямо или косвенно связаны с ордынской санкцией.

По дискуссионному вопросу о статусе золотоордынских ханов А. А. Горский высказался в пользу симбиоза Руси и Орды, полагая, что русские князья признавали монгольских ханов в качестве сюз-

ренов. Власть ордынских правителей была полностью легитимна. Долгое время хан Золотой Орды считался правителем по статусу выше любого русского князя, его называли царем.

В отличие от распространенного в историографии представления о решительном значении Куликовской битвы в деле свержения монгольского ига А. А. Горский считал, что столкновение Дмитрия Донского с Мамаем в конце XIV в. на Куликовом поле не свидетельствовало о стремлении полностью покончить с зависимостью. Сражение можно рассматривать как сопротивление правителю-узурпатору, потому что правление Мамае было незаконно. С восстановлением «законной» власти была предпринята попытка ограничиться номинальным, без уплаты дани, признанием верховенства «царя», однако военное поражение 1382 г. ей помешало. Желание ликвидировать зависимость от Золотой Орды появилось только при Иване III. Это стремление было связано не только с усилением Москвы и ослаблением самой Орды, но и с падением Константинополя и переходом наследия Византийской империи на Русь. Следовательно, непосредственные причины трансформации отношений с Ордой лежали не в изменении баланса сил, а в изменении восприятия иностранной власти в общественном сознании. А. А. Горский полагает, что трансформация идеи о легальности власти Орды на Руси сыграла важную роль в освобождении от ордынского сюзеренитета.

Рассуждая о причинах возвышения Москвы и объединения Руси, А. А. Горский высказался против признания главным фактором возвышения Москвы помощь и поддержку Золотой Орды. Напротив, Московский князь не пользовался благосклонностью ханов до 1317 г. и получил их поддержку лишь на короткий период времени, в 1322–1327 гг. Только с конца 1320-х годов Орда позволила великому князю Московскому находиться на престоле Великого Владимирского княжества целых 30 лет. Этот период предоставил много возможностей для усиления экономического и политического потенциала Москвы. Однако Орда стремилась не допустить чрезвычайного усиления одного из княжеств Руси. В конце концов эта политика потерпела крах. В 1360–1370-х годах

ордынские правители попытались вернуть себе контроль над великокняжеским престолом, но их действия обернулись неудачей. В 1383 г. хану Тохтамышу пришлось признать верховенство Москвы на северных и восточных землях Руси и позволить Дмитрию Донскому передать Великое Владимирское княжество своему сыну как собственное владение. С конца XIV в. у Москвы не осталось противников в русских землях, поэтому нельзя говорить об «ордынской поддержке».

На основе сведений Плано Карпини А. А. Горский обосновал возникновение института баскачества в результате монгольских переписей. В 1245–1246 гг. перепись была проведена и в Киевской земле. По мнению ученого, взимание дани было возложено на десятников, сотников, тысячников и темников, пребывавших в ближайшем к Киеву степном улусе; в обязанности баскаков входил контроль за сбором дани и лояльностью местных правителей [Горский, М., 2014, т. 10, с. 65–68, 169, 191–192].

В постсоветский период продолжилась исследовательская работа историка В. В. Каргалова. В его трудах прослеживается влияние советской школы. Он критически относится к широко распространенному в дореволюционной историографии взгляду о положительном влиянии монголо-татар на формирование русской государственности. Ученый выразил сожаление по поводу того, что в книге «Древняя Русь и Великая Степь» Л. Н. Гумилев отрицает «факт вторжения монголо-татар на Русь и последовавшее за этим длительное тяжелое иго». В. В. Каргалов поддержал вывод А. Н. Насонова о том, что централизованное государство России вокруг Москвы было создано не с помощью ордынского хана, но «вопреки их интересам и помимо их воли».

В. В. Каргалов в своей работе «Русь и кочевники» усилил концепцию «борьбы леса со степью», озвученную некоторыми российскими историками, повторив их тезис о вечной борьбе кочевых и оседлых народов. Он считал, что именно постоянная борьба с Ордой способствовала развитию феодальной Руси. Ученый признавал заметный след внешних факторов в развитии исторического

процесса России. В. В. Каргалов высоко оценил всемирное значение русского народа в сопротивлении татарскому нашествию. Русское сопротивление не только спасло зарождавшуюся европейскую цивилизацию от разгрома монголо-татарскими полчищами, но и спасло европейские народы от распространения на них так называемого «золотоордынского феодализма» – загнивающей формы феодализма.

В. В. Каргалов критиковал работы представителей евразийской школы. По мнению ученого, в трудах евразийцев отсутствуют исторические свидетельства. Кроме того, евразийцы недооценили разрушительные последствия вторжения. В. В. Каргалов подверг критике тезис о том, что монголо-татарское завоевание играло решающую роль в оформлении русской государственности. Историк отметил, что Россия приняла военно-административное управление и политическую систему монголов.

Таким образом, В. В. Каргалов обобщил представления о проблеме влияния монгольской власти на социально-политическое развитие Руси. Он полностью опроверг мнение о положительной роли монголо-татар в становлении российской государственности [Каргалов, М., 2004, с. 142, 484–493].

Обстоятельства монгольского нашествия и установления ига изучал В. А. Кучкин. Свои взгляды он изложил в научно-популярной брошюре 1991 г. «Русь под игом: как это было». По мнению ученого, влияние походов Батыея является отрицательным. Неверно думать, что князья Руси продолжали вести себя так, как они вели себя до вторжения. Хотя нашествие не уничтожило древнерусский народ и не привело к сотням лет экономического застоя, оно остановило процесс расширения владений Северо-Восточной Руси, нарушило связи между княжествами и привело к значительным изменениям в процессе их развития.

Во-первых, изменилась структура географического пространства России. Нарушился внутренний баланс Северо-Восточной Руси, что проявилось в упадке старого политического центра и возникновении новых точек роста. Население ведущих княжеств, таких как Владимирское, уменьшилось. Их силы пришли в упа-

док, в то время как потенциал ряда новых, возникших на периферии (Тверское, Московское), значительно увеличился. «Положение князей Руси изменилось», – отметил В. А. Кучкин.

Во-вторых, Золотая Орда скорректировала политический строй всей подвластной ей Руси – она препятствовала развитию единого древнерусского государства [Кучкин, М., 1984, с. 344; Он же, М., 1991, с. 19–22]. Хотя старые порядки и установления о престолонаследии Руси продолжали действовать и в большинстве случаев Орда им следовала, ханы бесцеремонно нарушали порядок, когда считали нужным. Правители ее часто перекраивали политическую карту Северо-Восточной Руси, жалуя ярлыки русским князьям, разжигая рознь между ними и не позволяя отдельным русским князьям укреплять свою власть.

Научную конференцию «Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?», состоявшуюся в Москве в ноябре 2000 г., можно назвать первым публичным возражением устоявшимся взглядам на роль татаро-монгольского нашествия на Русь. На мероприятии прозвучали доклады, в которых затрагивался «татарский вопрос»: «Древняя Рязань и монголо-татарское нашествие» А. В. Чернецова, «Эволюция Коломны в XIII–XIV вв.: от малого города Древней Руси к домену князя московского» А. Б. Мазурова, «Ростов Великий. Динамика изменения территории и этапы истории города в X–XV вв.» А. Е. Леонтьева. По мнению исследователей, Рязань, Ростов и Коломна продолжали развиваться после монгольского нашествия. Причину их последующего упадка не следует рассматривать как результат монгольского завоевания – этому способствовало много других факторов.

Конференция не выработала единого подхода к проблеме ордынского воздействия на Русь, но обозначила по крайней мере две проблемы: 1) в XIII в. существовали традиционные культурные «разрывы» в местах, не затронутых монгольским нашествием; 2) нашествие Батыя не разрушило материальное и духовное культурное наследие всей Руси. Достижением конференции является объективная научная оценка последствий монгольского нашествия на русские земли.

Философ и историк-востоковед Э. С. Кульпин (1939–2015) – основоположник школы социального естествознания предложил свое видение русско-ордынских отношений. По мнению исследователя, Золотая Орда являлась не унитарным, а конфедеративным государством. Он назвал ее страной с высокоразвитой материальной цивилизацией, которая, несмотря на это, не навязывала подданным своей религии. По этой причине Орде не удалось интегрировать различные национальности в стране в ее наиболее процветающий период, что сделало правящий фундамент нестабильным по отношению к Руси.

Э. С. Кульпин согласился с точкой зрения Ключевского и придал положительное значение татарскому нашествию. Явное отставание Руси от Западной Европы, по мнению ученого, не следует рассматривать как результат ордынского ига – на самом деле оно началось еще до монгольского нашествия. В отличие от большинства историков, Э. С. Кульпин считает, что вторжение на Русь не привело ни к масштабным потерям населения, безумию, гневу, насилию и голоду, ни к очевидным явлениям огрубления нравов по сравнению с домонгольским периодом. Напротив, вторжение не только привело к установлению относительного порядка и спокойствия, но и способствовало нравственному очищению. По сравнению с нормализацией социальных отношений в Западной Европе, произошедшей под действием внутренних факторов, в Восточной Европе социальные отношения нормализовались в результате установления татарской власти.

Система податей на Руси была в целом иной, чем в Орде, а о приходной и расходной частях бюджета и говорить нечего. Новая империя начинала свою жизнь практически с «чистого листа», считает Э. С. Кульпин [Кульпин, М., 2001, № 3, с. 87].

А. Г. Кузьмин (1928–2004) выступил с критикой взглядов на русско-ордынские отношения Л. Н. Гумилева. По мнению ученого, Л. Н. Гумилев ошибается в выводах о добровольном вхождении Руси в новое государственное образование и участии татаро-монголов в защите западных рубежей Руси. «На самом деле, весной 1241 года состоялся поход Батые в Венгрию и Далмацию, которые

татаро-монголы покинули только летом 1242 года. И собственно государственное образование, известное под названием Золотая Орда, сложилось уже после этого времени», – писал А. Г. Кузьмин [Кузьмин, кн. 1, М., 2004, с. 344].

И. О. Князький (р. 1951) разделяет точку зрения Л. В. Черепнина о влиянии ига на разделение древнерусского народа на три ветви. Он считает, что политика ханства напрямую привела к опрокидыванию мощи новых (Городец, Тверь, Москва) и старых (Киев, Чернигов, Рязань, Владимир) городов. Великое княжение было неспособно вести борьбу против ханства [Князький, М., 1996, с. 85–86].

Оценка влияния Золотой Орды на Русь содержится в исследованиях Ю. В. Селезнева (р. 1975). Ученый поднял вопрос о влиянии монгольского завоевания на русское титулование. Он отметил, что в систему ордынской иерархии были включены и представители Руси: великие князья приравнивались к темникам, а князья – к тысячникам.

Взгляды Ю. В. Селезнева претерпели некоторые изменения. В более ранних его работах отмечено, что северо-восточные княжества Руси были полностью включены в политическую систему Золотой Орды. Он согласился с точкой зрения А. А. Горского о том, что ордынский хан являлся законным верховным правителем Руси и имел влияние на политическую жизнь русских княжеств. Золотая Орда имела право определять князей на княжение, и это привело к разрушению традиционного института старейшинства на Руси. Русские князья переняли политическую иерархию Монгольской империи.

В монографии 2013 года Ю. В. Селезнев изменил свою точку зрения, указав, что в источниках Русь не зафиксирована как улус Золотой Орды, и в отличие от Болгарского улуса она не являлась непосредственной частью татарского государства. Влияние ханства на внутривнутриполитические процессы русских земель не имело решающего значения. Согласованная политика князей и хана не изменила основ государственности Руси, сложившихся в домонгольский период.

Взяв за основу общую численность русской аристократии первой половины XIII–XV веков и сравнив количество браков между представителями Руси и Золотой Орды, а также подсчитав и изучив поездки русских князей в ставку хана и их деятельность в Сарае, Ю. В. Селезнев сделал вывод, что время монголо-татарского ига следует разделить на шесть периодов по степени зависимости от Орды. Поездки русских князей в основном сосредоточены в периоде до 1389 года. После этого, хотя ордынский хан все еще остается верховным арбитром в спорах, зафиксированные в источниках значительно сократились и почти полностью исчезли в период с 1389 по 1434 год.

Итак, автор пришел к заключению, что ордынская власть привела к изменениям в социальной структуре, иерархии и титулатуре русского государства; с ослаблением Орды великий князь Московский стал считаться преемником ордынского хана и принял титул царя. Но влияние Орды не следует преувеличивать [Селезнев, Казань, 2009, с. 11; Он же, Воронеж, 2013, с. 309; Он же, М., 1998, с. 124–126]. Автор также соглашается с мнением Чарльза Гальперина о том, что традиционное применение термина «иго» для определения взаимоотношений между Русью и Ордой является анахронизмом.

А. С. Щавелев (р. 1979) обратил внимание на восстановление системы съездов князей-Рюриковичей в период татаро-монгольского правления, существовавшей задолго до татарского завоевания и имевшей черты монгольского курултая [Щавелев, М., 1998, с. 155–157].

Д. М. Котышев (р. 1973) считает, что монголо-татары не перестраивали принципиально политическую систему Руси. В отличие от А. А. Горского, В. В. Трепавлова, Ю. В. Селезнева, он полагает, что Орда не изменила институт старейшинства. Ордынское влияние на российскую государственную систему, по мнению Д. М. Котышева, выражалось в том, что Орда привнесла на Русь элементы административного и финансового управления, присущие восточному деспотизму, например, институт баскачества [Котышев, Челябинск, 1995, с. 37–39]. Система поголовного сбора

налогов была заимствована у монголов и не существовала на Руси до нашествия. Ученый считает, что эта фискальная система близка к восточной практике налогообложения, особенно китайской. Политика ханства привела к замене договорных отношений принципами господства и подчинения, заложив основу для установления деспотизма [Котышев, Челябинск, 1995, с. 12].

К. А. Соловьев (р. 1978) на вопрос, являлась ли ордынская власть легитимной, дал отрицательный ответ (вопреки мнению А. А. Горского, В. В. Трепавлова, Ю. А. Кривошеева, Ю. В. Селезнева и других исследователей о том, что власть ханов признавалась на Руси полностью законной). На основании наблюдения о том, что ордынская номинальная власть фактически не повлияла на эволюцию властных отношений в России, автор приходит к выводу, что легитимность самого ханства практически равна нулю [Соловьев, М., 2001, с. 152].

Е. В. Павлова отрицала монгольское влияние на процесс формирования частного землевладения на северо-востоке Руси. По ее мнению, правовые нормы в отношении частного землевладения на Руси развивались в соответствии с основными принципами права собственности, зафиксированными в домонгольский период в связи с упадком общего родового права [Павлова, СПб., 2001, с. 31–32].

Д. Г. Хрусталев (р. 1973) обратил внимание на ордынское влияние на Русь в сфере экономики. Он отметил, что вторжение завоевателей привело к уменьшению объемов торговли Руси и ухудшению торговых отношений с Западной Европой. Д. Г. Хрусталев выделил следующие факты: замыкание внутреннего рынка в Северо-Восточной Руси, распространение упрощенных необходимых товаров, а также полное прекращение импорта зарубежных аналогов. По мнению историка, трансформация структуры повседневной жизни произошла намного позже вторжения [Хрусталев, СПб., 2013, с. 300]. Этот вывод близок к концепции «отложенного действия», упомянутой американским ученым Д. Островски.

Р. Ю. Почекаев (р. 1977) провел исследование законов Золотой Орды, в том числе относящихся к Северо-Восточной Руси.

Он обратил внимание на ярлыки и правовые акты, изданные золотоордынскими ханами. По мнению ученого, правление Орды занимало важное место в формировании правовой системы Руси, но имело по большей части формальный характер. Р. Ю. Почекаев причиной продолжительности действия ярлыков считает перенесение на политические отношения Орды и Руси типичных феодальных отношений личной унии и вассалитета. Несмотря на признание Русью сюзеренитета ханов, она занимала автономную позицию во внутренних делах и имела свои правовые нормы и систему управления.

В статье «И вновь к вопросу о действующих золотоордынских правовых институтах на Руси» Р. Ю. Почекаев коснулся темы баскаческой организации. Он согласился с мнением С. А. Масловой о том, что статус представителей ордынской администрации на Руси не был постоянным в течение всего времени зависимости русских земель от Золотой Орды. Обязанности баскаков на Руси менялись с течением времени. Вскоре после монгольского завоевания ордынские правители, вероятно, намеревались ввести свое прямое правление в русских княжествах. Действия монгольских чиновников были направлены на присвоение всей полноты административной власти. Баскаки или даруги в этот период собирали дань и осуществляли контроль над правителями Руси. Восстание 1262 года Р. Ю. Почекаев расценил как направленное против баскаков. Откупничество, по мнению исследователя, представляло собой не род занятий или административную функцию, а всего лишь способ ее реализации.

Р. Ю. Почекаев полагает, что ордынские административно-правовые институты на Руси действовали недолго – лишь в период, когда статус русских земель по отношению к Золотой Орде не был окончательно определен. Исследователь уточнил, что баскаки в конце XIII – начале XIV веков упоминаются только на территориях, находящихся под прямым контролем ханства: Киев, Тула, Червлёный Яр и т. д. В XV веке баскаки исчезли с территории Руси. Однако в это время они находились при ханском дворе (и назывались даругами) [Почекаев, СПб, Казань, 2016, Вып. 6, с. 419].

Система баскачества не могла прижиться на Руси. Благодаря компромиссу, достигнутому между русским князем и ханом, сохранилось господствующее положение древнерусского права. Ханский ярлык сыграл в этом вспомогательную роль. Это показывает, что власть Золотой Орды не проникла во внутреннюю жизнь Руси, а ограничилась отношениями между русским князем и сюзереном хана [Почекаев, М., СПб, 2010, с. 54–60].

С. А. Нефедов рассматривал историю России с точки зрения исторической социологии. Он выразил сомнение в существовании ига. Согласно его интерпретации, Золотая Орда во время монгольского правления находилась под влиянием множества культурных элементов, и вторжение монголов имело глобальный характер. Каждый раз при завоевании других стран монголы осваивали ее культурные элементы и распространяли вместе со своей собственной культурой в процессе последующих завоеваний. Таким образом, они принесли Руси не только монгольское оружие, но и систему управления Китая. В последующих завоеваниях монгольские и китайские элементы были доставлены в Иран и другие страны [Нефедов, т. I, М., 2010, с. 195–196].

С. А. Маслова поддержала выводы В. В. Каргалова о сущности баскаческой организации. Согласно ее утверждению, деятельность баскаков на Руси не была связана с монгольскими вооруженными отрядами. Их основная обязанность – обеспечение эффективной системы сбора налогов. При этом сами баскаки непосредственно дань не собирали. Должность баскака была слишком высокой для этого. Баскаки имели дело напрямую с князьями и по сути являлись надзорной организацией. По мнению С. А. Масловой, компетенция баскаков распространялась на целые области, такие как Курское княжество и Червлёный Яр. Резиденцией баскаков могли являться крупные города, имеющие немалое политическое и экономическое значение, например, Владимир и Ростов [Маслова, М., 2013, № 1 (51), с. 40].

Некоторые замечания о государственных институтах Руси в ордынский период содержатся в работах А. П. Григорьева (1931–2010). Он описал монгольскую систему управления: «Исходя

из местных условий, были назначены десятник, сотник, тысячник и темник, и их обязанности были аналогичны обязанностям монголо-тюркских феодалов. Они должны контролировать налоговую отчетность каждой семьи и заставлять их предоставлять продукты питания, фураж и деньги для обеспечения снабжения определенного числа ордынских отрядов. Каждый высокопоставленный чиновник несет ответственность за его подчиненных, и несут солидарную ответственность за сбор подушного налога» [Григорьев, Л., 1990, с. 80].

Свой взгляд на обязанности баскаков предложил К. А. Аверьянов. По мнению ученого, баскаки – руководители «полутора десятков мелких образований, носивших название «тьмы». «Тьмы» были образованы в пограничных областях Руси. Преобладающее население этих образований составляли выходцы из Золотой Орды [Аверьянов, М., 2001, с. 46].

А. А. Майоров сосредоточил внимание на вопросе существования института баскачества на северо-востоке Чернигова в XIII–XIV вв. Исследователь отметил взаимосвязь деятельности баскаков с «наведением порядка в сфере уплаты обязательных платежей». Особое внимание А. А. Майоров уделил роли баскаков в управлении некоторыми территориями. В частности, он обосновал существование на востоке бассейна Верхней Оки особой зоны баскаческого управления. Это образование, «Тульское баскачество», функционировало вне юрисдикции русских князей. Административное управление «Тульским баскачеством» осуществляла Золотая Орда. Оно существовало в качестве особой экономической зоны с конца XIII века до 60-х годов XIV века [Майоров, М., 2020, № (1), с. 71].

О. В. Семенову принадлежит целый ряд статей о ямской службе в России. В работе «О времени и обстоятельствах возникновения ямской гоньбы в русских землях» рассмотрены вопросы, связанные с формированием российской ямской службы. Исследователь выступил с критикой идеи существования ямской гоньбы в древние времена: подобные утверждения не находят подкрепления в источниках. С организованной системой почтового сообщ-

щения на Руси познакомились после монгольского нашествия. По мнению О. В. Семенова, «воздействие завоевателей на отечественную систему связи не вызывает сомнения» [Семенов, Екатеринбург, 2016, т. 18, № 1 (148), с. 103–104]. Однако вопрос о том, насколько велико это влияние, остается спорным. О. В. Семенов отмечает определенную роль монгольской ямской системы в формировании русской почтовой службы, однако не склонен преувеличивать ее значение. Формирование русской ямской системы произошло по инициативе русских князей, а монгольская почтовая организация стала лишь образцом.

В. Н. Рудаков (р. 1972) провел исследование терминологии понятия «иго». По его мнению, термин «иго» не может в полной мере отразить весь размах русско-ордынских отношений XIII – середины XV веков. Историк считает, что правильной характеристикой сложившихся в результате завоевания русско-монгольских отношений должно быть не вассальное состояние (договор), а безусловное и прямое подчинение русского князя ханству. Автор осознает, что форма зависимости за этот период претерпела серьезные изменения [Рудаков, М., 2012, № 4, с. 27].

Этнолог Ю. М. Кобищанов (р. 1934) предложил оригинальный взгляд на политические институты Руси и Орды. По мнению исследователя, ордынские кочевники не могли принести свои институты в сельскохозяйственную Россию. Напротив, Золотая Орда оказалась под влиянием более развитой культуры Руси. Ученый различал ордынскую аристократию и рядовых кочевников. Аристократическая система была заимствована Золотой Ордой из завоеванной России, в том числе дворы огланов, даруг и др. [Кобищанов, т. 2, М., 2008, с. 89]. Вопреки распространенному мнению о татарском влиянии на формирование русской почтовой службы Ю. М. Кобищанов рассматривал ямскую гоньбу как один из компонентов аристократической системы ханства, заимствованный у Руси.

Т. В. Черникова (р. 1961) назвала процесс исчезновения веча и дружин в Северо-Восточной Руси, усиления деспотизма русских князей и углубления социального и культурного разделения на Руси последствиями правления Орды [Черникова, М., 2012, с. 42].

В своей докторской диссертации Ф. Ф. Мухаметов обобщил наиболее подробные исследования по изучению монгольского завоевания в русской историографии за более чем два столетия [Мухаметов, М., 2007]. Он рассмотрел разные сферы влияния ханской власти на Русь и отметил, что в условиях монгольского завоевания произошло быстрое ослабление политических связей между различными регионами Руси. Это привело к ликвидации междоусобной борьбы и стремлению князей закрепить за собой и своими потомками «отчинные» земли, а не вести борьбу за «общерусские» столы.

И. И. Назипов в монографии «Северо-Восточная Русь в системе политико-правовых связей Орды» ставит целью идентифицировать политический статус земель Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. в системе политических связей Орды и выяснить, в каком качестве предстает Русь в государственности Улуса Джучи – автономного образования или территориального элемента. Исследователь предложил периодизацию истории взаимоотношений Руси и Орды. По мнению И. И. Назипова, в истории русско-ордынских отношений можно выделить 13 периодов. Поворотным моментом стала «великая замятня». Самый ранний период монгольского правления был определен автором как большая степень подчинения хану Орды. Монгольская империя, а затем и Золотая Орда стали сюзереном Руси и установили постоянные административные учреждения на русской земле, сильно ограничив власть князя. Князья Руси были обязаны получать от хана ярлыки на княжение и регулярно платить дань Орде. Однако с упразднением постоянного административного органа монголов, баскачества, князья Руси получили значительную автономию и стали сами возить дань в Орду. До восстановления сюзеренитета над Русью Тохтамышем ханский контроль над русскими землями был сильно ослаблен и проявлялся только в том, что русские князья платили дань Орде, и то не всегда регулярно.

И. И. Назипов высоко оценил важность совместных боевых действий Золотой Орды и Руси для защиты западной границы Руси. Он отметил, что, с одной стороны, активные военные дей-

ствия Золотой Орды против Литвы косвенно сдерживали западную агрессию. С другой стороны, Золотая Орда напрямую оказывала военную помощь Руси в противостоянии агрессивному набегу западных захватчиков. Все завоевания на Руси Польша и Литва смогли осуществить лишь при ослаблении Орды. Орде принадлежала верховная роль и в правотворчестве на Руси. Нормативные акты хана, правовые обычаи Орды имели большее значение, чем княжеские распоряжения [Назипов, Пермь, 2014, с. 297, 280].

В вопросе функционирования института баскачества, созданного монголами на раннем этапе правления, И. И. Назипов поддержал мнение А. Н. Насонова. Согласно его представлению, Орда поделила Русь на монгольские административно-территориальные единицы – «тмы» и организовала постоянную военную организацию баскачества. Также была создана система администрации на основе десятичной структуры. На территории Руси существовал многочисленный штаб чиновников, десятников, сотников, тысячников, темников и др., собиравших дань и контролировавших соблюдение в русских землях интересов хана [Назипов, Пермь, 2014, с. 116]. Ордынскими чиновниками руководил баскак. В его распоряжении находились военные отряды. Обязанности баскака заключались в организации переписи и отправки дани в Орду. Институт баскачества исчез в 80-е годы XIII в.

Различные аспекты монгольского правления на Руси активно обсуждаются в российских научных кругах. Разные взгляды на проблему нашли отражение в учебниках по истории России. Например, в «Истории России», составленной заведующим кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного университета профессором А. Ю. Дворниченко, отмечено, что монгольское иго «во многом конкретно повлияло на ход русской истории». Иго заблокировало связи Северо-Восточной Руси с другими регионами Руси, определило евразийский характер всей русской истории [Дворниченко, Тот, Ходяков, М., 2005, с. 66].

В «Истории России», составленной профессором исторического факультета МГУ А. С. Орловым, подчеркивается, что монгольское завоевание было «одной из главных причин отставания

России от развитых стран Западной Европы, что привело к огромному экономическому, политическому и культурному ущербу в России» [Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина, М., 2006, с. 58].

В учебном пособии «Отечественная история» под редакцией Р. В. Дегтяревой и С. Н. Полторака утверждается, что монголы не управляли русскими землями непосредственно, не основывали на Руси свою династию и не имели постоянных наместников. Вместо этого русские князья по-прежнему несли ответственность за управление. Татарские ханы только создали институт баскачества, назначили баскаков-предводителей военных отрядов для наблюдения за деятельностью русских князей. Следовательно, власть и управление по-прежнему находились в руках русского князя. Право наследования не было утеряно. Взаимоотношения Руси и Орды можно назвать системой «подарок – отдарок» [Отечественная история, М., 2005, с. 74].

Причины значительного усиления власти князя, по мнению составителей пособия, часто связывают с вооруженной поддержкой Золотой Орды. Авторы поддержали концепцию А. Н. Насонова об активной политике монголов на Руси. Орда стремилась не допустить значительного усиления какого-либо князя и способствовала разжиганию розни и местного сепаратизма. Авторы учебника разделили вассальную территорию Руси на четыре княжества: Московское, Тверское, Рязанское, Нижегородское.

Золотоордынское иго повлияло на сознание общества, в частности, русских князей. Те князья Руси, что были готовы повиноваться хану, унаследовали от жестокого монгольского общества представление о неограниченной власти правителя. Под влиянием монголов наказания, которые раньше применялись только к рабам, такие как смертная казнь и телесные истязания, пришли в Россию. Все это в определенной степени способствовало ожесточению нравов.

В целом авторы заключают, что нельзя не признать монгольское влияние на разные стороны жизни Руси, поскольку в течение двух с половиной веков контакты с кочевниками были неизбежны.

В 2014 году был составлен новый Государственный образовательный стандарт. Согласно ему, термин «татаро-монгольское иго»

заменило понятие «система зависимости русских земель от ордынских ханов». Это отразило текущее понимание учеными ордынского периода в истории России.

Новому образовательному стандарту соответствует учебное пособие «Русь и Золотая Орда: проблема взаимовлияния» Г. В. Логуновой. Она отметила, что трудно недооценивать те изменения, которые происходят в обществе в период таких длительных исторических событий, как многовековая зависимость. По мнению Г. В. Логуновой, ханы не только не способствовали единению русских людей, но наоборот, разжигали рознь и раздоры. Постепенно у народов Руси появилось осознание необходимости объединения в централизованное государство. Автор не отрицает тяжелых последствий нашествия и ига для развития обеих стран – Руси и Орды. Проблемы взаимовлияния стали причиной дальнейшего отставания российского государства от общеевропейского развития [Логунова, Иркутск, 2014, с. 46].

Подводя итог анализа новой и новейшей историографии по проблеме русско-ордынского взаимодействия, можно отметить большую и продуктивную работу специалистов. Важная особенность современных научных трудов – свобода от давления идеологии и методологии марксизма. В исследованиях изложено множество фактов, предложены трактовки событий и явлений.

В постсоветский период ученые продолжили изучение сложившегося круга вопросов по русско-ордынской проблематике, обратили внимание на малоизученные аспекты взаимоотношений Руси и Орды. В научных работах встречаются разные оценки влияния монгольской власти на социально-политическое развитие Руси.

Исследователи рассматривали вопрос исчезновения института веча и усиления деспотизма. А. Л. Юрганов, Ю. В. Кривошеев, Т. В. Черникова, В. В. Карлов связывали эти явления с последствиями ига. Изменилось представление советской историографии о церкви как о «пособнице ханов».

Вопрос о рецепции золотоордынских институтов и изменении политической системы Руси рассматривался в работах В. В. Каргалова, Т. И. Султанова, В. А. Кучкина, В. В. Трепавлова, А. А. Гор-

ского, Ю. В. Селезнева, Ю. В. Кривошеева, Р. Ю. Почекаева и др. Ученые исследовали проблему усиления политического вассалитета князей (Т. Д. Скрынникова, А. Л. Хорошкевич и др.), принятие титула царя (А. А. Горский, В. В. Трепавлов, Ю. В. Селезнев и др.), отмену института родового старейшинства и соправительство на Руси и в Орде (А. А. Горский, В. В. Трепавлов и др.). Изучая эти и другие общественно-политические явления, некоторые из них оценивают монгольский фактор как решающий в формировании политической системы Руси, иные называют его несущественным.

Исследователи уделяли внимание конкретным институтам государственного управления на Руси в ордынский период, таким как баскаческая организация и ямская система.

В вопросе о функциях баскаков на Руси дальнейшее развитие получили выводы В. В. Каргалова. Он выступил с критикой представлений А. Н. Насонова об институте баскачества как о военной организации. По мнению исследователя, нет оснований считать десятников, сотников, тысячников и темников командным составом каких-либо военных подразделений во главе с баскаками. Сходных взглядов придерживаются Ю. В. Кривошеев, А. П. Григорьев, С. А. Маслова, Р. Ю. Почекаев.

По вопросу формирования на Руси ямской системы исследователи высказывались об отсутствии влияния Золотой Орды на этот процесс. В историографии преобладает мнение о том, что ямская служба и переписи утвердились в России много позднее образования единого государства. О. В. Семенов отметил определенную роль монгольской ямской системы в формировании русской почтовой службы, однако не склонен преувеличивать ее значение. Формирование русской ямской системы произошло по инициативе русских князей, а монгольская почтовая организация стала лишь образцом.

Вопрос о влиянии Орды на налоговую систему России был тщательно изучен в советской историографии. Современные исследователи в основном следуют выводам советских ученых.

В современной науке высказывались наблюдения о влиянии Орды на русскую церковь. Ю. В. Сочнев считает, что можно говорить о миссионерской деятельности русской церкви в Орде. Какое-

либо воздействие ордынской власти на религиозную обстановку на Руси отрицают Д. Ю. Арапов и Р. Ю. Почекаев. Причинами исследователи называют религиозные и культурно-цивилизационные различия двух народов, а также подчиненный статус Руси своему сюзеру, Золотой Орде.

Исследования М. Г. Крамаровского [Крамаровский, Л., 1989; М., 1990; Симферополь, 1991, вып.1; СПб, 1991; (Кто здесь? Ынников СПб, 1996; СПб, 1999; СПб, 2001)] и Гончарова Е. Ю. [Гончаров. Донецк, 2000, т. 1; СПб, 1998; Казань, 2001, вып.2] посвящены археологическому изучению истории и культуры столиц Золотой Орды и городской цивилизации Улуса Джучи на примере оседлых поселений Крыма и Поволжья.

Заслуживают внимания фундаментальные труды Т. Д. Скрынниковой по истории империй, созданных монгольскими завоевателями, например, «Харизма и власть в эпоху Чингис-хана» [Скрынникова, М., 1997], а также ее монография в соавторстве с Н. Н. Крадиным – «Империя Чингис-хана» [Крадин, Скрынникова, М., 2006].

В коллективной монографии 2016 года «Золотая Орда в мировой истории» содержится работа Н. Н. Крадина «Монгольская империя и ее роль в мировой истории», где выражена мысль ученого о влиянии монгольских государственных институтов на формирование российского государства. По его мнению, влияние монголов на историю России весьма заметно, т. к. они создали основу будущего возвышения Московского царства, выступившего наследником Золотой Орды [Золотая Орда в мировой истории, Казань, 2016, с. 69].

Современная историография Татарстана о Золотой Орде

В конце XX века получили развитие востоковедческие исследования в национальных республиках России с центром в Казани. Историки «Казанской школы» изучили «татарский вопрос», особенно в части наследия Золотой Орды. После распада СССР все аспекты общественной жизни были либерализованы. Не стали

исключением исторические изыскания. Избавление от доминирования марксистской идеологии привело к более тщательному изучению истории Золотой Орды и татарского народа. В исследованиях стали широко применяться достижения дореволюционной и зарубежной историографии.

Монография «500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения» казанского археолога А. Х. Халикова (1929–1994) посвящена татарскому происхождению некоторых родов русской аристократии. По его мнению, русское служебное дворянство сформировалось на основе переселения татарской знати в XV–XVII веках, и целых 300 родов имеют тюркское происхождение. Некоторые представители этих родов – известные русские послы XV–XVI вв.

И. Л. Измайлов считает, что оценка последствий монголо-татарского ига в российской историографии игнорировала положительные факторы ордынской власти, и только в работах евразийцев Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилева можно увидеть позитивные последствия завоевания [Измайлов, Казань, 2001, с. 86]. И. Л. Измайлов отметил, что многие монголо-татары пришли служить русским князьям и стали важной частью правящего класса Руси. Однако, по мнению историка, симбиоза между лесом и степью, предложенного Л. Н. Гумилевым и Г. В. Вернадским, не существовало.

С середины 90-х годов XX века лидером в области изучения истории татар является Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

И. Р. Тагиров – сторонник теории татарского заимствования. Он преувеличивает роль монголо-татарского фактора в становлении российской государственности. По мнению Тагирова, Золотая Орда не была такой дикой и отсталой, как полагала советская историография. Уровень ее городского развития был выше, чем в Западной Европе. Система власти на Руси была полностью скопирована с системы Золотой Орды. Подушный налог, взимаемый с населения Руси, историк назвал необходимым для нужд страны, охраны границ и безопасности [Тагиров, М., 2001, с. 9, 11].

И. П. Ермолаев считает, что термин «иго» следует пересмотреть и его неуместно использовать для определения русско-ордынских отношений, т. к. он должным образом не отражает отношения между Русью и Золотой Ордой. И. П. Ермолаев заметил, что правление Золотой Орды на русской земле отличалось от управления другими завоеванными регионами. По сравнению с другими подвластными Золотой Орде землями (Волжская Булгария, Дешт-и-Кипчак, Хорезм и др.), где на смену местной власти пришли монгольские правители, и все правители были монгольскими ставленниками, на Руси сохранилась власть своих князей, хотя и под контролем хана Золотой Орды. Ермолаев назвал русско-ордынские взаимоотношения универсальной феодальной зависимостью. Золотая Орда всегда признавала экономическую, культурную и политическую автономию русских земель, а зависимость проявлялась только в пожаловании ярлыков на княжение и выдачу дани хану Золотой Орды.

Согласно И. П. Ермолаеву, мнение американского историка Ричарда Пайпса о том, что зависимость породила коллаборационизм среди русских князей, очень близко к фактам [Ермолаев, Казань, 2004, с. 94]. По словам исследователя, правление монголов усилило власть князей, позволив тем избавиться от ограничений со стороны народа. Феодальная модель Москвы нетипична для феодальной системы Запада – «вассал моего вассала – не мой вассал». В Москве превалировал принцип восточного вассалитета – «вассал моего вассала также является моим вассалом».

Представление о наследовании Московским государством элементов управления Золотой Ордой выражается в восприятии Москвой царского достоинства, трактовавшего знаменитую шапку Мономаха как полную преемственность наследия Золотой Орды. По мнению И. П. Ермолаева, московский князь воспринял царский титул от Орды как ее наследник, чтобы аннексировать осколки Золотой Орды после ее распада [Ермолаев, Казань, 2004, с. 94–96].

16 января 2003 года в Москве, в Российской академии наук состоялся семинар «Татарский вопрос в России». Многие известные ученые, в том числе из Татарстана, обсуждали русско-татарское историческое наследие и его современную интерпретацию.

Еще ранее, в 2001 году, РАН и АН Татарстана совместно выпустили монографию «Татары», в которой затронуты некоторые этнополитические процессы и их исторические последствия, происходившие на территории Золотой Орды.

Был сформирован вывод о том, что «Московское ханство» приняло татаро-монгольские традиции государственного строительства вместо киевской традиции [Тишков, Чешко, М., 2001]. Кроме того, Россия приняла знак двуглавого орла не от Византии, а от Орды.

В 2013 году вышла еще одна работа, в которой символ российской государственности – герб в виде двуглавого орла – был отнесен к влиянию Золотой Орды. По мнению Н. Н. Халитовой и Н. Х. Халитова, этот процесс произошел не при правлениях Узбек-хана и Джанибек-хана, а ранее: при правлении хана Токты появились монеты с изображением двуглавого орла [Халитова, Халитов, Казань, 2013, с. 111].

Концепция директора Института истории АН Республики Татарстан Р. С. Хакимова фактически унаследовала взгляды славянофилов, М. Г. Худякова и евразийской школы. В его работах содержится множество ссылок на евразийских теоретиков – П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Л. Н. Гумилева, Г. В. Вернадского и др. Ученый утверждает, что историю России, а значит, ее будущее не понять без татарского фактора. Он подвергает критике концепцию С. М. Соловьева и В. О. Ключевского об игнорировании татарского влияния на становление российской государственности. По мнению Р. С. Хакимова, вполне справедливо говорить о Золотой Орде, как привнесшей дух экспансии и державности на российскую почву [Хакимов, Родина, 2005, № 8, с. 45].

Заметным научным вкладом в исследование истории Золотой Орды являются труды востоковеда А. А. Арслановой, посвященные персидским источникам и взаимоотношениям Улуса Джучи с иль-ханами Хулагуидами [Арсланова, Казань, 2002].

А. Г. Бахтин отметил, что ордынская знать была включена в систему государственной власти России. В русских летописях очень часто встречаются упоминания об ордынских царевичах, служивших русскими князьями. Как отмечает исследователь, военачаль-

ники, приехавшие из Орды, помогали защищать приграничные территории русских княжеств [Бахтин, Йошкар-Ола, 2008, с. 147].

Работа Б. Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен» рассматривает связи между Москвой и татарскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды. В ней автор затронул проблему исторической преемственности, что созвучно с выводами В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Трепавлова, Б. А. Азнабаева о заимствовании элементов государственности Золотой Орды системой управления Московского княжества.

Москва – преемник ордынского государства и стала доминировать в Евразии после распада Золотой Орды. Русский великий князь получил титул верховного правителя и позаимствовал ее практику в управлении, дипломатии и финансах. Московское княжество-государство интегрировало ее социальную структуру – степной институт «юрт», уникальный тем, что смог интегрировать выезжающих ордынцев из позднезолотоордынских государств в московское общество и государство. Их привлечение на службу Москве защитило Русь от иноземных вторжений и усилило власть великого князя Московского [Рахимзянов, М., 2017, с. 381–387]. По мнению ученого, монголо-татарское нашествие не должно было восприниматься на Руси как катастрофа, когда Золотая Орда стала повелевать русскими землями, а русские князья стали вассалами Улуса Джучи. В итоге монгольского завоевания русские княжества оказались частью владений империи Чингисидов, воспринимавших как подчиненный единый «русский улус», а также как совокупность княжеств – улусов Монгольской империи, что выражалось, прежде всего, в выплате дани – «ордынского выхода».

Можно сказать, казанские историки преувеличивают роль Золотой Орды и татарского мира в становлении российской государственности и почему-то включают в татарский мир другие тюркские народы, истоки этногенеза которых ведут во времена Золотой Орды.

Региональных исследователей в лице казанских ученых в целом можно считать последователями концепции евразийской школы, согласно которой российское государство является наслед-

ником Золотой Орды и преемником ее государственного строя. Наблюдаются некоторые расхождения во взглядах по конкретным вопросам. Например, И. П. Ермолаев определил отношения между ханством и Москвой в конце XIV – начале XV веков как «партнерство», а Б. Р. Рахимзянов пошел дальше и назвал Москву «внутренним игроком» в тюркско-татарской мировой системе. И. П. Ермолаев согласен с А. А. Горским и другими современными историками по вопросу необходимости пересмотра русско-ордынских отношений. Термин «игро» исследователь считает неподходящим.

Для региональных историков свойственна эклектичность теоретических построений в изучении наследия Золотой Орды. С одной стороны, Р. С. Хакимов считает, что упадок городов Руси начался в период Киевской Руси в домонгольский период и стал результатом ослабления внутреннего торгового пути «из варяг в греки», что представляет собой развитие идеи С. М. Соловьева. С другой стороны, Р. С. Хакимов близок к позиции славянофилов и евразийцев, полагая, что монголо-татары сыграли важную роль в истории России в области государственности, менталитета, социальной структуры, церемониала, архитектуры, языка, титулатуры.

Исследования археолога Л. Ф. Недашковского посвящены проблемам становления и динамики развития золотоордынских городов Нижнего Поволжья – до этого неисследованной темы в золотоордынской археологии, когда им впервые были введены в научный оборот новые археологические и нумизматические материалы, позволившие выявить особенности возникновения городов Золотой Орды и охарактеризовать их население и его хозяйственные занятия [Недашковский, М., 2010].

Исследование А. М. Арсланова проливает свет на торгово-экономические связи Золотой Орды со странами Запада во второй половине XIII–XIV веков, когда именно в Улусе Джучи были впервые сформированы и апробированы механизмы налаживания торговых отношений, разрешения конфликтов между конкурирующими сторонами, государственного регулирования торговли, организации особых торговых зон, используемые и поныне [Арсланов, Казань, 2015].

Итогом многолетних исследований ученых Татарстана является Штом «Истории татар с древнейших времен» в семи томах, посвященный Улусу Джучи, или Золотой Орде, под главной редакцией М. А. Усманова и Р. Хакимова, в написании которого приняли участие российские ученые Е. И. Кычанов, М. Г. Крамаровский, М. В. Горелик, В. В. Трепавлов, М. Д. Полубояринова, А. Ш. Кадырбаев, Л. Б. Гмыря, Г. Н. Белорыбкин, А. М. Белавин, Ю. С. Худяков, А. Г. Юрченко, В. С. Чураков, В. В. Напольских, В. В. Плахов, В. П. Костюков, Э. Д. Зиливинская, Л. Т. Яблонский, И. В. Волков, западные ученые И. Вашари, Ю. Шамильоглу, Ч. Гальперин, Х. Гекеньян [История татар ... Казань, 2009, т. III].

Особое внимание национальные историки (А. Х. Халиков, И. П. Ермолаев, А. Г. Бахтин, Б. Р. Рахимзянов, М. А. Усманов, Р. С. Хакимов и др.) уделяют роли ордынских царевичей, служивших московским князьям, а также «татарскому» происхождению представителей русской аристократии. Предложен вывод о том, что многие русские аристократы имели татарское происхождение и вместе с местными дворянами, а также с выходцами из Литвы, Польши и других стран составляли русское служилое сословие. Здесь следует отметить, что казанские историки к числу знати татарского происхождения относят и выходцев из других тюркских народов, например, ногайцев, что не совсем верно.

Современный уровень развития исторических знаний о Золотой Орде требует внимательного отношения к таким сложным вопросам, как монголо-татарское иго. В. В. Трепавлов и Т. И. Султанов обращают внимание на двойственность этого вопроса: если для русского народа Золотая Орда и ее хан представляют собой традиционный образ завоевателей, то для многих тюркских народов России и стран СНГ Золотая Орда – это истоки их этногенеза. Поэтому ряд казанских ученых рассматривает татар как важную часть русской национальной самобытности.

Подобная тенденция отражена в работах Р. С. Хакимова, Ш. Ф. Мухамедьярова, Ф. Ф. Мухаметова. В их работах встречается мнение о том, что история Золотой Орды не только составляет становой хребет татарской общины, но и является основой госу-

дарственности России. Однако мнение о том, что Золотая Орда – историческая родина русского народа, не согласуется с фактами. История России основана, прежде всего, на истории восточнославянских народов. Эти факты не отрицают определенного влияния на Русь Золотой Орды, Византии и Западной Европы. Ордынцы не могли выполнить такую масштабную задачу, как объединение Руси, хотя бы в силу своей относительно небольшой численности. Однако отрицать важность фактора Золотой Орды в истории Руси неправомерно, т. к. русские земли были подчинены Улусу Джучи около 250 лет. Кроме того, представление о том, что казанские татары являются прямыми этническими наследниками Золотой Орды, красной нитью проходящее через большинство работ ученых Татарстана о Золотой Орде, по меньшей мере дискуссионно. Прямыми наследниками Золотой Орды являются степные тюркские народы – ногайцы, крымские и сибирские татары, казахи, башкиры, каракалпаки. Скорее всего, казанские татары – наследники Волжской Булгарии, которая, как и Русь, была завоевана монголами.

Современная историография Казахстана о Золотой Орде

Данная проблематика вызывает живой интерес не только у ученых, но и в широких слоях казахского общества, поскольку истоки этногенеза казахского народа относятся ко времени распада степной империи, каковой была Золотая Орда. Но в современной казахстанской историографии предпочтительно стараются употреблять по отношению к Золотой Орде термин «Улус Жошы». «Жошы» – так звучит имя Джучи на казахском языке. Свидетельством интереса не только казахского общества, но и государства к данной проблематике являются озвученные в 2021 году намерения создать в Казахстане Институт по изучению Улуса Жошы. К сожалению, за время существования независимого Казахстана появилась масса псевдоисторических книг об Улусе Джучи. Они находятся по своему уровню за пределами научного знания и

потому недостойны упоминания. В них есть попытки говорить об истории Улуса Джучи как сугубо истории тюркских народов, игнорируя при этом монгольский фактор, а порой даже представлять его историю как исключительно относящуюся к казахам, что противоречит всем данным науки.

Вместе с тем в Казахстане есть отдельные ученые, затрагивавшие проблематику Золотой Орды на академическом уровне, среди которых прежде всего стоит выделить исследования А. К. Кушкumbaева. Главным объектом его изучения является военное дело Улуса Джучи, тактика и стратегия, организация и вооружение его войск, тем более что владычество Улуса Джучи в покоренных странах основывалось, в первую очередь, на военной силе [Кушкumbaев, Астана, 2012, с. 3–5, 38–71, 59–76, 199–219; Он же, Казань, 2013, № 2, с. 60–76; Он же, Астана, 2013, с. 55–71; Он же; Казань, 2012, с. 38–71, 181–192]. Также ученым исследуется организация управления Улусом Джучи.

Исследованию Восточного Дешт-и-Кипчака в составе Улуса Джучи посвящена работа К. З. Ускенбая, которая восполняет пробел в ранее недостаточно изученной проблеме, касающейся сложения улусной системы Золотой Орды, а также позволяет вычленить периодизацию политической истории Восточного Дешт-и-Кипчака в XIII – первой трети XV века и вносит ясность в вопрос о названиях улусов Золотой Орды [Ускенбай, Алматы, 2002].

В исследованиях А. И. Исина и Н. А. Атыгаева главное внимание уделяется государствам-наследникам Улуса Джучи [Атыгаев, А., 2012]. Среди работ можно упомянуть труды К. А. Пищулиной и Ю. А. Зуева, но они лишь косвенно касаются истории Улуса Джучи, основное внимание также уделяя его наследникам в постордынское время.

Следует обратить внимание на исследования казахстанских археологов З. Самашева, О. Кузнецовой, В. Плахова, [Самашев, Кузнецова, Плахов, Астана, 2008] а также К. М. Байпакова, посвященные городской культуре присырдарьинских городов Улуса Джучи и одной из его столиц – городу Сарайчику в Приуралье [Байпаков, Казань, 2009, т. III, с. 259–262].

Глава II

НАРОДЫ ЕВРАЗИИ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

«Кипчакский» поход монголов на земли, завещанные Чингис-ханом Улусу Джучи. 1236–1242

Степи Казахстана и Восточной Европы от Алтая до Дуная, ставшие после монгольского завоевания частью Монгольской империи, а после ее распада – Улуса Джучи, ранее, с XI века, носившие название Дешт-и-Кипчак в мусульманских источниках, населяли тюркские племена кипчаков (цинъча в китайской династийной истории «Юань-ши», написанной в начале XIV века), не имевшие единого государства, известные на Руси как половцы, а в Центральной Европе и на Балканах – как команы, куны, куманы. К кругу кипчакских племен мусульманские авторы относили и тюркоязычных канглы, также обитавших в пределах Дешт-и-Кипчака, хотя в «Юань-ши» жизнеописания выходцев из цинъча и канглы под китайским наименованием «канли» четко отделены друг от друга [Golden, 1986–1987 (offrint), p. 7–8].

Особенно была заметна роль кипчаков: они господствовали не только в Дешт-и-Кипчаке, на степных просторах Центральной Азии и Причерноморья, но и правили могущественными державами оседлых народов [Федоров-Давыдов, М., 1968, с. 49–52]. Свидетельство тому – государство Хорезмшахов, которому были подвластны земли современных оазисов Средней Азии, Афга-

нистана, Азербайджана и большей части Ирана, где у правителей «рождались дети только от дочерей кипчакских владык», как, например, шах Хорезма Мухаммад, низложенный Чингис-ханом, Дунайская Болгария, где в начале XIII века пришла к власти кипчакская династия в лице царей Пера и Асеня, Грузия [Анчабадзе, А.-А., 1976, с. 13–14] и Византия, которые лишь с помощью кипчаков устояли под натиском кочевников-печенегов, туркменской Сельджукской державы и западноевропейских крестоносцев, а также Венгрия и Киевская Русь, в чьих княжеских междоусобицах кипчаки, родственники древнерусских князей и венгерских королей, играли заметную и неоднозначную роль [Кадырбаев, А., 1997, с. 29–38, 39–43].

Это были герои многих древнерусских летописей – «шелудивый», «поганный», «неверный» хан Боняк и «свирепый», «хищный» Тугорхан, он же Тугарин Змеевич русских былин и сказаний, хан Котян, получивший от венгерского короля титул «доминус Куманорум» – «правитель кипчаков», чья дочь, в крещении Елизавета, стала женой наследника венгерского престола и матерью будущего короля Ласло [Голубовский, Киев, 1989].

Византийские хроники запечатлели образ византийского полководца кипчака Альпамиша [Каждан, М., 1974, с. 148, 163, 165, 201, 202, 215, 217, 244, 261–262]. Известно, что венгры и византийцы заимствовали у кипчаков оружие – сабли, тугие луки, седла, формы стремян и роскошные половецкие одежды, широко распространенные в связи с этим среди придворных их монархов – короля и императора. Древнерусская летопись сохранила поэтический рассказ о хане Атраке, зяте грузинского царя Давида IV Строителя. Брат Атрака Сырчан отправил к нему любимого певца-сказителя Орева уговорить вернуться в родные степи. Орев пел «песни половецки», но Атрак, несмотря на ностальгию, все же не хотел оставить роскошную жизнь в благодатном краю, в ореоле воинской славы при грузинском царском дворе. Тогда Орев дал ему степную траву «евшан», вдохнув запах которой, Атрак воскликнул: «Лучше есть на своей земле костью лечи, нали на чуже славу быти!» [ПСРЛ, М., 1962, с. 716].

Служили кипчаки и атабекам Азербайджана, на территории которого после распада Сельджукской державы кипчак Ильдигиз из гвардии тюркских рабов основал династию и государство, просуществовавшие до начала XIII века, а также эмирам Гянджи и армянским владельцам [Гандзакеци, М., 1976, с. 187]. До наших дней сохранились армяно-кипчакские письменные памятники той эпохи.

В «Юань-ши» в разделе «Лечжуань – Биографии» приводятся многочисленные жизнеописания циньча и канли, служивших на важных государственных и военных постах в Монгольской империи, созданной Чингис-ханом и его первыми наследниками, а после ее распада в монгольском государстве в Восточной и Центральной Азии – империи Юань. В их биографиях говорится о стране их происхождения – Дешт-и-Кипчаке, о том, как монгольские завоеватели покоряли циньча и канли. Хотя циньча, как уже указывалось выше, не имели единого государства, монгольские завоеватели рассматривали их как опасного противника, о чем свидетельствует название похода монголов на Запад в 1237 году – «Кипчакский поход», когда к 1241–1242 годам монгольские войска в своем завоевательном порыве дошли до Адриатического моря и чешско-германской границы, сокрушив циньча на Северном Кавказе, в Северном Прикаспии, в «Поле половецком», царство волжских булгар на Каме, княжества Северо-Восточной и Южной Руси, Венгерское и Польское королевства и разгромив объединенное войско западноевропейских рыцарей под Лигницей. Поэтому из названия похода вполне логично предположение, что монгольские ханы считали циньча своим главным противником в этом походе.

А теперь обратимся к текстам «Юань-ши», посвященным этим событиям. В жизнеописании кипчака Тутуха сообщается о начале завоевания циньча монголами еще при Чингис-хане: «Тайцзу (Чингис-хан) совершил поход на мелицзи (меркитов). Их правитель Ходу бежал к циньча. Инассу (правитель циньча) принял его. Тайцзу тогда направил к нему (Инассу) посла сказать: «Ты зачем спрятал изюбра, в которого я хотел пустить стрелу? Немедленно верни его мне. Не согласишься, принесешь себе беду».

Инассу ответил: «Для воробья, бегущего от ястреба, даже заросли сомкнутся, чтобы он мог остаться в живых. Неужели я хуже травы и деревьев?» Тогда Тайцзу (Чингис-хан) приказал пойти походом и покарать его (Инассу). Инассу уже состарился и в (его) государстве (го) был большой беспорядок. Сын Инассу, которого звали Хулусумань, отправил к Тайцзу посла с изъявлением покорности. Но Сяньцзун (Мункэ-хан, внук Чингис-хана) уже получил приказ двинуть войска и стучался в их границы. Сын Хулусуманя Баньдуча собрал племя (циньча) и вышел (к монголам) с покорностью...» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 128, с. 27439 (1487)].

В «Юань-ши» приводятся данные и о других племенах циньча и канли, покорившихся монголам без кровопролития: «Куруз из циньча. Его дед Халача (Карачар) вместе со своим племенем добровольно покорился (Чингис-хану)» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 130, с. 27438 (1486)]. «Орос из племени канли. Его прадед Хэши-байяо (Кайши-баяут) в период возвышения государства (монголов) покорился им добровольно» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 134, с. 27498 (1546)]. «Канли Айбо-байяо (Айбай-баяут) во времена Тайцзу (Чингис-хана), ведя за собой орду, покорился монголам» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 133, с. 27484 (1532)].

Однако далеко не всегда монгольским завоевателям удавалось бескровно покорить циньча и канли. Еще в ранний период создания монгольского государства Чингис-ханом, когда он вел жестокую борьбу за объединение монгольских племен, одно из этих племен – меркиты («мелицзи» в «Юань-ши»), отказались подчиняться его власти и откочевали в западном направлении к циньча, ища у них убежища, преследуемые монголами, о чем уже упоминалось выше в биографии циньча Тутуха.

Но в «Юань-ши» есть и другое сообщение, что приводится в жизнеописании монгольского полководца Субэдэй-бахадура, согласно которому преследование меркитов связано с его именем, а не с Мункэ-ханом: «Сразившись с меркитами, (Субудэй) разбил их в одном сражении и пленил двух их предводителей ... Их (мер-

китов) правитель Ходу (Тохта) бежал к циньча. Субэдэй преследовал его и, сразившись с циньча, разбил их» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань, 121, с. 27365 (1413)–27366 (1414)]. Эти сведения подтверждаются монгольским источником XIII в. «Юань-чао-би-ши» («Тайной историей монголов»): «Меркитские Тохтоаевы сыновья, как и прочие меркиты, взяли направление в сторону канлинцев (канглы)...» [Козин, М–Л., 1941, с. 210].

Канли также далеко не всегда подчинялись монголам без сопротивления, о чем сообщает «Юань-ши»: «С самого начала (становления монгольского государства) Тайцзу (Чингис-хан) громил канли ...» [«Юань-ши», цзюань 136, с. 27517 (1565)]. «Канли являются теми, кого при Хань (древнекитайская империя, III век до н. э. – начало III века н. э.) называли Гао-чэ-го (страна высоких повозок) ... Хайланьбо (Кайшибай) служил у керейтского Ван-хана. Когда Ван-хан был уничтожен (монголами. – *Авт.*), то (Хайланьбо. – *Авт.*) бросил семью и вслед за несколькими тысячами всадников умчался в северо-западном направлении. Тайцзу (Чингис-хан. – *Авт.*) направил посла и призвал его прибыть ко двору (монгольскому. – *Авт.*). Ответ был таков: «В прошлом я вместе с государем (т. е. с Чингис-ханом. – *Авт.*) служил Ван-хану. Сейчас Ван-хан умер, но я не могу изменить тому, кому служил». И после этого (Хайланьбо. – *Авт.*) удалился и никто не знал, куда он направился. У него было десять сыновей. Все они были Тайцзу (Чингис-ханом) взяты в плен ...» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 130, с. 27434 (1502)]

Как видно из приведенного текста, представитель знати канли Кайшибай служил хану улуса киреитов Тоорилу Ван-хану в свое время вместе с Чингис-ханом, когда Ван-хан был самым могущественным владыкой в степях Монголии, а после его низвержения Чингис-ханом отказался перейти на службу к последнему, исходя из бытовавшего тогда среди кочевой знати своеобразного степного «кодекса чести» не изменять своему повелителю, в какой бы ситуации он ни находился.

Вышеупомянутый поход на циньча Субэдэй-бахадур был первым, но далеко не последним его и других монгольских полко-

водцев походом против циньча. В 1221 году, как сообщают мусульманские источники, старший сын Чингис-хана Джучи-хан после разгрома монголами государства Хорезмшахов и взятия его столицы Гурганджа (Ургенча) во главе многочисленного войска отправился в поход на кипчаков, обитавших в степях к северо-востоку от Аральского моря, где встретил их вооруженное сопротивление и наголову разгромил их в кровопролитном сражении. Современник этих событий – персидский летописец Джузджани писал, что монголы, «управившись с делами хорезмскими, обратились на Кипчак и Туркестан, покорили и запленили это все своей властью. Когда Джучи увидел воздух и воду кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли слаще этой, лугов и земли обширнее ...» [СМИЗО, т. 2, М. – Л., 1939, с. 44]. Другой, более поздний мусульманский автор, правитель Хивинского ханства Абу-л-Гази-хан, в свою очередь сообщал, что по прибытии Джучи-хана в Дешт-и-Кипчак «кипчакский народ собрался и произошла битва, Джучи-хан победил и перебил всех попавших ему в руки кипчаков» [Кононов, М. – Л., 1958, с. 48].

Древнерусские летописи датируют этот поход 1229 годом и сообщают, что под натиском монголов в пределы Волжской Булгарии бежали кипчаки, известные на Руси как половцы, что явилось предлогом для нападения монголов на волжских болгар. Этот поход стал следствием курултая – собрания Чингисидов и монгольской знати 1227 года, когда уже после смерти Чингис-хана и его старшего сына Джучи, основателя Джучиева Улуса, известного в древнерусских летописях под названием Золотой Орды, при правлении великого хана Угэдэя – третьего сына «Потрясателя Вселенной» были озвучены проекты новых завоеваний, о чем сообщает арабский автор Ибн ал-Асир. Персидский историк монгольской эпохи Рашид-ад-Дин пишет, что Угэдэй-хан «во исполнение указа, данного Чингис-ханом на имя Джучи, поручил завоевание Северных стран членам его дома». Угэдэй-хан отправил монгольских полководцев Кукдая и Субэдэя с 30 тысячами конных воинов «в сторону... Кипчака, Саксина и Булгара» [Ибн ал-Асир, Баку, 1940, с. 142; Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1956, т. 1, с. 57].

В биографии Субэдэя-бахадур, главного военного советника главнокомандующего «Кипчакским походом» Бату-хана, сообщается, что войска, ведомые Субэдэем и Джэбэ-нойоном, сражались с циньча и одерживали победы над ними еще задолго до этого похода – как во время становления молодого монгольского государства, о чем упоминалось выше, так и во время разведывательного рейда монголов через Кавказ с юга, когда они разрушили союз кипчаков-половцев с аланами, или асами китайских источников, – народом Северного Кавказа. Преодолев Главный Кавказский хребет, воины Джэбэ и Субэдэя вторглись в аланские пределы. Об этом сообщают мусульманские – арабо-персидские источники и китайская династийная история «Юань-ши».

Затем монгольские войска разгромили объединенное войско циньча и русских князей на реке Калке: «В год гуйвэй (с начала февраля 1223 до конца марта 1224 года) доложил трону и обратился с просьбой, чтобы ему разрешили привести циньча-кипчаков к покорности. Получил повеление сделать это. Затем войска под командованием (Субэдэя) обошли Каспийское море, подошли к перевалу Тайхэ, пробивая себе путь через каменные преграды. Вышли к месту, неожиданному для врага. Подошли и столкнулись с их вождями (циньча), которых звали Юйлици (князь кипчаков-половцев Юрий Кончакович. – *Авт.*) и Дадахэр, чьи воины сконцентрировались у реки Буцзу. Воины (Субэдэя) стремительно атаковали (циньча), рассеяли и обратили их в бегство. Стрела попала в сына Юйлици. Юйлици спасся бегством в лес. Его рабы сообщили об этом монголам и сына Юйлици они пленили. Все другие (циньча) выразили покорность (монголам). Затем (монголы) овладели землями циньча. Рабы циньча просили (Субэдэя) назначить им того, кто бы ими правил. Субэдэй дал им вольную. По возвращении (Субэдэя из похода) император (Чингис-хан) узнал об этом и сказал по этому поводу: «Если рабы не преданы своему повелителю, то на их верность и другим нельзя рассчитывать». И приказал их предать казни. Дополнительно Субэдэй в своем докладе, который он подал трону, просил объединить в одно войско тысячи мелици (меркитов), намань (найманов), цюеле (киреитов), канли,

циньча. Тайцзу исполнил его просьбу» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 121, с. 273366 (1414)].

Во время «Кипчакского похода», который состоялся через 12 лет после битвы на Калке, первой жертвой завоевателей опять стали циньча, но жившие в Северном Прикаспии, которых возглавлял Бачман, когда, «в год ивэй (с января 1235 до начала февраля 1236 года) Тайцзун (Угэдэй-хан, сын Чингис-хана, великий всемонгольский хан) повелел чжувану (царевичу) Баду (Батухану) отправиться в поход на Запад, на Бачиманя (Бачмана) и сказал следующее: «До нашего слуха дошли известия о доблести и храбрости Бачиманя. Так как Субэдэй такой же, он сможет победить (Бачиманя)». Вследствие этого повелел (Субэдэю) идти впереди и напасть на Бачиманя. Затем дополнительно поставил (его) во главе всего (монгольского) войска. Затем взял в плен жен и детей Бачиманя. Когда Бачимань узнал об этом, он испытал страх и ушел в море» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 121, с. 273366 (1414)].

Как видно из вышеприведенного текста, монгольские завоеватели давали высокую оценку Бачману как воину и военачальнику, сравнив его с самым знаменитым полководцем монголов Субэдэй-бахадуром.

С данными «Юань-ши» перекликаются сведения мусульманских авторов. Как пишет арабский автор Ибн-Василь, «вспыхнуло пламя войны между татарами (монголами) и кипчаками» [СМИЗО, т. 1, СПб., 1884, с. 73] еще в 1229–1230 годах и сильно разгорелось в 1237 году во время «Кипчакского» похода монголов. Персидский историк монгольской эпохи Джувейни сообщал о Бачмане: «Где бы войска монгольские ни искали его следов, нигде не находили его, потому что он уходил в другие места и оставался невредим. Узнав, что он скрывается на одном из островов реки Итиль (Волги), против него двинулось большое войско на 200 судах ...» [СМИЗО, т. 2, М. – Л., 1939, с. 34–36].

Другой персидский историк, автор своего рода всемирной истории «Джами-ат-таварих» («Сборника летописей»), Рашид-ад-Дин Фазлаллах также приводит рассказ о пленении монголами Бач-

мана, с той разницей, что войсковой операцией по поимке Бачмана командовал не Субэдэй-бахадур, а внук Чингис-хана Мункэ-хан, позднее ставший последним великим ханом единой Монгольской империи перед ее распадом. Согласно сведениям Рашид-ад-Дина, только на суда было посажено 20 тысяч воинов, не считая тех, кто шел в конном строю облавой вдоль берегов [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1952, т. 2, кн. 2, с. 38]. Причем в его рассказе сообщается об участии в боях с монголами на стороне кипчаков Бачмана отряда аланов во главе с Качир-Укуле.

В другом сообщении «Юань-ши» в жизнеописании Сяньцзуна (всемонгольского великого хана Мункэ) честь пленения Бачмана также отдается хану Мункэ: «На 3 луну ... (1237 год) Сяньцзун (Мункэ-хан) вторгся в земли циньча (кипчаков) и подошел к Куан-тянь-чжицзэ (Каспийскому морю). Их (циньча) правитель Бачимань (Бачман) бежал со своим родом на остров в море. Сяньцзун, когда об этом узнал, сразу отправился в поход, чтобы взять его в плен. К счастью (для монголов), поднявшаяся сильная волна в море стала причиной падения уровня воды, что открыло им путь к острову. Сяньцзун сказал: «Небо открывает мне дорогу». Войско Бачиманя было разгромлено, а сам он был взят в плен. Сяньцзун приказал стать ему на колени, но тот ответил: «Я сам правитель и не боюсь смерти» и сообщил монголам о вероятности прилива, посоветовав им подумать о скором возвращении с острова. Часть (монгольского) войска вынуждена была достигнуть берега вплавь» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 3, с. 25992 (40)].

Но и после этого поражения кипчаки продолжали сражаться с монгольскими завоевателями: «В год барса, соответствующий 639 году хиджры мусульманского летоисчисления (1241–1242 годы) кипчаки в большом числе пошли войной на сына Джучи, который в бою их разбил ...» [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1952, т. 2, кн. 2, с. 200]. Эти сведения мусульманских летописцев подтверждает «Юань-чао-би-ши» («Тайная история монголов»): «Из-за сильного сопротивления части кипчакских племен (всемонгольский великий хан Угэдэй) отправил в поход Бату, Бури, Мункэ и других царевичей (членов рода Чингис-хана) на помощь Субеетая (Субэдэю),

так как Субеетай-багатур встречал сильное сопротивление со стороны тех стран и народов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно – народов канлин (канглы), кибчаут (кипчаков)» [Козин, М. – Л., 1941, с. 191–192, 270].

В других жизнеописаниях циньча и канли, а также выходцев из других народов в «Юань-ши» есть также упоминания о завоевании и покорении циньча монголами, но без подробностей. Например, в биографии мусульманина Хэсымайли (Исмаила) говорится: «Император (Чингис-хан) отправил к Джэбэ (нойону) гонца с приказом, чтобы тот выступил в поход для покорения циньча ... (Он) подошел к племенам гуэрджи (грузинов) и асу (асов-аланов). Затем призвал покориться (монголам) город Хэлинь (столицу канли). Продвинувшись, нанес удар волосы (русским) в горах Таэршань и покорил их. Захватил в плен их князя Мечисылао (Мстислава). Джэбэ приказал Хэсымайли преподнести (пленника) наследнику трона (Джучи – старшему сыну Чингис-хана). (Тот) казнил (пленника). Вскоре пошел походом на канли (канглы). Подойдя к их городу ... вступил в бой с их правителем ... и вновь разгромил его. Продвинувшись, подошел к кипчакам и тоже их усмирил. Войска вернулись из похода, а Джэбэ умер» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 120, с. 27364 (1412)].

Но не все канли и циньча были против монголов. В жизнеописании канглы Аньмао-бадура сообщается: «Аньмао-бадур из племени канли. С самого начала (становления монгольского государства) следовал за Субэдэем и нойоном (Джэбэ), ходил походом на циньча ...» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 123, с. 924]. Почти все циньча, чьи биографии приводятся в «Юань-ши», служили монгольским завоевателям и активно участвовали в их завоевательных походах. Но подавляющее большинство сведений об этом касается их участия в войнах монголов против китайской империи Южной Сун и империи чжурчжэней Цзинь, Дайвьета (Вьетнама).

Борьба с кипчаками красной нитью проходит в течение всего «Кипчакского» похода, даже тогда, когда монголы подошли к границам стран центральной Европы. Не говоря уже о том, что млад-

ший брат Бату-хана Берке, успешно сражавшийся с кипчаками Нижнего Поволжья, во время похода монголов на Русь, преследуя бежавших кипчаков, разорил южный русский город Переяславль, предоставивший убежище этим заклятым врагам монголов. А после того, как войска Бату-хана сокрушили русские княжества Северо-Восточной Руси, кипчаки из «Поля половецкого» – южно-русских восточноевропейских степей во главе с ханом Котяном, не желавшие покоряться монголам, оставили свои кочевья в Дешт-и-Кипчаке и обратились с просьбой предоставить им убежище к королю Венгрии Беле IV.

Осенью 1239 года, когда волны монгольского вторжения охватили Южную Русь и шло наступление на Киев, король Венгрии лично встречал 40-тысячную орду кипчаков хана Котьяна на границе своих владений. Бела IV поселил кипчаков в междуречье Дуная и Тисы и на восточной границе, где ожидалось монгольское вторжение. Предоставление венграми убежища кипчакам стало весомым поводом для нападения монголов на Венгрию. В 1240 г. Бату-хан, двинувшийся в поход на Юго-Западную Русь и страны Центральной Европы, первой из которых подверглась атаке Венгрия, чтобы обезопасить себя от разгромленных, но окончательно не побежденных кипчаков в своем тылу, оставил Берке в арьергарде своих войск, продолжавших действовать против кипчаков, пока основные силы монголов сражались в Центральной Европе [Почекаев, СПб, 2010, с. 11–12].

Таким образом, вопрос о завоевании непокорных кочевий Дешт-и-Кипчака возник перед основателем великой Монгольской империи Чингис-ханом еще на заре существования его государства и являлся важной проблемой для нескольких поколений монгольских правителей – первых наследников «Потрясателя Вселенной». Даже после того, как Чингис-хан сокрушил государство Хорезмшахов, где правили выходцы из кипчаков, вопрос об «умиротворении кипчаков» не был снят с повестки дня монгольских завоевателей.

И в сражении на реке Калке, когда вторжение монголов в «Поле половецкое» вынудило воинов Субэдэй-бахадур и Джэбэ-

нойона сразиться не только с кипчаками-половцами, но и с их союзниками – русскими княжествами, и во время похода монголов на Волжскую Булгарию, Русь и государства Центральной Европы кипчакский фактор был поводом и причиной нападения монголов на эти страны, что нашло наглядное отражение в названии этого похода со стороны монгольских завоевателей – «Кипчакский» поход.

Решение о «Кипчакском» походе было принято на всемонгольском курултае 1235 года, и уже более многочисленное монгольское войско отправилось на Запад, в области волжских булгар, финно-угорских народов, западных кипчаков-половцев, на древнерусские княжества. Предприятие это рассматривалось как общеимперская задача, и в войске, которое возглавил Бату-хан, сын Джучи-хана, приняли участие также внуки Чингис-хана, дети его сыновей Чагатай, Угэдэя, Толуя. Монгольские войска двинулись в поход в 1236 году. Началу похода предшествовал разгром империи Цзинь, а также обнесение стеной заново выстроенной столицы Монгольской империи города Каракорума с возведением в нем дворца великого монгольского хана.

Армия, которую вел Бату-хан, была во многом обновленной. После начала войны с империей чжурчжэней Цзинь в 1211 году и за истекшие с тех пор десятилетия на сторону монголов перешло много киданей, чжурчжэней, тангутов, не говоря уже о тюркских народах – уйгурах, карлуках, кипчаках, канглы. Армия монголов изменилась не только по своему этническому составу, но и качественно. Была освоена передавая для того времени китайская военная техника, прежде всего камнеметная артиллерия, используемая для осады крепостей и городов, стали применяться зажигательные и взрывные устройства, пороховые смеси и даже отравляющие вещества. На Восточную Европу шли не только монголы – шла многонациональная армия, во многом состоявшая из уже покоренных монгольскими завоевателями народов.

Монгольская армия вторжения была хорошо подготовлена и оснащена. Осенью 1236 года в пределах Волжской Булгарии на реке Каме соединились ее войска, идущие с востока, и войска

из приволжских степей во главе с сыновьями Джучи-хана: Бату, Орду-Эджэном, Шибаном, Тангутом, Тукай-Тэмуром. Общее командование принял на себя Бату-хан. По образному выражению автора XIII века Джувейни, от множества войск земля стояла и гудела, а от «многочисленности и шума монгольских полчищ столбенели дикие звери и хищные животные» [Джувейни, М., 2004, с. 185]. По подсчетам современных исследователей численность войск Бату-хана составляла примерно 120–140 тысяч человек. Первыми под ее ударом оказались кипчаки-половцы, кочевавшие между Уралом и Доном, о чем уже говорилось выше.

Поздней осенью 1236 года объединенные монгольские силы начали завоевание Волжской Булгарии. Сначала они штурмом взяли столицу – город Болгар на левом берегу Волги, несколько южнее того места, где в Волгу впадает Кама. Жителей разрушенного города частью убили, частью пленили, а затем, к весне 1237 года, покорили и все другие области Волжской Булгарии. В «Юань-ши» в разделе «Дили» – «География» упоминаются волжские булгары под названием булиар, аболер, вэньэрбола, а о походе монголов 1234 годана булгар сообщается в жизнеописании монгольского военачальника Маньгэсара: «Сяньцзун (Мункэ-хан) хорошо знал этого человека. Маньгэса (Маньгэсар) всегда был впереди всех военачальников ... Сяньцзун в указе, обращенном к его детям, напомнил им о заслугах их отца, о том, что он вместе со мной (великим ханом Мункэ) покорил и усмирил земли русских, асов и вэньэрбола» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 131].

На курултае 1235 года, о котором говорилось выше, ставились и задачи завоевания земель Руси. Как повествует Джувейни, современник монгольской эпохи, «состоялось решение завладеть странами... которые находились по соседству становища Бату (Батыя русских летописей, сына Джучи-хана и наследника его Улуса. – *Авт.*), не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [Джувейни, М., 2004, с. 183].

В конце 1237 года началось наступление монгольских войск под предводительством Бату-хана на древнерусские княжества. Русь в это время состояла из ряда обособленных княжеств и земель.

Самыми значительными были Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское, Черниговское, Рязанское княжества и Новгородская земля. Древнерусские князья не ладили между собой, нередко воевали друг с другом. Русь оказалась раздробленной и расколотой перед лицом грозного врага. Первое сражение, о котором говорилось выше, на Калке, в 1223 году с разведывательным авангардом войск Чингис-хана, когда были полностью разбиты войска древнерусских князей и союзных с ними кипчаков, не сплотило древнерусское общество перед грядущей опасностью. То поражение было воспринято как печальный эпизод, случайный набег неведомого народа, исчезнувшего тогда так же быстро, как и появилось. И вот теперь, почти через 15 лет, эти «незнаемые языци» в огромном множестве двигались на Русь, чьи правители за столь длинный отрезок времени не удосужились подготовиться к вторжению врага.

Заснеженная, лесистая страна не имела торных торговых путей, по которым конница завоевателей могла бы победоносно промчаться от одного города к другому, как это было в Китае и Хорезме. Монголы рассчитывали передвигаться по льду рек и по просекам в надежде, что им покажут путь местные проводники или прорубят просеки русские пленники.

Основным источником для изучения завоеваний монголов на Руси, осуществленных войсками Бату-хана, являются летописный рассказ «Повесть о нашествии Батые», а также литературные произведения из цикла древнерусских воинских повестей «Сказание о битве на Калке» и «Повесть о разорении Рязани Батием». Сообщает об этом походе и «Юань-ши»: «Был отдан приказ Баду (Бату-хану) выступить карательным походом на Запад. Субэдэй-бахадур находился в авангарде и побеждал» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 122]. В жизнеописании тангута Сили Цяньбу, участника этого похода, читаем: «В год под циклическими знаками и-вэй (1235 год) Динцзун (Гуюк), Сяньцзун (Мункэ), все великие князья (Чингисиды. – *Авт.*) вместе с Субэдэем собрались в карательный поход на Западный край. На следующий год выступили. Цяньбу также находился в войсках (монголов). Еще на следующий год дошли до Каспийского моря. Цяньбу сопровождал вели-

кого князя Бадугу в походе на русских. Подошли к городу Елицзянь (Рязани)...» [«Юань-ши, Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 125].

Таким образом, первой приняла удар монгольских завоевателей Рязанская земля. 16 декабря 1237 г. монголы начали осаду Рязани, используя тараны и метательные орудия. «Семь дней длилось великое сражение, (после чего) взяли его (город Рязань)» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 125]. Город был сожжен, разграблено «все узорочье и богатство», жители были перебиты. От Рязани монгольские войска двинулись вверх по реке Оке, подошли к Коломне, где выдержали бой с войском, присланным из Владимира великим князем Юрием Всеволодовичем, под предводительством его сына Всеволода, и с рязанской ратью во главе с князем Романом Игоревичем. В сражении были убиты князь Роман, воевода Юрия Всеволодовича Еремей Глебович и много рядовых воинов. Всеволод с «малой дружиной» бежал во Владимир.

От Коломны монголы поспешили к Москве, где правил юный князь Владимир Юрьевич. Оборону возглавил его воевода Филипп Нянка, но москвичи не смогли удержать город. Завоеватели выставили против его стен метательные орудия и «через несколько дней оставили от этого города только имя его». Москва была взята и сожжена, также как и окрестные села. Население «от старца до сущаго младенца» предано смерти, а князь попал в монгольский плен. На овладение небольшой Москвой, защищенной лишь деревянными стенами, завоевателям понадобилось пять дней.

От Москвы путь монгольских воинов лежал во Владимир. Узнав об их приближении, великий князь Юрий Всеволодович стал готовиться к обороне. Он выехал с небольшой дружиной навстречу войскам, которые должны были привести его братья Ярослав и Святослав. Встреча была назначена на реке Сити. Руководить обороной Владимира остались сыновья Юрия – Всеволод и Мстислав. Несмотря на медленное продвижение из-за бездорожья и сопротивления местного населения, армия Бату-хана приближалась к стольному Владимиру, который был почти без защиты, так как Юрий Всеволодович удалился с дружиной в леса Верхнего Поволжья для сбора дружин вассальных ему князей.

В начале февраля 1238 г. монгольские отряды подошли к Владимиру и стали лагерем перед Золотыми воротами города. Показав владимирским князьям их пленного брата, привезенного из Москвы, монголы надеялись на сдачу города без сопротивления. Но их расчет не оправдался. И монголы приступили к осаде Владимира, одновременно направив часть своих сил к Суздалию, который также был взят штурмом и сожжен. 6 февраля началась подготовка к штурму Владимира, монголы «начаша лесы и пороки ставити от утра и до утра, и на ночь оградиша тыном около всего города». На следующий день через проломы в крепостной стене, сделанные монгольскими «пороками», т. е. камнеметами, монгольские воины ворвались в город и подожгли его. В пламени пожара погибло множество мирных жителей, в том числе скрывавшихся в соборной церкви, среди них была и княжеская семья: «И тако огнем без милости запалени быша». Взломав церковные двери, монгольские воины добились тех, кто еще был жив, и разграбили церковь. Пленных завоеватели вели босыми и «беспокровными», и по дороге многие из них погибли от стужи. Краткая заметка о взятии Владимира имеется у Рашид ад-Дина: монголы, «осадив город Юрия Великого, взяли (его) в восемь дней. Они ожесточенно дрались. Мэнгу-каан (Мункэ-хан) лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их (русских)» [Рашид-ад-Дин, М. – Л. 1960, т. II, с. 39].

После падения Владимира под власть Бату-хана к началу марта 1238 г. попали и другие города Владимиро-Суздальского княжества: Ростов, Углич, Ярославль, Юрьев-Польский, Переяславль, Кснятин, Кашин, Тверь, Торжок, Дмитров, Волоколамск, Городец, Кострома, Галич Мерьский. Всего древнерусский летописец насчитывает 14 городов, разрушенных завоевателями или сдавшихся им. В последнем случае монголы обычно не разрушали сдавшиеся им без сопротивления города. Летописец при этом оговаривается, что в его счет не входят слободы и погосты, подвергшиеся разрушению. Таким образом, монгольские войска захватили большую часть Северо-Восточной Руси [Каргалов, М., 1966, с. 94–155].

4 марта значительное войско монголов обошло стан князя Юрия Всеволодовича на реке Сити. Кочевники смогли прибли-

зиться к его позициям незаметно и неожиданно обрушились на его боевой лагерь. Внезапность атаки решила исход сражения. Окружив русскую рать, в «злой сече» монгольские отряды наголову ее разгромили. В бою погибло много русских воинов, в том числе и их предводитель князь Юрий. В плен был взят племянник Юрия Всеволодовича князь Василько Константинович. Монголы принуждали его «быти в их воли и воевати с ними», а когда он отказался, убили его.

Еще до сражения на Сити монгольские войска осадили Торжок и две недели били по городским стенам из «пороков» – камнеметов и других осадных орудий. 5 марта город пал, а его жители подверглись массовому избиению. В числе убитых летопись называет новгородского посадника Якима Влунковича. Дальнейшие намерения и действия монголов говорят, что от Торжка ими был предпринят «селигерским путем» поход на Новгород, но, не дойдя 100 верст до города, монголы вернулись обратно. Они развернулись широким фронтом и устремились на юг. Вся территория Руси, оказавшаяся охваченной весенним наступлением монголов, была разорена и обезлюдела.

Причины такого поворота объясняются по-разному: и боязнью распутицы, и истощением неприятельских сил. Стояла весна, начинались оттепели, близилось половодье. Разливы рек грозили отрезать от степи монгольские войска, и без того ослабленные жестокими боями с населением Северо-Восточной Руси. А может быть, речь идет просто о преследовании одним из монгольских отрядов тех, кто отступал от Торжка. Рашид ад-Дин указывает, что после битвы на Сити монголы решили «в совете идти туманами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся (на пути), брать и разорять» [Рашид-ад-Дин. М. – Л., 1960, т. II, с. 39]. Другая часть армии Бату-хана и Субэдэй-бахадура громила города и села в лесном Заволжье, один из их отрядов дошел до Вологды.

В верховьях Оки завоеватели встретили сильное сопротивление жителей небольшого города Козельска. Их не удалось убедить «словесы лестными» сдать город. Несмотря на совсем юный воз-

раст местного князя Василия (12–13 лет), жители города приняли твердое решение защищаться. Это упорство летописец расценивает как проявление «крепкодушного ума». Семь недель горожане Козельска выдерживали осаду и штурмы, пока наконец монгольским воинам не удалось проломить крепостную стену и взойти на вал. Тогда жители с ножами в руках бросились на врага. Завоеватели потеряли до 4 тысяч воинов. Взяв Козельск, Бату-хан приказал предать смерти всех его жителей, невзирая на пол и возраст, вплоть до грудных младенцев. Князь Василий, по преданию, утонул в крови.

Город Козельск монголы называли «злым», памятуя о тех потерях, которые им причинило мужественное сопротивление местного населения, а по данным Рашид ад-Дина войско Бату-хана осаждало Козельск два месяца и смогло им овладеть только тогда, когда к городу подошли новые военные силы во главе с монгольскими военачальниками Каданом и Бури. Но и тогда монголы еще три дня штурмовали Козельск [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1960, т. II, с. 39]. Сохранилось предание, что один из монгольских отрядов двинулся к Смоленску, но на подходе к городу монголы остановились, так и не овладев им, поскольку сопротивление местного населения помешало взять этот город [Пашуто, М., 1956, с. 3–259].

Но завоевание Руси не было завершено: непокоренной оставалась Южная Русь и ее княжества – Киевское, Галицко-Волынское, Черниговское, поэтому возобновление монгольского наступления было вопросом ближайшего времени. Откормив коней в «Поле половецком», пополнив войска подошедшими с востока резервами, осенью 1240 года Бату-хан и Субэдэй-бахадур выступили в новый поход. Ситуация повторялась: каждое княжество Южной Руси встречало завоевателей в одиночку. Монголы взяли Чернигов, «в силе тяжкой», как гласит летопись, окружили Киев. Стенобитные машины и камнеметы работали день и ночь, монгольские воины в жестокой сече, ворвавшись в город, отвоевывали один квартал за другим. Последний оплот обороны защитников Киева – каменная Десятинная церковь Святой Богородицы – был разрушен 6 декабря 1240 г. Пораженный мужеством киевлян, Бату-хан при-

казал даровать жизнь их военному предводителю, воеводе Дмитру, которого монгольские воины приволокли к хану на аркане [Черепнин, М., 1970, с. 191–192, 200].

Затем наступила очередь волынских земель. Княжества юго-запада Руси подверглись жестокому погрому, а с приходом весны монголы перенесли боевые действия в Венгрию и Польшу.

Владычество монголов на Руси в системе взаимоотношений их Улусов – Золотой Орды и империи Юань

Известно, что после «Кипчакского» похода монгольских завоевателей в 1237–1242 годах под началом Бату-хана Улус Джучи продолжал быть частью единой Монгольской державы, хотя и обладал заметной автономией в решении своих внутренних дел. Эта автономия во многом была следствием того, что Джучи-хан был старшим сыном Чингис-хана и его потомство играло важную роль в управлении мировой Монгольской державы еще до ее распада. После смерти Чингис-хана всемонгольским великим ханом стал его третий сын Угэдэй, а после его смерти трон наследовал его сын Гуюк, находившийся в непримиримой вражде с Бату-ханом, сыном Джучи-хана, чьи позиции в империи очень усилились после победоносного монгольского похода на Запад, известного под названием «Кипчакского», против кипчаков, Волжской Булгарии, Руси и стран Центральной Европы, когда Улус Джучи прирос новыми завоеванными землями, ставшими его частью.

Уже тогда от позиции ханов Золотой Орды, в первую очередь от мнения Бату-хана зависело, кто будет всемонгольским великим ханом после смерти Гуюк-хана, что и произошло. Ссора Гуюк-хана с Бату-ханом стоила потомству первого – царства, а некоторым из их числа, например, царевичу Бури, оскорбившему Бату-хана, – жизни. Еще при жизни Гуюк-хана Бату-хан пользовался наивысшим авторитетом и занимал главенствующее место в роду Чингисидов. Накануне смерти Гуюк-хана Бату-хан, узнав о враж-

дебных его намерениях, даже выступил против него во главе большого войска. Но смерть Гуюк-хана не позволила им встретиться на поле боя.

После исполнения обрядов похорон Гуюк-хана Бату-хан созвал к себе членов рода Чингис-хана для совещания о престолонаследии. Хотя по возрасту родной брат Бату-хана Орда-Эджэн был старше, тем не менее считалось, что «Бату – ага всех царевичей» т. е. старший, как сообщает персидский историк Джувейни [Джувейни, М., 2004, с. 403]. Именно поэтому, пишет в своем труде «Табакат-и-Насири» другой персидский историк – Джузджани, после кончины великого хана Гуюка все съехавшиеся на курултай для решения вопроса о престолонаследии члены рода Чингис-хана (кроме сыновей второго сына Чингис-хана Чагатая, которые потребовали царство себе) согласились возвести на трон всемонгольского хана Бату, что свидетельствует о первостепенной значимости Улуса Джучи в системе управления Монгольской империи. Но Бату-хан ответил: «Мне и брату моему Берке принадлежит уже в этом крае (т. е. в Дешт-и-Кипчаке) столько государств и владений, что распоряжаться им, краем, да вместе с тем управлять областями Китая, Туркестана и Ирана невозможно. Лучше всего вот что: дядя наш Тули (Тулуй-хан), младший сын Чингис-хана, умер и не воспользовался царством. Так отдадим царство сыну его Менгу-хану (Мункэ-хану). Так как на престол посажу его я, Бату, то на самом деле владыкой буду я» [Джуджани, L., 1881, vol. 1–2, p. 1172, 1177–1181].

Описывается этот курултай и в «Юань-ши», когда Бату-хан подал голос о возведении на всемонгольский трон Мункэ-хана, что вызвало протесты потомков Гуюк-хана, которые хотели возвести на трон его сына и внука Угэдэй-хана Шилемыня (Ширамуна), поскольку еще Угэдэй-хан завещал ему трон: «Великие чжуваны – князья Баду (Бату-хан), Мугэ, Алибугэ (Ариг-Буга), Соигэ, Тутачар, полководцы Улянхэтай (Урянхатай), Темушир, Есубухуа (Эсен-Буга) – все собрались в местности Алато-хуиду. Баду первым призвал признать главным (великим ханом) Мэнгэ (Мункэ). Улянхэтай сказал: «Мэнгэ проницателен и мудр. Решение Баду хорошее!» Баду тотчас отдал приказ войскам. Войско и народ все его под-

держали. Решение было утверждено (курултаем)» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 3]. Таким образом, поскольку Гуюк-хан еще после смерти Угэдэй-хана нарушил завещание своего отца и сам занял трон, то его аргументы были отвергнуты и все члены рода Чингис-хана решили, что «мнение князя Бату очень справедливо и Бату немедленно отдал приказ войскам» поддержать возведение на всемонгольский трон Мункэ-хана [История дома Чингисова, СПб., 1829, с. 305, 306–309].

Вместе с тем и после принятия решения Бату-хан не потерял бдительности и послал в качестве гарантии возведения на трон Мункэ три тьмы своего войска во главе с братом Берке и сыном Сартаком, чтобы они в местности Керулен и Онон – коренном юрте Чингис-хана, весной 1249 года, устроив курултай, торжественно посадили Мункэ на всемонгольский трон великого хана. А сам Бату-хан отправился в свою орду, в Нижнее Поволжье [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1960, т. 2, с. 80–81, 129–130]. Но передача трона и империи Мункэ-хану не состоялась ни в 1249, ни в 1250 году. Весной 1251 года царевич Берке все еще оставался в Монголии и извещал Бату-хана о кознях враждебных ему Чингисидов, препятствовавших коронации Мункэ. Бату ответил строго и лаконично: «Ты посади его на трон, всякий, кто отвратится от Ясы, лишится головы» [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1960, т. 2, с. 131]. Только в июле 1251 года Берке смог собрать курултай, на котором и состоялось провозглашение великим всемонгольским ханом Мункэ.

Таким образом, третье междуцарствие в Монгольской империи длилось три года и закончилось победой основателя Улуса Джучи Бату-хана, посадившего на трон всемонгольского великого хана своего ставленника Мункэ [Султанов, А., 2001, с. 48–51], что наглядно свидетельствовало о ведущей роли Улуса Джучи и его повелителя в государственной системе Монгольской империи. В это время, при всей автономии составлявших ее Улусов, Монгольская империя все еще представляла собой единый государственный организм как в политическом, так и экономическом отношениях. Вместе с тем в это время в империи доминировали правители Улуса Джучи [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 3].

Как и в Северном Китае, сбор дани на Руси, находившейся под ведомством Улуса Джучи, до распада единой Монгольской империи и преобразования его в отдельное государство, великими монгольскими ханами отдавался на откуп сборщикам дани – т. н. баскакам, в основном мусульманским купцам – таджикам, хорезмийцам, персам, арабам, которых в древнерусских летописях называли «бесермены», или «басурманы», а также иудеям. Наряду с взысканием дани баскаки занимались и ростовщичеством, ссужая нуждающимся деньги при условии уплаты процентов и обращая в рабство тех, кто был не в состоянии их выплатить. Согласно древнерусской летописи, приводимой российским историком Н. М. Карамзиным, «многим купцам бесерменским и харазским (иудейским) и хивинским (мусульманам из Хорезма), издревле опытным в торговлеи хитрости корыстолюбия: сии люди откупали от татар (монголов) дань наших княжений, брали неумеренные росты с бедных людей и в случае неплатежа, объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю...» [Карамзин, СПб, 1842–1844, с. 54–55].

Сохранилось свидетельство посла папы Римского ко двору великого монгольского хана итальянца Плано Карпини, что во время его пребывания на Руси в 1246 году туда явился от великого монгольского хана Гуюка и Бату-хана Улуса Джучи «один сарацин» (мусульманин), произвел по их поручению учет населения с целью налогообложения, часть людей выделил для увода в рабство, а с остальных потребовал дань ценными шкурами зверей [Путешествия..., А., 1993, с. 49]. Здесь трудно судить, был ли это чрезвычайный сбор или систематическое взыскание дани с территории всей Руси либо с какой-нибудь ее области в пользу великого хана монголов.

В начале 1250-х годов, когда великим ханом Монгольской империи стал Мункэ, его фискальная политика в завоеванных монголами странах стала проводиться более организованно. Русь также не стала исключением. По современному состоянию исследования сути взаимоотношений русских княжеств и их князей с Ордой в начальный период зависимости известно, что от вели-

кого хана из Каракорума в адрес русских князей, т. е. правителей окраинной вассально-зависимой территории, могли поступать приказы только относительно выделения ими вспомогательных войск для участия в монгольских походах и переписи населения для получения регулярных повинностей («выхода», т. е. денежно-товарной дани, устройства ямской службы и т. д.). Собственно, военная повинность и «выход», с точки зрения монголов, вообще, были формами несения повинностей подданных великому хану. Для этого периода в монгольском языке отсутствовала дифференциация повинностей (на налоги, дань и т. д.), а все они назывались одним словом *албан/албат* (в китайском переводе оно обычно передавалось словом *чайфа*) [Хэйда-шилюэ], М., 2016, с. 33].

Такой вывод полностью имеет аналогию с тем, что известно о политике Каракорума в отношении таких вассально-зависимых от Монгольской империи стран, как, например, Уйгурия, Корея или Грузия. В 1253 году, согласно «Юань-ши», Мункэ-хан велел своему чиновнику-битикчию Бецик-Берке произвести «исчисление народу на Руси». Таким образом, в 1253 году было проведено включение в реестр общеимперских повинностей всего населения Руси, о котором отчитался направленный из Каракорума специальный комиссар Бецик-Берке. Про это сообщается в «Юань ши», в анналах правления великого хана Мункэ [Юань-ши], Пекин – Шанхай, цзюань 3]. При этом русские летописи не упоминают этой переписи в реестр, т. е. так называемого «числа» в русской терминологии, именно в это время. Сообщения о первом «числе» в них появляется только под 1257 год, когда «приехаша численници исчетоша всю землю Сужальскую (Суздальскую. – *Авт.*) и Рязанскую и Мюромскую (Муромскую. – *Авт.*) и ставища десятники, и сотники, и тысячники, и темники и идоша в Орду, толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, кто зрит на святую Богородицу и на владыку» [ПСРЛ 1, М., 1962, с. 474–475].

В это время русские летописи сообщают о погроме Руси 1253 года, который учинила т. н. «Неврюева рать», посланная великим монгольским ханом. Согласно их данным, события 1253 года произошли из-за того, что великий князь Андрей Ярославич отка-

зался выполнить некие приказы великих монгольских ханов (именно во множественном числе) и, чтобы их не выполнять, предпочел «бегати, нежели цесаремъ служити», как свидетельствует Лаврентьевская летопись [ПСРЛ 1, М., 1962, с. 473]. В отечественной историографии есть неудачные попытки объяснить как множественное число великих ханов («цесаремъ»), так и суть их приказов, которые Андрей не захотел выполнять. Кроме того, в русских летописях приводятся разные причины в объяснение того, что именно привело его к решению бежать, причем вместе со всем своим боярским окружением.

На период правления князя Владимиро-Суздальской земли Андрея Ярославича не приходится никакие общеимперские сборы вспомогательных ратей от вассальных монголам земель, зато в это время известно об объявлении общеимперских переписей, причем от двух разных великих монгольских ханов – Гуюка и Мункэ. Согласно «Юань ши», в конце 1247 года такую перепись объявил Гуюк-хан [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 2], а в конце 1251 года уже Мункэ-хан решил провести новую перепись.

Следовательно, именно от двух великих ханов к Андрею Ярославичу, последовательно – в 1248 и 1252 годах (с учетом времени доведения этих приказов из Каракорума до Руси), пришли приказы о переписи. И ни один, ни другой приказ не был выполнен. Если в первом случае Андрей Ярославич надеялся на то, что Гуюк-хан уже умер (в апреле – начале мая 1248 года), а Бату-хан, непосредственно управлявший русскими княжествами и враждовавший с ханом Гуюком, с него ничего не спросит, то новая перепись от нового великого хана несла для него серьезную угрозу, поскольку за сам факт нарушения приказов великих ханов следовало отвечать, и Андрей Ярославич должен был отдать повинности за все годы с самого начала своего княжения.

Очевидно, таких средств у Андрея Ярославича не было. Поэтому он решил бежать, как и его бояре, которые также не хотели отвечать своей казной. Такое решение представляется тем более вероятным, что и сам Андрей Ярославич, и его ближние бояре были на протяжении года с лишним сначала у великих ханов в Карако-

руме, а затем в Сарае у ханов Улуса Джучи и поэтому хорошо представляли себе их реакцию на действия тех вассальных владельцев, которые злостно нарушили важнейший приказ о сборе дани. Такое нарушение финансовой дисциплины, не говоря уже о самом факте неповиновения, монголами сурово наказывалось.

Пришедшему в начале 1252 года к Бату-хану отряду «численников», состоявшему из отвечавшего за перепись чиновника среднего ранга битикчия, или *битекчи*, Бецик-Берке и небольшого военного отряда сопровождения, скорее всего, сразу стало ясно, что власти вассальной территории вместо организации переписи решили бежать. Последовательность и причины дальнейших событий реконструируются из представлений о законах монголов касательно подобных случаев, т. к. монголы практиковали солидарную ответственность за нарушение законов, когда за их нарушение отвечал не только владелец территории, но и его люди, причем не только сами по себе, но и их семьи и слуги со всем их имуществом.

Вот что пишут китайские дипломаты, побывавшие в Каракоруме в 1230-х годах, имея в виду этот принцип солидарной ответственности: *«Их преступления. Кто ограбит (кого-либо), того казнят, (а) его жен и детей, скот и имущество забирают и отдают семье ограбленного. (Если) раб, (принадлежащий некоему владельцу. – Авт.), украл вещь, (принадлежащую) рабу (некоего подданного. – Авт.), или если он украл вещь (принадлежащую) рабу (его), в обоих случаях жен, детей, скот и имущество (владельца. – Авт.) и его раба забирают, а раба и самого владельца казнят. Это называют «приговорить каньчжу»* [Хэйда-шилюэ, М., 2016, с. 38].

Хотя Н. Ц. Мункуев это место переводит иначе: *«...убивают раба. Что касается (владельца. – Авт.), то называют его судебным ответчиком»* [Мункуев, М., 1970, с. 778], а Кафаров перевел это как *«наказать по усмотрению» монгольских властей* [Кафаров, Иркутск, 1887, с. 375].

То, что такой принцип применялся и к тем, кто уклонялся от переписи (внесения в реестр), известно и из более раннего документа, а именно из указа Чингис-хана о льготах даосским монасты-

рям. Выполнение такого наказания, т. е. «приговорить к аньчжу» по отношению к Андрею Ярославичу, его боярам и их семьям, было поручено командиру отряда сопровождения *битикчи* Бецик-Берке, направленному в домен Ярославичей – т. е. в Переяславль.

Подробности событий этой карательной экспедиции хорошо известны из русских летописей. Отметим только, что, согласно русским источникам, действия монголов были стремительны и застали русских врасплох. Из русских летописей известно имя предводителя имперского отряда, который выполнил эту карательную операцию под Переяславлем – «Неврин» (именно так по ранней летописи, Суздальской [ПСРЛ, М., 1962, т. I, с. 473], или Неврюй, по-монгольски Нюрын. Само же имя Нюрын (или Нурын в персидской огласовке Рашид ад-Дина) встречается среди монгольских документов XIII века.

Из всех упоминаний Нюрынов середины XIII века есть всего два разных Нюрына для этого времени, где на роль «Неврина» больше всего подходит знаменитый полководец Мункэ-хана салджиут Нюрын, умерший в 1263 году, сын Тайдара, внук Бурундая. Его жизнеописание сохранилось в «Юань ши», и ее детали свидетельствуют, [«Юань-ши, Пекин – Шанхай, 1958, с. 27476 (1524)], что он и является «Неврином» русских летописей. До 1255 года он был под командой отца в составе родовой тысячи салджиутов и участвовал вместе с отцом и дедом в их походах, в том числе в походе под началом Мункэ-хана против кипчаков и асов/алан, т. е. в походе монголов в Европу и Русь в 1236–1242 годах, который в монгольском официозе назывался «Кипчакским».

Поэтому Нюрыну хорошо была известна Северо-Восточная Русь по его походу 12–15-летней давности. Его положение как заместителя командира тысячи воинов, не имеющего еще ранга тысячника, вполне подходило для назначения во временные командиры относительно небольшого отряда (численностью примерно 500–700 человек, а это стандартная численность подобных отрядов) сопровождения переписчика Бецик-Берке, отправлявшегося на Русь и к аланам, т. е. в хорошо знакомые Нюрыну земли, о чем сообщает «Юань ши», где уточняется, что Бецик-Берке проводил

перепись не только у русских, но и у алан [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 63].

Дальнейшая карьера Нюрына впечатляет. Хотя он стал тысячником только в 1255 году, но уже вскоре был назначен командиром крупного отряда, наступавшего на армию Южной Сун на юге Китая. В ходе последовавших сражений Нюрын проявил талант военачальника, и к 1258 году Мункэ-хан произвел его в ранг главнокомандующего несколькими корпусами. Такой быстрый взлет, кроме несомненного полководческого таланта Нюрына, может также объясняться преданностью Мункэ-хану как самого Нюрына, так и всего его рода, который (как говорится в его жизнеописании в «Юань ши») всегда находился в близком окружении Мункэ-хана.

Полученная в ходе карательной экспедиции Нюрына против Переяславля и его действий в попутных русских землях добыча, судя по последовавшим далее событиям, вызвала серьезные разногласия между Нюрыном, с одной стороны, и *битикчи* Бецик-Берке с Бату-ханом – с другой. Именно этим, возможно, следует объяснить тот факт, что Бецик-Берке отчитался о переписи как о выполненной (в чем его поддержал Бату-хан), а Нюрын же после возвращения в Каракорум (не ранее середины 1253 года) сообщил своему повелителю – всемонгольскому хану Мункэ о реальном положении дел, что привело к скандалу, когда прибывший от Бату-хана в конце 1252 года представитель Улуса Джучи Тобчак предъявил Мункэ-хану запрос своего повелителя Бату-хана на 10 000 дин серебра и жемчуга, исходя из доли Бату-хана, положенной ему от дани как в своем Улусе, так и в остальных Улусах империи, т. е. по пересчету на серебро чуть ли не 19 тонн этого металла.

Мункэ-хан после некоторого раздумья приказал своему правительству – Чжуншунэну написать императорский указ-повеление Бату-хану, выдержанный в крайне резком тоне: *«Богатства Тайцзу и Тайцзуна (т. е. Чингис-хана и хана Угэдэя) подобным образом были израсходованы, как можно одарить чжувана (т. е. Бату-хана. – Авт.) таким пожалованием! Вану (Бату-хану. –*

Авт.) следует хорошенько вникнуть в это. Серебра, что (ему) выдали, это только то количество, которое разрешено к пожалованиям на нынешний и будущий год» [«Юань ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 3].

Тобчаку выдали под этот указ 1000 дин, т. е. в 10 раз меньше того, что требовал Бату-хан, хотя только два года назад Бату-хан возвел на престол великих монгольских ханов Мункэ, не говоря уже о том, что Бату-хан был на тот момент вообще старшим представителем в «золотом роду» потомков Чингис-хана. Последовало охлаждение отношений между имперским центром и Улусом Джучи, которое было урегулировано только в 1255–1256 годах, после смерти Бату-хана, во время поездки его сына Сартака к Мункэ-хану и получения от последнего как инвеституры, так и определения точной доли Джучидов от общеимперских доходов.

Такие доли доходов для всех членов «золотого рода» окончательно были определены на курултае в начале 1256 года: *«Государь Сяньцзун (великий хан монголов Мункэ. – Авт.) собрал большой сбор всех князей и нойонов в местности Урмэгт, устроил пир на 60 с лишним дней и пожаловал золотом и шелками согласно рангам, в результате чего установил ежегодное пожалование чжужанов (Чингисидов. – Авт.) деньгами и зерном»* [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 3]. В ходе этих мероприятий рассматривался вопрос и с несостоявшейся переписью на Руси, и стороны пришли к соглашению: находившийся в Улусе Джучи *битикчи* Бецик-Берке вновь назначался главой переписчиков, но к нему был приставлен посланец великого хана, выражавший интересы Мункэ-хана. И именно в таком составе переписчики зафиксированы в русских летописях в 1257 году: *«Приехоша оканьнии сыроядци Беркаи и Касачик с женами своими, инех много»* [НПЛ, М. – Л., 1950, с. 82], т. е. Бецик-Берке, как представитель Джучидов, и Касачик, как представитель Мункэ-хана.

Следовательно, изучение событий 1262 года, согласно сведениям монгольской имперской канцелярии, приведенным в «Юань-ши», позволяет сделать вывод, что многие утверждения отечественной российской и советской историографии, напри-

мер, о «борьбе с татарами за независимость Руси» со стороны князя Андрея Ярославича, тем более в союзе с кем-то еще, являются мифом об антимонгольском заговоре, во многом надуманы и вызваны слабостью источниковой базы тех исследований, которые целиком основываются только на данных русских источников [Карамзин, М., 1992, с. 53; Пашуто, М., 1956, с. 220–221; Каргалов, М., 1984, с. 22]. Представленный в некоторых работах повсеместный погром Руси Неврюем, сравниваемый с Батыевым нашествием, оборачивается в свете приведенных данных карательной экспедицией небольшого отряда монголов против Переяславского княжества. При этом ее причины были вызваны финансовыми неурядицами, т. е. проблемами невыплат «выхода в Орду» русскими князьями и собственно монгольскими финансовыми трениями между Бату-ханом в Сарае и интересами общеимперской казны в Каракоруме [Кычанов, Казань, 2002, с. 41].

В 1257 году Мункэ-хан назначил своим даругачи – наместником на Руси своего сородича Китата, возложив на него ответственность за сбор дани в этой стране. В 1259 году жители Великого Новгорода, подчинившиеся монгольским завоевателям во время их первого похода на Русь в 1237 году без сопротивления, получили через своего боярина Михаила Пинешеницу, побывавшего в Суздальской земле, предупреждение от монголов, что если новгородцы не согласятся добровольно произвести у себя перепись («не имутся по число») – для обложения повинностями в пользу Монгольской империи, то их принудят к этому силой, для чего в Суздале уже были готовы к выступлению монгольские войска.

Новгородские бояре были вынуждены согласиться на перепись. Зимой 1259 года в Великий Новгород прибыли монгольские переписчики Бецик-Берке и Касачик со свитой. Их поведение вызвало возмущение местного населения, особенно недовольного взысканием «туски», т. е. провианта и подарков для баскаков и других лиц монгольской администрации. В городе и сельской местности в 1262 году вспыхнуло восстание: «...и бысть мятеж велик в Новгороде, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьным татаром...» [НПЛ, М. – Л., 1950, с. 82].

С большим трудом князю Александру Ярославичу Невскому и новгородским боярам удалось успокоить «черных людей». Из приведенного текста следует, что причиной восстания послужило злоупотребление «туской», представлявшей собой «провиант и подарки для прибывающих владетелей или послов» [СМИЗО, М. – Л., 1941, с. 304]. В результате переписчики и сборщики налогов и подарков просили защиту у князя Александра Невского: «И нача оканьнии боятися смерти, рече Александру: «даи нам сторожи, ать не избыють нас». И повелел князь стеречи их сыну посадкичу и детям боярским по ночем» [НПЛ, М. – Л., 1950, с. 82].

Среди наиболее жестоких откупщиков налогов древнерусская летопись называет Титяма (Титяка), присланного на Русь великим монгольским ханом Хубилаем: «... того лета приехал Титям послом на Русь от царя татарского именем Кутлубея (Хубилай-хана. – *Авт.*), золь сыи Бесерменинь, того поспехом окаяннии творя христьяном велику досаду и кресту и святым церквам ругаясь. И егда людие по граду гневахуся на враги своя, и подвигошася на Бесермен и изгнаша вон из градовъ, а иных избиша...» [ПСРЛ, М. – Л., 1950, с. 144].

Форма зависимости Руси сначала от Монгольской империи, а после ее распада от Улуса Джучи имела своеобразный характер и основывалась на даннической системе, когда подданные платили в виде налога «десятину» – т. е. одну десятую часть от своего имущества, причем сбор дани впоследствии монголы передали от баскаков местным русским князьям.

В этой связи в российской дореволюционной, а впоследствии и советской историографии термин «иго» использовался для характеристики продолжительного периода Золотой Орды в отечественной истории. В официальных источниках декларировалось, что «иго» являлось установившейся в результате «татаро-монгольского нашествия» системой политической зависимости русских княжеств от империи Чингис-хана до 1260-х годов, а позже, после ее распада, от Золотой Орды до конца XV века. Главными признаками «ига» являлись отсутствие в Золотой Орде выборов князей, а также налогообложение русских княжеств государственным центром Золотой

Орды в Сарае, где была ставка хана Улуса Джучи, что свидетельствовало об утрате княжествами политического суверенитета.

Если до монгольского завоевания русских князей выбирали на вечевых сходах, то теперь это право перешло к хану Золотой Орды, который выдавал ярлык на княжение. И, например, хан Узбек решал, кто будет князем Владимирским – Юрий Данилович или Михаил Данилович. Или Тверским князем – Михаил или Андрей. Т. е. князья назначались из Орды. Русские княжества в составе Золотой Орды были поделены на 43 налоговых округа.

Сбор дани довольно быстро перешел от баскаков к самим русским князьям. Суммы налогов варьировались в зависимости от численности населения и экономических факторов. Так, в середине XIV века Владимирские земли каждый год платили 5000 рублей, а Суздальско-Нижегородское княжество – 1500 рублей. Новгородские и Тверские земли отдавали по 2000 рублей, город Москва – 1280 рублей. Для сравнения: в то время город Хаджитархан (Астрахань) ежегодно выплачивал в государственную казну 60 000 алтын, что эквивалентно 1800 рублям.

Общий объем налогов, перечисляемых Сараю – центру Золотой Орды регионами, в том числе и Русью, варьировался от 10 до 20 процентов. Православная церковь от налогов была освобождена. Исторические трактовки, согласно которым деятельность ханов Золотой Орды имела для русских земель исключительно негативное влияние по причине того, что в них назначались наместники и взимались налоги, по крайней мере дискуссионны. Представляется, что подобная логика разрушительна для современной российской государственности, где региональная политика строится на похожих принципах. Бату-хан, первый правитель Улуса Джучи, после смерти своих дядей, сыновей Чингис-хана – великого монгольского хана Угэдэя и хана Чагатая, основателя монгольского государства Чагатаидов в оазисной Средней Азии, в Монгольской империи пользовался большим авторитетом и даже обладал некоторыми правами государя. Однако Мункэ-хан, хотя и был обязан Бату-хану тронном, не всегда с ним соглашался, причем не только по финансовым вопросам, о чем выше уже говорилось.

В 1253 году, казалось бы, ставленник Бату-хана Мункэ-хан без согласования с ним отправляет своего младшего брата Хулагу с войсками в поход на Ближний Восток, при этом вынашивая планы закрепить за ним все завоеванные здесь земли, в том числе и те, что считались сферой влияния Улуса Джучи, да еще приказав хану Золотой Орды выделить пятую часть своих войск для участия в этом походе, что вызвало возмущение повелителя Улуса Джучи. Берке сказал старшему брату: «Вы возвели Менгу-хана и чем он воздаст нам за это?» Бату-хан разделял мнение своего брата и хотя формально подчинился великому хану, но при его жизни из-за его противодействия войска Хулагу на два года застряли у реки Аму-Дарьи, не решаясь спровоцировать гнев Бату-хана. Только после смерти Бату-хана на рубеже 1255–1256 годов они продолжили свой поход [СМИЗО, А., 2005, с. 183].

Тем не менее Бату-хан до конца своей жизни в 1255 году оставался все же, и не только официально, вторым после великого монгольского хана человеком в Монгольской империи и не стал главой самостоятельного государства, поскольку при его правлении Улусом Джучи последний оставался частью великой Монгольской державы. Так было как при Бату-хане, так и при его первых преемниках, ханах Золотой Орды – Сартаке, Улагчи и Берке, которые подчинялись великим монгольским ханам в Каракоруме в Монголии.

Следует отметить, что при фактической независимости правителя Улуса Джучи ни Бату-хан, ни его наследник Сартак, ни Берке-хан – никто из первых ханов Золотой Орды не заявлял о своей полной суверенности от имперского центра в Каракоруме, а затем в Ханбалыке. Сартак, например, после смерти отца лично приехал на аудиенцию к последнему великому хану еще единой Монгольской империи Мункэ в Каракорум для получения инвеституры – утверждения на троне Улуса Джучи.

Смерть Бату-хана сильно изменила ситуацию в правящих кругах Монгольской империи. Мункэ-хан получил фактически всю полноту власти и теперь являлся повелителем Монгольской империи не только формально, как это было при жизни его соправи-

теля Бату-хана. Между тем борьба за власть началась в Золотой Орде, когда Мункэ-хан назначил в пику Берке Сартака преемником его отца [СМИЗО, А., 2006, с. 171]. Но поддержка всемонгольского великого хана не помогла Сартаку занять трон отца. Он был отравлен по возвращении. Земли, завещанные Чингис-ханом Улусу Джучи, достались его дяде. Берке-хан оказался сильнее и наследовал власть в Золотой Орде, что вызвало противодействие со стороны Мункэ-хана, который назначил после смерти Сартака ханом Золотой Орды его сына – юного Улагчи, правившего год и умершего при неясных обстоятельствах. Правление Улагчи приходится на 6765 (1257) год, согласно Лаврентьевской летописи: «Поидоша вси князи в Орду, и чтив Улавчия (Улагчи) и вся воеводы его, и возвравшаяся восвояси» [ПСРЛ, Л., 1926–1928, с. 474].

Берке пришлось выдержать борьбу за власть в Улусе Джучи и с женой Бату-хана и матерью Сартака Боракчин, пытавшейся сделать правителем своего второго сына Тукана, предложив стать регентом монгольскому правителю Улуса Хулагуидов Хулагу-хану, за что была казнена по приказу Берке по обвинению в измене [СМИЗО, А., 2005, с. 122]. Хотя соперников у Берке не оставалось, Мункэ-хан не утверждал его правителем Золотой Орды. Однако, воспользовавшись тем, что Мункэ-хан отправился в поход на завоевание китайской империи Южной Сун, он рискнул и сам провозгласил себя ханом Золотой Орды, осмелившись даже запретить хождение в Золотой Орде денег с именем Мункэ-хана [Мухамадиев, М., 1983, с. 46, 51]. Судьба ему благоволила: Мункэ-хан погиб в Китае, и основная угроза его власти была снята с повестки дня.

После смерти Мункэ-хана, когда в начале 1260-х годов началась борьба за престол великого всемонгольского хана между его родными братьями Ариг-Бугой и Хубилаем, Берке-хан встал в ряды противников Хубилай-хана и начал демонстративно чеканить в Булгаре монеты с именем Ариг-Буги, что, по мнению исследователей, свидетельствует о том, что он признавал над собой власть последнего в качестве великого хана. Хотя, возможно, Булгар был в числе владений Ариг-Буги в Золотой Орде, потому что монеты с его именем печатались только в этом городе.

Помощь Ариг-Буге со стороны Берке могла быть оказана деньгами и действиями последнего на Кавказе, когда войска Золотой Орды сковывали войска союзника Хубилай-хана Хулагу, который из-за этого не мог выступить на помощь Хубилаю. Но в целом все же Берке-хан занял выжидательную позицию и активных действий не предпринимал. Хубилай-хан действовал против Берке-хана руками Хулагу и Чагатаидов, организовавших репрессии против Джучидов в Самарканде, где у них была собственность.

Вероятно, та же судьба постигла и владения Джучидов в Китае. Округ Пинъянфу, выделенный Бату-хану еще на всемонгольском курултае в 1235 году, как сообщает «Юань-ши», был отобран властями империи Юань. Есть предположение, что в ответ на это в 1262 году при молчаливом согласии Берке-хана против сборщиков дани на Руси, посланных Хубилай-ханом, вспыхнуло восстание. О влиянии Берке-хана на Хубилай-хана, возможно, свидетельствует то обстоятельство, что он выступил в защиту Ариг-Буги вместе со своим, казалось бы, непримиримым врагом Хулагу-ханом, что позволило Ариг-Буге избежать казни.

На фоне усобиц между Улусами некогда единой Монгольской империи Берке-хан упрочил свою власть в Золотой Орде, когда в последние годы правления Бату-хана, занятого имперскими делами, отпали от Улуса Джучи Юго-Западная Русь и южный берег Крыма. Берке-хану дипломатическими средствами без применения военной силы удалось разрушить амбициозные планы русского князя Даниила Галицкого стать королем Южной Руси и создать коалицию европейских правителей против Золотой Орды. За почти 10 лет правления Берке-хана русские княжества Северо-Восточной Руси не подвергались набегам ордынцев [Почекаев, М., 2010, с. 27]. Берке-хан оставил своему преемнику – внуку Бату-хана Мункэ-Тэмуру богатый и могущественный Улус.

Вместе с тем, при всей кажущейся номинальности власти Хубилая как всемонгольского великого хана по отношению к Золотой Орде, его мнение было весьма весомо при назначении, например, наследников золотоордынского трона. Так, в 1263 году Берке-хан, хотя и подвергавший сомнению первенство Хубилай-хана

как великого монгольского хана, тем не менее понимал важность признания со стороны Хубилай-хана и своего собственного статуса как хана государства Джучидов – Золотой Орды. Назначение Берке-ханом своим наследником на золотоордынском троне Мункэ-Тэмур (Менгу-Тимура) не могло происходить без официального, пусть и формального, согласия Хубилай-хана, что, вероятно, стало компромиссом между Берке и Хубилаем. В связи с этим власть Берке-хана в Золотой Орде как законную соглашались признавать и Чингисиды – правители других монгольских улусов.

Ариг-Буга, провозглашенный великим монгольским ханом в Каракоруме в соответствии с Великой Ясой Чингис-хана, потерпел поражение от своего старшего брата Хубилая, провозглашенного великим ханом 5 мая 1260 года в Ханбалыке (Пекине) вне Монголии и в нарушение Великой Ясы. Этому предшествовала трехгодичная жестокая война, в которой Ариг-Бугу поддержало большинство монгольской кочевой знати. Тем не менее, поскольку ресурсов у Хубилая, опиравшегося на завоеванный Китай и основные военные силы монголов, находившиеся там под его командованием, оказалось больше, он стал победителем.

У обоих претендентов были свои сторонники в других улусах Монгольской империи. Причем даже после проигрыша Ариг-Буги и вынужденного признания им Хубилая великим ханом многие Чингисиды, монгольские нойоны и тарханы в Чагатайском Улусе и Улусе Джучи не признавали за последним права на трон великого хана монголов, чем и воспользовался хан Мункэ-Тэмур и де-факто объявил себя независимым правителем. При этом Мункэ-Тэмур сохранял связи с Хубилай-ханом, о чем свидетельствуют китайские источники, хотя инициатива исходила, прежде всего, именно от Хубилай-хана. Ему было важно иметь Мункэ-Тэмуром если не союзником, то хотя бы нейтральной стороной.

«Юань ши» сохранила жизнеописание наймана Цзеляна – посла Хубилай-хана, который неоднократно осуществлял тайные миссии из Ханбалыка в Сарай ко двору Мункэ-Тэмуром для переговоров. При этом его отец Бекбука (Бобухуа) в свое время служил Бату-хану и был его наставником. В жизнеописании Цзеляна есть

интересные сведения об его миссиях по поручению хана Хубилая к хану Улуса Джучи (в тексте «Юань-ши»: «в земли Бату»), а конкретно – к Мункэ-Тэмуру. Особенно значима из них первая, когда Цзелян, рискуя жизнью, прошел через владения враждебного Хубилай-хану чингисида Хайду – правителя Улуса Чагатай, побывав в ставке этого хана, из которой Цзеляну удалось выбраться и все-таки добраться до Золотой Орды. Он в течение 14 лет *регулярно посещал Золотую Орду по поручениям Хубилай-хана, часто подвергаясь опасности, особенно когда преодолевал земли Чагатайского Улуса, враждебного хану Хубилаю* [«Юань ши», Пекин – Шанхай, цзюань 134]. Хотя в жизнеописании Цзеляна нет точных дат, когда это все происходило, тем не менее ясно, что эти события имели место быть в промежутке между «началом периода под девизом Чжи-Юань» (1264 г.) и 1281 годом, когда умер Цзелян.

Политическую самостоятельность ханы Золотой Орды обрели только при Мункэ-Тэмуре, правившем в 1266–1280 годах. Он первым из правителей Улуса Джучи начал в 1267 году выдавать ярлыки – повеления и чеканить золотоордынские монеты с собственным именем, с титулом «правосудный великий хан», а не от имени великого монгольского хана, пребывавшего к этому времени уже не в монгольском Каракоруме, а в Северном Китае, в городе Ханбалыке на месте современного Пекина, куда перенес столицу Монгольской империи хан Хубилай. По всем понятиям того времени это означало демонстрацию себя как суверенного владетеля. Таким образом, с конца 1260-х годов Улус Джучи отделяется от общеимперского монгольского центра и становится самостоятельным государством.

Де-факто только с 1266 года, после распада мировой Монгольской державы, хан Золотой Орды Мункэ-Тэмур стал независим от великого монгольского хана Хубилая, основателя империи Юань – монгольского государства, включавшего в свой состав Монголию, Маньчжурию, Китай, Корею, Тибет, Восточный Туркестан. Хотя номинально ханы Золотой Орды и воздавали правителям Юаньской империи почести как великим монгольским ханам, это не мешало им в междоусобных войнах монголов, разразив-

шихся после распада их мировой державы, периодически выступать на стороне их противников.

Тем не менее Хубилай-хан дал Мункэ-Тэмурю ярлык, подтверждавший его право на власть в Золотой Орде. Мункэ-Тэмур в начале своего правления не вмешивался в междоусобную борьбу восточных сородичей – Хубилай-хана и Хайду – правителя Чагатайского Улуса и даже осудил действия Хайду. Он обещал Хубилай-хану поддержать его против Хайду, но затем склонился в пользу последнего.

Следующие ханы Золотой Орды также поддерживали связи с далекой империей Юань – монгольским государством в Китае. В 1303 году ханы – правители Золотой Орды, империи Юань, Улуса ильханов Хулагуидов, а именно – Токта, Тэмур, ильхан Газан пытались создать союз и клялись разрешать все споры мирным путем при посредничестве всемонгольского великого хана, каковым был император Юаньской империи Тэмур-хан. На рубеже XIII–XIV веков правители ряда улусов окончательно распавшейся к тому времени Монгольской империи пришли к мысли о необходимости восстановления былого единства, в первую очередь, для того, чтобы повысить международный авторитет ханов-Чингисидов и в интересах развития торговли.

Правители Улусов Чагатая и Угэдэя на первых порах не желали признавать, пусть и номинально, власть великих ханов, но в 1302–1303 годах хан Золотой Орды Токта и Баян, правитель входящей в состав Улуса Джучи Кок-Орды, в союзе с великим ханом Тэмуром начали против них войну, и их правителям Дуве и Чапару пришлось согласиться на восстановление империи. В 1305 году ставший после смерти Газана новым ильханом Хулагуидов Олджэйтү (1304–1316) отправил французскому королю Филиппу IV Красивому послание, в котором извещал о воссоединении потомков Чингис-хана, правителей четырех улусов во главе с всемонгольским ханом Тэмуром.

Очень активен был в борьбе за объединение хан Золотой Орды Токта, соперничавший за власть внутри своего улуса с влиятельным беклярибеком Ногаем и поэтому нуждавшийся в дру-

жеских отношениях с другими улусами для предотвращения их вмешательства в ордынскую междоусобицу [Почекаев, М., 2019, с. 304]. Но из-за правителей Улуса Чагатая, не желавших подчинения, этот союз оказался недолговечным, и в 1305 году распри между монгольскими государствами возобновились. Тем не менее номинальное единство сохранялось до 1350-х годов.

Несмотря на географическую удаленность Золотой Орды от Юаньской империи, их правители поддерживали регулярную связь друг с другом, о чем сообщает «Юань-ши», где приводятся свидетельства контактов правителей Юаньской империи в 1313 и 1339 годах с Узбеком – ханом Золотой Орды (1313–1342). В Ханбалыке правителей Золотой Орды называли «си-бэй-чжу ван» – «принцы, северо-западные царевичи», которые даже имели уделы в Юаньской империи. Например, Узбек-хан признавал великого монгольского хана и императора Юаньской империи своим сюзереном, хотя номинально числился в иерархии империи Юань «князем третьей степени», а также обладал правом на причитающиеся ему доходы с китайских областей Пинъян, Цзиньчжоу и Юнчжоу. В свою очередь великие монгольские ханы, правившие в Ханбалыке, имели личные земельные владения в Золотой Орде [Кычанов, М., 2002, с. 32; Почекаев, М., 2015, с. 22–23].

Улус Джучи был посредником в торговле между Западной Европой и Китаем под властью монголов. Эта торговля приобрела заметные масштабы, что очевидно из факта составления ордынскими властями специального руководства для купцов, направлявшихся из Таны в Китай через города Нижнего Поволжья, бывшие в то время важнейшими торгово-ремесленными, а также культурно-религиозными центрами Золотой Орды. Из Китая в Поволжье поступали шелковые и парчовые ткани, фарфор (обнаруженные археологами при раскопках в материалах Булгарского и Царевского городищ в Поволжье), а также китайские бронзовые зеркала, изделия из нефрита. Известны находки в Селитренном городище в Поволжье фрагментов китайского фарфора.

О размахе торговли между Золотой Ордой и империей Юань – монгольским государством в Китае свидетельствует итальянский

купец и путешественник Франческо Пеголотти, описавший в своем трактате «Практика торговли», составленном в 1340–1342 годах на основе реальных поездок автора, начиная с 1310 года, торговый путь из Азака (Таны) в Китай [Pegolotti, Cambridge Massachusetts, 1936, p. 443]. Это сделано Пеголотти очень подробно и обстоятельно: он шел из Таны на повозках, запряженных волами, или на телегах, запряженных лошадьми или верблюдами, в Хаджи-Тархан в Нижнем Поволжье, а оттуда вверх по Волге на судах в столицу Сарай, затем сухопутным маршрутом или по воде в летнюю резиденцию ханов Золотой Орды – Сарайчик (Сарайчук), затем сухим путем в Ургенч в Северном Хорезме, далее на Отрар, Алмалык и в Китай [Недашковский, М., 2010, с. 196, 200].

Отношения между Золотой Ордой и империей Юань не всегда были безоблачны. В самом начале правления Узбек-хана в 1313 или 1314 году вследствие интриг Эсен-Буги хана – правителя Улуса Чагатаидов в Средней Азии, не слишком удачно воевавшим с Аюрбарибада – великим монгольским ханом и императором династии Юань и попытавшимся поссорить с ним Узбек-хана, возник кризис в отношениях Золотой Орды и Юаньской империи. Тем не менее благодаря осторожной позиции Узбек-хана и его беклярибека Кутлуг-Тэмура этот кризис был быстро преодолен, поскольку они убедились, что враждебных действий Аюрбарибада против них предпринимать не намерен. Преемник Узбек-хана на троне Золотой Орды – его сын Джанибек-хан продолжал политику отца в отношении империи Юань, признавая номинальное подчинение Тогон-Тэмуру – последнему всемонгольскому хану и императору династии Юань, и сохранял титул «князя третьей степени» в юаньской иерархии с правом получения доходов с упомянутых выше китайских провинций, находящихся во владении ханов Золотой Орды.

К этому времени, т. е. к середине XIV века, в анонимном французском источнике того периода «Книга о Великом хане» сообщается, что хан Золотой Орды и другие номинальные вассалы империи Юань посылают ее повелителю – великому монгольскому хану «ежегодно ...леопардов, быстрых верблюдов, кречетов и огром-

ное количество драгоценных камней, поскольку они признают его своим сеньором и сюзереном» [LaLivre, P., vol. VI, 1830, p. 57–82; Почекаев, М., 2007, с. 261].

Вероятно, в поддержании отношений между этими двумя монгольскими империями заметную роль играла почтовая ямская служба, как свидетельствуют китайские источники, то есть система почтовых связей, действовавших между Джучиевым Улусом и Юаньской империей вплоть до второй половины XIV века, поскольку известно, что путь при ее помощи от Сарая – столицы Золотой Орды в Нижнем Поволжье до Ханбалыка в Северном Китае преодолевался за три-пять месяцев.

Между Сараем и Ханбалыком происходил обмен послами, кроме того, представляется, что набор на службу в юаньскую императорскую гвардию асов – выходцев с Северного Кавказа, русских и тюрок-кипчаков и канглы из степей Дешт-и-Кипчака, из земель, подвластных Золотой Орде, не мог обходиться без участия ее властей. По данным династийных историй монгольские императоры Юань жаловали ханов Джучиева Улуса золотом и деньгами, в свою очередь, получая изделия золотоордынских ремесленников. На китайской карте эпохи Юань от 1331 года определены юго-восточные границы Джучиева Улуса, на которой его частью является Северный Хорезм с городом Ургенчем.

В китайских источниках находим ответы на вопросы, касающиеся характера политических отношений между двумя великими державами Чингисидов. Хотя обе империи были основаны монголами, они имели свои, отличные друг от друга, пути исторического развития. Правители Золотой Орды были де-факто независимы от Ханбалыка, но номинально, в силу традиции, идущей от эпохи, когда Монгольская империя, созданная Чингис-ханом, была еще единым государством, признавали верховный авторитет великого монгольского хана – повелителя Юаньской империи, в состав которой входили Китай, Маньчжурия, Тибет, часть Восточного Туркестана, Корея и собственно Монголия.

Хотя в междоусобной борьбе потомков Чингис-хана золотоордынские ханы, как, например, Мункэ-Тэмур, иногда поддер-

живали среднеазиатских монголов во главе с Хайду против великого монгольского хана и первого юаньского императора Хубилая, тем не менее не доводили дело до разрыва отношений со своими сородичами, правившими в далеком Китае. Иногда ханы отдельных монгольских улусов-государств, в частности, Улуса Джучи, выступали посредниками между противоборствующими Чингисидами, передавая, например, Хубилай-хану его сыновей, плененных его противниками в ходе междоусобных войн. Когда в 1277 году два сына Хубилай-хана во время его войны с Хайду попали в плен, последний приказал отправить монгольских царевичей ко двору Мункэ-Тэмюра, который позднее вернул их отцу.

Есть факты выделения доли налогов из владений великого монгольского хана в пользу ханов Джучиева Улуса. Хотя после смерти Мункэ-хана в 1259 году во время его похода на империю Сун в Южном Китае ханы Джучиева Улуса не принимали участия в общеимперских съездах – курултаях потомков «золотого рода» Чингис-хана и монгольской знати, по требованию Хубилай-хана золотоордынский хан в конце 1260-х годов выделил часть своих войск для завоевания китайской империи – Южной Сун.

Известно также об официальном признании золотоордынским Узбек-ханом, ставшим мусульманином и сделавшим ислам государственной религией Джучиева улуса в 1311–1312 годах, иерархического старшинства Аюрбарибады (Буянту, посмертное храмовое имя Жэньцзун), великого монгольского хана и императора династии Юань, правившего в монгольском государстве в Китае с 1312 по 1320 годы. Как упоминалось выше, на рубеже XIII–XIV веков четверь улусными правителями бывшей Монгольской империи – монархами Юань, Золотой Орды, Ильханата Хулагуидов и Чагатайского улуса была предпринята попытка объединения в новое образование, которое имело характер конфедерации, где главенство великого всемонгольского хана и императора Юань являлось чисто номинальным. Однако уже вскоре участники вновь созданной конфедерации начали враждовать между собой, и она фактически распалась, формально, впрочем, продолжая существовать как минимум до 1340–1350-х годов.

В последующее время из-за внутренних смут как в улусе Джучидов, так и в империи Юань связи между этими империями наследников Чингис-хана, находившимися на разных оконечностях Евразийского материка, резко ослабевают, тем более что история отвела им разное время для существования, когда Золотая Орда, на чьих руинах образовалась Большая Орда, ставшая ее преемницей, к которой перешло право на сбор дани от Руси, регулярно платившей ее до 1480 года, пережила государство монголов в Китае более чем на столетие.

Окончательно связи между Золотой Ордой и империей Юань были утрачены в середине XIV века при правлении Джанибек-хана, который упоминается в официальных китайских документах эпохи Юань «как князь третьей степени» с правом получения доходов с трех китайских провинций, числящихся в империи Юань как владения ханов Золотой Орды, в свое время отобранные у Берке-хана и вновь возвращенные Золотой Орде Токта-ханом.

Однако во второй половине XIV века империю Юань начали сотрясать мощные антимонгольские восстания, и всемонгольским великим ханам – императорам Юань стало не до игры в империю. Им пришлось сконцентрировать все свои усилия, чтобы удержать власть над Китаем. В результате даже номинальные связи империи Юань и Золотой Орды сошли на нет, а в 1368 году монгольская династия Юань пала под натиском китайских повстанцев.

Кок-Орда – «левое крыло» Золотой Орды

В состав государства потомков хана Джучи – Золотой Орды входила вся Великая Степь от Дуная на западе до Иртыша на востоке. Все государство – Улуг Улус («Великий Улус») делилось на два крыла – левое, или Кок-Орда, и правое – Ак-Орда, а также еще на множество более мелких уделов-владений, в свою очередь называвшихся улусами и ордами. Во главе западной части Улуса Джучи, называемой Ак-Ордой, и в центре – столице этого государства Сарая – стояли ханы из потомков Чингис-хана и его сына

Джучи-хана – Бату, Сартак, Улагчи, Берке, Мункэ-Тэмур, в восточной – Кок-Орде, или «Синей Орде», «Заяицкой Орде» древнерусских источников, правили зависевшие от него наследники старшего брата Бату-хана Орду-Эджэна, от которого ведут свое происхождение казахские ханы-Чингисиды. А от младшего брата Бату-хана Тукай-Тэмур ведут свое происхождение Гирей, ханы-Чингисиды крымских татар. Сначала завоеванные земли, вошедшие в состав Улуса Джучи, были распределены между братьями Бату-хана – Орда-Эджэном, Шейбаном, чей улус был в среднем Прииртышье, и превратились в удельные владения. Удельные владельцы выставляли для ханского войска определенное количество конных воинов и отчисляли в ханскую казну часть податей, собираемых с населения удела. Помимо просторов Дешт-и-Кипчака, среди их владений были Русь, Хорезм, Крым, Северный Кавказ, Западная Сибирь.

Ханам Золотой Орды в Сарае, которые до 1359 года, до гибели хана Бердибека, были потомками по прямой линии Бату-хана, подчинялись владения всех царевичей из дома Джучи, но иногда это подчинение было номинальным. Например, потомки старшего брата Бату-хана Орда-Эджэна, бывшие правителями Кок-Орды (Восточной Орды, или Восточного Дешт-и-Кипчака) лишь де-юре признавали над собой власть хана, находившегося в Сарае, и даже не появлялись там на курултае – съезде представителей потомков Джучи [Кляшторный, Султанов, СПб, 1000, с. 214]. «С самого начала не бывало случая, – сообщает Рашид-ад-Дин Фазлаллах, современник монгольской эпохи, – чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам изрода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут вверху своих ярлыков» [Рашид ад-Дин, т. 2, М. – Л., 1960, с. 66].

В Восточном Дешт-и-Кипчаке также находились владения Шейбана, младшего родного брата Бату и Орда-Эджэна, и его потомков, к XIV веку охватывавшие районы среднего При-

иртышья. Вопросы, когда возникла Кок-Орда, каковы были обстоятельства ее возникновения и где, на каких конкретно землях она находилась, достаточно часто были предметом споров на страницах научных исследований. И поныне на эти вопросы не существует однозначных ответов, аргументированных содержанием письменных и иных источников. Ученые пришли к единому мнению только в одном: термин Кок-Орда означает одну из частей Джучиева Улуса. А что касается того, какая конкретно часть Золотой Орды называлась Кок-Ордой и когда образовалась эта Орда, в научной литературе нет четкого ответа.

Сведения о Кок-Орде содержатся в основном в известных востоковедам-историкам мусульманских источниках, хотя еще недостаточно исследованных в источниковедческом аспекте. По этой причине они не полностью нашли отображение в историографии Золотой Орды [Кляшторный, Султанов, А.-А., 1992, с. 189–190]. В древнерусских летописях, где Джучиев Улус именуется «Золотой Ордой», просто «Ордой», «Волжской Ордой», степные просторы к востоку от Урала – Восточный Дешт-и-Кипчак фиксировались под названием «Синей Орды», т. е. Кок-Орды, или «Заяицкой Орды» (т. е. к востоку от Яика, ныне Урала) [Полное собрание..., т. IV, СПб., М. – Л., 1841–1965, с. 82–83; т. IX, с. 27, 123]. Предположительно Кок-Орда включала восточную часть Джучиева Улуса – Восточный Дешт-и-Кипчак, где ныне Казахстан – к востоку от Урала (без Семиречья) и к северу от Аральского моря и реки Сыр-Дарья.

Кок-Орда была населена преимущественно тюркскими и немногочисленными монгольскими степными племенами, как обитавшими здесь до монгольского нашествия – кипчаками, канглами, преобладавшими по численности и после монгольского завоевания, несмотря на все их откочевки на запад (что видно из названия земель, входивших в Кок-Орду, и сохранявшегося вплоть до XIV века – Дешт-и-Кипчак), так и пришедшими с монголами Чингис-хана найманами, киреитами, карлуками, конгратами, меркитами, джалаирами, татарами.

Хронологические таблицы мусульманских династий приводят имена ханов Кок-Орды в следующей последовательности:

Орда-Эджэн, Кункиран, Сартактай, Куинджи (Коничи), Баян, Сасы-Бука, Эрзен, Мубарак-Ходжа, Чимтай, Урус-хан, Койричак (Чакра) и Барак [Рашид ад-Дин, М. – Л., 1960, т. 2, с. 67].

Согласно Рашид-ад-Дину, юрт Джучи-хана «был в пределах Иртыша, и там была столица его государства» [Рашид ад-Дин, М., 1960, т. 2, с. 68]. Хивинский хан и летописец Абу-л-Гази Бахадур-хан утверждает, что «резиденция Джучи-хана располагалась в Дешт-и-Кипчаке, в местности под названием «Кок-Орда» и что именно эта часть обширных владений Джучи после его смерти перешла к его сыну Орда-Эджэну. Абу-л-Гази ничего не сообщает о своих источниках, но приведенные им данные находят подтверждение у современника сыновей Джучи-хана – братьев Орда-Эджэна Бату и Шейбана – посла римского папы ко двору великого монгольского хана Плано Карпини, который в 1246 году проехал все земли Джучиева Улуса в их степной части. Согласно его сообщению, он со своими спутниками ехал очень долго по берегу «некоего моря» (озеро Алакуль, недалеко от верховьев Иртыша). «В этой земле живет Орду, старший над Бату; мало того, он древнее всех князей татарских (монгольских. – *Авт.*); там имеется также орда, или двор, его отца, в котором живет управляющая им одна из его жен» [Путешествие ..., М., 1977, с. 3, 218, прим. 194]. Орда-Эджэн получил в удел резиденцию своего отца Джучи-хана, располагавшуюся в верховьях Иртыша около озера Алакуль. Согласно легенде, приведенной мусульманским автором Утемиш-хаджи, Чингиз-хан при решении вопроса о том, кто будет наследовать Джучи-хану, приказал поставить Орда-Эджэну юрту синего цвета; «кок орда», по выражению источника. Само слово «орда» или «орду» означало ханскую ставку.

Границы между уделами Джучидов были определены только в самых общих чертах и в каждый данный период истории в зависимости от военно-политической ситуации то сужались, то, наоборот, расширялись. Уже во второй половине XIII века центром правителей Кок-Орды стал город Сыгнак на Сыр-Дарье, куда переместилась их столица. Они номинально сохраняли по отношению к ханам Золотой Орды политическую зависимость вплоть до первой половины XIV века. Как известно, за это время лишь однажды, при

Мубарак-Ходже, правитель Кок-Орды сделал попытку стать руководителем независимого государства. Мубарак-Ходжа позволил себе чеканить монеты в 1328–1329 годах в Сыгнаке с титулом: «Султан правосудный Мубарак Ходжа, да продлит Бог царство его».

Чеканка монеты, являвшаяся прерогативой суверенного правителя, вызвала противодействие со стороны Узбека, тогдашнего хана Золотой Орды, считавшегося законным верховным главой всего Джучиева Улуса. Его меры, направленные на возвращение потомков Орда-Эджэна в лоно прежней вассальной зависимости от Сарая, и сепаратистские стремления последних к полной политической самостоятельности вызвали смуту, которая, по словам тимуридского автора начала XV века Муин ад-Дина Натанзи, «до сих пор известна в Дешт-и-Кипчаке». В этой борьбе правитель Кок-Орды Мубарак-Ходжа потерпел поражение, бежал и несколько лет скитался в краях кыргызов и на Алтае, пока не погиб.

После смерти хана Джанибека в Золотой Орде началась полоса смут и дворцовых переворотов, на престол претендовало одновременно по несколько ханов, каждый из которых чеканил свою монету. Усилились центробежные тенденции, Кок-Орда становится де-факто независимой. Ее правители приняли активное участие в борьбе за верховную власть в золотоордынской империи, и с 1361 года на трон Джучиева Улуса в Сарая один за другим восходили потомки Орда-Эджэна из Кок-Орды – Тимур-Ходжа, Орда-Шейх, Мурид. Верхушка Кок-Орды стремилась использовать сложившуюся в Золотой Орде ситуацию и объединить все владения Джучиева Улуса в единую империю под своей властью. Официальное приглашение занять трон в Сарая после смерти хана Бердибека было сделано, например, хану Кок-Орды Чимтаю (1344–1361), который его не принял, но его сыновья, особенно Урус, активно участвовали в борьбе за трон Джучиева Улуса.

Урус стал ханом Кок-Орды в 1361 году. Мусульманские летописцы Муин ад-Дин Натанзи и Кадырали Джалаири описывают его как сильного и могущественного правителя с решительным характером. «Это был царь очень сварливый, сильный и могущественный. После смерти отца он сел на трон ханский. Все время он

побуждал своего отца к тому, чтобы тот завладел также и улусом Кок-Орды, но Чимтай не слушал (его)...» При Урус-хане ханская власть в Кок-Орде усилилась, и он стал активно добиваться трона Золотой Орды [Федоров-Давыдов, М., 1973, с. 151–152].

В 1368 году при поддержке «столпов державы и вельмож двора» Урус-хан начал походы на Сарай, которым овладел в 1374–1375 годах, осаждал Хаджи-Тархан (Астрахань), подчинил Прикамье, в источниках названное «юртом Урус-хана». «... Когда Урус-хан сел на царство, то на первом же курилтае сообщил то, что было в его уме, столпам державы и вельможам двора... Между тем, Туй-ходжа-оглан, который был правителем Мангкышлака, не явился (в поход) и был казнен. Сын его Токтамыш один-два раза убегал из орды и снова отправлялся туда... После того как Урус-хан завоевал трон Узбека (Золотой Орды. – *Авт.*) и овладел всем тем государством, Токтамыш бежал и укрылся у Тимура...».

Но успехи Урус-хана оказались преходящими, и уже в следующем году он вынужден был уйти из Поволжья в родные степи Восточного Дешт-и-Кипчака. Хотя Урус-хан и был «законным» претендентом на трон Джучиева Улуса как Чингисид, все же он оказался не в силах одолеть временщика Золотой Орды беклярибека (главнокомандующего войсками Золотой Орды. – *Авт.*) Мамай, поддержанного владетелями правого крыла – Ак-Орды, несмотря на то, что Мамай не был Чингисидом. «Когда истекло 9 лет правления Урус-хана, он скончался от естественной болезни. После него сын его Токтакия правил 2 месяца и также умер...»

То, что не удалось сделать Урус-хану, потомку Орда-Эджэна, осуществил в 80-х годах XIV века другой представитель Кок-Орды – молодой мангышлакский царевич Тохтамыш, потомок Тукай-Тимура, самого младшего сына Джучи, о котором уже упоминалось выше. В 1378 году Тохтамыш при поддержке самого могущественного властелина Востока того времени, правителя Самарканда эмира Тимура – «Железного хромца» был возведен на ханский трон в Сыгнаке, столице царевичей Кок-Орды – левого крыла Джучиева Улуса. Из Сыгнака Тохтамыш, поддержанный Тимуром, отправился в поход на запад и захватил Сарай – столицу Золотой Орды.

Вскоре он объединил все владения Джучидов в единую империю и восстановил сильную ханскую власть [Бартольд, т. V, М., 1968, с. 139]. В этом ему невольно помогла коалиция русских княжеств во главе с князем Москвы Дмитрием Донским, разбившая войска его соперника Мамаю на Куликовом поле, хотя это и не уберегло Москву от нашествия Тохтамыша в 1382 году, когда последний сжег русскую столицу и вновь, как оказалось, до 1480 года обязал Русь платить дань Золотой Орде, при этом вернув недоимки по дани за шесть лет, поскольку при власти Мамай Русь в это время не платила Улусу Джучи.

Но Тохтамыш вступил в конфронтацию со своим покровителем – эмиром Тимуром и проиграл в 1395 году эту войну, длившуюся несколько лет, что стоило ему золотоордынского трона. Не вернулся он и в Кок-Орду, погибнув через 10 лет в низовьях Терека на Северном Кавказе, как сообщают мусульманские – арабско-персидские источники, хотя древнерусские летописи 1407 года упоминают другие обстоятельства гибели Тохтамыша и другую дату его гибели – 1406 год, связывая это событие с Сибирью (близ Тюмени). Тохтамыш по этой версии после поражения от Тимура бежал к местным мурзам, но тюменцы не «вошли в положение» хана-неудачника и просто его убили.

После Тохтамыша больше никому не удалось добиться власти, которая признавалась бы во всем Джучиевом Улусе. Золотая Орда распадалась. Эмир Тимур сажал в Сарае своих ставленников из Кок-Орды, которая к этому времени фактически контролировалась правителем Самарканда. В основном это были представители дома Урус-хана – Койричак, Тимур-Кутлук. Но они не смогли восстановить былое величие Улуса Джучи. Власть в Сарае в это время зависела не столько от ханов, занимавших ее трон, а от фактического правителя – беклярибека, т. е. главнокомандующего войсками, которым тогда был эмир Едигей.

Немецкий путешественник Иоганн Шильтбергер, побывавший в течение своего плена у мусульман с 1397 по 1427 гг. и в «Великой Татарии» (Золотой Орде. – *Авт.*), называет Койричака «Чакра» и «королевский сын Великой Татарии»: «Этому принцу было

предложено возвратиться на родину, чтобы занять там престол... он отправился туда в сопровождении 600 всадников... Королевский сын перешел в Великую Татарию, к вельможе, которого звали Едигей и который послал ему предложение возвратиться для занятия престола. Едигей готовился тогда к походу в страну, называемую Сибирь. Должен заметить, что в Великой Татарии есть сановник (беклярибек. – *Авт.*), который назначает и низвергает королей (ханов. – *Авт.*), которые во всем от него зависят. Тогда эту высокую должность занимал Едигей... Вышеупомянутый королевский сын по имени Чакра провожал Едигея в Сибирь. Они двигались два месяца, пока не прибыли в эту страну... После покорения Сибири Едигей и Чакра вступили в Булгарию (Волжскую, на Каме. – *Авт.*), которая ими также была завоевана. После этого возвратились восвояси...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 34–35].

Но, даже несмотря на поддержку всемогущего Едигея и Тимуридов, за сарайский трон Койричаку пришлось серьезно побороться, тем более что беклярибек был непостоянен в своих симпатиях к претендентам на трон, в том числе и по отношению к Койричаку: «... Примерно в это же время в Татарии королем был некто по имени Шадибек-хан (слово «хан» по-татарски означает «король»)), которого Муин ад-Дин Натанзи называет «царем, ищущим спокойствия, желающим безопасности. Всю свою жизнь он (Шадибек-хан. – *Авт.*) проводил в удовольствиях и наслаждениях. Так как Идигу (Едигей. – *Авт.*) установил тонкие обычаи (тура) и великие законы (ясак) и люди из привольности попали в стеснение, то Шадибек тайно хотел уничтожить его. Пока он так думал, Идигу узнал то, что у него на уме, и хотел до возникновения смуты принять меры против его дела...»

Как видно из вышеизложенного, беклярибек Едигей упреждал действия хана Шадибека, которому ничего не оставалось, как спасаться бегством: «Шадибек узнал и с престола царства бежал в сторону Дербенда...» Сведения Натанзи подтверждает и дополняет Шильтбергер: «... Когда он (Шадибек. – *Авт.*) узнал, что приближается Едигей, он обратился в бегство и погиб в стычке с людьми, посланными за ним в погоню Едигеем. Едигей затем возвел на пре-

стол короля по имени Пулад, который царствовал полтора года и был изгнан другим (претендентом) по имени Джалал ад-Дин, который был низвергнут братом Пулада Тимуром. Последний, однако, царствовал не более 14 месяцев и погиб в борьбе с возвратившимся Джалал ад-Дином...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 35].

Правление Джалал ад-Дина интересно тем, что в это время, как сообщает Натанзи, огромное влияние при его дворе обрели мусульмане, выходцы из Средней Азии: «Он был царем достойным, уважаемым, красивым, красноречивым. Большую часть времени заседал с достойными (людьми). Из-за крайнего благодушия и личной храбрости он совершенно оставил в пренебрежении путь благоразумия и осторожности и отдал естественному ходу дел конечную нужду государства (?). Вследствие этого в недолгое время произошло много несчастий, и дела, пришедшие в порядок, расстроились. Так как в его заседаниях у таджиков была полная власть, монгольские эмиры оказались стеснены и соблазняли его брата... до тех пор, пока в фантазии его не возникла мысль о царстве. Подстрекаемый эмирами, он высунул голову из воротника смуты. После того как брат его правил один год, он в полночь неожиданно захватил его на троне и безжалостно убил...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 34–35].

Данные, приводимые Натанзи, перекликаются с таковыми у Шильтбергера, хотя и далеко не во всем совпадают. «Этот последний (Джалал ад-Дин. – *Авт.*), процарствовавший 14 месяцев, был убит в войне с родным братом Кепеком, который, однако, должен был уступить престол другому брату Керим-Берди. Последний после 5-месячного царствования должен был уступить место брату Джабару. Этот же был изгнан Едигеем и ... Чакрой, который был возведен на престол согласно обещанию Едигея...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 35–36]

Царствование Койричака на троне Золотой Орды также было недолгим: он не смог изменить порочную политическую традицию, для которой характерна была чехарда правителей, и разделил участь предшественников. «Однако уже через девять месяцев им (Койричаку и Едигею. – *Авт.*) пришлось бороться с новым претендентом на (сарайский. – *Авт.*) престол по имени Мухаммад

(Улуг-Мухаммад. – *Авт.*)...» Вскоре после ухода эмира Тимура с основными своими силами с земель золотоордынского Поволжья его ставленник Койричак был свергнут с трона и убит: «Чакра был вынужден бежать в страну, называемую Дешти-Кыпчак, и Мухаммад воссел на престол... Чакра, который хотел низвергнуть Мухаммада, сам погиб в борьбе с ним», – сообщает И. Шильтбергер [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 36].

Из-за войн с эмиром Тимуром ослабела и Кок-Орда. В 1423–1424 годах внук Уруса и сын Койричака Барак одолел своих соперников и захватил власть в Кок-Орде, уже утратившей к этому времени под натиском потомков Тимура район среднего течения Сыр-Дарьи и свою столицу Сыгнак. Но претензии Барака не ограничивались дедовским юртом. По данным древнерусских летописей, он вторгся в золотоордынское Поволжье и разгромил ханов Худайдада и Улуг-Мухаммада в 1424 году, последний из которых, как видно из дипломатической переписки и обмена письмами, признавался иностранными государями официальным правителем Золотой Орды, хотя к этому времени управлял лишь центральной частью бывшего Джучиева Улуса, известного тогда как Большая Орда. Как бы то ни было, Барак, по свидетельству древнерусских и мусульманских летописцев, взял Сарай и «воссел в Дешт-и-Кипчаке на ханский трон».

Однако у власти в центре бывших владений Золотой Орды Барак-хан удержался недолго. К 1427 году Улуг-Мухаммаду удалось отвоевать Сарай и оттеснить Барака в пределы его владений – в Кок-Орду. «Свергнутый Бараком Мухаммад (Улуг-Мухаммад. – *Авт.*), собравшись силами изгнал его, однако затем сам был изгнан Девлет-Берди, который после трехдневного царствования, был вынужден уступить престол Бараку...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 36].

Но Барак отказался от борьбы за трон в Сарае и обратил свои усилия против правителей Самарканда – потомков Тимура. Вероятно, Барака можно считать последним ханом Кок-Орды. В 1425–1426 годах он выступил против внука Тимура, правителя Самарканда Улугбека и отвоевал Сыгнак с рядом поселений на Сыр-Дарье. «Пастбища Сыгнака, – говорил хан Барак, – по закону и обычному

праву принадлежат мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку» [Сборник..., т. II, М. – Л., 1941, с. 197].

Но это были последние годы существования Кок-Орды. С 1428 года власть в Восточном Дешт-и-Кипчаке после смерти потомка Орда-Эджэна – хана Барака, «который погиб в борьбе с ... (Улуг. – *Авт.*) Мухаммадом, снова овладевшим престолом» (в Сарае. – *Авт.*), переходит к потомкам Шейбана, которые олицетворяют степное государство, вошедшее в историю с другим названием – Узбекский Улус, ставший преемником Кок-Орды на пространствах Восточного Дешт-и-Кипчака.

Однако история Кок-Орды – это не только войны и междоусобицы. При всем соперничестве потомков Орда-Эджэна сначала с Улусом Чагатаидов – монгольским государством в Средней Азии, а затем со сменившими их Тимуридами за присырдарьинские города и пастбища Восточного Дешт-и-Кипчака, а также за обладание тронem в Сарае правители Кок-Орды стремились к восстановлению торгово-экономических отношений между кочевым миром восточного Дешт-и-Кипчака и оседлым населением присырдарьинских оазисов. Не случайно правители Кок-Орды перенесли свою столицу из верховьев Иртыша к южным границам своих владений, в город Сыгнак. Сохраняя и поддерживая экстенсивное скотоводческое хозяйство на степных пространствах от Иртыша до Сыр-Дарьи и от Алтая до Улутау и Аральского моря, закрепив сложившийся порядок кочевков на летние и зимние пастбища с учетом традиций, ханы Кок-Орды предприняли шаги по восстановлению хозяйственной и культурной жизни в оседло-земледельческих оазисах среднего течения Сыр-Дарьи, Таласа, Чу.

Муин ад-Дин Натанзи сообщает, что хан Кок-Орды Эрзен благоустроил Сыгнак и построил немало зданий, «большую часть медресе, ханаке, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде, Барчкенде» [СМИЗО, т. II, с. 129] – городских поселений присырдарьинских оазисов. Внук Эрзена Урус-хан по примеру своего деда также воздвигал постройки в Сыгнаке. Согласно мусульманскому летописцу Махмуду б. Вали, другим политическим центром Кок-Орды при

Урус-хане был город Сарайчук в низовьях Урала, который считался вместе с Сараем одной из столиц всего Джучиева Улуса.

К концу XIV века ханы Кок-Орды чеканили монеты уже только от своего имени. Превращение района среднего течения Сыр-Дарьи в центр Кок-Орды со столицей в Сыгнаке способствовало расширению контактов кочевников восточного Дешт-и-Кипчака с оседлой культурой Хорезма и других районов Средней Азии. Существенно сказались на этих контактах угасание из-за погромов эмира Тимура городской жизни в центре Золотой Орды – Нижнем Поволжье и, как следствие этого – перемещение торговых путей на юго-восток, в присырдарьинские оазисы.

Таким образом, термин Кок-Орда в качестве официального наименования был известен еще при жизни хана Джучи и обозначал его ставку, местонахождение которой было в верховьях Иртыша, у озера Алакуль. После смерти Джучи-хана термин Кок-Орда относился к потомкам его сына Орда-Эджэна и к их владениям, которые простирались от верховьев Иртыша дальше на запад к рекам Или и Сыр-Дарье, иногда, возможно, и до Урала. В источниках Джучидов Кок-Орды называли «царевичами левого крыла», и их владения находились на самом востоке Джучиева Улуса.

Термин Кок-Орда во второй половине XIV века уступил место названию Узбекский Улус и прекратил свое существование. К этому следует добавить, что последний хан Кок-Орды Барак имел дочь и трех сыновей. Из них тот, кого звали Абу-Саид, «которого называют также и Джанибек», стал одним из основателей собственно Казахского ханства.

Северо-Западный и Центральный Кавказ в эпоху монгольского нашествия Золотой Орды

Впервые народы Северо-Западного и Центрального Кавказа подверглись нашествию монгольских завоевателей в 1223 году, когда тумены полководцев Чингис-хана – Субэдэй-бахадура и Джэбэ-нойона осуществляли разведывательный рейд по странам, лежащим

к западу от земель, подвластных их повелителю. Вернее будет назвать этот рейд разведкой боем. Как и ныне, в ту эпоху Северо-Западный и Центральный Кавказ представляли собой пеструю в этнографическом отношении картину. Народы их находились на разном уровне развития социальных отношений. Наиболее многочисленными были ираноязычные аланы, чьи «Аланские горы... к западу ... от Каспийского моря находятся», они же асы или асу в китайских источниках монгольской эпохи, ясы арабских и европейских хроник, создавшие к этому времени государственные образования в горах и предгорьях Северо-Западного и Центрального Кавказа; горные адыго-абхазские племена, известные также как черкесы и абазины, в чьих общинах только зарождались ранние формы государственности; тюркоязычные кипчаки – половцы древнерусских летописей, обитавшие на обширных пространствах Дешти-и-Кипчака – евразийских степей от Алтая до Карпат, в том числе в предкавказских степях Причерноморья, примыкавших к Северо-Западному и Центральному Кавказу, находившиеся в социальном отношении в процессе создания ранней государственности.

Преодолев Главный Кавказских хребет, воины Джэбэ и Субэдэя вторглись в аланские пределы. Об этом сообщают мусульманские – арабо-персидские источники и китайская династийная история «Юань-ши». Арабский автор Ибн ал-Асир писал по этому поводу: «Пройдя Дербент Ширвана, татары (монголы. – *Авт.*) вступили в области, в которых много народностей: аланов, лакзов и несколько тюркских племен, ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран и дошли до аланов, состоящих из многих народностей» [Ибн ал-Асир, Баку, 1940, с. 142].

Так монголы «прибыли к аланам, народу многочисленному», в союзе с которыми выступили кипчаки-половцы. Но монгольские военачальники подкупили кипчаков, апеллируя к общим степным корням: «Мы и вы – один народ и из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключаем с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их (аланов) нам» [Рашид-ад-Дин,

М. – Л., 1960, т. 2, с. 71]. Таким образом, благодаря арабским летописцам достаточно подробно описано завоевание монголами аланов и кыпчаков Северо-Западного и Центрального Кавказа, союз которых им удалось разрушить приемами своей коварной дипломатии, что предreshило поражение и тех, и других и подчинение их монголам, но уже в более поздние времена, при правлении сына Чингис-хана – великого монгольского хана Угэдэя, когда, по сведениям современника монгольской эпохи – персидского летописца Рашид-ад-Дина, объединенная монгольская армия Бату-хана в течение 1236–1242 годов была послана на завоевание стран к западу от Монголии, среди которых упомянута Черкессия [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1960, т. 2, с. 72].

О других народах Северо-Западного Кавказа в эпоху монгольского нашествия и Золотой Орды сведения разноязычных, в частности, арабских летописцев скудны и отрывочны. Интересно отметить, что китайский источник «Мэнуэр-шицзи» сообщает о гибели служившего монголам аса Асанчэня во время нападения на него племени туэргэ, которое автор этого труда историк Ту Цзи отождествляет с черкесами [Ту Цзи, /б.м./, 1934, цзюань 177].

В поздний период существования Золотой Орды есть упоминание о черкесах у западноевропейского путешественника Иоганна Шильтбергера [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 45]. Арабский летописец Ал-Омари, автор первой половины XIV века, указывая на «появление ислама» у черкесов и асов-алан, отмечает, что они «все-таки преступают правила ее (религии) во многих делах... похищают детей их (кыпчаков. – *Авт.*) и продают их купцам», «хотя они (Кыпчаки) одержали верх над ратями Черкесов... и Ясов» [СМИЗО, т. I, ч. II, М., 2003, с. 105].

В свою очередь русские авторы сообщают: «Известно, что сии народы имеют жительство свое в горах Кавказских и разделены на множество владений под разными именами. Храбрость, презрение к смерти, военные подвиги и приобретение корысти силою оружия вменяют себе за честь и неподвластны никакому сильному государю, яко драгоценный дар почитают вольность, которую употребляют часто во зло, делая набеги и грабежи друг против друга

и в окружающих странах. Жилища их, расположенные в местах неприступных, и свойственная им храбрость защитили их от завоевания чуждыми народами...» [Бронеvский, СПб, 1996, с. 28].

Но, тем не менее, далеко не всем племенам Северо-Западного и Центрального Кавказа удалось отстоять свою свободу от натиска монголов. По свидетельству Ал-Омари: «Они (Черкесы... и Ясы) не в силах сопротивляться султану этих стран (хану Золотой Орды. – *Авт.*), и потому обходятся с ним как подданные его, хотя у них и есть (свои) цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами; сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен их жен и детей, уводил их рабами в разные страны...» [Путешествия..., А., 1993, с. 96, 102].

Французский посол к монгольскому хану Гильом де Рубрук, посетивший Джучиев Улус в 1253 году, спустя более 10 лет после, казалось бы, завоевания монголами Северо-Западного и Центрального Кавказа, отмечает, что наряду с тем, что «Черкисы (черкесы. – *Авт.*) и аланы, или Аас (асы. – *Авт.*)... исповедуют христианскую веру», они «все еще борются против Татар...»

Французский посол пишет, что на его пути в ставку Бату-хана, повелителя Золотой Орды, «мы ощущали сильный страх: именно... Аланы, рабы их (Татар?), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20–30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда их лошади утомляются, они подбираются ночью к табунам на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою... Наш проводник сильно боялся такой встречи...» [Путешествия..., А., 1993, с. 96, 165].

Та же проблема возникла перед Г. де Рубруком через год, когда он возвращался на родину из подвластных монголам земель. «Удалившись... из Сарая... и направляясь к югу, мы добрались... до гор Аланов... Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха (сына Бату-хана и наследника трона Золотой Орды. – *Авт.*) двоим надлежало караулить горные ущелья».

ля. Чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, Аланами и Железными Воротами (Дербентом. – *Авт.*)... так что Татаграм, жившим у подошвы гор Аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас...» [Путешествия..., А., 1993, с. 96, 165].

Как видно из сказанного, нападения аланов на близлежащие золотоордынские владения вынудили монголов установить особые караулы у выходов из ущелий. Эти сведения, отражающие обстановку в Алании середины XIII века, когда монгольские гарнизоны стояли в крепостях у выходов из гор, поразительно точно воспроизводятся в фольклоре потомков асов-алан – осетинском эпосе «Нарты». Оказалось, что в «Нартиаде» отложились имена правителей Золотой Орды – ханов Сайнаг-алдара (т. е. Саин-хана, «славного хана», Бату-хана, Батыя древнерусских летописей), Берке, брата Бату-хана, лишившего трона племянника Сартаха, и темника Ногая.

Согласно эпическому сказанию, враг нартов Балга-Берке сидит у выхода из горных ущелий со своими многочисленными войсками и подкарауливает нартовских юношей, делающих вылазки с целью угона стад в горы. От Берке, «засевшего в Осетии», особенно страдали аланы, когда большие массы их переправлялись через Главный Кавказский хребет и поступали на службу хану Хулагу – правителю монгольского государства в Иране, с которым Золотая Орда вела продолжительные войны.

В эпосе «Нарты» отражена историческая ситуация на Северо-Западном и Центральном Кавказе эпохи монгольских завоеваний, где явственно видны антимонгольские мотивы. В этом отношении весьма показательна фигура Хъандзаргаса (Чингис-хана) – врага нартов, насильника, похитителя девушек [Гуриев, М., 1981, с. 104–106, 115].

Здесь также интересно свидетельство Г. де Рубрука об аланах как искусных ремесленниках и оружейниках, садоводах, выращивающих виноград и изготавливающих вино. «И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы

от вышеупомянутых Аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами... Прежде чем добраться до Железных Ворот, мы нашли один замок Аланов, принадлежащий самому Мангу-хану (Мункэ – великому монгольскому хану. – *Авт.*), ибо он покорил ту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино...» [Путешествия..., А., 1993, с. 165–166].

Как видно из вышеизложенного, вероятно, аланы и черкесские общины Северо-Западного Кавказа довольно автономно чувствовали себя и после монгольского нашествия. Власть Монгольской империи, а затем Золотой Орды в их крае, видимо, не была прочной, о чем свидетельствует их образ жизни, выражавшийся в набегах на соседей, в том числе и на соплеменников, и активном занятии работорговлей, которую власти Джучиева Улуса активно не пресекали, во всяком случае, до принятия золотоордынскими ханами ислама. Хотя народы Северо-Западного и Центрального Кавказа прославились не только ратными подвигами, набегами и работорговлей, но и как искусные ремесленники, о чем уже упоминалось, а также земледельцы и скотоводы. Согласно Ал-Омари, черкесы и ясы – «жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т. е. водится скот), текут реки и добываются плоды...» [СМИЗО, М., 2003, с. 103].

Таким образом, некоторые племена аланов и черкесов, обитавших в горных, труднодоступных для монгольских войск районах, остались независимыми от Джучиева Улуса. И во второй половине XIII века золотоордынские ханы продолжали с ними воевать. Если северокавказские степи полностью находились во власти Золотой Орды, то этого нельзя сказать даже о предгорьях Северо-Западного и Центрального Кавказа. Следует учитывать, что Северо-Западный и Центральный Кавказ со времени Бату-хана стал частью личного домена золотоордынских ханов, и поэтому правители Джучиева Улуса имели особую заинтересованность в умиротворении региона.

О длительности этой борьбы, не позволявшей Золотой Орде распространить свою власть вглубь предгорий, свидетельствует

поход золотоордынского хана Мункэ-Тэмура 1277 года на ясов (аланов), когда был взят и сожжен их главный город Дедаков. О проведении похода стало известно благодаря участию в нем древнерусских князей, отмеченному древнерусскими летописями. Результатом этого похода был разгром аланов и, по-видимому, других горских народов Северо-Западного Кавказа. Русские полки выступили совместно с туменами Менгу-Тэмура. В результате чего 8 февраля 1277 года Дедаков пал, а союзники – ордынцы и русские «полон и корысть велику взяша» [ПСРЛ, М. – Л, 1962, т. 5, с. 199; т. 18, с. 75]. Это было самое заметное участие русских отрядов в военных кампаниях ханов Золотой Орды. Память о нем сохранилась даже в русском песенном фольклоре, хотя конкретный маршрут похода не нашел отражения в письменных источниках, и его можно отразить лишь условно [Егоров, М., 1985, с. 194].

Ситуация постоянной войны на Северо-Западном и Центральном Кавказе обуславливалась не только регулярными набегами независимых аланских и черкесских племен из горных районов и восстаниями их соплеменников, подвластных Золотой Орде, но и тем, что этот регион был пограничным с империей ильханов Хулагуидов – монгольским государством в Иране и на Ближнем Востоке, с которым после распада мировой Монгольской державы Джучиев Улус вел непрерывные войны, напрямую затрагивающие Северо-Западный и Центральный Кавказ, хотя боевые действия велись во владениях Хулагуидов – на землях Грузии и Азербайджана.

Аланы и черкесы могли стать союзниками Хулагуидов, действующими в тылу золотоордынских войск, пользуясь их уходом в Закавказье, что вызывало опасения властей Джучиева Улуса. В ходе длительной борьбы к XIV веку власть Джучиева Улуса распространилась и в некоторые глубинные районы Кавказских гор. Судя по сообщениям письменных источников, более напряженная обстановка в XIV столетии оставалась у черноморского побережья, где расселялись черкесы. Часть их, проживавшую на Кубани и на Таманском полуострове, удалось подчинить еще в XIII веке. Таманский полуостров в XIII веке был частью Джучиева Улуса,

однако его пределы в это время не могли распространяться далеко на юг по побережью Северо-Западного Кавказа из-за борьбы с непокорными черкесами.

Владения обитавших по кавказскому побережью Черного моря независимых, так называемых белых черкесов простирались до окрестностей современного города Туапсе. Восточные источники свидетельствуют, что золотоордынский хан Узбек в конце 20-х годов XIV века все еще вел с ними войны [Егоров, М., 1985, с. 46]. Ал-Омари, умерший в 1349 году, сообщает, что составляющие заметную часть золотоордынских войск кипчаки «одержали верх над ратями Черкесов, ... и Ясов...» [СМИЗО, М., 2003, с. 105].

Интересен анализ китайских политических терминов, обозначающих формы социальной организации у асов, сохранившийся в «Юань-ши». Применительно к эпохе монгольских завоеваний изучение соответствующей терминологии вызывает особый интерес ввиду формирования у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа государственности в это время. Например, по отношению к асам в «Юань-ши» употребляется термин «Го» – государство [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, с. 27475 (1523)]. Определение термином «Го» образований асов представляется немаловажным для характеристики степени социального развития, которой достигли асы. В пользу этого свидетельствует то обстоятельство, что в китайской историографии издревле существовала четкая терминология для определения уровня развития племен и народов. Вероятно, в обществах асов и черкесов монгольской эпохи было социальное и имущественное расслоение, выделились влиятельные, пользующиеся преобладающим влиянием среди соплеменников роды и фамилии, появились «свои цари», как свидетельствует Ал-Омари.

Свидетельством уровня культурного развития аланов и черкесов является приобщение их к мировым монотеистическим религиям – сначала к православному христианству, а затем к исламу, и наличие у них письменности. «... Аланы, которые именуются... Аас, христиане по греческому образцу, имеющие греческие писмена и греческих священников» [Путешествие..., М., 1960, с. 92], –

пишет Г. де Рубрук. У черкесов не было своей или заимствованной письменности, и они использовали древнееврейское письмо, если возникала необходимость, как сообщает итальянец Джорджио Интериано, живший в конце XV века на Северо-Западном Кавказе, вероятно, в одной из генуэзских колоний [Адыги ..., Нальчик, 1974, с. 48].

Что касается степени экономического развития аланского общества, то оно было оседлым, и наблюдалась тенденция эволюции их поселений в города, о чем выше упоминалось Ал-Омари. Свидетельством зачатков городской культуры у аланов и черкесов является существование большого числа их оседлых поселений на Северо-Западном и Центральном Кавказе в XI–XII веках, жизнь большинства которых прервало монгольское нашествие, не дав им превратиться в развитые города. В золотоордынскую эпоху небольшие, но многочисленные поселения сменяются несколькими быстро развивающимися крупными городами, которые за достаточно короткое время становятся видными ремесленными и торговыми центрами.

К их числу на Северо-Западном и Центральном Кавказе можно отнести город Маджар, остатки которого находятся на берегах реки Кумы, у современного города Прикумск Ставропольского края. Название города хорошо известно по летописным сообщениям и, в частности, от арабского путешественника из Марокко Ибн-Баттуты, посетившего Маджар в 30-е годы XIV века: «Владения его (хана Золотой Орды. – *Авт.*) обширны и города велики. В числе их: Кафа, Крым, Маджар, Азов... Поехал я в город Маджар... на большой реке, с садами и обильными плодами...» [СМИЗО, М., 2003, т. 1, с. 130].

Расцвет города относится к золотоордынскому времени, хотя не исключено, что до прихода монголов здесь уже существовало небольшое поселение. Развалины города, по свидетельству археологов, в начале XIX века в диаметре имели две мили. Такая оценка площади Маджара свидетельствует не только о его обширных размерах, что позволяет говорить о нем как о самом большом городе Северного Кавказа в эпоху Золотой Орды, но и его видной роли

в политической и экономической жизни региона. Первейшее подтверждение тому – обладание правом чеканки монет, выпускавшихся здесь в XIV веке.

На руинах Маджара еще в конце XVIII века сохранялось довольно много монументальных кирпичных зданий золотоордынской эпохи, что хорошо иллюстрирует рассказ Ибн-Баттуты: «Город большой, (один) из лучших тюркских городов» [СМИЗО, М., 2003, т. 1, с. 131]. Археологические исследования выявили здесь не только остатки жилищ, но и следы различных ремесленных производств, а также сложный по устройству городской водопровод.

В XIV веке Маджар представлял собой центр транзитной торговли на Северном Кавказе. С севера сюда вели два караванных пути – из Хаджи-Тархана и из Азака, по которым доставлялись товары с Востока и Запада. В свою очередь, на базары Маджара свозились продукты экспорта со всего Северного Кавказа, заметную часть которых составляли различные металлические изделия. Среди жителей Маджара Ибн-Баттута упоминает тюрков, персов, арабов, румов (греков. – *Авт.*), выходцев из Средней Азии, например, знаменитого мусульманского правоведника Изеддина из Бухары, речам которого внимала вся мусульманская община города. Обратил арабский путешественник внимание и на то уважение, которым пользовались здесь женщины.

По свидетельству Ибн-Баттуты, земли Северо-Западного и Центрального Кавказа, где ныне находятся известные курорты, уже в эпоху Золотой Орды пользовались подобной славой: «Из города Маджара мы собрались ехать в ставку султана (хана Золотой Орды. – *Авт.*), (находившуюся) в четырех днях (пути) от Маджара, в местности, называемой Бешдаг (Бештау). Биш... значит у них (тюрков. – *Авт.*) «пять», а «даг» значит «гора»... На этом Пятигорье (находится) ключ горячей воды, в которой Тюрки купаются. Они полагают, что кто выкупается в нем, того не постигнет кручина болезни. Отправились мы к месту ставки (золотоордынского хана. – *Авт.*) и прибыли к нему в первый день рамазана (6 мая 1334 года)... Подошла ставка (золотоордынского хана. – *Авт.*), которую они (ордынцы. – *Авт.*) называют Урду... – (Орда)

и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары, да дым от кухонь, взвивающийся по воздуху: они варят пищу во время самой езды своей и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимаются с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки... Подъехал султан (хан Золотой Орды. – *Авт.*) и расположился в своей ставке отдельно» [СМИЗО, М., 2003, т. 1, с. 132]. Так что ханы Золотой Орды, возможно, были первооткрывателями известных ныне мест отдыха на Северо-Западном и Центральном Кавказе, облюбовав их для своего пребывания летом, как можно понять из сведений Ибн-Баттуты, заставшего их летнюю перекочевку.

Известным в то время на Северо-Западном Кавказе был город Матрега, находившийся на Таманском полуострове, на месте современной Тамани, и основанный задолго до появления монгольских завоевателей. Название этого города хорошо известно по итальянским источникам. Значение Матреги заметно возросло после основания здесь в золотоордынскую эпоху в начале XIV века генуэзской колонии, развернувшей оживленную торговлю с местными народами. Население Матреги в основном состояло из греков и черкесов. Были итальянцы, аланы, тюрки, славяне. К XV веку по мере ослабления и распада Джучиева Улуса в Матреге усиливалась власть генуэзцев, которые спешили укрепить оборонительные сооружения города из-за частых конфликтов с окружавшим черкесским населением.

С конца XIII века в устье Кубани известен город Копа, основанный генуэзцами, специализировавшийся на торговле рыбой и икрой. Источники сообщают о ежегодно проводившейся здесь весенней ярмарке, на которую съезжались продавцы и покупатели рыбы. На черноморском и азовском побережьях Северо-Западного Кавказа в XIV веке насчитывалось 39 генуэзских колоний, небольших поселков, известных по средневековым картам. Столь значительное их число свидетельствует об оживленной торговле итальянцев с местными народами. Генуэзцы предлагали местному населению хлопчатобумажные, суконные и дорогие виды тканей, соль, хлопок-сырец,

ковры, пряности, клинки. Из вывозившихся с Северо-Западного Кавказа товаров источники называют различного приготовления рыбу, икру, кожи, меха, хлопчатую бумагу, воск, хлеб, вино, шафран, серебряную руду, фрукты и рабов [Егоров, М., 1985, с. 122–123].

Кстати, работорговля играла важную роль не только в экономических, но и в политических взаимоотношениях Золотой Орды с Египтом – ее союзником в войнах с государством Хулагуидов, правящее военное сословие которого – мамлюки – к концу XIII и во все возрастающей степени в XIV веке продолжало формироваться не только из кыпчакских невольников, но и из уроженцев Северо-Западного Кавказа, рассматривавшихся мамлюкскими султанами Египта как «стратегический товар». Торговля невольниками с Северо-Западного Кавказа золотоордынскими властями оправдывалась тем, что невольники не были мусульманами.

В целом Северо-Западный и Центральный Кавказ представляли собой один из важных экономических регионов Золотой Орды, и масштабы его участия в международной торговле того времени – наглядное тому свидетельство.

Но выходцы из Северо-Западного и Центрального Кавказа в золотоордынскую эпоху жили не только у себя на родине, о чем уже выше упоминалось. Вовлеченные в монгольские завоевания, жертвами и участниками которых они одновременно и поневоле стали, многие из них оказались в разных странах, завоеванных монголами, – от Венгрии до Китая. Только в Китае в разное время в XIII–XIV веках служили в отборных элитных частях гвардии великим монгольским ханам 10 тысяч асов, не считая членов их семей. Асы составляли там личную охрану монгольских владык [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, с. 27188 (1236)]. Асы приняли активное участие в походах монголов на Китай, где понесли тяжелые потери в боях [Путешествие..., М. – Л., 1960, с. 146].

Служили и жили асы-аланы и в Джучиевом Улусе за пределами родных гор, где они упоминаются среди 62 основных племен и народов, в подавляющем большинстве монгольского и тюркского происхождения, составлявших главные военные силы и опору Золотой Орды на всем протяжении ее истории [Кляшторный, Султанов,

СПб., 2000, с. 202–209]. Ибн-Баттута сообщает о кварталах асов и черкесов в столице Золотой Орды – Сарае. При этом он отмечает, что асы в Сарае стали мусульманами, а черкесы продолжали исповедовать христианство [СМИЗО, М., 2003, с. 143]. Хотя Ал-Омари, современник Ибн-Баттуты, отмечает «появление ислама в этих народах» [СМИЗО, М., 2003, с. 105] не только у асов, но и у черкесов. Известно об аланских общинах в подвластном Улусу Джучи Крыму, в частности, в городе Старый Крым – Солхате. В свою очередь Плано Карпини, посол папы римского к монголам, в 1245–1246 годах сообщает об одном монгольском наместнике на Руси – алане Михее, который представлен как «человек, преисполненный всякой злобы и коварства» [Путешествие ..., М. – Л., 1960, с. 59].

Под 1358 год известен черкес Зихабей, возвысившийся на золотоордынской службе, который являлся наместником в Тане (Азов. – *Авт.*). С 1379 по 1386 годы золотоордынским наместником в Крыму был Черкес-бек, он же Зихий Черкесий древнерусских летописей, чья резиденция была в Солхате (Старый Крым. – *Авт.*). Он был сторонником беклярибека Мамай – главнокомандующего войсками Золотой Орды, и в 1379 году вынудил генуэзцев Кафы провести мобилизацию воинов в поддержку своего патрона, готовившего тогда поход на Москву.

По сообщениям древнерусской летописи, Мамай, временщик и фактический повелитель Золотой Орды, правивший через своих ставленников на золотоордынском троне, известный своим поражением от Дмитрия Донского на Куликовом поле в 1380 году, в борьбе за власть в Сарае опирался на подвластные ему земли Джучиева Улуса – Крым и Северо-Западный Кавказ. Беклярибек – главный военачальник Золотой Орды, временщик «ордынский князь Мамай... пришел... со всей силой татарской и половецкой и кроме того еще и рати нанял: басурман (мусульман, вероятно, выходцев из Хорезма и Волжской Булгарии. – *Авт.*) и армян, и fryгов (итальянцев. – *Авт.*), черкесов и ясов...» [Хотко, СПб., 2001, с. 105]. Черкесы и асы-аланы принимали участие в военных походах и набегах ханов Золотой Орды – в «великой замятне», иногда по разные стороны баррикад в междоусобных войнах претенден-

тов на сарайский престол. По данным Ал-Омари, «у султана этого государства (хана Золотой Орды. – *Авт.*) рати Черкесов, Русских и Ясов...» [СМИЗО, М., 2003, с. 103].

Во время войн Золотой Орды с самаркандским правителем Тимуром, которые в основном велись на подвластных ей землях, Северо-Западный и Центральный Кавказ испытал нашествие его войск, о чем еще предстоит разговор на страницах этой книги [СМИЗО, М., 2003, с. 303–304, 358–361].

Несмотря на трагизм, монгольская эпоха для Северо-Западного и Центрального Кавказа все же не была проста и однозначна. Тем более что в истории народов Северо-Западного и Центрального Кавказа это был первый опыт многовекового общежития в составе мировой империи, причем, в отличие от последующих времен, при всех войнах с монголами и их золотоордынскими преемниками поставивший эти народы на грань истребления и существования как этносов на их исторических землях. Но этим не исчерпываются последствия золотоордынской эпохи для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа.

Продолжительные и интенсивные исторические контакты народов Северо-Западного и Центрального Кавказа с монгольскими и тюркскими степными племенами как в этом регионе, так и за его пределами объективно создали условия для культурных взаимовлияний. О них можно, например, судить по данным языка потомков асов-алан – осетин, в котором обнаруживается заметное количество заимствований из монгольского языка, в частности в лексике, топонимике и фамильной номенклатуре, что заставляет предполагать о присутствии в Алании монголоязычного этнического элемента, который, возможно, ассимилировался в местной среде. Рельефное отражение контактов аланов и степных завоевателей в монгольскую эпоху нашли в содержании и структуре осетинского нартовского эпоса, в частности в заимствовании асами-аланами монгольских легенд и персонажей монгольского богатырского эпоса.

Значимы последствия золотоордынской эпохи в этнической истории Северо-Западного и Центрального Кавказа, поскольку

в это время был дан импульс возникновению здесь новых этнополитических сообществ, ныне известных как карачаевцы, балкарцы и ногайцы, говорящих на кипчакской ветви тюркских языков. Именно во времена Золотой Орды, преобладающим государственным языком которой уже к началу XIII века стал кипчакский, протекал и стал необратимым процесс тюркизации части горских племен Северо-Западного и Центрального Кавказа, в итоге приведший к появлению новых тюркских этносов. Довольно ярко влияние Золотой Орды прослеживается в генеалогических преданиях карачаевцев, балкарцев, ногайцев, заметная часть этнической элиты которых – их наиболее знатные фамилии выводили свое происхождение от выходцев из Золотой Орды [Боразбиев, М., 2003, с. 84–89].

В этногенезе карачаевского и балкарского народов, истоки которых относятся к XIV веку, принимали участие местные адыго-абхазские горские народы, асы-аланы и тюркоязычные булгары, что в форме балкар отразилось в названии одного из упомянутых народов Северо-Западного Кавказа. Но преобладающее культурное влияние на этот процесс, когда часть горского населения Северо-Западного и Центрального Кавказа заговорила на тюркских языках, оказали кипчаки-половцы, также сыгравшие определяющую роль в этногенезе степного ногайского народа. Таким образом, рождение карачаевцев, балкарцев и ногайцев – современных народов Северо-Западного и Центрального Кавказа неразрывно связано с эпохой степной империи, заключительным аккордом существования которой стало падение Золотой Орды.

Средневековые уйгуры в Золотой Орде

Средневековые уйгуры, выходцы из Восточного Туркестана, сыграли заметную роль не только в великой Монгольской империи, созданной Чингис-ханом, а после ее распада в таких монгольских по династии государствах, как Юаньская империя в Китае и империя ильханов Хулагуидов в Иране и на Ближ-

нем Востоке, но и в Улусе Джучи. К началу XIII века, когда монголы познакомились со средневековой уйгурской культурой, она существовала уже более четырех с половиной столетий и, что удивительно для степной изначально цивилизации, продолжала развиваться и после падения Уйгурского государства – каганата на реке Орхон в Монголии в 844 года, что вызвало массовое переселение тогда еще кочевников уйгуров на северо-запад Китая и в Восточный Туркестан.

Ко времени монгольских завоеваний уйгурская культура расцветала в областях Восточного Туркестана – в оазисах Бешбалыка, Кочо, Хами и в северо-западных областях Китая – в Дуньхуане, Сучжоу, Шачжоу, Ланьчжоу. Ей не был чужд буддизм центральноазиатского – согдийского и тохарского, а также индийского и тибетского толков. Иногда буддийские идеи смешивались с идеями манихейства – религии иранского мира по имени ее пророка Мани, а также с христианством сирийских несторианцев, и уже появились первые уйгуры-мусульмане [Кара, М., 1981, с. 51–52].

Известно, что секрет письменности монголы узнали именно от средневековых тюркоязычных уйгуров, а конкретно от Тататунга (Та-татун-а по китайским источникам), главы канцелярии улуса найманов, тем самым давшего монголам ключ к многовековой и высокоразвитой уйгурской культуре [Мэнда бэйлу, М., 1975, с. 126–127]. Это подтверждают персидские и западноевропейские летописцы. Так, Джувеини пишет: «Они (монголы. – *Авт.*) считают уйгурский язык и письменность вершиной знания и учености» [Джувеини, М., 2004, с. 6]. В свою очередь Гильом де Рубрук констатирует, что монголы заимствовали письма уйгуров, и «уйгуры являются главными писцами среди них... И Мангухан (Мункэ-хан) посылает Вам (королю Франции. – *Авт.*) грамоту на языке моалов (монголов. – *Авт.*), но письмами уйгуров» [Путешествия, А., 1993, с. 113]. Тататунг по приказу Чингис-хана создал на базе средневекового уйгурского тюркского алфавита письменность монголов, которой они пользуются и поныне. Он же был первым учителем грамоты у сыновей «Потрясателя Вселен-

ной» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 124], а в дальнейшем образование представителей правящего «Золотого рода» Чингиз-хана становится в основном прерогативой уйгуров – буддистов и христиан несторианского толка.

Среди уйгуров – учителей монгольских царевичей, потомков Чингис-хана, китайские источники упоминают сына Тататунга Сулохая, Кара-Инах-буйрука, обучавшего сыновей Чингис-хана, Арин-Тимура – наставника детей брата Чингис-хана Отчигина, христианина-несторианца Сибаня (Шибана), учившего уйгурскому письму Каши – внука Чингис-хана и сына Угэдэй-хана, Толочу – наставника Хубилая – будущего великого монгольского хана и основателя монгольского государства в Китае.

Среди уйгуров, служивших монголам, – врачи и лекари Юрунч-Хайя и его сын Чжирлахан. В «Юань-ши» приводятся десятки биографий уйгуров, сыгравших заметную политическую, культурную, экономическую и военную роль во всех монгольских империях от Ханбалыка до Сарая. Среди них участники походов Чингис-хана и его первых наследников Алабарс, Еличу, Туганхайя, Табын, Бакутань-хуа-айхучи, Баян-тогрил, Кара-Арслан-уга, Есянай [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958].

Всего в китайских источниках монгольской эпохи упоминаются более 300 уйгуров, служивших монголам. Только в «Юань-ши» из 227 упоминаемых даругачи, монгольских наместников в Китае, 34 были уйгурами. Наиболее известны из них Арин-тимур, Аркиш-тимур, Саргис, Мунгуз, Кичик-сонгур. Уйгур Санга был главным министром монгольской империи в Китае. Немало уйгуров было в числе ученых – Аныцзан, Орду-тегин, Кара-бука, Дачжэнтун, Ляньсисянь, Вэньшуну, Читай-сали, Карунадас (Цзюлуна-дассу), Кашмир [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958].

Велика была роль средневековых уйгуров в системе управления, созданной монголами в завоеванных странах. Видную роль в Монгольской империи, начиная от времени правления ее основателя Чингис-хана и при его преемниках Угэдэй-хане и Гуюк-хане играл Чжэньхай, о котором персидский летописец Рашид ад-Дин Фазлаллах пишет как об уйгуре. Пиком его карьеры была

деятельность на посту главы правительства монголов в 1231–1241 и в 1246–1248 годах.

Статус правителей уйгурского Турфанского княжества, носивших титул идикут, за то, что идикут Барчук арт-тегин в 1211 году добровольно присоединился к Чингис-хану и во главе 10 уйгурских воинов принял участие в западном походе, в том числе и против земель, впоследствии ставших частью Джучиева Улуса, был достаточно высок при дворе великих монгольских ханов. Причина этого ясно выражена в заявлении великого монгольского хана Хубилая корейскому правителю: «Ты покорился позже, поэтому ты рангом ниже ванов (членов рода Чингис-хана. – *Авт.*). Во время правления нашего Тайцзу (Чингис-хана. – *Авт.*) идикут был первым по рангу из тех, кто покорился и было приказано, чтобы он был первым по рангу среди ванов. А Арслан-хан (правитель карлуков. – *Авт.*) покорился следующим и поэтому он по рангу ниже его (идикута. – *Авт.*). Ты должен знать это» [*«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 122*]. Чингис-хан признал Барчук арт-тегина своим «пятым сыном» и тем самым предоставил уйгурскому Турфанскому княжеству статус улуса, на которые Чингис-хан разделил Монгольскую империю между своими четырьмя сыновьями.

Среди ближайшего окружения хана Джучи находился уйгур, христианин несторианского толка Куркуз (Куэркуссу китайских письменных источников). В юности Куркуз служил своему правителю, главе уйгурского Турфанского княжества в Восточном Туркестане. В силу указанных обстоятельств уйгуры пользовались доверием великих монгольских ханов и приняли активное участие в их завоевательных походах и в государственном устройстве их мировой империи. Еще при дворе идикута Куркуз, благодаря своим способностям, за короткое время изучил уйгурскую письменность. А знание уйгурского письма, чей алфавит использовался для монгольского языка, поощрялось монгольскими властями и способствовало выдвижению знатоков этой письменности на высокие посты, обеспечивая им служебную карьеру. По этой причине Куркуз оказался в окружении Джучи-хана в числе его секретарей-битикчиев.

Но до этого, когда монголы своими завоеваниями расширили пределы своих владений далеко на запад, Куркуз отправился за удачей в ставку сына Джучи – хана Бату. Сначала Куркуз служил пастухом у одного монгольского нойона, через некоторое время заслужил доверие и стал его приближенным. Куркуз встретился с Джучи-ханом на охоте, в которой участвовал в свите своего господина. Тогда Джучи-хан получил от своего отца Чингис-хана ярлык, который ему и прочел Куркуз, т. к. других знающих уйгурское письмо в свите не оказалось.

Благоприятное впечатление, произведенное Куркузом на Джучи-хана, способствовало его успешной карьере на службе монголов. Джучи-хан распорядился зачислить Куркуза в число чиновников (катибов) своей канцелярии, а поскольку Куркуз проявил себя талантливым и красноречивым человеком, знатоком уйгурской письменности, то ему поручили обучение грамоте детей монгольской знати, в том числе из царствующей династии Чингисидов. Вершиной его карьеры в Улусе Джучи было назначение советником даругачи – джучидского наместника в Хорезме, в городе Ургенче.

В 20–30-е годы XIII века даругачи – монгольским управляющим сначала в двух персидских провинциях – Хорасане и Мазандеране, а затем на всей территории Персии и подвластных монголам землях Ближнего Востока был назначен Куркуз. Рашид ад-Дин свидетельствует по этому поводу: «Куркуз, получив в управление (Хорасан), привез битикчиев и чиновников, привел в порядок дела Хорасана и Мазандерана. Он провел подушную перепись и определил твердые налоги, основал мастерские. Было приказано, чтобы Куркуз ведал всеми областями за Аму-Дарьей» [Рашид ад-Дин, М. – Л., 1952, т. II, с. 64].

Как явствует из дальнейшего текста, младший брат Джучи-хана – великий монгольский хан Угэдэй, наследовавший трон их отца Чингиз-хана, «поручил (области) от Хорасана до границ Рума и Диярбекра эмиру Куркузу». Один из сыновей Куркуза служил на посту монгольского даругачи Ирака и Азербайджана, чтобы «взять эти земли во владение и установить твердые налоги» [Рашид ад-Дин, М. – Л., 1952, т. II, с. 46–48]. К сказанному остается

добавить, что в это время все эти земли находились под управлением Джучидов.

Бату-хан, сменивший отца в качестве главы Джучиева Улуса, ценил знатоков уйгурской письменности, каковым был при его дворе мусульманин Ходжа Наджм-ад-Дин, возможно, представитель иранских народов, назначенный в Улус Джучи на пост «улул битикчи» – «великого писца» последним великим ханом тогда еще единой Монгольской империи – Мункэ (Менгу – по-тюркски). В окружении самого Мункэ было немало уйгуров. Гильом де Рубрук оставил сведения об их роли при монгольском дворе в 1253 году.

Он сообщает интересные детали о ритуалах уйгуров – буддистов и христиан, как буддисты «молятся на север, хлопая в ладоши и простираясь на землю на согнутых коленях, причем челом опираются на руки», а «несториане не соединяют рук для молитвы, а молятся, протянув руки перед грудью» [Путешествия..., А., 1993]. Рубрук указывает на то, как и с какими церемониями посещали христианские несторианские богослужения Мункэ-хан и его жены, что не оставляет никакого сомнения в заметной роли уйгуров в удовлетворении духовных и просветительских запросов монгольского владыки и его ближайшего окружения.

Прибывший в Рим посол монголов, уйгур-христианин, несторианский священник Саума рассказывал католическим кардиналам: «Узнайте отцы, что многие наши отцы (уйгуры. – *Авт.*) шли в земли монголов, тюрок и китайцев и проповедывали [История Мар Ябалахи..., М., 1958, с. 83]. Рубрук отмечал напряженные отношения уйгуров с мусульманами в Монгольской империи, что в будущем трагически сказалось на судьбах уйгуров Джучиева Улуса: «Сарацины (мусульмане. – *Авт.*) настолько избегают их (уйгуров. – *Авт.*), что даже не желают о них и говорить. Отсюда, когда я спрашивал у сарацинов об обрядах югуров (уйгуров. – *Авт.*), они оскорблялись» [Путешествия..., А., 1993, с. 111].

Об уйгурах в окружении Бату-хана Рубрук сообщает следующее: «Затем мы месяц путешествовали с Бату, раньше, чем могли

получить проводника. Наконец, назначили мне некоего Югура (уйгура. – *Авт.*), который, думая, что я ничего ему не дам, приказал, несмотря на мое заявление, что я хочу отправиться прямо в Армению, достать себе грамоту, что он проводит меня к Турецкому султану, надеясь получить от него подарки и иметь больше выгоды на этой дороге...» [Путешествия..., А., 1993, с. 164]. У Бату-хана в отрочестве был специальный учитель, обучавший его уйгурскому письму, Бекбука, выходец из найманов, находившихся под заметным влиянием средневековой уйгурской культуры [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 134].

Число уйгуров, исповедовавших буддизм и христианство несторианского толка и служивших в канцеляриях Золотой Орды, было значительно в конце XIII – начале XIV веков, когда после распада в 1259–1260 годах мировой Монгольской державы Улус Джучи стал независимым государством. Об этом свидетельствуют события до и во время 1312–1313 годов, связанные с воцарением на золотоордынском троне юного Узбек-хана, который со всем воодушевлением новообращенного мусульманина и с пылом молодости, подогреваемой проповедью и наветами его мусульманского окружения, провозгласил ислам господствующей религией в государстве и первым делом «умертвил несколько эмиров и вельмож, умертвил большое количество уйгуров, т. е. лам (буддийских священнослужителей ламаистского, тибетского толка. – *Авт.*) и волшебников (магов и астрологов. – *Авт.*), и провозгласил исповедание ислама» [СМИЗО, М., 2005, с. 242, 361–362]. Об этом Узбек-хан лично письмом известил египетских мамлюков Ан-Насира. Согласно Утемиш-хаджи, у Узбека была веская причина для этого, так как уйгурский сановник Баджир Тог-Буга, женившийся на супруге умершего Токта-хана, стал претендовать на трон Золотой Орды, хотя не имел на это права, не являясь Чингисидом [Почекаев, СПб., 2010, с. 289].

Средневековые уйгуры сыграли определенную культурную роль в истории Золотой Орды, свидетельством чего являются находки в городищах золотоордынских поселений в Поволжье монголо-уйгурских рукописей на бересте. Как сообщают арабоя-

зычные источники, дипломатические послания первых ханов Золотой Орды султанам мамлюкского государства в Египте и Сирии составлялись, как правило, по-тюркски уйгурским письмом. Уйгурская письменность продолжала существовать при дворе ханов Золотой Орды и после принятия последними ислама как государственной религии Улуса Джучи.

Так, золотоордынские ханы Токтамыш и Тимур-Кутлуг использовали уйгурское письмо для ярлыков и грамот, составленных на берегах Дона и Днепра в конце XIV века. До нашего времени дошел подлинник письма хана Токтамыша к королю Ягайле уйгурским письмом. Известны написанные буквами уйгурской средневековой письменности ярлыки других ханов Золотой Орды: Мункэ-Тэмура (1267 г.), Бердибека (1357 г.), Бюлека (1379 г.) и грамоты Тайдулы за 1347, 1351 и 1354 годы, надпись на золотой пайцзе – символе государственной власти и своего рода удостоверении личности высокопоставленных лиц, относящейся к 1362–1369 годам, времени правления хана Абдуллы. Пайцзы с именами ханов Золотой Орды найдены в разные годы в районах Поволжья, Поднепровья и Крыма. Пайцза – это с виду пластинка золотая, серебряная, бронзовая или деревянная с определенной надписью, выдаваемая от имени хана Улуса Джучи.

Из письменных памятников, написанных уйгурским алфавитом, найдены также фрагменты рукописи на бересте (т. е. на верхнем слое коры, содранной с березы). На пайцзах прочтены имена ханов Токты, Узбека, Кельдибека. Все эти документы – ярлыки и пайцзы – были написаны уйгурским письмом по-монгольски, кроме ярлыка Бюлека, написанного по-тюркски. Употреблялось уйгурское письмо и на золотоордынских монетах [Григорьев, Л., 1978, с. 12]. Есть золотоордынские монеты, где уйгурскими буквами написано имя хана, однако монет на монгольском языке уйгурским письмом нет. Известна версия тюркоязычной поэмы «Мухаббатнаме» золотоордынского поэта XIV века Хорезми, написанная уйгурским письмом.

Значение средневекового уйгурского языка и письменности также состоит в том, что это – письменная форма языка не только

самых средневековых уйгуров и монголов, ведущего этноса во всех монгольских империях XII–XIV веков, но и кипчаков, основного тюркского степного населения Золотой Орды, главной опоры ее ханов, среди которых уже в начале XIV века стал заметен процесс этнической ассимиляции немногочисленных монголов Джучиева Улуса. Как отмечал Гильом де Рубрук, «у югуров заключается источник и корень турецкого и команского (кипчакского. – *Авт.*) наречия...» [Путешествия..., А., 1993, с. 115].

Таким образом, уместно говорить о значении культурных, языковых, письменных связей между средневековыми уйгурами и другими народами Золотой Орды, в первую очередь монголами и кипчаками. Благодаря монголам уйгурская письменность пришла в Дешт-и-Кипчак, в жизни государства на территории которого – Золотой Орды были в ходу два языка – монгольский и тюркский, – и два алфавита – уйгурский и арабский. Уйгуры наряду с другими тюркскими народами жили в Золотой Орде, во всяком случае, до 1313 года, хотя в отличие от них не имели важного источника пополнения своей общины, поскольку после распада единой Монгольской державы были отрезаны от страны своего происхождения – Восточного Туркестана, ставшего ареной междоусобных войн других монгольских государств – империи Юань с центром в Ханбалыке на месте современного Пекина и Улуса Чагатай в Средней Азии.

Культурная значимость средневековых уйгуров для Джучиева Улуса обуславливалась и тем обстоятельством, что в Золотой Орде, как и в других государствах, возникших на руинах Монгольской империи, созданной Чингис-ханом и его первыми наследниками, уйгурское письмо было по преимуществу «ханским» и в качестве такового продолжало употребляться вплоть до распада Золотой Орды в силу традиции, унаследованной от прежних времен, независимо даже от реалий новой эпохи. Употреблялось уйгурское письмо также в государственных канцеляриях Улусов Чагатаидов и Хулагуидов, Юаньской империи, что облегчало контакты между ними и Золотой Ордой. Позднее на средневековом уйгурском алфавите получило развитие маньчжурское и монгольское

письмо. Маньчжурское письмо функционировало в Китае с 1644 по 1911 г., а монгольское на уйгурском алфавите – до 20–30-х гг. XX в. в Монголии, где сейчас делаются попытки возвращения к уйгурской письменности.

О миграциях в XI–XIII веках племен из Центральной Азии, Приуралья и Кавказа, представленных среди основных родов – главной военной опоры Джучиева Улуса

Историческая роль центральноазиатских по происхождению племен – кипчаков персо-арабоязычных источников, известных на Руси как половцы, в Византии и Европе – как команы, в Китае – как циньча, а также канглы, аргынов, кара-китаев (кара-хитаев, кара-хытаев), карлуков, уйгуров, найманов, киреитов, татар, джалаириров, конгратов, меркитов, тангутов, башкир, называемых в китайских источниках соответственно канли, аэрхунь, цидань (кидани) или силаю-жэнь, халалу (гэлолу), вэйур (хуйхэ), намань (нянь-ба-энь), кэ-ле (цюеле), дадар (дадаи, дадалитай), джалар (яглакар), хуцила (вэнцзила), мелицзи, тан-у (сия-жэнь), в западноевропейских – кангле, аргон, каракатай, югур, тартар, ялаир, кондрат, табгут, баскарт (они же басджирты, башджирды, башгирты, башгирды, башкирды, башкурды арабских источников, обитавшие уже к IX в. в Приуралье); выходцев с Кавказа – асов или асу китайских источников, аланов западноевропейских авторов, представленных в XIII–XV вв. в числе 62 основных племен и родов Улуса Джучи – Золотой Орды, на которых основывалась золотоордынская военная организация, позднее участвовавших в этногенезе современных тюркских, кавказских и других народов – ногайцев, казахов, башкир, крымских и поволжских татар, каракалпаков, кумыков, карачаевцев, балкарцев, алтайцев, узбеков, уйгуров, сары-югуров, туркмен, осетин, адыгов, вайнахов, хуэй и дунган, определилась еще в эпоху, предшествующую завоеваниям Чингис-хана.

Ранняя история аргынов сложна и запутанна. В средневековых источниках о них содержатся лишь разрозненные сведения. В китайских династийных историях «Юань-ши» и «Синь Юань-ши» сообщается о племенах аэрхунь, которых французский синолог П. Пельо и российский ученый Н. А. Аристов отождествляют с аргынами. Они прослеживают этногенетическую преемственность аэрхунь с древнетюркскими племенами басмылов, имевших отношение еще к событиям в связи с распадом Тюркских и возникновением Уйгурского каганатов в VII–VIII вв., с которыми исторические предания связывают также происхождение джалаи-ров, ко времени подъема империи Чингис-хана обитавших по рекам Хилок и Селенга, в районе Каракорума – будущей столицы мировой Монгольской державы, в верховьях Орхона, впадающего в Селенгу. Как этническая общность аргыны известны тюркскому ученому XI в. Махмуду Кашгарскому. Название этого племени в форме аргон упоминается у Марко Поло как живущего во Внутренней Монголии во второй половине XIII в. Свидетельством определенного уровня развития социальных отношений у аргынов является их приобщение к исламу – мировой религии, на что есть указание у М. Поло, а в упомянутых китайских источниках обозначены такие мусульманские имена аргынов, как Хаджи Хассим, Асан, Ахмед, Абдулла [Pelliot, P., 1927, № 211, p. 264–268; Аристов, СПб., 1897, с. 9; Кашгарский, Ташкент, 1960–1963, т. 1–3, с. 64–70; Книга Марко Поло..., А.-А., 1990, с. 85–86, 258; Кэ Шаоминь, Шанхай, 1936, т. 8, цзюань 131; Ogel. Taipei, 1964, s. 365–366].

Согласно казахским генеалогическим преданиям, наиболее близкородственными аргынам племенами были кипчаки, обитавшие на обширных просторах Дешт-и-Кипчака – страны или степи кипчаков, раскинувшейся от Иртыша до Дуная. История племенных групп, в начале II тыс. н. э. живших на этой территории, связана, прежде всего, с кочевыми объединениями кипчаков, в состав которых входили и канглы. С XI в. в мусульманских, т. е. персо-арабоязычных источниках, появляется название Дешт-и-Кипчак. После ослабления огузского государства в первой половине XI в. кипчаки постепенно вытеснили огузов из степей нынеш-

него Казахстана, а оставшиеся там племена подчинились кипчакам и вошли в их состав. Захватив огузские земли в бассейне среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи, приаральские и прикаспийские степи, кипчаки вплотную подошли к северным рубежам Хорезма, в то время являвшегося центром огромного государства. В 1030 г. хорезмшах Алтуншаш писал о кипчаках, населявших степи, пограничные с Хорезмом. В конце XI в. кипчаки достигли на юге окрестностей Тараза, где возвели укрепление Канджак Сангир.

Восточными рубежами кипчаков в XI в. являлось правобережье Иртыша и склоны Алтайских гор. Левый берег обозначен на карте М. Кашгарского как место обитания кипчакского племени йемеков, а междуречье Иртыша и Оби – племени каи, или уран, из которых вышли отдельные кипчакские ханы [Кашгарский, Ташкент, 1960–1963, т. 1–3, с. 2 (?)]. Северные границы кипчаков проходили по лесостепной зоне, ныне отделяющей степи Казахстана от Западной Сибири. О западных границах кипчаков дают представление следующие слова М. Кашгарского: «Итиль (Эдель, Волга) – название в стране кипчаков» [Кашгарский, Ташкент, 1960–1963, т. 1–3, с. 444; Ахинжанов, А.-А., 1973, с. 59–70]. Арабские авторы Ал-Бакри, Ал-Марвази называют кипчаков северными соседями печенегов [Хвольсон, СПб, 1869, с. 49; Шаниязов, Ташкент, 1974, с. 54].

Об их соседстве говорит и М. Кашгарский [Кашгарский, Ташкент, 1960–1963, т. 1–3, с. 5 (?)]. Так как печенеги до своей миграции в Причерноморье жили в степях Приаралья, то для того, чтобы граничить с ними на юге, кипчаки должны были обитать на землях Южного Урала. «Юань-ши» свидетельствует: «Тутуха. Его предки ранее, с самого начала, являлись племенем, обитавшим севернее Упина у реки Чжэляньчуань, у гор Андахань. С (предводителем) Цюйчу переселились на северо-запад в горы Юйлиболи. Из-за этого (слово Юйлиболи) стало названием рода. Именуя их страну, говорят циньча (кипчак). Их земли лежат от Китая на расстоянии 30 тысяч ли. Летом ночи там очень короткие. Солнце не на долго садится и всходит...» [«Юань-ши, Пекин – Шанхай, 1958, с. 2159 (28111)].

С несомненностью установлено, что изначальным местом, откуда циньча-кипчаки переселились в междуречье Волги (Итиля, Эделя) и Урала (Яика, Жаика), была Джейранская долина (по-китайски Чжэлянчуань, по-монгольски Джэрэн-кээр) к северу от реки Лоха-мурэн во Внутренней Монголии. Транскрипционное обозначение гор Андахань соответствует Алтахан (Золото). Название Алтахан зафиксировано в монгольской летописи «Алтан-Тобчи». Согласно одной из версий «Алтан Тобчи», прах Чингис-хана был захоронен за горами Алтахан. Китайской их параллелью было название Цзиньвэй – золотистый, золоченый. Отголоском изложенного, возможно, стоит считать и пребывание кипчаков в горах Алтынды-тау в казахском эпосе «Кобланды-батыр». Другой ориентир – область Упин. Ее развернутая историко-географическая характеристика дана при описании Карциньского (Харачинского) аймака в сочинении «Мэнгу юму-цзи». Округ Упин лежал по обоим берегам реки Лоха-мурэн (по-китайски Лаоха-хэ), а развалины города Упин сохранились в местности Ботацзы.

Горы Алтахан – это Большой Хинган к северу от Лоха-мурэн, правого притока реки Шара-мурэн (Хуан-шуй). В восточном отдалении от Большого Хингана находится долина ныне бессточной реки Дзерен, Джэрэн-кээр монгольского предания. Выясняются, таким образом, южный, восточный и западный пределы обитания кипчаков на их прародине во Внутренней Монголии. К историко-географическим синонимам Золотых (Золотистых) гор этой части Азии обращался китайский историк Ван Говэй, пришедший к заключению, что другими традиционными названиями Большого Хингана были Цзиньшань (Золотые горы) и Кара-ун-чидун (Черная повозка).

В башкирских шежере, в западнотабьинских генеалогических преданиях их предки юрман приходят из Монголии, из местности Алтай. Башкирский род урман-гэрэ имел чисто кипчакскую тамгу в виде пары столбов, и это последнее обстоятельство напрямую связывает происхождение данного имени и этнонима с Большим Хинганом, называвшимся также Алтай и Екэ Алтай – «Большой Алтай». Таким образом, китайское название Цзиньшань и тюрко-

монгольское Алтай относилось не только к собственно Алтайским горам, но и к Большому Хингану [Зуев, А., 2001, с. 419–422, 427; Алтан Тобчи, СПб., 1858, с. 148, 164, 174; Кобланды-батыр, М., 1975, с. 149, 151, 155, 310, 312, 316; Попов, СПб., 1895, с. 12, 196; Ван Говэй, Пекин, 1959, т. 3, с. 725–730; Кузеев, М., 1974, с. 120–121, 170–171, 332, 369; Golden, 1986–1987 (offrint), p. 7–8].

Под 1288 г. в «Юань-ши» сообщается, что вышеупомянутый кипчак Тутуха, служивший во главе кипчакской гвардии (toqtaq, tutuq – конная ночная разведка) монгольским правителям Китая – Юаньской империи и воевавший после распада Великого Монгольского Улуса в 1259–1260 гг. с враждебными юаньскому трону монгольскими князьями на землях Енисейско-Алтайского междуречья и Саяно-Хангайско-Алтайского нагорья, «вернулся в Халавэнь-шань (горы Халавэнь или Кара-ун), ночью переправился через реку Гуйле (Гуйлехэ или Гуйлер), разбил мятежного вана (князя) Хэдяня (Кадана). В итоге взял все племена Ляо (киданей) по правую сторону (реки), учредил управление темников (предводителей 10-тысячных воинских отрядов) Дун-лу (восточных округов) ...». К землям этих округов относилась и Чжэляньчуань или Джэрэн-кээр [«Юань-ши», цзюань 128, с. 27439 (1487)].

Вероятно, не все кипчаки ушли на запад. Подтверждением предположения о том, что некоторые кипчакские роды остались и жили среди монгольских племен, является биография военачальника Есенху ду в «Юань-ши», о котором говорится как о выходце из «монгольского кипчакского рода» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, с. 28111 (2159)].

В биографии канглы Бухуму сообщается, что его дед Кайранбай (по-китайски Хайланьбо) служил Тоорилу Ван-хану, правителю улуса киреитов в Северной Монголии, в долине реки Толы и среднего течения реки Орхон, первые сведения о которых относятся к последней четверти XI в. в связи с принятием их знатью христианства несторианского толка, и жил там накануне нашествия Чингис-хана со своей семьей и родом, несколько тысяч воинов-всадников которого, как и их предводитель, были у киреитов на службе. Текст «Юань-ши» гласит по этому поводу:

«Бухуму... Его предки из поколения в поколение были знатно племени канглы. Его дед Хайланьбо служил у киреитского Ван-хана. Когда Ван-хан был уничтожен (монголами), то Хайланьбо бросил семью и в сопровождении нескольких тысяч всадников умчался в северо-западном направлении...» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, с. 27454 (1502)].

Таким образом, можно говорить о тесных связях канглы с улусом киреитов. Наличие тесных связей между канглы и киреитами подтверждается и другими китайскими источниками, указывающими на генетические связи между этими племенами, в частности на то, что семейство Бухуму происходит от киреитов. В «Мэн-эр-шицзи» сообщается: «Киреиты были предками канглы. Западные племена именовались канглы, а восточные – киреитами» [Ту Ци, б/м, 1934, цзюань 20]. Этническая близость с канглы, чья тюркоязычность не вызывает сомнений, позволяет высказать предположение о принадлежности киреитов к тюркскому кругу племен.

В пользу данного мнения, возможно, свидетельствует «Юань-ши», где выделяются отдельные биографии именно «мэнгу ке-ле» – монгольских киреитов в отличие от большей части своих соплеменников. Факты, отмеченные в «Юань-ши», подтверждают, что мнение, до сих пор бытующее в некоторых работах, где утверждается об уходе всех тюркских родов и племен из Монголии еще до эпохи Чингис-хана, может быть поставлено под сомнение. Данная точка зрения покоится на переходящей ошибке, которая состоит в том, что утрата правящей тюркской элитой своих доминирующих позиций после откочевки на запад и прихода сюда монголов отождествляется с исчезновением этноса. Реальная же ситуация в Центральной Азии была намного сложнее и многообразней.

С киреитами были связаны и аргыны, о чем свидетельствует биография киреита Хасанна в «Юань-ши», командовавшего воинами-аэрхунь в монгольском войске Чингис-хана во время его похода на Хорезм, принявшими участие в захвате Бухары и Самарканда. Большим влиянием пользовалась при дворе великих монгольских ханов киреитка Соргатай-беги, жена четвертого сына

Чингис-хана Толуя и мать великих ханов Мункэ и Хубилая. Среди знаменитых киреитов, служивших монголам, китайские источники упоминают личного секретаря хана Мункэ Болхая, Чжэньхая – ючэнсяна (правого или главного министра), Дашмана, ведавшего налогами, Есенбуку, Сутэ с сыном Хуланем – наместников провинций или даругачи, Букатимура, Ажуна из ведомства ритуалов и церемоний, даругачей Богусы, Далимачжили [«Юань-ши», цзюань 134, с. 2704 (1555), цзюани 122, 140].

Что касается гор Юйлиболи, куда из Внутренней Монголии переселились кипчаки, то, по мнению немецкого востоковеда И. Маркварта, они соответствуют предгорьям Южного Урала [«Юань-ши», цзюань 134, с. 2704 (1555), цзюани 122, 140; Marquart, Berlin, 1914, Bd. 13, № 1, s. 114]. А по мнению П. Пельо, слово Юйлиболи является китайской транскрипцией этнического названия кипчакского племени ильбари. П. Пельо также считает, что переселение, описанное в «Юань-ши», относится к племени байаутов, впоследствии вошедших в состав кипчаков [Pelliot, Leiden, 1951, vol. 1, p. 107].

Персидские источники подтверждают сообщение «Юань-ши», отмечая, что кипчаки племени ильбари жили в это время в районе Уральских гор. Поэтому мнения И. Маркварта и П. Пельо вполне правомерны, когда они, комментируя вышеприведенный китайский текст, локализуют горы Юйлиболи в районе Уральских гор [СМИЗО, М. – Л., 1939, т. 2, с. 467]. К концу XI в. степи от Иртыша до Волги были заняты кипчакскими племенами, отдельные их группы проникли на Мангышлак. На карте Махмуда Кашгарского на восточном берегу Каспийского моря отмечены поселения кипчаков. Они подвергались нападению со стороны султана туркмен-сельджуков Алп-Арслана во время его похода на Мангышлак в 1065 году [Материалы по истории туркмен..., М. – Л., 1939, т. 1, с. 467]. Арабские авторы Ал-Омари, Ибн-Халдун и Ибн-Арабшах приводят общие размеры территории, которую занимали племена кипчаков: «Длина ее от моря Стамбульского (Черного моря) до реки Иртыш, шесть месяцев пути, а ширина от Булгара до Железных ворот приблизительно четыре месяца... Это государ-

ство обширное, на севере простирающееся от Хорезма до Яркенда, Согда, Сарая, города Маджура, Азака, Судака, Булгара, Башкирда и Джульмана... Границы Дештской земли на юге у Кальзумского (Каспийского) моря, с востока – пределы владений Хорезма, Отрар, Сыгнак и другие земли и страны по направлению к Туркестану... вплоть до границ китайских. С севера Сибирь... пустыни и степи, да пески. С запада окраины земель русских и болгар...» [СМИЗО, М. – Л., 1939, т. 2, с. 468; Golden, Wiesbaden, 1992; Тугушева, Киото, 2004].

К середине XI в. кипчаки захватили причерноморские степи. В древнерусских источниках эта территория расселения кипчаков стала называться «Полею половецким», а кипчаки – половецами. Земли восточных кипчаков – Поволжье, Приуралье, Прикаспий, Приаралье, Сары-Арка и Прииртышье назывались в персо-арабоязычных источниках Дешт-и-Кипчаком, понятием, распространившимся в XII–XIV столетиях также и на причерноморские степи.

В середине XI – начале XII вв. на последней фазе миграций кипчаков в предмонгольский период окончательно формируются пять основных групп кипчакских племен: алтайско-сибирская, казахстано-приуральская (включая волжско-уральскую), подонская (включая предкавказскую), днепровская (включая крымскую), дунайская (включая балканскую).

Кипчакские объединения являлись естественными преемниками предшествующих государственных и этнополитических образований, существовавших на территории от Иртыша до Днестра. Они вобрали в себя этнические группы и племена, населявшие регион в предшествующие века и ставшие в первой половине XI в. подчиненными или зависимыми от кипчаков. Одним из этнических компонентов, вошедших в состав кипчаков, были йемеки или йемаки, известные ранее арабам как кимаки и создавшие Кимакский каганат, существовавший в VIII–XI вв. Они были тюркским племенем и обитали на Иртыше, и тогда кипчаки находились в их подчинении [Кашгарский, Ташкент, 1960–1963, т. 1–3, с. 379].

К XII в. ситуация изменилась, и отдельные группы йемек-ков переместились в Приуралье и Поволжье в составе кипча-

ков. О присутствии кипчаков и йемеков здесь говорят восточные источники, древнерусские летописи, а также данные антропологии и топонимики. В состав кипчаков вошли тюркские племена байандуры, уран, канглы. Близкое родство кипчаков и канглы не подлежит сомнению, мусульманские авторы XII – начала XIII вв. употребляли названия кипчак и канглы как синонимы. «Канглы – один из великих людей из кипчаков» [Кашгарский, Ташкент, 1960–1963, т. 1–3, с. 380], – сообщает Махмуд Кашгарский. В пользу этого говорит и тот факт, что различные мусульманские авторы дают противоречивые сведения о происхождении Теркен-хатун, матери хорезмшаха Мухаммада, побежденного Чингис-ханом. Таким образом, средневековые информаторы, чья компетентность и добросовестность, казалось бы, вне всяких сомнений, не столь уж единодушны в характеристике родословного древа Теркен-хатун.

Согласно одним данным, она происходила из кипчаков, а по другим – из канглы, т. е. кипчаки и канглы отождествлялись друг с другом [Pelliot, Leiden, 1951, vol. 1, p. 96–97]. Джувеини, Гильом де Рубрук, а позднее Н. А. Аристов и В. В. Бартольд рассматривали канглы как часть кипчаков [The History..., Manchester, 1958, vol. 2, p. 88–89; Путешествие..., М., 1957, с. 123; Аристов, СПб., 1896, с. 407; Бартольд, М., 1968, т. V, с. 272]. Но из высказываний Джувеини не складывается впечатление, что канглы находились в подчинении у кипчаков. Он заявляет, что «Теркен-хатун происходила из тюркских племен, называемых канглы» [TheHistory ..., Manchester, 1958, vol. 2, p. 240].

Вслед за ним это же упоминает Абул-Гази. Согласно Ан-Насави, она принадлежала к байаутам, ветви йемеков, при этом поясняется, что принцессы, выдававшиеся замуж за правителей государства Хорезмшахов, были родом из кипчаков, к чему присоединяется и Джузджани [Tabakat-i-Nasiri..., L., 1881, t. II, p. 240; Ан-Нисави, Баку, 1973, с. 326]. Если к этому добавить, что титул – имя матери хорезмшаха Теркен, возможно, киданьского происхождения, то можно представить себе, насколько сложен и вместе с тем важен для изучения этнической истории тюркских народов вопрос о соотношении данных этнонимов, названный П. Пельо

одним из наиболее темных в истории Центральной Азии [Pelliot, Leiden, 1951, vol. 1, p. 62].

Как сообщает «Ляо-ши» («История династии киданей Ляо»): «Ляо (кидани), следуя туцзюе (тюркам), называют Телицянь (Теркен)». После падения под натиском чжурчжэней, пришедших из Маньчжурии, в Северном Китае в X в. империи киданей, народа предположительно монголоязычного круга, часть киданей во главе с вождем Елюй Даши бежали на запад, где на землях нынешних Восточного Казахстана, Прииссыккуля и Восточного Туркестана основали новое государство Си (Западное) Ляо. Западные кидани, или кара-китаи, к XII в. поставили в вассальную зависимость от Си Ляо государства уйгуров и карлуков, которая сохранялась вплоть до прихода монголов Чингис-хана, и вступили в конфронтацию с государством хорезмшахов. Государство кара-китаев пало под натиском бежавших от монголов найманов, восстаний уйгуров и карлуков, призвавших на помощь Чингис-хана. Кара-китаи также влились в состав армии Чингис-хана и приняли участие в монгольских походах.

Помимо просторов Дешт-и-Кипчака, среди владений Золотой Орды были Русь, Хорезм, Крым, Северный Кавказ, Западная Сибирь [«Ляо-ши», Шанхай–Пекин, 1958, с. 523]. Кидани мигрировали в Западную Сибирь и Дешт-и-Кипчак. Появление здесь киданьского по происхождению племени ногай (киданьское, монгольское значение слова нокай – «небесная праматерь Собака») относится к началу XI в., т. е. ко времени массовой миграции кочевых племен с территории северо-западной Маньчжурии и Внутренней Монголии на запад вплоть до Дуная. Главным этническим компонентом этого массива были тюркоязычные племена, среди которых летописцы упоминают ногаев в их тюркских обозначениях: ит-барак – «собака с длинной шерстью» («Огуз-наме», Рашид-ад-дин, Абу-л-Гази), итлар – «собаки» (Ипатьевская летопись), тайган (Киргизские родословия), «собачье царство» (китайские хроники). В русской летописной традиции появление ногаев в Западной Сибири связывается с приходом сюда киреитского Тоорила Ван-хана, что подтверждается и известием в «Сокровенном

сказании» монголов о поражении киреитов от монголов у реки Бухтармы в начале XIII века. В составе этих племен были и кипчаки, известные в монгольской и чингизидской традиции под именем «токмаки» («Алтан Тобчи», «Шара Туджи»).

Аргыны служили шахам Хорезма, например, уже упомянутый Хаджи Хассим, чья биография приводится в «Синь Юань-ши», когда он сражался с монголами и попал в плен. Он был за мужество помилован Чингис-ханом и принят к нему на службу [Кэ Шаоминь, Шанхай, 1936, цзюань 136]. О связях аргынов с монголами сообщает Рашид-ад-Дин, когда Тимурбука из Джучиева улуса – правнук Чингис-хана женился на Аргун-Тикин «из рода Аргуннан [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1960, т. II, с. 71]. Т.о. аргыны обитали и в Хоремском оазисе Средней Азии, после разгрома государства хорезмшахов ставшем частью улуса старшего сына Чингис-хана – Джучи.

В армии хана Бату (Батые древнерусских летописей) после его возвращения из похода на Западную Европу в 1242 году находились ополчения 12 племен, в том числе аргун (аргыны), найманы, киреиты, карлуки, конграты. В 1382 году, во время похода хана Золотой Орды Тохтамыша на Москву, когда он захватом ее взял реванш за поражение ордынцев Мамай на Куликовом поле, в его личной гвардии, сформированной только из воинов четырех племен, из их числа были представлены аргыны и кипчаки [Султанов, М., 2002, с. 11–27]. В «Юань-ши» приводятся биографии кипчаков Сидура, Ульчей-бадура, Байтимура, Куче-бадура, Хасана, Бакана (Байцзяна), канглы Бигмыша (Бухуму), Туглука (Тухулу), Тарикчи, Мингана, Есудая, Есудара, активных участников завоевательных походов Чингис-хана и его первых наследников, хотя немало было их и по другую сторону баррикад.

Если обратить внимание на политические события того времени, особенно на взаимоотношения с другими государствами и народами, например, с Хорезмом, улусом киреитов, монгольским государством Чингиз-хана, то в XII – начале XIII вв. канглы действовали независимо от кипчаков. Об этом, в частности, свидетельствуют китайские источники, которые не отождествляют их друг с другом, хотя и не отрицают их тесных связей. Например,

в «Юань-ши» четко разделяются биографии представителей этих народностей.

К XI веку племена канглы кочевали к северу от реки Или, в районе нижнего течения Сыр-Дарьи и на северо-восточном побережье Аральского моря. Главная ставка этой части канглы – город Каракурум находился в низовьях Сыр-Дарьи. Канглы жили также к востоку от Урала и около Иртыша [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 136–137]. Плано Карпини пишет о них как о восточных соседях кипчаков. Гильом де Рубрук отбыл с Волги 16 сентября 1253 г. и в этом же году, в ноябре, прошел степи канглы в восточном направлении [Путешествие..., А., 1993, с. 72, 123].

Согласно мнению ряда исследователей канглы являются древней народностью [Аманжолов, А.-А., 1959, с. 73]. Китайские источники эпохи Хань свидетельствуют о существовании в 150 г. до н. э. на Сыр-Дарье государственного объединения Канцзюй (Кангюй) [Бичурин, М., 1950, т. 2, с. 150, 184–186, 229]. С 21 г. до н. э. по 221 г. н. э. в состав Канцзюй вошли земли между Каспийским и Аральским морями. Собственно, этноним канглы появляется в персо-арабоязычных источниках в результате продвижения кипчакских племен к берегам Сыр-Дарьи на рубеже I–II тысячелетий н. э., где они сталкиваются с кангаро-печенежскими племенами. С. П. Толстов рассматривает этот этноним как переоформление имени кангар в результате ассимиляции части печенежских племен кипчакскими [Толстов, М., 1974, № 3, с. 101]. Принятие этого имени первоначально верхушкой кипчакских родов выражало их стремление связать себя генеалогической традицией древних племен, издавна живших на Сыр-Дарье, и таким путем обосновать права на эти земли [Кляшторный, М., 1964, с. 179].

Интересно отметить, что китайские источники, в частности «Юань-ши», прямо указывают на ту преемственность, которая существовала между канглы и более древним населением Сыр-Дарьи: «Канли (канглы) – это есть те, что в эпоху Хань (260 г. до н. э. – 220 г. н. э.) назывались Гао-чэ-го (страна высоких повозок)...» [«Юань-ши», цзюань 130, с. 27454 (1502)]. Аналогичные сведения, хотя и менее полные, приводит о канглы персид-

ский летописец монгольской эпохи Рашид-ад-Дин. Он указывает, что они первые изобрели повозки, «канглы» по-тюркски, откуда их название и происходит [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 136; Bretschneider, L., 1910, vol. 1, p. 301–303]. Возможно, и Рашид-ад-Дин, и составители «Юань-ши» почерпнули сведения о канглы из одного источника, чем объясняется их совпадение.

Этноним канглы в китайских источниках впервые встречается в династийной истории чжурчженей – «Цзинь-ши». Канглы имели тесные родственные связи с племенами найманов, создавшими кочевую государственность – улус не позднее XI в. на землях от верховьев рек Селенги и Орхона до Тарбагатай, от Танну-Ола до восточных отрогов Алтайских гор. «Юань-ши» свидетельствует: «Шаосы (Чаос) из найманов, его прадед Тайянь (Даян) был правителем найманов, а дед Цюйшулай (Кучлук)... Бэдэинь (Беде) – сын Шаосы... Жил с бабушкой по матери, которая родом была из канглы» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, с. 27375 (1423)].

О том, что канглы и кипчаки жили в улусе найманов, говорит В. В. Бартольд [Бартольд, М., 1963–1969. т. V, с. 272]. К этому можно добавить, что во второй половине XII века на родство найманов с канглы указывали также уйгурские путешественники. Рассказывая о виденном и услышанном по пути следования, они сообщали, что на Алтае обитают нянь-ба-энь (найманы) и кан-ли (канглы) [«Цзинь-ши», Шанхай, 1930, с. 1100]. Правящая верхушка найманов, как и киреитов, приняла несторианское христианство и поддерживала, по свидетельству китайских источников, тесные связи не только со своими кочевыми соседями, но и с государствами оседлой культуры – тангутами Си Ся и средневековыми уйгурами, от которых заимствовала письменность, передав затем ее монголам Чингис-хана. И поныне монголы используют для письма средневековый уйгурский алфавит. Найман Бекбука (или Бобухуа в китайских источниках) был учителем и наставником хана Бату – правителя Джучиева Улуса и завоевателя Восточной Европы.

Этнический облик найманов и поныне вызывает дискуссии. В. В. Бартольд считает их, как и киреитов, монголами, а Н. А. Аристов – тюрками. Возможно, найманы имели смешанный состав,

поскольку в «Юань-ши», где приводятся биографии высокопоставленных найманов на монгольской службе – Юелимассу с сыном Кудукасом, Чаоса с сыном Беде, Цюелици, Улугбуки, Наньцзятая, о некоторых говорится как о «мэнгу намань» (монгольских найманах), а о других просто как о найманах [Бартольд, М., 1963, т. II, ч. 1; «Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюани 121, 123, 131, 133].

Интересен анализ китайских политических терминов, обозначающих различные формы социальной организации кочевников и сохранившихся в китайских династийных историях. Например, по отношению к карлукам, найманам и киреитам в «Юань-ши» постоянно употребляется термин «го» – государство. Рашид-ад-Дин также сообщал, что «найманы и киреиты... каждый имел свое государство» [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 75]. Известно, что княжества карлуков, улусы найманов и киреитов были весьма сложными по своим внутренним социальным связям и во многом подготовили создание государства Чингис-хана. Поэтому определение тем же термином «го» кыпчаков и канглы, а также асов представляется немаловажным для характеристики их степени социального развития. В силу этого важна та дискуссия о термине «го» применительно к канглы, которая возникла в юаньской историографии.

Так, китайский историк Ту Цзи в труде «Мэнзэр-шицзи» («Описание монголо-татар») дает свои комментарии и исправления к тексту «Юань-ши», в котором имеются сведения о канглы. Текст «Юань-ши» следующий: «Ашабухуа (Асанбука) является потомком ханского рода государства канглы – «кан-го-ванцзу» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, с. 27517 (1565)]. Ту Цзи, комментируя текст, исправляет термин «го» на термин «бу» – племя, полагая, что «го» неприменим для характеристики уровня тех социальных отношений, которые существовали у канглы и кипчаков. Ставит он также под сомнение термин «ванцзу» – ханский род [Ту Цзи, «Мэнзэр-шицзи», цзюань 120].

Однако в китайской историографии издревле была четкая терминология для определения уровня развития соседних народов. Например, в «Цзю Удай-ши» дается описание племен, о кото-

рых прямо говорится, что они «не имеют государства, областей и начальников. Поэтому нет ничего такого, что можно было бы записать о них» [Кычанов, М., 1968, с. 15]. Исходя из текста «Юань-ши», можно сделать вывод, что род Асанбуки был самым знатым у канглы.

Рашид-ад-Дин писал: «Китайские государи не давали людям прозвищ без числа и по неосновательности. В настоящее время они имеют тот же обычай, их прозвища необычайно многочисленны, а степени, соответствующие каждому племени и каждой области, чрезвычайно подобны и подходящи... Они (китайцы) дают людям прозвища таким образом, что каждый в соответствии со своим прозвищем знает свою степень и предел своей власти» [Рашид-ад-дин, М. – Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 139]. Необходимо обратить внимание и на титулы правителей карлуков, найманов и киреитов в китайских источниках, когда их называют «кэхань» – каган, которым китайцы называли владельцев крупных государственных объединений. Вышеизложенные обстоятельства в определенной степени являются свидетельствами уровня развития социальных отношений у найманов, киреитов, асов, карлуков и канглы.

История карлуков, чья принадлежность к тюркскому кругу племен не вызывает сомнений, как свидетельствуют китайские источники эпохи Тан (608–907), начиная с VI–VII веков не представляет единого процесса, и уже в составе Тюркских каганатов карлуки разделились на различные группировки. Часть карлуков переселилась с Алтая и Джунгарии, где ранее принимала участие в политической жизни Восточнотюркского и Уйгурского каганатов в Монголии, на юг Средней Азии, в Семиречье и Прииссыккулье, создав государственность в тех же политических традициях, что были характерны для Тюркских каганатов.

Тянь-шаньско-семиреченские карлуки вместе с карлукскими племенами Восточного Туркестана стали этническим ядром Караханидского каганата X–XII веков, после распада которого они сохранили не только этническую самостоятельность и территории в бывшей империи Караханидов, но и собственную государственность. Наиболее известно карлукское владение в северной части Семи-

речья, мусульманские правители которого носили титулы арслан-ханов, традиционные для одной из ветвей дома Караханидов. В «Юань-ши» в биографии карлука Яган-тегина приводятся данные о позднекараханидском княжестве карлуков в округе Узгенда в Ферганской долине, бывшей столице восточных Караханидов: «Яган-тегин из карлуков. Прадед его Кадар-мелик... из государства Узгенд» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 133].

Правители семиреченного и узгендского княжеств Арслан-хан и Кадар-мелик независимо друг от друга примкнули в 1211 году к Чингис-хану со своими воинами и приняли участие в походах монголов на западные страны. Арслан-хан привел с собой тьму или тумен карлуков – 10 тысяч человек. В «Юань-ши» приводится биографии высокопоставленных карлуков на монгольской службе и участников их войн – Каратая, Тахая, Шади, Темечи. Например, Каратай (Халунай в «Юань-ши». – *Авт.*) возглавлял монгольское ведомство по покорению Востока, т. е. Японии, и «участвовал в походе правительственной армии (монголов) на Японию, но был остановлен ураганом, и (вверенные под его командование) корабли (вынуждены были) вернуться...» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюани 109, 128, 132; Кэ Шаоминь, Шанхай, 1936, цзюани 161, 178]. Были вовлечены в миграции, вызванные монгольскими завоеваниями, и уйгуры, о которых выше уже говорилось [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюани 7, 122, 123, 124, 125, 128, 130, 131, 133, 134, 135, 137, 144, 193, 195].

Хуцила, или вэнцзила, т. е. конграты, поставляли невест правящему дому Чингис-хана, хотя поначалу часть их сражалась против него на стороне его врага Джамухи, обитая в местности Караун-Джидун в Монголии. Конгратками были старшая жена Чингис-хана Бортэ, мать его самых знаменитых сыновей, ставших великими, или улусными, ханами Монгольской империи – Джучи, Чагатая, Угэдэя, Толуя, а также жена хана Джучи и мать Бату-хана, завоевателя Руси и Восточной Европы, жена монгольского повелителя Ирана Аргуна – Булган-хатун, Будашири – жена последнего монгольского императора Китая из династии Юань Тогон-Тэмур.

Как сказано в «Юань-ши», это было обусловлено тем, что «когда в роде хуцила (конграт) рождаются девочки, они из поколения в поколение становятся императрицами (монголов). Когда рождаются мальчики, они из поколения в поколение женятся на принцессах. Пусть непрерывно, из поколение в поколение, объявляют этот указ в первую луну четырех времен каждого года» (т. е. каждый новый год) [Головачев, М., 2006, с. 18–23]. Большинство конгратов стали верными союзниками Чингис-хана еще в начале становления его государства: «Чингис-хан... послал в дозор в две тысячи человек под начальством Тукучара из племени кунгират... в целях безопасности от племен монгол, кераит, найман и других...» [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1952, т. 1, кн. 2, с. 163].

Конграты также были вовлечены в завоевательные походы Чингис-хана за пределами Монголии. В 1218 году Чингис-хан выделил своему полководцу джалаиру Мухули для завоевания северного Китая тьму – 10 тысяч воинов из шести племен, в том числе три тысячи конгратов и две тысячи джалаиоров. В «Юань-ши» есть упоминания о конгратах, датируемые 1295 и 1326 годами, которым монгольские великие ханы – императоры Китая оказывали продовольственную помощь в связи с голодом, разразившимся тогда в монгольских степях [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюани 18, 30].

В «Юань-ши» приводятся биографии джалаиоров, вовлеченных монголами в свои походы и занявших высокое положение при дворах Чингис-хана и его первых наследников – Мухули, самого доверенного человека Чингис-хана, и его братьев Цзилигэна, Буки, Дайсуна и сына Болу, военачальников Баян-бадура, Тодона (Тодуань) с сыновьями Тогаем (Тохуань), Букой, Аньцыздаром, Чаншоу, Джалартая с сыном Дачу и внуком Далань-тимуром, Соду с сыном Байцзяну, Хохочар с сыном Шаруханом, внуком Тэмутаем и правнуком Юрунчем, Бочэ с сыном Алаханом и внуками Баканом и Есударом, Чилавэня с внуком Накаем и правнуком Маньгэчаром. Все они без исключения из поколения в поколение, начиная со времени правления Чингис-хана, служили монголам на ратном поприще,

завоевывали Хорезм, Русь, Китай, Корею, Японию, страны Индокитай и достигли высших военных чинов и отличий.

Алахан достиг вершин власти в империи монголов в Китае, став одним из двух ее главных министров [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюани 119, 123, 124, 129, 131, 133]. «Хищным и жестоким» баскаком – сборщиком налогов в Армении, подвластной Хулагуидам – монгольским правителям Ирана, был джалаир Бука-эмир [Гандзакеци, М., 1976, с. 298]. Были представлены джалаиры и в Золотой Орде. Во всяком случае, после «великой замятни» в Джучиевом Улусе среди ордынцев, ушедших на службу в Великое княжество Литовское, отмечены «ялаиры» (джалаиры) и «кондраты» (конграты), коим великие литовские князья учредили административные единицы, одноименные хорунжества.

Этнический облик джалаирав, кто они – тюрки или монголы, также по сей день остается загадкой. Вместе с тем анализ предания о джалаирах, зарегистрированного Рашид-ад-Дином, позволяет предположение о происхождении джалаирав в связи с историей средневековых тюркоязычных уйгуров. Этническая номенклатура ранних джалаирав указывает на неоднородность их состава: наряду с тюркскими единицами в нем в XII веке существовали племена иного происхождения – скорее всего, монголоязычного [Зуев, М., 1972, с. 178–185]. В пользу этого говорит то, что в «Юань-ши» биографии некоторых джалаирав, например Баян-бадура и Джалартая, свидетельствуют о них как о «мэнгу джалар» – монгольских джалаирах, а об остальных как просто джалаирах.

Меркиты принадлежали к монголоязычному кругу племен, что не вызывает сомнений у исследователей. Тем не менее они были наиболее упорными врагами Чингис-хана и не признали его власть над Монголией, бежав в Восточный Дешт-и-Кипчак, в нынешние Тургайские степи Казахстана, где преследовавшие их воины Чингис-хана под началом его старшего сына хана Джучи впервые сразились с войском хорезмшахов, шедшим покарать мятежных в отношении Хорезма кипчаков, к которым и бежали меркиты. А ранее, когда меркиты в своем движении на запад подошли к владениям уйгуров и просили последних пропустить

их, то были атакованы, так как уйгурский правитель уже стал союзником Чингис-хана. Об этом сообщает «Юань-ши»: «Уйгур Кара-Арслан-уга покорился монголам с идикутом (правителем уйгуров. – *Авт.*). Когда глава мелицзи (меркитов) Тото умер, его сын Ходуту прошел Буердыши (Иртыш) и хотел следовать через владения идикута, тот вышел им (меркитам) навстречу, окружил их у реки и разбил. Мелицзи были старыми врагами Тайцзу (Чингис-хана. – *Авт.*). Идикут послал известить о своей победе Кара-Арслан-угу и Чалу со свитой и дарами (к Чингис-хану)...» В свою очередь, это подтверждают Рашид-ад-Дин, Джувейни, «Юань-чао-би-ши» («Тайная история монголов» или «Сокровенное сказание»). Однако «Юань-ши» приводит сведения и о меркитах, служивших дому Чингис-хана, участвовавших в монгольских завоеваниях и достигших высоких постов в монгольских империях. Например, о Байане, главном министре Юаньской империи – монгольского государства в Китае в 1333–1340 гг., чья биография помещена в «Юань-ши» [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, с. 27399 (1447), с. 27377 (1425)].

Что касается татар из Центральной Азии, то в «Юань-ши» помещены биографии высокопоставленных чиновников, военачальников, служивших монгольским ханам, выходцев из этих племен – Ванутая, Тимурбуки, Дачжира, Дахайтимура, Тоиньны. Упоминается в «Юань-ши» представитель татарского племени Худуху (Шики-Хутуху или Шики-Хутукту), полководец Чингис-хана, воспитанник его матери Оэлун. Данные «Юань-ши» о татарах монгольской эпохи, достигших высот власти на службе у монголов, дополняются Рашид-ад-Дином. Например, он упоминает о Сали-нойоне «из рода татар», которого монгольские ханы назначили командовать «теми дружинами» монголов, которые «посылали для (несения) службы в Кашмир и Индию», о тысяче «Екэ-Кумут-нойона из племен татар» в войске монголов, о двух старших женах Чингис-хана – татарках Есулун и Есуан, «великих и уважаемых эмирах» Кули, Дурбай-нойоне, Денгизе и многих других высокопоставленных татарах. Данные «Юань-ши» и Рашид-ад-Дина дополняют друг друга, с той лишь разницей, что сведения

китайского источника о татарах относятся к Юаньской империи – монгольскому государству в Китае, а персидского летописца – к Джучиеву Улусу и империи монголов Хулагуидов в Иране.

В «Юань-ши» из упомянутых биографий татар выделяются жизнеописания именно «монгольских татар» Ванутая и Дачжира. Возможно, подчеркивание данного факта указывает на этническую неоднородность состава татарских племен Центральной Азии, среди которых, как представляется, существовала часть племен монголоязычного происхождения, что и свидетельствует «Юань-ши» в отношении Ванутая и Дачжира. Этнический облик татар эпохи Чингис-хана и его первых наследников, а также времени Юань, Хулагуидов и Джучиева Улуса – Золотой Орды по сей день загадка. Вместе с тем в пользу предположения о тюркском происхождении части центральноазиатских татар могут косвенно свидетельствовать данные «Юань-ши» о связях татар с кипчаками, чья тюркоязычность не вызывает сомнений, о службе татарской знати, например, Тоиньны и его сыновей, как видно из его биографии, в кипчакской гвардии монгольских правителей.

Хотя известно, что при объединении Монголии Чингис-ханом татарский улус был в оппозиции монголам и татары подверглись с их стороны резне, из сведений, приводимых о них в «Юань-ши» и подтвержденных Рашид-ад-Дином, не создается впечатления о том, что они сошли с исторической арены в монгольскую эпоху, или об их дискриминации в Монгольской империи Чингис-хана и улусах его преемников. Напротив, татары были в фаворе при дворах великих монгольских ханов иханов Золотой Орды, достигали высших военных и государственных постов в их империях, были активными участниками завоеваний монголов, и поэтому допустима мысль, что армии Чингис-хана и его первых потомков назывались монголо-татарскими не только из-за переноса сначала соседними, а затем и другими народами на монголов в силу традиции наименования «татары», как наиболее могущественных племен предшествующей эпохи в Монголии (по мнению большинства исследователей), но и по причине их заметного участия в монгольских походах. Как заметил Рашид-ад-Дин, часть татарских

родов «объединилась с каждым племенем монгольского народа и с другими племенами (союзными с монголами), и сражались вместе с Чингис-ханом» [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1952, т. 3, с. 23]. К этому остается добавить, что среди этих «других племен» много было кипчаков и канглы с аргынами. Представляется, что войска Чингис-хана и его первых наследников – это не только монголы и другие степные племена и народы Центральной Азии, называемые их дальними и ближними соседями «татарами», согласно упомянутой выше традиции, но и сами центральноазиатские татары, чей этнический облик до сих пор неясен.

Асы или аланы – ираноязычные выходцы с Северного Кавказа – были вовлечены в монгольские походы от Китая до Европы, а часть асов – три тысячи семей вместе с 40 тысячами кипчаков во главе с ханом Котяном бежали в 1240 году в Венгрию от монгольских завоевателей, где стали известны как ясы и команы (куны, куманы). В «Юань-ши» содержатся биографии высокопоставленных асов на монгольской службе. Все они были военными деятелями и служили в императорской гвардии монгольских государей. Среди них Атачи с сыном Байдаром и внуками Оросом и Фудинном, Георгий (Коуэрци) с сыном Дмитрием (Дэмидиром) и внуком Сяншанем, Беккебай с сыном Шари и внуком Соломоном (Шилемынем), Юруктама с сыном Шила-бадуром и внуком Ногайчином, братья Бадур, Анзорбука (Уцзоэр-бухуань), Матарша, а также Яньбадур с сыновьями Есударом, Юваши, внуком Икиратаем и правнуком Байчу, Николай (Нигэла) и Илья (Елия), Арслан, его сын Асаньчэнь с сыном Николаем и внуком Хурдударом, правнуком Худутимуром. Судя по именам, некоторые асы были православными христианами – Георгий, Дмитрий, Николай, часть носила иранские имена – Хурдудар, Анзорбука, другие – тюрко-монгольские – Байдар, Бадур, Есудар и даже китайские – Сяншань. Служили асы и в Джучиевом Улусе, о чем уже упоминалось выше [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958].

В числе 62 племен, называемыми основными в Улусе Джучи, были тангуты, чей язык близок к тибетскому, создавшие свою оседлую государственность и высокоразвитую цивилизацию

за несколько столетий до монгольского нашествия. Тангутское государство, в китайских источниках Си Ся (Западная Ся) на территории северо-запада современного Китая и востоке нынешнего СУАР КНР, было сокрушено во время похода Чингис-хана, ставшего для него последним, когда он и умер. Несмотря на жестокую расправу воинов Чингис-хана над тангутами, уже первые его наследники вовлекли их в свои завоевания. Тангутские отряды были в войске Батухана во время его похода на Русь. Их военачальник Сили Кяньбу отличился при взятии монголами Рязани и Козельска. В «Юань-ши» приводятся биографии служивших монголам тангутов Ли Хэна, Вочэня, Лайабачи, Аньбо, Ебу Ганьбу, Илянчжэнь Баня – командующего частями монгольской императорской гвардии, сформированной из русских [Кычанов, М., 1968, с. 324–326; «Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюани 125, 146].

О басджиртах впервые упоминает раннесредневековый арабский автор Истахри, а более подробно они описываются арабским летописцем Ибн-Фадланом как жители лесной страны и язычники, подданные волжских булгар. В 1236 году во время похода на Волжскую Булгарию кроме булгар монголы подчинили башкирдов, о которых монахи из Венгрии, побывавшие в их землях в Приуралье еще до появления монголов, говорили послу французского короля в середине XIII века Г. де Рубруку, что язык баскартов такой же, как у венгров, т. е. принадлежал к угорской ветви финно-угорских языков, хотя язык их потомков башкир – тюркский кипчакской ветви. Как обстояло дело в XIII–XIV веках, в эпоху монгольского нашествия и позднее при Золотой Орде, также или иначе, остается под вопросом. Можно предположить, что в монгольскую эпоху, точнее, во времена Золотой Орды завершился процесс тюркизации баскартов-башкирдов.

Как сообщает Г. де Рубрук, башкирды были тесно связаны с кипчаками, с XI века расселявшимися в приуральских степях, о чем свидетельствуют и упомянутые выше башкирские шежере – западнотабынские генеалогические предания о предках юрман и кипчакские тамги башкирского рода урман-гэрэ, что, вероятно, оказало свое влияние на тюркизацию башкирдов и их исламиза-

цию, хотя в это время, скорее всего, башкирды не были мусульманами. Возможно, начало их исламизации относится к 1312–1313 годам, когда в Джучиевом Улусе, подданными которого они стали, ислам был объявлен государственной религией. О монгольском походе на башкирдов говорит и Рашид-ад-Дин. Впоследствии башкиры участвовали в войнах Золотой Орды на стороне последней. Например, в боях хана Тохтамыша с армией правителя Самарканда Тимура – «Железного хромца», когда войско Золотой Орды было сформировано из «русских, черкесов, болгар, кыпчаков, аланов с Кафой и Азаком, башкиров и мокши» [Бартольд, М., 1968, т. V, с. 494–495; Путешествия..., А., 1993, с. 42, 51, 63, 190].

Еще хотелось бы обратить внимание на «Чан Чунь чжэнь-жэнь си-юцзи» («Записки о путешествии на Запад праведника Чан Чуня») – китайский источник, в котором есть сведения о расселении народов в Центральной Азии в эпоху завоеваний Чингис-хана. Он посвящен путешествию проповедника даосской религии Чан Чуня из Китая в ставку Чингис-хана после победы последнего над государством Хорезмшахов. В 1220 году Чан Чунь был вызван ко двору «Потрясателя Вселенной», который находился тогда в присырдарьинских степях. Чан Чунь совершил со свитой путешествие из Северного Китая на юго-запад Центральной Азии и обратно в 1220–1224 годах. Автор повествует о своих наблюдениях за жизнью народов, земли которых проезжали Чан Чунь и его ученики, в частности об улусах татар и киреитов.

Татары размещались к востоку от реки Керулен, и Чан Чунь видел у них «черные телеги» (т. е. юрты на телегах) и белые юрты, приспособленные для сезонных перекочевков, наблюдал эти кочевки со скотом в поисках воды и пастбищ. Чан Чунь упоминает о нескольких тысячах таких телег и юрт, скопившихся во время свадьбы, на которую по обычаю приезжают татары из окружающих стойбищ, часто за несколько сот километров, привозя с собой кумыс. В записках Чан Чуня сообщается о киреитах. Прибыв в долину реки Орхон на востоке Монголии, Чан Чунь увидел «тысячи телег и юрт». Несмотря на походный, с точки зрения китайца, характер ставки киреитов, юрты их хана и членов его

семьи, с удивлением отмечает Чан Чунь, отличались роскошью, и в жару в них не было мух. Кирейты ежедневно изготавливали кумыс и сливки, муку привозили из стран, лежащих к западу, и стоила она дорого.

По данным Чан Чуня, найманы тогда обитали в Западной Монголии и предгорьях Алтая. Двигаясь вдоль северных отрогов Тянь-Шаня по территории Восточного Туркестана, он видел в Уйгурии в Турфанском оазисе виноградники, поля яровой пшеницы, орошаемые водой из источников, восхищался виноградным вином, невиданными плодами, в особенности большими арбузами, дынями и репчатым луком, а также благовониями и персидским холстом. Китайские путешественники посетили эти районы Центральной Азии после их вхождения в состав империи Чингис-хана.

Чан Чунь обращает внимание на то обстоятельство, что при посещении им Алмалыка – ставки монгольского вассала карлукского хана Арслана в Семиречье его принял вместе с ханом карлуков и монгольский наместник-даругачи. Вступив во владение карлуков в Семиречье и Прииссыккулье на земли, где ныне Юго-Восточный Казахстан и Северный Кыргызстан, Чан Чунь отмечает обилие воды и травы, тутовых деревьев, интересуется орошением земель арыками. Сведения Чан Чуня дают представления о расселении татар, кирейтов, найманов, уйгуров, карлуков на карте Центральной Азии, относящиеся ко второму и третьему десятилетиям XIII века [Кафаров, М., СПб., 1886, р. 10–50].

Таким образом, как свидетельствуют разноразличные источники, в первую очередь китайские и персо-арабоязычные, кипчаки появились в XI веке на обширных просторах современного Казахстана, в Приуралье и Поволжье, с того времени известных как Восточный Дешт-и-Кипчак и с конца XIII века находившихся под властью Золотой Орды, мигрировав из Внутренней Монголии – своей прародины, где Марко Поло в XIII веке фиксирует также аргынов, и к концу этого столетия расселились в северокавказских и причерноморских степях вплоть до Карпат.

Немало кипчаков и канглы, аргынов было в Хорезме, также части Джучиева Улуса. Остались они и на своей прародине в Мон-

голии, где в это время также обитали киреиты, найманы, меркиты, джалаиры и татары, а в Восточном Туркестане тангуты, кара-китаи, уйгуры и карлуки. После разгрома монголами найманские группы бежали на Сыр-Дарью, меркиты и киреиты устремились на запад вплоть до Волги, где последние сохранили свой этноним киреит и вошли позднее под этим названием в состав узбеков и киргизов, а небольшая группа – в состав казахов. Этноним киреит также зафиксирован в топонимике причерноморских степей.

Другая часть киреитов осталась в Северном Казахстане и вошла в Серединный жуз казахов под названием керей (кара-керей, абак-кирей), утратив окончание «т» в прежнем этнониме. В родоплеменном составе степных тюркских народов найманы были более всего связаны с родоплеменной группой китаев (хитаев, хытаев). Есть основания предполагать преемственность киданей или кара-китаев с китайями. Соотношение китаев и найманов в составе казахов особенно показательно, т. к. крупные группы найманов и кара-китаев бежали в монгольскую эпоху в Восточный Дешт-и-Кипчак – нынешние Казахские степи и приняли, как и киреиты, активное участие в становлении казахского этноса. Если иметь в виду постоянные и далекие передвижения средневекового степного населения в монгольскую эпоху, то нельзя резко отгораживать киреитов и киреев, не допускать возможности их контактов друг с другом и другими указанными здесь племенами.

Джалаиры, конграты, меркиты, кара-китаи, тангуты, карлуки и уйгуры в ходе бурных событий монгольской эпохи в составе армии Чингис-хана и его первых наследников или под ее натиском также переместились в Южный и Центральный Казахстан, Мавераннахр – междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи и в Персию, их кочевья фиксируются там во второй половине XIII в. вплоть до Центральной Европы и Китая, где в монгольскую эпоху появляются асы с Кавказа, известные как асу в Китае и ясы в Венгрии. В это время появляются в Китае, Венгрии и Сербии кипчаки, еще раньше о них известно как о жителях Византии, Болгарии и Валахии на территории современной Румынии соответственно под названиями цзиньча и команы. Три правящие династии Болгар-

ского царства – Асениды, Тертериды, Шишманиды и одна в Валахии – Басарабиды были из команов [Vasary Istvan, Cambridge, 2005, p. 15–75].

В конце XIV века джалаиры становятся известны как активные участники событий, приведших к созданию Тимуром – «Железным хромцом» мировой империи, а до этого во второй половине того же столетия как основатели в Западной Персии на руинах монгольской империи Хулагуидов недолговечного государства Джалаиридов.

В Джучиевом Улусе все рассмотренные в данной главе племена были представлены среди 62 основных золотоордынских кочевых родов, военной основы этой империи, составляя четвертую их часть. В XV–XVI веках среди четырех главных племен Крымского ханства, возникшего на руинах Золотой Орды, были арғыны и кипчаки. Начало монгольской эпохи и предшествующий ей период являются временем существования государств каракитаев, тангутов, уйгуров, карлуков и консолидации племен кипчаков и канглы, татар, асов, найманов и киреитов (в меньшей степени арғынов, меркитов, башкиртов, джалаириров и конгратов) в относительно устойчивые объединения государственного типа на территории евразийских степей, в горах и предгорьях Центрального Кавказа, следы существования которых сохранились в этнической памяти территориальных восприемников этих средневековых племен – современных тюркских степных народов: ногайцев, казахов, башкир, крымских татар, каракалпаков, а также киргизов и алтайцев, в чьих родоплеменных структурах представлены роды кипчак, канглы, арғын, кытай, найман, керей, джалаир, конграт, меркит, и кавказских горцев – осетин, вайнахов, адыгов, дагестанцев, в эпосе которых «Нарты» зримо отражены события монгольской эпохи. При этом арғыны являются одним из наиболее многочисленных родов Серединного жуза казахов. Карлуки представлены в родоплеменной структуре той части современных узбеков, которые являются потомками кочевых тюркских племен. Тангуты участвовали в этногенезе одного из народов современного Китая – хуэй, исповедующих ислам и говорящих по-китайски, называемых

в Центральной Азии дунганами [Кычанов, М., 1978, № 2]. Асы являются этническими предками современных народов Северного Кавказа – осетин, адыгов, вайнахов.

А названия «башкиры», «уйгуры» и «татары» ныне стали этнонимами, или названиями, современных тюркских этносов, причем во втором и в последнем случае не одного, а нескольких тюркских народов – соответственно уйгуров-мусульман и буддистов сары-югуров (желтых уйгуров), крымских, сибирских и поволжских татар.

Финно-угорские народы в монгольскую эпоху и под властью Золотой Орды

Финно-угорские народы еще в домонгольское время принимали участие в складывании древнерусской и болгарской народностей, внесли свой вклад в культуру Древней Руси и Волжской Булгарии, вошли в орбиту политического влияния древнерусских и болгарского княжеств. Древнерусская летопись «Повесть временных лет» перечисляет народы, которые накануне монгольского нашествия были данниками древнерусских князей. Среди них такие финноязычные народы, как мурома, меря, черемисы, мордва, пермь. Хотя вряд ли все эти народы платили дань Древней Руси. Никоновская летопись к числу данников Руси прибавляет мещеру, выделяя ее в особое племя. Финские народы, а именно меря, мурома, мещера были наиболее тесно связаны с восточными славянами и постепенно ассимилировались ими [Бартольд, М., 1963, т. 2, ч. 1, с. 810–861; Даркевич, М., 1982, с. 80–83]. Причем мещера частично ассимилировалась тюркоязычными булгарами, и наличие в составе потомков булгар – поволжских татар этнографической группы мишарей, возможно, подтверждает это.

Финские и угорские народы отнюдь не были «дикарями». Они к этому времени прошли сложный и своеобразный путь, рано узнали бронзу, освоили земледелие и скотоводство, вступили в торговые и культурные связи с соседями, перешли к патриархально-

родовым отношениям, познали имущественное расслоение и патриархальное рабство, познакомились с железом и находились на стадии формирования у некоторых из них ранних государств [Мавродин, Л., 1978, с. 98–117]. В таком состоянии застали финно-угорские народы монгольские завоеватели, первые наследники Чингис-хана, двинувшиеся на покорение Восточной Европы.

На курултае 1227 года, уже после смерти Чингис-хана и его старшего сына Джучи, основателя Джучиева Улуса, известного в древнерусских летописях под названием Золотой Орды, при правлении великого хана Угэдэя – третьего сына «Потрясателя Вселенной» были озвучены проекты новых завоеваний. Персидский историк монгольской эпохи Рашид-ад-Дин Фазлаллах пишет, что Угэдэй-хан «во исполнение указа, данного Чингис-ханом на имя Джучи, поручил завоевание Северных стран членам его дома». Угэдэй-хан отправил монгольских полководцев Кукдая и Субэдэя с 30 тысячами конных воинов «в сторону... Кипчака, Саксина и Булгара» [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1956, т. 1, с. 57]. Русские летописи датируют этот поход 1229 годом и сообщают, что под натиском монголов в пределы Волжской Булгарии бежали кипчаки, известные на Руси как половцы, а также саксины и сторожевые отряды булгар [ПСРЛ, М., 1962. с. 470; Коротков, 1928, № 5, с. 77].

Заметным импульсом к расширению монгольских завоеваний стал курултай 1235 года, на котором, как повествует персидский историк Джувейни, современник монгольской эпохи, «состоялось решение завладеть странами... которые находились по соседству становища Бату (Батия русских летописей, сына Джучи-хана и наследника его Улуса. – *Авт.*), не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [Джувейни, М., 2004, с. 183]. К их числу монгольские ханы относили финские и угорские народы. В 1236 году во время похода на Волжскую Булгарию кроме булгар монголы подчинили народы Поволжья и Приуралья, относящиеся предположительно тогда к кругу финно-угорских племен – «башкирдов» персо-арабоязычных источников или «баскартов» западноевропейских хроник, а также мордву, буртасов, саксинов. Что касается «баскартов», то монахи из Венгрии, которые бывали

в их землях еще до появления монголов, говорили послу французского короля ко двору великого монгольского хана в середине XIII века Гильому де Рубруку, что язык «баскартов» такой же, как у венгров, т. е. принадлежал к угорской ветви финно-угорской семьи языков, хотя язык их потомков башкир – тюркский.

Как обстояло дело в XIII–XIV веках, в эпоху монгольского нашествия и позднее, при Золотой Орде, также или иначе, остается под вопросом [Бартольд, М., 1968, т. V, с. 494–496]. Можно предположить, что в монгольскую эпоху, точнее во время Золотой Орды, завершился процесс тюркизации «башкирдов». Как сообщает Г. де Рубрук, «баскарты» были подданными булгар и тесно связанными с кипчаками, с XI века расселявшимися в землях «башкирдов» в приуральских степях, что, вероятно, оказало свое влияние на тюркизацию «башкирдов» и их исламизацию, хотя в это время, скорее всего, «башкирды» не были еще тюрками и мусульманами [Путешествие... А., 1993, с. 96]. Возможно, и начало их исламизации относится к 1312 году, когда в Джучиевом Улусе, подданными которого они стали, ислам был объявлен государственной религией. О монгольском походе против «башкирдов» говорит и Рашид-ад-Дин. Он же описывает «войну» монголов с двумя княжествами мордвы – мокшей и арджанами (т. е. эрзянами или эрзей. – *Авт.*), а также с буртасами [СМИЗО, М. – Л., 1941, с. 155].

Венгерский монах Юлиан, направленный в 1237–1238 годах королем Венгрии Бэлой IV во главе католической миссии с разведывательными целями на восток для получения достоверной информации об угрозе похода монголов вглубь Европы, побывав в мордовских землях и рассказывал, что в 1237 году монгольские войска «завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией... напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов» [Путешествия..., А., 1993, с. 51]. По-видимому, имеются в виду Саксин, Булгария, черемисы (мари), мордва. Зимой 1238–1239 годов, по свидетельству русских летописей, четыре монгольских тьмы – Гуюка, Мункэ, Кадана и Бури под общим командованием Субэдэй-бахадур в ходе подавления восстания мордвы выдвинулись в муромскую землю, взяли Муром, разорили земли

по Нижней Клязьме вплоть до Нижнего Новгорода: «На зиму Татарове взяша Мордовскую землю и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша... а сами идоша в станы своя» [ПСРЛ, М., 1962, с. 470].

Финноязычные народы боролись с завоевателями, отстаивая свою независимость. Юлиан называет мордовского князя, который с «немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил». В то же время другой князь мордвы «со всем народом и семьей покорился владыке татар (монголов)» [Путешествия..., А., 1993, с. 51]. Мордовские князья поддерживали связи не только со своими ближними соседями, но и с народами, обитавшими далеко на западе от них. В пользу этого свидетельствует пребывание посольства венгерского короля во главе с Юлианом в мордовских землях в разгар монгольского нашествия, когда его спутники «были убиты в Мордве», а самому ему чудом удалось вернуться на родину и сообщить о грядущей угрозе нашествия монголов на Венгрию. О посольстве Юлиана на восток, в земли финно-угорских народов, один из венгерских католических епископов сообщает в своем письме епископу Парижа.

Длительное время (согласно рассказу Юлиана – четырнадцать лет) не подчинялись завоевателям «баскарты» и упорно сопротивлялись саксины. По словам посла римского папы к монголам в 1242 г. Плано Карпини, монголы «осадили один город вышеназванных саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины татар (монголов), так что последние «из-за машин и балистов не могли приблизиться к городу для сражения» [Путешествия..., А., 1993, с. 96]. Тогда монголы устроили подкоп «и вскопили в город... одни пытались зажечь город, другие сражались». Со своей стороны, жители города «назначили одну часть населения для тушения огня», другая же часть вступила в бой. Монголы, «видя, что ничего не могут сделать» [Путешествия..., А., 1993, с. 42], отступили.

Здесь интересен факт наличия у саксинов своеобразной доогнестрельной «артиллерии» – «балист» и, возможно, камнеметов, с чем монголы сталкивались только в Китае и мусульманских странах.

На Руси и в странах Европы источники того времени не упоминают о подобных «машинах». В отношении саксинов, обитавших в нижнем Поволжье, и буртасов в науке нет единодушия об их принадлежности к финно-угорским народам. Есть мнение, что буртасы – ираноязычный народ. Тем не менее предположение о принадлежности саксинов и буртасов к финно-угорскому кругу племен достаточно устойчиво [Белорыбкин, Казань, 1988, с. 82–86].

Монголы и финно-угорские народы встречались на полях сражений не только как противники, но и как союзники. Г. де Рубрук сообщает об участии мордовского отряда во главе с их правителем в составе монгольских войск в походе на центральную Европу, когда они атаковали Венгрию, Польшу, Чехию и дошли до Германии и Адриатического моря: «К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, а именно: Моксель (мокша – *Авт.*), не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах и лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно Татары (монголы. – *Авт.*) вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксель очень одобряет германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства Татар... Среди них живут другие, именуемые Мердас (мордва. – *Авт.*), которых латины называют Мердинис, и они – Сарацины (мусульмане. – *Авт.*)» [Путешествия..., А., 1993, с. 190].

В свою очередь, более чем через полвека Рашид-ад-Дин говорит о присоединении к войскам хана Джучиева Улуса Токты в 1300 году «войск русских, черкесских, кипчакски маджарских и прочих, которые присоединились к ним» [Рашид-ад-Дин, М. – Л., 1952, т. 1, кн. 2, с. 275]. О мордовских князьях на монгольской службе сообщают и русские летописи [ПСРЛ, М., 1962, с. 470]. Армия другого золотоордынского хана – Тохтамыша, которую он двинул против правителя Самарканда эмира Тимура (Тамерлана – «Железного хромца»), была сформирована из «русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов с Кафой и Азаком, башкиров и мокши», и их «собралось войско большое» [СМИЗО, М. – Л. 1941, с. 156]. А ранее, в 1377 году, с санкции ханов Улуса Джучи мордовские

князья внезапным набегом опустошили окраины мятежного русского Нижегородского княжества. В ответ зимой 1377–1378 годов московские и нижегородские князья, восставшие против Золотой Орды, razорили Мордовский улус – ее верноподданного вассала. Московские и нижегородские отряды, «взяша всю землю мордовскую, села и погосты их и зимнища их пограбиша».

К этому следует добавить сведения о родственных связях золотоордынских владык со знатью подвластных им народов, в частности о браках ордынских принцесс из рода Чингис-хана с древнерусскими и мордовскими князьями. Достаточно вспомнить о монгольской княжне с крестильным именем Феодора – супруге ростовского князя Глеба, на которой он женился при дворе великого монгольского хана Мункэ в столице тогда еще единой Монгольской империи – Каракоруме, и Юрии Московском, взявшем в жены Кончаку – сестру хана Улуса Джучи мусульманина Узбека, при крещении получившую православное имя Агафья. А свидетельством того, что и мордовские князья брали в жены принцесс из рода Чингис-хана, является мордовское захоронение XIII–XIV веков, открытое в 1997 году саратовскими археологами на южной окраине города Аткарска, где были найдены останки мордовского князя и его жены из рода Чингис-хана, в пользу происхождения которой говорит найденная при ней тамга «дома Бату», причем тамга является не вообще золотоордынской, а тамгой «могучей личности Батыя, передавшей ее своим потомкам». Высокий социальный ранг усопшего подтверждают найденные в погребении археологические находки. Возможно, этот мордовский князь находился в окружении Чингисиды Араб-шаха, законного претендента на трон Джучиева Улуса [Крамаровский, СПб, 2005, с. 157–165].

После распада в 1259–1260 годах мировой Монгольской империи земли, где обитали финно-угорские народы, вошли в состав Улуса Джучи. Монголы принесли собственное общественное устройство только в подвластные им пространства степей Дешт-и-Кипчака, поскольку в отношении завоеванных ими земель финно-угорских народов довольствовались их полным подчинением, учредив там, как и на Руси, институт баскаков-сборщиков налогов,

но не меняя их общественного устройства. Впоследствии и сбор налогов перешел в руки местных владетелей, признающих власть Золотой Орды.

Эпоха монгольских завоеваний и Золотой Орды не была проста и однозначна в истории финно-угорских народов. Финно-угорские народы в составе Улуса Джучи почти три века находились в единой системе связей с культурами степных – тюркских и монгольских, а также восточнославянских, кавказских, иранских и других народов – золотоордынских подданных, что сближало их, определяя во многом сходство жизненного уклада, менталитета этих народов. В своем роде время Золотой Орды – это первый опыт сосуществования финно-угорских народов в едином многонациональном государстве – империи, каковой и была Золотая Орда.

Христиане в Золотой Орде

Известно, что ханы Джучиева Улуса, или Золотой Орды, на землях евразийских степей от Иртыша до Дуная, Руси, Крыма, Северного Кавказа, Хорезма, Поволжья и Приуралья предоставили христианским конфессиям, в их числе Русской и Греческой православным церквям, Армяно-григорианской церкви освобождение от податей, не покушаясь на свободу их вероисповедания. Христиане, в частности, православные – золотоордынские подданные не платили, после того как ислам стал государственной религией Джучиева Улуса, джизью – специальный налог на немусульман, как это было принято во всех остальных мусульманских государствах.

Первый хан Золотой Орды, де-факто ставший независимым правителем после распада мировой Монгольской державы на отдельные монгольские государства, Мункэ-Тэмур или Менгу-Тимур (1266–1282), первый ярлык выдал митрополиту Русской православной церкви Кириллу. История сохранила слова хана по этому поводу: «Мы жаловали попов и чернецов, и всех благодетельных людей, да правым сердцем пусть молят за нас Бога, и за наше племя без печали, благославляют нас, да не клянут нас»

[Григорьев, СПб., 2004, с. 44]. Мункэ-Тэмур являлся праправнуком Чингис-хана, то есть прямым потомком великого завоевателя, настоящим чингисидом. Тем не менее решил пойти на постепенный разрыв связей с «материнской» Монголией и на сближение с русскими князьями.

Интересно, что в православных церквях на Руси впервые со времени монгольского нашествия начали молиться за семью хана Золотой Орды Мункэ-Тэмуре. Дедом Мункэ-Тэмуре был Бату-хан – один из самых знаменитых монгольских полководцев, хан Улуса Джучи с 1227 по 1256 годы. Золотая Орда – важнейший улус огромного государства, созданного Чингис-ханом, – Великой Монгольской империи. Мункэ-Тэмур стал ханом Золотой Орды в 1266 году и сразу же обозначил свое стремление на создание независимого государства. Через три года был окончательно оформлен распад Великой Монгольской империи на несколько крупных частей: империю Юань, Улус Джучи (Золотая Орда), государство ильханов Хулагуидов (огромная территория, включающая современные Иран, Ирак, Азербайджан, Афганистан и т. д.) и Чагатайский Улус (территория от Амударьи и примерно до границ современного Китая).

После распада империи Чингис-хана Русь не утратила своей зависимости от монголов, но теперь дань с нее взимала только Золотая Орда. Улус Джучи, являясь осколком колоссальной империи, все еще был сильным государством, и русские княжества, страдающие от раздробленности, не были способны освободиться от власти Золотой Орды. Однако Мункэ-Тэмур не только собирал с русских князей дань, но и обеспечивал им защиту от внешних угроз. В 1270 году немецкий Тевтонский орден двинулся на Великий Новгород с целью его захвата, что побудило князя Ярослава обратиться к хану Мункэ-Тэмуре за военной помощью. Это сразу же вынудило немецких рыцарей отступить и подписать выгодный для Новгорода мирный договор. Мункэ-Тэмур предпринял совместные военные походы монголов и русских ратников – подданных Золотой Орды против Византии, Литвы и горцев Северного Кавказа, увенчавшиеся успехом. При его правлении было основано несколько городов, в том числе Азов и Судак.

Кроме освобождения православных церквей и монастырей от обязанности платить налоги Мункэ-Тэмур освободил представителей православного духовенства и от какой-либо военной службы. Он ввел закон, согласно которому должны были быть казнены те, кто участвовал в разорении церкви, проявил насилие в отношении священнослужителей или верующих во время их молитв. Важнейшей реформой Мункэ-Тэмюра стало закрепление земель за церквями и монастырями. Отныне никто, даже самые важные представители ордынской знати, не мог завладеть понравившимися им землями. За это Русская православная церковь относилась к хану Мункэ-Тэмур с исключительным почтением и призывала своих прихожан молиться за его семью. При этом хан Мункэ-Тэмур часто оказывался миротворцем в спорах православных русских князей, удерживая тех от междоусобной резни.

У Мункэ-Тэмюра было шесть жен, десять сыновей и множество дочерей (сколько именно, история умалчивает). В 1279 году в столицу Золотой Орды прибыл русский князь Федор Ростиславович Черный. В результате междоусобицы Федора изгнали из Ярославля. В Орде князь стремился заручиться поддержкой хана, а затем вернуться в Ярославль и вернуть себе власть. Одна из дочерей Мункэ-Тэмюра увидела Федора и влюбилась в него. Хан выдал дочь за русского князя. Более того, девушка перешла в православие и получила имя Анна.

Половина всех православных монастырей, известных на Руси после падения власти Золотой Орды, были построены в эпоху ордынского владычества. В Сарае – столице Золотой Орды было представительство Русской православной церкви. В этой связи интересно отметить, что православные церковники причислили к лику православных святых князя Александра Ярославича Невского, верой и правдой служившего ордынцам и ставшего «приемным» сыном Бату-хана, или Батыя русских летописей, не остановившегося перед жестоким подавлением антиордынских восстаний новгородцев и своего младшего брата Андрея Ярославича. В августе 1267 года, когда Золотая Орда при правлении хана Мункэ-Тэмюра обрела самостоятельность от имперского центра

в Каракоруме, русскому православному духовенству был пожалован упомянутый выше ярлык – повеление от имени золотоордынского хана, гарантирующее неприкосновенность и освобождающее от налогов, а также свободу религиозной деятельности. Православные подданные Джучиева Улуса занимали высокие государственные посты. В том же году был издан ханский указ Мункэ-Тэмур о привилегиях греческого православного духовенства; православный епископ Сарая Феогност был направлен Мункэ-Тэмуром послом в столицу Византии – Константинополь. Некоторые представители правящего дома Чингисидов в Джучиевом Улусе приняли христианство. Например, сын Бату-хана – Сартак, наследник золотоордынского трона, стал христианином-несторианцем, а сестра Узбек-хана, провозгласившего ислам в 1311–1312 годах государственной религией в Золотой Орде, Кончака вышла замуж за русского князя и перешла в православную веру, получив при крещении новое имя – Агафья. В любом другом мусульманском государстве подобная ситуация была немыслима, поскольку смена мусульманской религии и переход в другую веру карались смертью. Брак христианина и мусульманки, мусульманина и христианки был возможен лишь в том случае, если христианин или христианка переходили в ислам [Почекаев, СПб., 2010, с. 34–46].

О христианах в Золотой Орде сообщает Иоганн Шильтбергер, немецкий солдат из Баварии, пробывший в плену у мусульман с 1396 по 1427 годы. За время 30-летнего плена И. Шильтбергер вместе со своими хозяевами побывал во многих странах Востока, в том числе и в Золотой Орде, которая переживала тогда смутное время междоусобиц, свидетелем которых он и стал. И. Шильтбергер описывает свое пребывание в ордынских владениях: «... прошли мы через область,... называемому по-татарски Темир-Капи, что по-нашему означает Железные Ворота (город Дербент. – *Авт.*). Они отделяют Персию от Татарии. Затем мы прошли через город Оригенс, который весьма обширен и лежит посреди реки Эдил (Волги. – *Авт.*). Далее – через гористую страну Джулад (Татартун, Верхний Джулат в центральной части Северного Кавказа. – *Авт.*), населенную большим числом христиан...» [Шиль-

тбергер, Баку, 1984, с. 33–34]. В записках немецкого путешественника зримо представлено полиэтничное и поликонфессиональное золотоордынское общество, где весьма заметны были христиане, особенно православные, своеобразный симбиоз культур, возникший в результате встречи цивилизаций Востока и Запада: «Во внутреннем городе (в Кафе. – *Авт.*) шесть тысяч домов, населенных итальянцами, греками и армянами. Это один из главных черноморских городов, имеющих во внешней черте до 11 тысяч домов, населенных христианами: латинскими (католиками. – *Авт.*), греческими (православными. – *Авт.*), армянскими (грегорианами. – *Авт.*) и сирийскими (несторианами. – *Авт.*). В этом городе местопребывание трех епископов: римского, греческого и армянского. В этом городе есть и много язычников (мусульман. – *Авт.*), которые имеют в нем свой храм. ... Далее – город Киркьер (Чуфуткале в Крыму. – *Авт.*), в хорошей области, именуемой Готфией (одно из названий Крыма, связанное с племенем готов, обитавшим там в раннем средневековье. – *Авт.*)... Она заселена греческими христианами и в ней производят хорошее вино... Там же страна черкесов, также на побережье Черного моря, населенная христианами, исповедующими греческую веру...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 45].

Шильтбергер говорит о распространении среди черкесов работорговли: «... они злые люди и продают язычникам (мусульманам. – *Авт.*) своих собственных детей и тех, кого они крадут у других. Они также занимаются разбоем и говорят на особенном языке...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 45]. Подробно описываются им обычаи народов Золотой Орды, исповедующих православие кавказских горцев – черкесов и асов, или ясов – предков осетин. Отмечается даже, на каких языках проходят богослужения у тех народов Золотой Орды, которые исповедовали тогда православие: «... Первый язык греческий, на котором написаны священные книги этого исповедания. Турки этот язык называют урум; второй язык русский, по-турецки – урус; третий болгарский, у язычников (мусульман. – *Авт.*) – булгар; ... ясский, у язычников – ас; зихский, у язычников – черкес...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 65].

Не осталась вне поля зрения немца и Русь, подвластная Джучиевому Улусу. «Так же королевство Россия, которая платит дань татарскому королю... между золотыми татарами есть три поколения... Их страна имеет протяжение в три месяца ходьбы, представляя собой равнину, в которой нет ни леса, ни камней и есть только трава и камыш. Все отмеченные земли входят в состав Золотой Татарии и во всех землях я был» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 45–46].

Как сообщает в своем географическом сочинении арабский летописец Ал-Омари, современник монгольской эпохи, жили христиане и в других землях Джучиева Улуса, в частности, в Хорезме было «100 домов христианских, не более. Им (... Христианам) не разрешено иметь больше этого» [СМИЗО, М., 2003, т. 1, с. 109]. Хотя до конца неясно, какие конкретно ограничения налагались на христиан золотоордынскими властями. Власти Золотой Орды также защищали православных христиан Руси от иноземных вторжений, когда в 1269 году немецкие крестоносцы из Прибалтики – приверженцы воинствующего католицизма, западной ветви христианства, осадили «Господин Великий Новгород». Отряд монгольских воинов, посланных ханом Золотой Орды, помог новгородцам отбить нападение и разгромить врага.

Какой бы унижительной ни была данническая зависимость древнерусских княжеств от Джучиева Улуса, ордынцы все же сохранили древнерусскую государственность и предоставили им автономное внутреннее самоуправление, не покушаясь на их культурную самобытность, традиции, религию и язык. К тому же ханская власть решительно пресекала междоусобные войны между русскими княжествами.

Иудеи в Золотой Орде

После монгольских завоеваний, начатых в первой половине XIII века, в составе населения многих стран Евразии, особенно тех, которые стали частью Великого Монгольского Улуса, а после его распада в 1259–1260 годах – и империй его первых наследников,

к числу которых относился и Джучиев Улус, или Золотая Орда, произошли значительные перемены, связанные с вольным, а чаще с принудительным переселением больших групп людей с Востока на Запад и с Запада на Восток. Вероятно, еврейские иудейские общины тоже были вовлечены в эти миграционные процессы. Во всяком случае, посол римского папы Плано Карпини, совершивший в 1242 году длительное путешествие через степи Восточной Европы и Центральной Азии в Каракорум – столицу Монгольской империи, называет среди тех, кого монголы «подчинили... которые суть иудеи [Путешествие..., А., 1993, с. 51].

В определенной степени следствием монгольских завоеваний и объясняется наличие иудейских общин в Золотой Орде – государстве, образовавшемся на руинах Монгольской империи и включавшем после распада Великого Монгольского Улуса в свой состав Дешт-и-Кипчак – евразийские степи от Иртыша до Днестра, Русь, Волжско-Камскую Булгарию, земли восточнофинских народов, Крым, Северный Кавказ, Хорезм и Западную Сибирь. Хотя известно, что первые купцы-иудеи появились на землях, впоследствии ставших владениями Улуса Джучи, в том числе на Кавказе и Руси, еще до монгольского нашествия, поскольку активное участие в международной торговле стало для этого народа, утратившего более чем тысячелетие назад свою государственность, одним из средств выживания в иноплеменной среде.

Топонимика Северо-Восточного Кавказа сохранила множество названий, связанных с иудеями, появление общин которых здесь датируется эпохой поздних Сасанидов – правителей Ирана накануне арабского нашествия в середине 1 тысячелетия н. э., в частности в Дербенте, и усиливается во время Хазарского каганата. Широкое распространение иудаизма на Кавказе связано с политикой Византийской империи, направленной на насильственную христианизацию своей иудейской общины, когда многие иудеи нашли приют у хазарского кагана, бежав «из Рума (Константинополя) в страну хазар» [Аликберов, М., 2003, с. 454–460]. Известно, что еще в конце VIII–IX вв. произошло обращение правителя-кагана и знати тюркского Хазарского каганата, охватывавшего тер-

ритории, впоследствии ставшие владениями Золотой Орды – Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Южную Русь, в иудаизм, в чем свою роль сыграли еврейские купцы. Одно время иудейская верхушка Хазарии выступала в роли своего рода посредника в контактах кавказских племен с русами.

На Руси иудейская община зафиксирована начиная с X века – времени правления великого князя Владимира Святославича, с именем которого связано православное крещение Руси. В стольном граде Киеве был богатый торгово-ремесленный еврейский квартал» [Краткая еврейская энциклопедия, Иерусалим, 1982, с. 253]. Неприятие иудейской общины у местного восточнославянского, к тому времени в основном уже принявшего православное христианство, населения вызывали две вещи: во-первых, ростовщичество – в 1113 году многие еврей-ростовщики пострадали во время восстания киевлян; во-вторых, любые попытки проповеди иудаизма как религии, не признающей Иисуса Христа и оппозиционной христианству. К тому же иудаизм рассматривался как религия враждебного для Киевской Руси Хазарского каганата, в зависимости от которого периодически находились древнерусские князья, платившие ему дань, хотя к этому времени хазарские каганы уже давно утратили свое бывшее могущество.

В 1239 году, во время штурма и взятия монгольскими войсками Бату-хана (Батые древнерусских летописей) Киева, иудеи пострадали, как и все жители города, от погромов завоевателей и бежали на запад – в Польшу и Венгрию. Впрочем, в Галицко-Волынском древнерусском княжестве иудейские общины остались и мало пострадали от монгольского завоевания, что, возможно, было связано с изменением к тому времени тактики завоевателей. Но во второй половине XIII века, когда монголы установили свой порядок на Руси, киевские князья с их разрешения приглашали иудеев селиться в Киеве [Соложеницын, М., 2001, ч. 1, с. 4–5].

О том, что евреи жили в Крыму в эпоху Золотой Орды, свидетельствует И. Шильтбергер: «От Каффы зависят четыре города, расположенные на берегу моря, где есть два рода евреев, имеющих две синагоги в городе и четыре тысячи домов в предместье...»

[Шильтбергер, Баку, 1984, с. 45]. Посол короля Франции к монголам Гильом де Рубрук в 1253 году свидетельствует о городе Самарон между Дербентом и Шемахой на Кавказе – землями, которые оспаривали друг у друга ханы Улуса Джучи и монгольские правители Ирана и Ближнего Востока – ильханы Хулагуиды, где «живет много иудеев...» [Путешествие..., А., 1993, с. 166].

В свою очередь, арабский летописец Ал-Омари, современник монгольской эпохи, сообщает, что в Хорезме, среднеазиатском владении Золотой Орды, «100 домов еврейских и 100 домов христианских, не более. Им (Евреям и Христианам) не разрешено иметь больше этого» [СМИЗО, М., 2003, ч. 2, с. 109]. Хотя до конца неясно, какие конкретно ограничения были наложены властями Джучиева Улуса на иудеев сравнительно с представителями других конфессий, но можно предположить, что эти ограничения были аналогичны тем, каковым подвергались христиане со стороны ордынцев, государственной религией которых с 1312 года стал ислам. Вместе с тем очевидно предоставление золотоордынскими ханами иудеям многих вольностей во владениях Джучиева Улуса, в частности, права без ограничений исповедовать и распространять свою веру – иудаизм, а также заниматься традиционными для них видами экономической деятельности, что вызывало крайнюю неприязнь к евреям со стороны православного восточнославянского населения.

Затем ханы Золотой Орды стали привлекать иудеев на службу, как бы воспроизводя ситуацию своих кочевых предшественников – хазарских каганов, благоволивших иудаизму и иудеям, поручая им вместе с мусульманами, служившими ордынцам, роль баскаков, то есть сбор налогов с населения древнерусских городов, что еще более усиливало ненависть русичей к мусульманской и иудейской общинам. Во время антиордынских восстаний эта ненависть выплескивалась на всех мусульман и иудеев без разбору. Как свидетельствует древнерусская летопись, приводимая российским историком Н. М. Карамзиным: «Многие купцы Бесерменские (мусульманские), Харазские (иудейские) и Хивинские, издревле опытны в торговле и хитрости корыстолюбия: сии люди отку-

пали от татар (монголов) дань наших княжений, брали неумеренные росты с бедных людей; и в случае неплатежа, объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпения и единодушно восстали, при звуке Вечевых колоколов, на сих злых лихоимцев: некоторых убили, а некоторых выгнали» [Карамзин, СПб., 1992, т. IV, с. 54–55].

В летописи, приведенной Н. М. Карамзиным, интересно, что иудеи ассоциируются с «купцами харазскими» (хазарскими. – *Авт.*), т. е. с традицией, идущей еще от предшественника Золотой Орды на тех же землях – Хазарского каганата, где иудаизм некоторое время был государственной религией. Как бы то ни было, кара золотоордынских властей за убийства баскаков – мусульман и иудеев следовала незамедлительно. Ордынские воинские отряды огнем и мечом умирляли древнерусские города и восстанавливали власть баскаков. В XV веке, накануне распада Золотой Орды, русские летописи упоминают о евреях – сборщиках податей в Киеве, обладавших значительным имуществом.

В это время, в 1470 или 1471 году, московский православный церковный деятель Иосиф Волоцкий в «Книге на еретики» сообщал, что в свите князя Михаила Олельковича из Великого княжества Литовского в земли, подвластные ордынцам, прибыл «жидовин именем Схариа». «Жидовин» был «изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологи». Православные церковники обвинили Схарию в том, что он проповедовал иудаизм, который под влиянием его речей приняли несколько православных священников. Еврейские имена в московских документах появляются еще в годы правления великого московского князя Ивана III, платившего до 1480 года регулярную дань ордынцам. Посредником в сложных дипломатических переговорах между Москвой и ханами Крыма, отложившимися от Большой Орды, чьи правители в историческом центре Джучиева Улуса пытались возродить империю, был еврей из Кафы (совр. Феодосия) Хоза Кокос. Активная переписка между ним и великим князем продолжалась более 10 лет с 1473 года. Хоза Кокос

выкупал московских купцов из ордынского рабства и помогал бывшим пленникам добраться до родины. В Москву он высылал отчет, написанный на древнееврейском языке, на что московский князь указывал через посла – боярина Никиту Беклемишева, чтобы Кокос «жидовским письмом грамот бы не писал, а писал бы грамоты русским и бессерменским (мусульманским, т. е. на фарси или по-тюркски. – *Авт.*)». Иван III передал через посла указание крымскому еврею: «Молвити Кокосу жидовину от Великого князя, как еси наперед того нам служил и добра нашего смотрел, а то бы и ныне служил нам; а мы, аж даст Бог, хотим тебя жаловать» [Лобовская, М., 2004, с. 209]. Придворным лекарем великого московского князя Ивана III был некий Леон – еврей, приехавший в Москву из Венеции, впоследствии казненный за то, что вопреки своему обещанию не смог вылечить от болезни сына великого князя [Соложеницын, М., 2001. с. 4–7].

Отношение к иудеям во владениях Золотой Орды было противоречиво. Если многие православные подданные ордынцев видели в евреях эксплуататоров, злобных колдунов, чернокнижников и отравителей, то правящая золотоордынская элита потомков Чингис-хана выполняла его завет терпимо относиться к представителям разных вероисповедований. В Золотой Орде иудейскому духовенству, как и православной церкви, был создан льготный режим, который сохранился и после принятия в 1312 году золотоордынским ханом Узбеком в качестве государственной религии ислама. Иудейское духовенство также было освобождено от выплаты дани и получило защиту от золотоордынских властей своего церковного имущества, что несколько необычно для мусульманской империи, поскольку в государствах, где господствовал ислам, «неверные», то есть немусульмане, были обязаны платить налог, называемый «джизья», за право исповедывать свою веру. Но Джучиев Улус был исключением из этого правила.

Таким образом, иудеи сыграли определенную роль в истории Золотой Орды, что, возможно, было отражением традиции, восходящей еще к Хазарскому каганату. Хотя евреи не были заметны в ближайшем окружении ханов, правителей Джучи-

ева Улуса, все же их представители стали промежуточным звеном власти между ордынцами и православным восточнославянским населением, с которого им завоевателями был поручен сбор налогов. Однако иудеи в Золотой Орде и подвластных ей землях – это не только чиновники-баскаки, сборщики налогов, ростовщики и купцы, но и врачи-лекари, астрологи, духовные лица, обладающие способностью обращать в свою веру представителей других религий, оставившие свой след в симбиозной золотоордынской культуре.

Пиратство Руси накануне и в эпоху Золотой Орды XI–XIV века

Достаточно хорошо известны события, связанные с историей мирового пиратства в Средиземном и Карибском морях, в Атлантическом и Индийском океанах, морях Юго-Восточной и Восточной Азии, в то время как аналогичные явления на водных просторах Каспийского и Черного морей, реки Волги накануне и в эпоху монгольского нашествия, а также при Золотой Орде в силу разных причин не привлекали пристального внимания историков.

Первые сведения о пиратстве, точнее, об организованных частными лицами формах морского разбоя на Волге и в Каспийском море, относятся к русским речным пиратам, так называемым ушкуйникам, чье название является производным от слова ушкуй – плоскодонная парусно-весельная лодка, на которых они совершали разбойные нападения. Первоначально ушкуйники формировались в Великом Новгороде для колонизации северных территорий и организации торгово-разбойничьих экспедиций по Волге и Каме [Бартольд, М., 1963]. Этому способствовало то обстоятельство, что новгородцы имели наиболее развитую на Руси морскую традицию уже ко времени монгольского нашествия. Как правило, ушкуйники представляли организованные преступные сообщества, были хорошо вооружены и сведущи в мореплавании. Ватаги ушкуйников, отправлявшихся в очеред-

ной разбойный набег, обычно насчитывали несколько тысяч человек. Ушкуйниками становились преимущественно люди низших сословий, а еще чаще те, кто, не имея определенного занятия, бродяжничал, «вольные люди», изгои общества, уголовные элементы, хотя встречались и разорившиеся выходцы из знати, в силу каких-либо еще причин оказавшиеся за пределами своей социальной среды, и даже купцы, совмещавшие торговлю с разбоем и грешившие работоторговлей. Так, вплоть до XVI века русские купцы систематически поставляли для гаремов восточных владык своих соплеменниц – белокурых и светловолосых славянок, которые зачастую попадали к ним в плен во время их пиратских акций. Поэтому современные торговцы «живым товаром» лишь возрождают исторические традиции.

Вместе с тем первоначально ушкуйники были не только пиратами, но и первыми русскими землепроходцами через сеть северных озер и рек, уже в XI–XII веках вышедшими на берега Северного Ледовитого океана. Ушкуйники пересекали на своих плоскодонных ладьях-ушкуях весь европейский Север, заставляя его обитателей платить дань Новгороду, как сообщает под 1096 год «Повесть временных лет».

Возможно, на Каспийском море ушкуйники впервые появляются в 1175 году на 70 кораблях, когда они были разбиты шахом Ширвана, государства на территории современного Азербайджана, о чем сообщают только мусульманские источники. Ушкуйники нередко погибали вдали от родины в вооруженных стычках с аборигенами. Под 1187 год Новгородская первая летопись констатирует: «Изъбиени быша Печерский и Югорьский дальници». Согласно летописи «Повесть о земле Вятской», в 1174 году из Новгорода по верхней Волге, Оке и Каме проплывали ушкуйники – новгородские «самовластцы с дружиною своею», «плениюще остяцкие жилища». Где-то в районе слияния Волги и Камы они построили «градец мал», своего рода базу для своих пиратских набегов. В 1193 году в поход на Югру, т. е. на реку Печору, отправились отряды ушкуйников: «В то же лето идоша из Новагорода в Югру рать с воеводою Ядреиком...» [Даркевич, М., 1982, с. 80–83].

Как пиратство особенно широкий размах ушкуйничество приобрело на Волге и в Прикаспии в середине и второй половине XIV века, когда империя Золотая Орда, созданная потомками Чингис-хана и господствующая с 40-х годов XIII века на Руси, вступила в полосу кризиса – эпоху «великой замятни», что вызвало ослабление ее государственных институтов и, как следствие, активизацию ушкуйников. Не всегда ушкуйники действовали только на свой страх и риск – иногда явно, а чаще тайно их поддерживали «господа Великого Новгорода». В русской литературе и даже трудах ученых, чаще марксистско-ленинского направления, действия ушкуйников рассматривались иногда как форма протеста угнетенных и обездоленных, нередко – как своеобразное проявление национально-освободительной борьбы русского народа против золотоордынского владычества.

Казалось бы, действительно, объектами нападений ушкуйников в целом ряде случаев становились ордынские воинские отряды и дружины русских князей, подчинявшихся ордынской власти, а также места их дислокации на Руси. Да и ватаги ушкуйников пополнялись в немалой степени за счет жителей, разоренных ордынскими набегами. Однако, как показывают факты, ушкуйники в равной степени грабили и ордынские, и русские города и селения, причем русские даже чаще, поскольку они были менее защищены; нападали как на богатые караваны, невзирая на государственную, религиозную, этническую принадлежность их владельцев, так и на скромные купеческие суда с нехитрым товаром.

В военном отношении ушкуйники тогда представляли грозную силу, с которой были вынуждены считаться власти Золотой Орды. Они одерживали победы не только над русскими ратями, как, например, в 1375 году над пятитысячным ополчением костромичей, но и над ордынцами, что произошло в 1336 году под Нижним Новгородом. Об их военной мощи свидетельствует захват в 1360 году города Жукотина на Каме. В 1371 году от ушкуйников пострадали Ярославль и Кострома, в 1375 году – опять Кострома и Нижний Новгород.

Русская летопись под 1375 год приводит рассказ о походе на эти города двух тысяч ушкуйников (по данным другой, Тверской летописи – полутора тысяч) на семидесяти ушкуях под предводительством атаманов Прокофия и Смолянина, где «они многих христиан в полон поведоша с женами и с детьми». Потом ушкуйники прошли по Каме, грабя всех, кто попадался им на пути, и повернули к волжским булгарам, мусульманским подданным Золотой Орды, и «тамо полон весь христианский попрадаша... бесерменом» [ПСРЛ, М., 1965, с. 23–24, 114], т. е. продали пленных мусульманам. Отсюда ушкуйники пошли с грабежами вниз по Волге к Каспийскому морю, убивая купцов и продавая пленных. Но под Хаджи-Тарханом (Астраханью) удача им изменила, и ушкуйники были наголову разгромлены воинами астраханского хана Салчея [Полубояринова, Русские люди в Золотой Орде, М., 1978, с. 36].

После этого ушкуйничество на Волге и в Прикаспии постепенно сходит на нет и перемещается в Зауралье, где их ватаги в 1384 году «воеваша по Оби реки до моря» и «наверх Оби воеваша». Общему упадку ушкуйничества на Руси, вероятно, способствовало ослабление «Господина Великого Новгорода» под натиском Москвы в течение последующих столетий.

Но пиратством на Волге и в Каспийском море грешили не только русские ушкуйники. Еще в 1237 году, накануне своего нашествия на Северо-Восточную Русь, монгольские завоеватели вторглись в Северный Прикаспий, во владения кипчаков-половцев из племени ольбурлик, которыми правил Бачман, когда операция против него осуществлялась не только на суше, но и на водных пространствах Волги и Каспийского моря, о чем выше уже подробно сообщалось, опираясь на данные китайской династийной истории «Юань-ши» и персидских историков XIII века [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 2, с. 25992 (40)].

Вместе с тем данный случай не является типичным актом морского разбоя преступных сообществ частных лиц, т. е. «классическим» пиратством. Скорее всего, это был акт пиратства, санкционированного государством. Случай с Бачманом был не единственным, когда на просторах Каспийского моря пытались найти

убежище не только морские разбойники, но и те, кто спасался в лихую годину от иноземных завоевателей. Например, спасаясь от мести Чингис-хана, Мухаммад-хорезмшах, чью империю на территории современных Средней Азии, Ирана, севера Афганистана и юга Казахстана сокрушили монголы в 1219–1221 годах, укрылся на одном из островов Каспийского моря недалеко от его юго-восточного побережья.

За год до похода ушкуйников, в 1374 году, через Хаджи-Тархан проследовал некий генуэзец Лукино Тариго. Выйдя с несколькими соратниками на барке из Кафы, он через Черное и Азовское моря дошел до Таны, поднялся по Дону, затем, видимо, в районе Переволки, добрался до Волги, по которой спустился через Хаджи-Тархан до Каспия. На море он и его друзья занялись пиратством, однако на обратном пути ограбили их самих, но некоторое количество драгоценностей, приобретенных пиратским «промыслом», им все-таки удалось привезти в Кафу [Галкин, Симферополь, 1915]. Схожие пиратские экспедиции на Каспий предпринимались и венецианцами. В 1375 году, когда «смута» охватила Золотую Орду, новгородским ушкуйникам удалось ограбить одну из ее столиц – Новый Сарай, который был на месте нынешнего города Царева в Астраханской области [Heyd, Venezia, 1868, vol. 1–2, p. 33].

В 1468 году на морской караван послов шаха Ширвана ко двору московского государя Ивана III напали астраханские татары. Караван шел в обратный путь по Волге, в Твери к нему пристали несколько торговых судов, снаряженных русскими купцами во главе с Афанасием Никитиным. В устье Волги, около Хаджи-Тархана, караван был разграблен, а русские купцы при этом потеряли два судна и почти все имущество. Но злоключения их на этом не кончились. Когда уцелевшее от татарского разбоя русское судно на пути из Хаджи-Тархана в Дербент около Тарков в Дагестане было выброшено на берег, его экипаж был захвачен людьми Халиль-бека, главы дагестанской народности кайтаков. Русские пленники были освобождены только благодаря требованию шаха Ширвана, чье посольство они сопровождали. Именно эти пиратские акции побудили разоренного Афанасия Никитина

совершить путешествие в Индию в надежде поправить свои дела, благодаря чему он обессмертил свое имя, оставив потомкам знаменитые записки «Хождение за три моря» [Никитин, 1982, с. 26–28]. В 1472 году разбойники из Вятки ограбили Старый Сарай, где ныне село Селитренное Астраханской области.

Как видно из вышесказанного, морским и речным разбоем в Золотой Орде грешили дети разных народов. И все же олицетворением пиратов на Волге и Каспийском море в ордынскую эпоху оставались русские ушкуйники, чья пиратская традиция не исчезла и нашла свое продолжение в действиях российского и украинского казачества, ставших преемниками ушкуйников по части морского разбоя.

Глава III

ЗОЛОТАЯ ОРДА В ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ

Между Западом и Золотой Ордой. Выбор князя Даниила Галицкого

Накануне монгольского нашествия первых потомков Чингис-хана на Русь древнерусские князья, в частности, правители Южной Руси – Черниговского и Галицко-Волынского княжеств Михаил Всеволодович и Даниил Романович пытались противопоставить монгольскому вторжению русско-венгерский союз. Сначала черниговский князь Михаил Всеволодович посетил Венгерское королевство с предложением скрепить этот союз династическим браком своего сына Ростислава с дочерью венгерского короля Белы IV. Однако король отказал в помощи и «не вдасть девки своей Ростиславу [ПСРЛ, М., 1998, с. 848]. Отверг Бела и предложение о союзе галицко-волынского князя Даниила Романовича, также вместе с сыном и свитой бояр посетившего Венгрию накануне осеннего похода в 1240 году монгольских войск Бату-хана на Южную Русь. Этот князь тоже добивался иметь с венгерским королем «любовь сватьства», но «не было любви межи ими» [ПСРЛ, М., 1998, с. 849]. Так что Русь осталась без внешней помощи и союзников перед возобновлением монгольского наступления после двухлетней передышки, когда под монгольским владычеством уже были княжества Северо-Восточной Руси, павшие под натиском монголов в 1237–1239 годах. Отказ от союза с княже-

ствами Южной Руси дорого обошелся венграм, поскольку монгольские завоеватели разгромили их поодиночке.

Хотя Русь была завоевана монголами и стала платить дань их империи, тем не менее самый могущественный князь Южной Руси, упомянутый выше Даниил Романович Галицкий, при том что Галицко-Волынское княжество подверглось разгрому, выразил покорность завоевателям и сохранил достаточно власти и относительную свободу маневра в поддержании отношений со странами Запада, в частности, с Венгерским королевством, несмотря на то, что по Днепру действовали две монгольские орды под началом Мауци и Коренцы (Куремсы). Двигаясь на запад, Куремсы держал под наблюдением земли Галицко-Волынской Руси и периодически приводил в повиновение ее князя Даниила. Был захвачен город Кременец, затем Куремсы совершил набеги на Владимир-Волынский и Луцк.

Нападал на Галицкую землю и монгольский военачальник Бурундай, который в 1259 году требовал от князей Даниила и Василька Романовичей в знак их покорности торжественной встречи с дарами. Князья выполнили его требование. Бурундай также требовал разрушения их крепостей. Повинуясь этим требованиям, галицкие князья велели «разметать» укрепления городов Данилова, Кременца, Луцка, Стожеска, Львова. Когда князю Даниилу стало известно «об опале» со стороны Бурундая, он бежал в Венгрию. Набег Бурундая наметил грань в отношениях Галицко-Волынской Руси с монголами. Если раньше князь Даниил Романович «держаше рать с Куремсою и николи же не бояся Коуремьсе» [ПСРЛ, М., 1998, с. 851], то после набега Бурундая галицкие князья подчинились монгольской власти.

Как же в эти годы складывалась политическая ситуация на западных рубежах Монгольской империи, а именно на Руси, в частности, на границе с Венгрией, испытавшей, как и Русь, смерч монгольского нашествия, и как это отразилось на взаимоотношениях их народов? Русь и Венгрия стояли перед грозными испытаниями. Если Венгрия находилась под «дамокловым мечом» угрозы нового монгольского нашествия, хотя и сохраняла отно-

сительную независимость, то само существование Руси, ее своеобразие и самобытность были поставлены на карту. Раскинувшаяся на великой восточно-европейской равнине как особый культурный мир между Европой и Азией, Русь еще в самом начале XIII века подверглась нашествию с двух сторон – Латинской Европы, в стане которой была и Венгрия, и монголов. Венгрия претендовала на Галицию и Волынь; немецкие крестоносцы утвердились в начале XIII века в Риге (Ливонский орден) и Пруссии (Тевтонский орден) и оттуда повели наступление на Псков и Новгород, шведы двинулись на Русь через Финляндию. Огнем и мечом немцы и шведы обращали в латинство, т. е. в католическую веру, как язычников литовцев, эстов и финнов, так и православных – русских. Но время наивысшей опасности для Руси – 1237–1240 годы, т. е. эпоха монгольского нашествия.

У Руси был выбор: или погибнуть между двух огней в героической борьбе, так как устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла, или выбирать между Востоком и Западом. Даниил Романович Галицкий выбрал Запад, передовым форпостом которого в экспансии на Южную Русь была Венгрия, претендовавшая на земли его княжества и при этом с его помощью пытавшаяся вести борьбу против монголов. Но и политика Даниила не была последовательной. Он лавировал между папой римским и вдохновляемой им коалицией католических государств Центральной Европы, наиболее сильными из которых тогда были Венгерское и Чешское королевства, с одной стороны, и монголами с другой. Масла в огонь подливали распри с собственными боярами и князьями [ПСРЛ, М., 1998, с. 872].

Даниил не пытался оказывать монголам сопротивления. Еще до взятия ими Киева в 1240 году он уехал в Венгрию, ища против монголов помощи у ее короля Белы IV. Как упоминалось выше, хлопоты Даниила оказались тщетными, а монгольская волна нашествия дошла и до Венгрии. После разгрома монголами Венгрии Даниил вернулся на Русь, где ему пришлось вести длительную борьбу с галицкими боярами, перемышльским владыкой, бывшим черниговским князем Ростиславом, а также с вен-

грамми. Борьба эта завершилась победой Даниила над венграми под Ярославом в 1249 году, но не венгры решали тогда судьбу Руси, а монголы. Уже в следующем году монголы вновь обратили внимание на Южную Русь. Бату-хан – повелитель монголов потребовал от Даниила: «Дай Галич» [ПСРЛ, М., 1998, с. 794]. Не обладая силой для борьбы с монголами, Даниил подчинился и поехал сам к Бату-хану. Против его ожидания он был встречен «ласково». Даниил пробыл у монгольского владыки почти месяц, и Бату-хан оставил за ним все его земли. Немедленно сказалось и международное значение этого шага Даниила. Запад стал заискивать перед ним, венгерский король Бела IV прислал послов с предложением мира и родственного союза. Сын Даниила Лев женился на его дочери, хотя до признания его монголами Бела отказывал тому в руке своей дочери. На стороне Белы Даниил вмешался в дела и распри Центральной Европы, в спор из-за австрийского герцогства, дела чешские и моравские.

В поход 1252 года войско Даниила (вероятно, его лучший полк) было вооружено и обучено на монгольский лад. «Немцы же, дивящиеся оружием татарскому, беша бо кони в личинах, и бе полков его светлость велика...» [ПСРЛ, М., 1998, с. 127]. Подчинившись монгольскому влиянию, Даниил приобщался к мировой силе монгольской экспансии – как бы попадал в русло исторического потока. Почти необозримые дипломатические перспективы открывались перед ним в Западной и Центральной Европе, однако он сам закрыл дверь перед собой, оказавшись неспособным их оценить и постигнуть значение исторического момента. Его временное подчинение монголам не было продуманным и последовательным, это был лишь случайный ловкий ход политического оппортунизма. Все политические и культурные симпатии, навыки и вкусы отталкивали Даниила от монгольской Азии. Среди своей снаряженной по монгольскому образцу гвардии Даниил в упомянутом походе 1252 года не изменил византийскому одеянию русских князей. «Сам же (Даниил) еха подле короля (Угорского. – т. е. венгерского. – *Авт.*) по обычаю Руску, бе бо конь под ним дивлению подобен, и седло от злата жжена,

и стрелы и сабля златом украшена и иными хитростями якоже дивитися, кожух же оловира (шелка) Грецкого и круживы златыми плоскими ошит и сапоги зеленого хъеза (кожи) шиты золотом ...» [ПСРЛ, М., 1998, с. 826].

Блестящему и честолюбивому князю нравилось играть заметную роль среди западных государей и рыцарей, быть на равных с королем Венгрии, вызывать восхищение и удивление в среде западных соседей. Тем более должна была ему казаться унижительной зависимость от диких (с его точки зрения. – *Авт.*) кочевников и варваров. Милостивое отношение Бату-хана было поэтому Даниилу оскорбительно и тяжело. Эти чувства ярко отразил русский летописец: «О, злее зла честь татарская (монгольская. – *Авт.*): Данилови Романовичу князю бывшу велику, обладавшу Русскою землею, Киевом и Володимером и Галичем... ныне сидит на колену и холопом называется... О, злая честь Татарская – его отец бе царь в Русской земле, иже покори Половецкую землю и воева на инья страны все» [ПСРЛ, М., 1998, с. 828–829].

Оскорбленное самолюбие Даниила заставило его искать новых путей, чтобы освободиться из-под монгольской зависимости. Он обратил свой взор на Латинский Запад. Чтобы рассчитывать на новый крестовый поход, нужно было обратиться к духовному главе Запада – папе римскому, и Даниил вступил при посредничестве короля Белы IV в переговоры с папой Иннокентием IV о соединении православной и католической христианских церквей. Папа обещал различные льготы и милости древнерусскому православному духовенству, признан был законным брак брата Даниила Василька с близкой родственницей, крестоносцам было запрещено приобретать имения в древнерусских областях без позволения великого князя Даниила Галицкого; самому великому князю был обещан королевский титул.

Наконец, были посланы в 1253 и 1254 годах от папы всем государствам Центральной и Восточной Европы, прежде всего Венгрии, призывы о крестовом походе против монголов на помощь Даниилу. Рассчитывая на поддержку Запада, Даниил начал деятельно готовиться к борьбе с монголами: собирать дружину

и деньги, укреплять города, населять их, возвеличивать свою власть. В 1255 году в городе Дрогичине Даниил Галицкий короновался присланной ему от папы королевской короной. Но военная помощь с Запада так и не пришла: призывы папы остались без последствий. Тогда Даниил Галицкий разорвал свои отношения и с папой, и с Венгрией [Мясников, М., 2016, с. 193–203].

Между тем надвигалась угроза с Востока. Даниил осознал, что не в силах справиться с ней и предотвратить опустошение своей земли монголами. Ему пришлось уступить и оставить все свои мечты. В 1264 году Даниил Романович Галицкий умер. Вся его «большая политика», таким образом, окончилась неудачей; он имел успех только в «малой политике» – борьбе с непосредственными соседями – венграми, поляками, литовцами, когда его не поддерживали ни монголы, ни крестоносцы-латиняне. Даниил Галицкий разменялся на повседневные политические мелочи и упустил из рук главные нити исторических событий. Он выиграл несколько отдельных сражений, но проиграл самое главное – православную Юго-Западную Русь. Результатом его политики были века латинского духовного господства на Юго-Западной Руси. Не прошло и ста лет после смерти Даниила Галицкого, как вся его вотчина – Галицко-Волинская земля – была захвачена западными соседями: венграми, поляками, литовцами.

Азербайджан и Персия – «яблоко раздора» монгольских империй Джучидов и Хулагуидов

Значение Азербайджана в созданном монгольскими завоевателями государстве ильханов Хулагуидов, образовавшемся на руинах мировой Монгольской державы, определялось тем, что он стал центром Улуса Хулагуидов, где расположилась его столица – город Табриз. После взятия монгольскими войсками Хулагу-хана – основателя государства Хулагуидов Багдада, – главного города одноименного халифата, он потерял свое значение как один из центров

мировой торговли, который переместился в Табриз. Огромные сокровища разгромленного Багдадского халифата, ставшие добычей Хулагу-хана, были отправлены им в Азербайджан для хранения в казнохранилище на горе Шахи близ озера Урмия.

Кроме Азербайджана, ставшего центром империи Хулагуидов, в ее состав вошли Персия, Ирак с Багдадом, Курдистан, Афганистан (кроме Балха), Малая Азия до реки Кызыл-Ирмак, а Армения с Грузией сохранили государственность, хотя их цари стали монгольскими вассалами, платившими дань Хулагуидам и посылавшими своих воинов для участия в походах монголов по первому требованию их правителей [Арсланова, Казань, 2009, т. III, с. 535; Петрушевский, М., 1970, с. 223–225].

Азербайджан и большая часть Персии вместе с Грузией и Арменией были завоеваны в 1230-х годах, хотя первое вторжение монголов в Азербайджан состоялось в 1221 году, когда тьмы монгольских полководцев «Потрясателя Вселенной» Чингис-хана – Субэдэй-бахадура и Джэбэ-нойона малой кровью подчинили Арран и Ширван в Северном Азербайджане, входившие в состав государства атабеков, а крупнейший город Южного Азербайджана, уже упомянутый Табриз, выразил покорность без сопротивления, выплатив контрибуцию, причем дважды. До 1230 года какое-то время Азербайджан был базой последнего шаха Хорезма Джелал ад-Дина, вторгнувшегося в Грузию и оспаривавшего власть монголов.

До 1256 года, когда войска Хулагу по решению всемонгольского курултая, избравшего последнего всемонгольского великого хана Мункэ, вступили в пределы Азербайджана, эти земли, а также Персия, Афганистан, Грузия и Армения, Курдистан, часть Малой Азии находились под управлением потомков Джучи-хана – старшего сына Чингис-хана, чьи владения, известные в русских летописях как Золотая Орда, включали в свой состав также просторы от Алтая до Дуная, Русь, Поволжье, Северный Кавказ, Крым, Западную Сибирь, Северный Хорезм. В числе управляющих Азербайджаном известен сын уйгура – христианина несторианского толка Куркуза, в свою очередь управлявшего Хорасаном и Мазандераном – провинциями Персии и областями «от Хорасана

до границ Рума и Диярбекра» [Рашид ад-Дин, М. – Л., 1952, т. II, с. 46–48] в Малой Азии. А сын Куркуза служил на посту монгольского даругачи не только Азербайджана, но и Ирака, земли которых он по приказу Джучидов должен был «взять во владение и установить твердые налоги» [Рашид ад-Дин, М. – Л., 1952, т. II, с. 46–48]. Во время похода Хулагу-хана на Багдадский халифат Берке – хан Улуса Джучи послал золотоордынские войска для участия в этом походе, вероятно, рассчитывая, что за это он получит от ильхана в качестве своей доли военной добычи земли Северного и Южного Азербайджана, где имелись прекрасные пастбища и достаточно развитая «ремесленная промышленность, преимущественно текстильная, которой славились города и селения Азербайджана» [Греков, Якубовский, М. – Л., 1950, с. 76], и была весьма значима роль столицы ильханов города Табриза. О том, какое большое значение ей придавали Джучиды и Хулагуиды, сообщает К. Гандзакеци [Гандзакеци, М., 1976, с. 80]. Но переговоры по этому вопросу ни к чему не привели. Обычно в случае содействия успешному походу это, согласно монгольской традиции, вознаграждалось выделением участка завоеванной территории. Именно по этой причине Берке-хан стал претендовать на Арран и Азербайджан, исходя из своих экономических и стратегических интересов. Однако обе провинции остались в Улусе Хулагуидов.

Военное противостояние Улусов Джучидов и Хулагуидов затянулось почти на столетие – с 1262 по 1357 годы, но часто прерывалось периодами перемирия, которые иногда длились годами. Оно началось уже при правлениях Хулагу и Берке, т. е. сразу после образования империи Хулагуидов. Берке, как сын Джучи-хана, считал себя старшим в роду Чингисидов и по праву, согласно монгольской традиции, требовал от Хулагу подчинения. При жизни старшего брата Берке Бату (Батые русских летописей), его предшественника на троне Улуса Джучи, который до появления Хулагуидов в Азербайджане и Персии распоряжался монгольскими войсками в Закавказье и управлял здесь, между ханами Бату и Хулагу сохранялись дружественные отношения. Сыновья Джучи – Бату, Берке и Толуя (четвертого сына Чингис-хана) – Хубилай, Хулагу

даже совместно участвовали в возведении в 1251 году на трон великого всемонгольского хана Мункэ, тоже сына Толуя.

Однако после разгрома Багдадского халифата и создания государства Хулагуидов противоречия между двумя ветвями потомков Чингис-хана обострились. Дружба сменилась открытой враждой. Ведь Хулагу стал ханом тех стран, которые раньше принадлежали Улусу Джучи. Арабский историк Ал-Омари свидетельствует, что до смерти хана Бату Азербайджан и Персия входили во владения Золотой Орды и Джучиды были против похода Хулагу на Багдад. После того, как Берке стал ханом Улуса Джучи, Хулагу стал действовать, невзирая на его волю, поскольку был недоволен «своевластием Берке» [СМИЗО, М. – Л., 1941, т. II, с. 74]. К тому же Берке-хан осуждал Хулагу за разгром городов мусульман, за то, что «не делал различия между другом и недругом», за казнь багдадского халифа без согласования с родственниками и всячески укорял его. «Но, ввиду того, что Берке был старшим в роду... Хулагу переносил все это...» [СМИЗО, М. – Л., 1941, т. II, с. 73]. Довольно быстро Хулагу все это надоело, и он сказал: «Хотя он (Берке) и старший в роду, но так он далек от пути скромности и мягкости и обращается ко мне с угрозой и насилием, то далее оказывать ему уважение я не хочу...» [СМИЗО, М. – Л., 1941, т. II, с. 74]. Но, помимо личных амбиций, для разрыва их отношений были и вполне земные, материальные причины, так как Хулагу-хан намеренно лишил Берке его доходов, которые Джучиды получали от налогообложения монголами Азербайджана и Персии до образования Улуса Хулагуидов.

Как бы то ни было, причинами этой войны явились в первую очередь притязания Джучидов на Арран и Азербайджан, а разжиганию ее способствовали столкновение личных амбиций монгольских владык и объявление Берке-ханом, к тому времени ставшим мусульманином, о защите мусульман от притязаний Хулагу. То обстоятельство, что налоги, взимавшиеся с Ширвана, Аррана и вообще Азербайджана, поступали в казну ильханов, хотя еще по завещанию самого Чингис-хана эти земли были выделены потомкам Джучи-хана, не давало покоя ханам Золотой Орды, считавшим себя обделенными.

Азербайджан с центром в Табризе был основным камнем преткновения для обеих монгольских империй – Джучидов и Хулагуидов. В нем благодаря его естественным ресурсам и выгодному географическому положению находился один из главных перекрестков международных торговых караванных путей между странами Востока и Запада. У Хамдаллаха аз-Казвини в сочинении «Нузхат-ал-кулуб» дается подробное описание сети караванных путей, проходивших через Азербайджан в различных направлениях, связывая южные районы с северными. Хулагу-хан поэтому особенно ценил Азербайджан и столицей своей империи сделал Табриз, который именно в его правление получил заметное развитие.

Таким образом, в основе противоречий между Золотой Ордой и государством ильханов лежали глубинные интересы, а именно ожесточенная борьба за области, очень важные в экономическом и стратегическом отношении, каковой и являлся Азербайджан. Причиной войны был доход с завоеванных стран, который, согласно повелению Чингис-хана, должен делиться на пять частей, из которых две части отдавались великому всемонгольскому хану, две части оставались у войск, одержавших победу, и одна часть должна была поступать хану Улуса Джучи. Однако, «когда Бату умер и на престол вступил Берке, Хулавун (Хулагу. – *Авт.*) удержал его долю» [Арсланова, Казань, 2009, т. III, с. 539].

Также объяснял причины войн арабский летописец Ибн Васил, согласно которому по завету Чингис-хана добыча с каждой завоеванной страны должна была делиться на три части между войском, великим всемонгольским ханом и домом Берке-хана. Хулагу-хан предал забвению повеление своего деда. «Когда Чингис-хан умер, то никто из Татар (монголов. – *Авт.*) не отступился от решения его и от того, что им было предписано, но когда власть перешла к Хулавуну и он завоевал... и захватил имущество, то он никому из Татар не дал ничего, а оставил все имущество себе, не послав ничего ни дому Берке, ни дому Чингисханову, называвшемуся (ныне) домом Бату, который был у них царь великий и могущественный. Это было неприятно дому Берке» [Козьмин, М. – Иркутск, 1935, с. 97].

Персидский историк Джужджани, современник этих событий, писал, что Хулагу после взятия Багдада лишь «кое-что в виде подарка и доли отослал к Берке» [СМИЗО, М. – Л., 1941, т. II, с. 74]. А согласно сообщению Ал-Омари, «содержание вспомогательных корпусов, посланных в Персию (Берке-ханом. – *Авт.*) на помощь Хулагу, было обеспечено доходами с богатых городов Мераги (Мараги. – *Авт.*) и Тавриза (Табриза. – *Авт.*)» [СМИЗО, СПб., 1884, т. I, с. 187–189]. Поэтому, когда ильханам высказывались претензии, то речь шла не о пятой или третьей части добычи или доходов в качестве компенсации, а о покрытии расходов по военным издержкам. Войны во все времена и у всех народов, как известно, «удовольствие» очень дорогое. Кроме того, еще до создания государства Хулагуидов Золотая Орда распоряжалась торговыми путями и обширными пастбищами Азербайджана, Грузии, а также частью Малой Азии. Ввозимые из Улуса Джучи на эти земли товары не облагались налогами, а появление государства ильханов, стремившегося овладеть торговыми путями от Черного моря до Южного Азербайджана, ущемляло экономические интересы Джучидов. Все это предопределило неизбежность войны между Улусами Джучидов и Хулагуидов.

Ханы Золотой Орды, заинтересованные в беспопылинной торговле и в получении доходов с этой территории, в развитии связей со странами Запада и Востока, стремились овладеть Азербайджаном. К тому же здесь находились исключительные пастбища, столь милые кочевникам-монголам, и важные естественные ресурсы.

Поводом к войне стал отзыв ханом Золотой Орды своих вспомогательных корпусов из войск Хулагу-хана в 1262 году и гибель трех его военачальников Чингисидов – племянников Бату-хана. Так как завоевания монголов осуществлялись всем народом, то и добыча становилась собственностью всех представителей рода Чингис-хана, и это налагало определенные обязательства на ханов всех монгольских улусов как по отношению друг к другу, так и ко всемонгольскому великому хану. А когда Хулагу-хан выступил в поход для покорения Багдада, он получил от каждого улуса войска под началом некоторых царевичей-Чингисидов. Все три коман-

дующих золотоордынских отрядов, выделенных Хулагу-хану, – царевици Балакан, Тутар, Кули были внуками хана Джучи, их отцами были соответственно братья Бату-хана – Шибан, Бувал, Орда-Эджэн. Тутар был обвинен в колдовстве и заговоре против Хулагу-хана, подвергнут допросу и признан виновным. Остальные царевици, согласно Рашид ад-Дину, умерли своей смертью, но Берке-хан подозревал Хулагу в их преднамеренном отравлении. Семьи этих царевицей бежали из Азербайджана в Улус Джучи. Таким образом, «когда родственников его (Берке-хана. – *Авт.*) Тутара, Балагу и Кули постигла беда (смерть), то между ними (Хулагу и Берке) появилась вражда и озлобление, которое с каждым днем все усиливалось» [СМИЗО, СПб, 1884, т. I, с. 74]. Золотоордынские отряды, принимавшие участие в походе на Багдад, покинули войска ильханов. Небольшая их часть перешла в Египет на службу к мамлюкским султанам Египта и Сирии, враждебным Хулагуидам, другая через Хорасан и Дербент вернулась в Золотую Орду и стала воевать с Хулагуидами, о чем сообщают средневековые армянские историки.

Убийства царевицей Золотой Орды были инициированы не столько ильханом Хулагу, сколько всемонгольским великим ханом Хубилаем, преемником Мункэ-хана, перенесшим монгольскую столицу из Каракорума в Ханбалык на месте современного Пекина и основавшим свою монгольскую империю в Китае, известную как империя Юань. Хотя де-факто мировая Монгольская держава распалась на отдельные монгольские государства, Хубилай-хан номинально признавался всеми монгольскими государями великим монгольским ханом. Но в разных монгольских государствах его влияние не было одинаково. Вероятно, гибель молодых Джучидов преследовала цель лишить золотоордынского хана Берке возможности поддерживать в борьбе за трон в Каракоруме Ариг-Бугу – противника Хубилай-хана. Берке-хан, тем не менее, встал в ряды противников Хубилая. Однако, при всей кажущейся номинальности власти Хубилай-хана по отношению к Золотой Орде, его мнение было весьма весомо при назначении, например, наследников золотоордынского трона, как это произошло в 1263 году, когда

Берке-хан, хотя и подвергавший сомнению первенство Хубилая как великого всемонгольского хана, вместе с тем понимал важность признания Хубилая-хана в этом вопросе для легитимности и своего собственного статуса как улусного хана государства Джучидов. Так, признание ханом Берке своим наследником Мункэ-Тэмур не могло происходить без официального, пусть и формального, согласия Хубилая как великого всемонгольского хана, что, скорее всего, стало компромиссом между Берке и Хубилаем, за что власть Берке-хана в Золотой Орде соглашались признать остальные Чингисиды.

За сто лет войн между Джучидами и Хулагуидами инициатива в боевых действиях переходила от одного монгольского государства к другому. Здесь можно выделить три периода: с 1262 по 1270 годы, когда преобладали первые; с 1270 годов до 1317 года, когда чаще побеждали вторые, а в 1317–1357 годы инициатива опять в руках Улуса Джучи. Если со стороны Золотой Орды это выражалось чаще всего военными походами на Азербайджан ввиду территориальных претензий на эти земли, хотя и далеко не всегда удачными, то Хулагуиды предпочитали меры экономического и политического воздействия.

Эта борьба за Азербайджан во многом определяла историческую ситуацию в обширном регионе Евразии от Дешт-и-Кипчака, Руси и Китая до Египта и Индии и оказала заметное влияние на мировой исторический процесс. Начало военных действий историки трактуют по-разному. Ибн Васил возлагает ответственность на хана Хулагу, а согласно Рашид ад-Дину, первая война между Берке и Хулагу началась с нападения войск Улуса Джучи на Азербайджан в августе 1262 года, куда было отправлено 30-тысячное золотоордынское войско под командованием военачальника Ногая, сына царевича Тутара, остановившееся в окрестностях Ширвана.

На стороне Хулагу-хана в войне приняли участие вассальные ему владетели Азербайджана, Грузии и Армении. Хулагу-хан с войсками выступил из Ала-тага, где было летнее кочевье ильханов, 20 августа 1262 года. В ходе войны боевые действия переместились из Азербайджана на Северный Кавказ, где 13 января

1263 года на берегу реки Терек произошло генеральное сражение между Чингисидами, в котором Хулагу-хан потерпел сокрушительное поражение, когда при отступлении отрядов, ведомых его сыном Абага, будущим ильханом, через замерзший Терек лед неожиданно треснул под копытами коней его воинов, и многие из них утонули.

«Из Татар (монголов. – *Авт.*) не спасся ни один, который мог бы передать весть (о случившемся). Все, которые убежали вперед, утонули, а те, которые отстали, все были убиты. Что касается утонувших, то число их неизвестно; те же, которые отстали, все были убиты. Когда прибыл Берке и увидел место побоища, он приказал собрать убитых (в одно место). Собрали их и составили из них три бугра (или) больших холма. Дожди и ветры успели вылощить их, и кости убитых уже побелели. Путешественники видели их на расстоянии двух дней. Это сражение называется событием Темиркапукским. Хулавун (Хулагу. – *Авт.*) бежал с небольшим отрядом. Автор летописи говорит: когда Берке прибыл на место битвы и увидел ужасное избиение, то он сказал: «Да посрамит Аллах Хулавуна этого, погубившего Монголов мечами Монголов. Если бы мы действовали сообща, то покорили бы всю землю...» [СМИЗО, СПб., 1884, т. I, с. 73].

Ситуация постоянной войны на Северном Кавказе обуславливалась не только тем, что этот регион был пограничным с Азербайджаном – провинцией империи Хулагуидов, главным «яблоком раздора» монгольских империй, но и постоянными набегами независимых аланских и адыгских (черкесских) племен из горных районов и восстаниями их соплеменников, подвластных Золотой Орде, хотя боевые действия чаще велись на землях Азербайджана и Грузии. Но аланы и черкесы могли стать союзниками Хулагуидов, действующими в тылу золотоордынских войск, пользуясь их уходом на Южный Кавказ. Поэтому ханы Золотой Орды параллельно с боевыми действиями в Азербайджане против Хулагуидов вели до середины XIV века войны с их потенциальными союзниками – непокорными черкесами и аланами Северо-Западного и Центрального Кавказа [Кадырбаев, Казань, 2009, т. III, с. 488–499].

Битва на Тереке имела негативные последствия для торговых отношений обоих монгольских государств. Вернувшись в Табриз, Хулагу-хан приказал казнить и конфисковать имущество находившихся там купцов из Золотой Орды, также поступил и Берке-хан с купцами из государства ильханов, имевших несчастье находиться тогда в Улусе Джучи. По словам Вассафа, Хулагу приказал, чтобы «купцов Берке-огула, которые были заняты торговлей и торговыми сделками в Тебризе (Табризе. – *Авт.*) и которые имели огромные и бесчисленные богатства, всех казнили, а все имущество, которое у них было найдено, отобрали в казну... Многие из их числа держали свои вклады и ценности в руках именитых граждан Тебриза. После их истребления те (упомянутые) богатства остались в руках держателей вкладов. Берке-Огул, в свою очередь, стремясь к возмездию, убил купцов из ханского царства (Хулагу) и так же поступил с ними. Дороги въезда и выезда и путешествие купцов, как и работы людей большого мастерства, были разом стеснены, (зато) шайтаны вражды из бутылки времени выпрыгнули» [Арсланова, Казань, 2009, с. 542].

Сложившаяся обстановка имела серьезные последствия для внешней политики Хулагуидов, которые вынуждены были отказаться от широкомасштабных боевых действий в Сирии против мамлюкских султанов Египта, обратив главные военные усилия на север, на противостояние Золотой Орде, откуда шла основная угроза существованию государства ильханов. Требовала внимания и граница на северо-востоке, поскольку отсюда, из Средней Азии, начал угрожать вторжением союзник Улуса Джучи – Барак, правнук Чагатай – второго сына Чингис-хана. Барак намеревался бросить на ильханов войска Улуса Чагатай – монгольского государства в Средней Азии.

В феврале 1265 года ильхан Хулагу умер. Хотя он вел подготовку к войне, но до своей смерти не предпринимал военных действий. Его преемником на троне ильханов стал сын Абага, и война возобновилась. После восшествия на престол Абага-хан «прежде (всего)... послал своего брата Юшумута в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы он охранял те пределы от врага»

[Рашид ад-Дин, М. – Л., 1946, т. III, с. 67]. В первый год царствования между Абага-ханом и Берке-ханом казалось, что намечается мирное соглашение, и Джучиды даже получили право на доходы с городов Азербайджана Табриза и Мараги, но это не удовлетворило Берке-хана.

Ал-Омари рассказывает: «что касается до сомнительности претензии царей Кипчацких (ханов Золотой Орды. – *Авт.*) на владение Тавризом и Мерагою (Марагою. – *Авт.*)... По завоевании тех стран, которые ими были взяты, эти войска остались при нем (Хулагу) и он отвел каждому отряду из них в содержание одну из (завоеванных) областей. То, что было отведено войску, отправленному с ним со стороны властителя земель Кипчацких, харезмийских, заключалось в Тавризе и Мераге. И стали они (Кипчаки) (т. е. ханы Золотой Орды. – *Авт.*) получать с них свое содержание. Потом, когда Хулагу умер и воцарился сын его Абага, то они постарались обмануть его тем, что султан Берке хочет построить в Тавризе соборную мечеть. Он (Абага) дал им разрешение на это, и они построили ее, да написали на ней имя Берке. Потом они попросили (позволения) построить фабрику для выделки там тканей для себя. Он разрешил им и это. И стали они там выделять материи для султана Берке. В этом положении оставалось дело до тех пор, пока произошел между ними разлад да они столкнулись, и Берке поразил Хулагу. Разгневался Абага и уничтожил фабрики. Потом, когда это бывшее столкновение было забыто и дело между обоими царями уладилось, фабрики были возобновлены с тем, чтобы они (Кипчаки) имели право привозить из своей земли имущество для изготовления там того, что захотят. Когда опять прошло некоторое время, то они мечеть и фабрики, построенные на имя султана Берке, выставили причиной своего домогательства (о Тавризе и Мераге)» [СМИЗО, М. – Л., 1941, т. II, с. 84]. Возможно, таким образом Берке-хан хотел внушить жителям Табриза, что он является их законным правителем.

Возобновление войны после всего произошедшего было неизбежно. Летом 1265 года темник Золотой Орды Ногай двинулся из Дербента на Ширван. Против него с войском ильханов высту-

пил третий сын хана Хулагу Юшмут, который «перешел реку и вблизи р. Джеган-муран (река Аксу) произошло ожесточенное сражение, в котором с обеих сторон были большие потери. Ногай был ранен стрелой в глаз. Войско его обратилось в бегство. Вслед за этим Абага-хан форсировал реку Куру, куда в это время подошел Берке-хан с огромным войском. Абага-хан отступил назад и приказал разрушить все мосты через Куру» [Али-Заде, Баку, 1956, с. 320], что не позволило золотоордынским отрядам переправиться через эту реку. Берке-хан умер во время этого похода, и войска его отошли. Абага-хан стал возводить укрепления по реке Куре и заключил перемирие с Золотой Ордой, хотя мелкие стычки между враждующими сторонами продолжались.

В 1269 году оформился союз преемника Берке – хана Золотой Орды Мункэ-Тэмур, казалось бы, обязанного во многом своим тронном всемонгольскому хану Хубилаю, покровителю ильханов, с правителями среднеазиатских монголов Болакэ и Хайду против Улуса Хулагуидов – единственного монгольского государства, реально признававшего свое подданство по отношению к Хубилай-хану и официально получавшего от него ярлык «на княжение». Поэтому последний предпринял все возможное, чтобы добиться в 1271 году долгосрочного мира между Золотой Ордой и Хулагуидами, и преуспел в этом. В этом же году Мункэ-Тэмур резко изменил свою внешнюю политику и не признал провозглашение Хайду, противника Хубилай-хана, великим монгольским ханом, а также поддержал назначение Номуханя – сына Хубилая наместником в Монголии, ставшей провинцией монгольской империи в Китае. Золотоордынский хан вступил с Номуханем в переговоры и выказал ему всяческую поддержку по укреплению власти Хубилай-хана в монгольских степях. Согласно «Юань-ши», Мункэ-Тэмур заключил с Хубилай-ханом соглашение о совместной борьбе с внутренними мятежами [«Юань-ши», Пекин – Шанхай, 1958, цзюань 117]. Союз был недолг: в 1278 году Мункэ-Тэмур опять принял сторону Хайду. Однако мир Золотой Орды с Хулагуидами сохранялся почти 20 лет. Впоследствии история больше так не благоволила Джучидам и Хулагуидам.

Следующие масштабные вторжения на земли ильханов произошли в правление хана Золотой Орды Тула-буги (1287–1290 годы правления) под командованием его военачальников Тама-Токты и Ногая. Очередной ильхан Аргун, сменивший на троне хана Абага в 1284 году, форсировал Куру и достиг Шемахи, откуда отправил на разведку нескольких царевичей и эмиров, чтобы узнать дислокацию и намерения противника. Но тогда ордынцы отступили.

В 1290 году ханы Джучиева Улуса возобновили свои атаки на ильханов. 29 апреля того же года разгорелось сражение у реки Карасу возле Дербента, где победили Хулагуиды, что далось им большой ценой людских потерь. Ордынцы бежали. Но смерть Аргун-хана в 1291 году в местности Багче в Арране привела к временному улучшению взаимоотношений монгольских империй. С 1291 до 1300 года, когда ильханом стал Газан, а в Золотой Орде за девять лет царствования Токты (1290–1312 годы правления) войн не было. «Когда Токта сделался преемником царства (Золотой Орды. — *Авт.*) Менгу-Тимура (Мункэ-Тэмура), то (вновь) открылся благодаря обмену послами и дипломатической переписке путь купцам и держателям дворцовых вкладов. Изготовлены были средства безопасности и спокойствия путешественникам. Область Аррана взволновалась от обилия арб и шатров, лошадей и овец, товары и редкости тех стран после перерыва в течение некоторого времени вновь нашли широкое обращение» [Греков, Якубовский, М. — Л., 1950, с. 89].

В эти годы в Золотой Орде вспыхнули междоусобные войны, продолжавшиеся до гибели ее всесильного эмира Ногая в 1300 году. Поэтому ханам Джучиева Улуса было не до Хулагуидов. Да и ильхан Газан не был склонен вмешиваться в их усобицы, поскольку у Хулагуидов тогда обострились отношения с Улусом Чагатаидов, с которыми они также имели общие границы. Хотя чаще Чагатаиды вставали на сторону Хулагуидов в их конфронтации с Джучидами.

Свои претензии на Азербайджан Джучиды возобновили в 1300–1301 годах, когда ильхан Газан готовился к походу на мамлюкский Египет. Послы Токты посетили хана Газана с целью вос-

пользоваться ситуацией и предложить Газан-хану избежать второго фронта со стороны Золотой Орды ценой уступки Джучидам Азербайджана. Но расчеты Токты не оправдались, и тогда он двинул свои войска к границам государства Хулагуидов с намерением захватить требуемые земли. Газан-хан вернулся из похода в Сирию и двинулся в Арран. Золотордынцы не ожидали такого поворота событий и, не принимая боя, отступили в пределы своих владений. После этого опять наблюдается восстановление торговых отношений между государствами Джучидов и Хулагуидов, при этом отмечается наращивание войск ильханов в Азербайджане.

Но мир продлился недолго. Взаимоотношения между ильханом и ханом Золотой Орды ухудшились из-за мер, предпринятых Токтой с целью воспользоваться союзом с мамлюкским Египетско-Сирийским султанатом против государства Хулагуидов. В декабре 1302 года ко двору ильхана Газана почти в одно время прибыли два посольства – от султана Египта и хана Золотой Орды. Причем число охранявших золотоордынское посольство – 300 человек заметно превышало обычно принятое в то время для дипломатического протокола.

Посольство Токты предъявило Газан-хану требование уступить не только Азербайджан, но и весь Южный Кавказ Золотой Орде. «Когда Токтай сделался полновластным ханом и утвердился на вершинах почета и счастья, то (в нем) зашевелилась жилка тщеславия и спеси и возобновилось желание присоединить (к своим владениям) область Арран и Азербайджан...» [СМИЗО, М. – Л., 1941, т. II, с. 82]. Свои требования он обосновывал завещанием Чингис-хана, согласно которому Арран и Азербайджан должен был принадлежать Улусу Джучи и «что вот уже (много) лет, как доходами с них неправильно владеют они (Хулагуиды)» [СМИЗО, М. – Л., 1941, т. II, с. 82].

Токта угрожал Газан-хану силой оружия захватить Азербайджан у ильханов. Но угрозы не испугали Газан-хана, он отказал посольству Золотой Орды и отправил его домой, пожаловав подарками, а «Токтаю дал ответ, содержащий разные наставления, любезности и предложение оставаться на пути согласия и взаимности»

[СМИЗО, М. – Л., 1941, т. II, с. 84]. Египетских же послов отправили в Табриз и там задержали. Но до войны на этот раз дело не дошло.

После смерти Газан-хана военных действий между его преемником на троне ильханов Олджэйтү и Золотой Ордой не было, хотя ильхан держал значительные силы в Арране и Азербайджане. Однако после смерти Олджэйтү в 1316 году ситуация вновь обострилась. Следующий хан Улуса Джучи Узбек, принявший ислам сразу после восшествия на трон в 1312 году, вновь принял решение предъявить свои претензии Хулагуидам, одновременно укрепляя союз с мамлюками Египта.

В начале правления ильхана Абу-Саида Золотая Орда и Египет мамлюков совместно нападают на государство ильханов. Зимой 1319 года отряды Узбек-хана двинулись из Дербента на Арран и захватили огромную территорию, дойдя до Куры, поскольку эмиры ильханов отступили без боя. Войска ильханов, гораздо меньшие по численности, чем отряды Золотой Орды, находились на противоположном берегу реки. К тому же они страдали от голода из-за нехватки продовольствия, и их боевой дух оставлял желать лучшего. Ситуацию спас эмир Чобан, один из влиятельных владетелей государства Хулагуидов, двинувший своих воинов на помощь войску ильханов. Узбек-хан, увидев угрозу от эмира Чобана с тыла, вынужден был оставить захваченные земли Азербайджана и отступил к Дербенту. Войска Абу-Саида преследовали их до Дербента, но дальше не пошли. Боевые действия прекратились.

Перемирие длилось несколько лет, но Узбек-хан не оставлял намерений сокрушить Хулагуидов и присоединить их владения к Золотой Орде. В среде знати государства ильханов были тайные сторонники Узбек-хана. Так, некая Багдад-хатун вела тайную переписку с ним, побуждая занять трон Хулагуидов, но была разоблачена и казнена в 1335 году. Узбек-хан удачно воспользовался царящими тогда в стане ильханов противоречиями и вновь сделал попытку захватить Азербайджан. Однако Абу-Саид был предупрежден своими тайными «бойцами невидимого фронта» и в 1335 году упредил Узбек-хана, отправившись с большим войском в Арран.

Его воины достигли Ширвана, но из-за охватившей войска ильхана эпидемии многие из них погибли, в том числе и сам ильхан Абу-Саид. По другим данным, он был отравлен 30 ноября 1335 года в Карабахе.

После гибели Абу-Саида государство ильханов приходит в упадок, его сотрясают народные восстания покоренных монголами народов Персии и Azerbaijan, кровавые междоусобицы среди знати. Остро встает вопрос о престолонаследии. Ввиду царившей в государстве ильханов смуты, развитию которой способствовало вторжение в Azerbaijan войск Узбек-хана, Арпа-хан захватил трон, нарушив традицию престолонаследия, поскольку не был избран ильханом на курултае Чингисидов. Воспользовавшись смутой, Узбек-хан с большим войском ворвался на земли Аррана. В ответ Арпа-хан зимой 1336 года двинулся со своими отрядами навстречу золотоордынскому войску и достиг Куры. В течение 45 дней противоборствующие силы стояли друг против друга, не решаясь начать боевые действия. Но битва все же произошла, и после трех дней боев хан Золотой Орды потерпел поражение. Узбек-хан, убедившись в превосходстве сражавшихся против него сил ильхана как по боевым качествам, так и по количеству вооружения, приказал вечером, когда бои стали стихать из-за наступающих сумерек, зажечь множество огней, и в полночь покинул территорию Azerbaijan.

Однако для Арпа-хана это была «пиррова победа» – он погиб во время междоусобиц Хулагуидов. После его смерти монгольское государство ильханов прекращает свое существование и распадается на враждующие друг с другом владения. Золотая Орда, в свою очередь, идет по тому же пути к своей «великой замятне». Но до этого хан Золотой Орды Джанибек (1342–1357 годы правления), продолжая традиции своих предшественников, возобновил боевые действия с целью захвата Azerbaijan и присоединения его к своим владениям, где после распада Улуса Хулагуидов воцарились потомки эмира Чобана.

Многие купцы «Тебриза, Серакса, Ардебиля, Байлекана, Берда и Нахичевана» [Арсланова, Казань, 2009, т. III, с. 101, 230],

недовольные политикой Чобанидов, предстали перед ханом Джанибеком и просили его взять Азербайджан под свою власть. Очевидно, что Джанибек-хан имел немало сторонников в Азербайджане, которые вели подрывную деятельность и распространяли слухи в пользу Золотой Орды. Причем, заметны были приверженцы Улуса Джучи среди мусульманского духовенства – улемов – шейхов, казиев, мулл. Так, известный казий Мухья ад-Дин Бердан из-за репрессий Чобанидов бежал в столицу Золотой Орды – Сарай-Берке и в своих проповедях стал призывать хана Джанибека к походу на Табриз.

Его призывы нашли должный отклик, и в декабре 1357 года Джанибек-хан разгромил на территории Азербайджана отряды Малика-Ашрифа из рода Чобана, взял Табриз и краткий период времени чеканил там свои монеты. Малик-Ашриф попал в ордынский плен и был казнен. На его место был поставлен золотоордынский наместник, сын Джанибек-хана Бердибек – будущий хан Улуса Джучи, временно ставший управляющим средневекового Азербайджана. Следовательно, хану Джанибеку удалось воплотить в реальность мечты своих предшественников на золотоордынском троне и присоединить Азербайджан к владениям Улуса Джучи.

Возвращаясь в пределы своих владений, Джанибек-хан заболел и умер, а по другой версии он был убит в результате заговора, во главе которого был его сын Бердибек. Как бы то ни было, Бердибек оставил свой пост в Азербайджане и срочно вернулся в Золотую Орду, чтобы не упустить возможность занять трон Джучиева Улуса. Правда, в годы своего правления он не смог утвердить власть Джучидов в бывших владениях Хулагуидов и окончательно присоединить к Золотой Орде Азербайджан. Однако его преемники не оставляли этих попыток. Очередной хан Золотой Орды – Тохтамыш смог захватить Табриз, но постоянная борьба со своим бывшим покровителем, ставшим непримиримым врагом, – властелином мусульманского Востока и Индии эмиром Тимуром, создавшим мировую империю с центром в Самарканде, не позволила Джучидам удерживать под своей властью Азербайджан [Арсланова, Казань, 2009, т. III, с. 534–547].

Таким образом, если разрушения в начале монгольского завоевания Азербайджана не были всеобъемлющими, поскольку Табриз и ряд других его областей не оказали сопротивления завоевателям и избежали монгольского погрома, то пребывание на его землях последнего шаха Хорезма Джелаль ад-Дина и вековая борьба двух монгольских империй – Улусов Джучидов и Хулагуидов после распада мировой Монгольской державы, происходившая на землях Азербайджана и всего Южного Кавказа, принесла все те беды для их народов, которые обычно сопутствуют войнам, когда бы и где бы, они ни происходили. За амбиции Чингисидов пришлось расплачиваться завоеванным ими народам.

Поэтому эпоха монгольского владычества для Азербайджана и Южного Кавказа – время страданий, смерти и разрухи, которые сходили на нет, когда между враждующими монгольскими империями Джучидов и Хулагуидов наступал мир. Тогда оживала жизнь и развивалась экономика. Вместе с тем после монгольских завоеваний и создания в итоге распада мировой Монгольской державы государств Хулагуидов и Джучидов в определенной степени из-за их противоборства принципиальным образом изменилась геополитическая расстановка сил в Старом Свете. В западной части Азии центр сместился от Багдада к Табризу – столице государства Хулагуидов на землях Азербайджана, в Восточной Европе – от Киева – «матери городов русских» к Сараю – столице Золотой Орды [Крадин, Скрынникова, М., 2006, с. 481].

Монголы-Хулагуиды объединили Азербайджан и сделали центром своего государства, а самый крупный его город – Табриз – столицей. Приход с монгольскими завоевателями в Азербайджан тюркских племен в составе их отрядов, а затем поощрение Хулагуидами переселения из Центральной Азии тюркских и тюркизированных монгольских племен, ставших их основной военной силой в противостоянии Золотой Орде, способствовали дальнейшей тюркизации населения Азербайджана, процессу, шедшему здесь с эпохи Сельджукидов. Де-факто Азербайджан стал центром империи, что является уникальным событием за всю его историю.

Что касается Персии, как тогда назывался Иран, также одного из центров империи Хулагуидов наряду с Азербайджаном, то до монголов, в течение нескольких веков после падения державы Сасанидов, Персия была окраиной других государств – Хорезмшахов, Багдадского халифата. Политика централизации, проводимая ильханами, в определенной степени явилась продолжением имперской традиции, имеющей длительную историю на территории Персии, и заложила основу более поздней Персидской державы, частью которой стал весь Азербайджан, где с XVI века правила тюркская династия Сефевидов.

Куманы и Золотая Орда в Венгрии и на Балканах

Первые поселения в Венгрии кипчаков, известных на Западе как «куманы», восходят к 1091 году, когда они во главе с ханом Копулха совершили набег на эту страну, но были отражены. Многие из них попали в плен, однако вскоре были освобождены и поселились в специально отведенных для них районах на территории Венгерского королевства.

Венгерские короли в борьбе со своими внутренними и внешними врагами неоднократно вступали в союз с куманами. Многие куманы с согласия правителей этой страны остались здесь на постоянное жительство. Известны имена семи куманских ханов – Ретел, Бунга, Ете, Гурзул, Кубат, Овшад или Аузад, Байта, которые вместе со своими соплеменниками еще задолго до монгольского нашествия проживали в Венгрии и находились на службе у венгерских королей.

Переселенцы-кипчаки образовали в Венгрии две орды – Большую и Малую Кумании. Каждая из них «управлялась наследственными начальниками из их же рода по народным уставам, обычаям и обрядам». Куманская знать активно вмешивалась и в политическую жизнь Венгрии, занимая ряд высоких постов в королевстве, что не могло не вызвать недовольства венгерской аристокра-

тии. В 1222 году венгерский король Андрей II вынужден был под ее давлением ограничить права куманской знати при венгерском дворе. Согласно королевской конституции, куманы не допускались на должности без разрешения Государственного Совета, в котором доминировали представители коренной мадьярской аристократии. Тем не менее знатные куманы и их окружение пустили прочные корни в Венгрии, устанавливали родственные связи с королевским домом и не утрачивали свое влияние на государственные дела [Голубовский, СПб., 1890, с. 11–17]. К тому же число куманов в Венгрии в течение первой половины XIII века росло, что явилось результатом монгольского нашествия, принудившего непокорных оставить свои кочевья в Дешт-и-Кипчаке и бежать на запад вплоть до Венгрии.

Отдельные орды кипчаков, известные в Европе как куманы, команы или куны, на Руси как половцы, после поражения в 1223 году на реке Калке переселялись в Венгрию и обязались принять католическую веру. В 1217–1234 годах в Венгрии и Валахии была создана специальная Половецкая католическая епархия. В 1237 году, когда вторая мощная волна монгольского нашествия охватила княжества северо-восточной Руси, кипчакский хан Котян, еще недавно грозивший древнерусскому Галицкому княжеству, обратился с письмом к венгерскому королю Беле IV, прося убежища и выражая готовность принять католическую веру – официальную религию Венгерского государства. Король приветствовал это предложение, одарил послов Котяна и направил с ними в обратный путь к кипчакам своих послов, монахов – членов ордена доминиканцев, видимо, из числа служивших в епископстве венгерских куманов, уже давно осевших в этой стране и принявших католичество.

Осенью 1239 года, когда третья волна монгольского нашествия охватила Южную Русь и шло наступление на Киев, Бела IV лично торжественно встретил Котяна и его 40-тысячную кипчакскую орду на границе своих владений. В это же время в Венгрию под натиском монголов бежали три тысячи семей ираноязычных аланов, известных в Венгрии как ясы или асы, асу китайских дина-

стейных историй – предки современных осетин и других народов Северного Кавказа.

Значительная часть Венгрии пострадала от прихода кипчаков хана Котяна – потоптаны были пашни, огороды и виноградники. Несмотря на это, в страхе от надвигающегося на Венгрию монгольского нашествия сейм венгерской знати санкционировал поселение кипчаков в междуречье Дуная и Тиссы и на восточных границах государства, где ожидался первый удар монголов. В начале 40-х годов XIII века куманы, «собравшиеся в Венгрии в большом количестве», совершили набег на авангард монгольских войск Чингизида Сонгкура, но были разбиты. Однако и после этого куманы продолжали кочевать в степях Венгрии, приняли католичество, а с Котяном Бела IV заключил соглашение о военной службе куманов венгерскому престолу. Наследник Белы принц Стефан взял в жены одну из дочерей Котяна, крестившуюся Елизаветой, а сам Котян получил от короля титул «доминус Куманорум» – правитель куманов. Но венгерская знать встревожилась усилением власти короля, получившего в свои руки такую силу, как куманы. Другой причиной недовольства венгров стало упомянутое послание монгольского хана Беле IV.

В 1241 году, после вторжения в Венгрию монголов, куманов обвинили в связях с монголами и их подданными – как кипчаками, так и выходцами из древнерусских княжеств в том, что они навлекли монголов на Венгрию, поскольку много кипчаков и русских было в монгольских войсках вторжения. В результате заговора Котян и другие куманские военачальники были убиты в Пеште, и королю пришлось под давлением венгерской знати смириться с этим. Произошло это в год монгольского нашествия на Венгрию и дорого обошлось этой стране. Часть куманов осталась служить венгерскому трону, но большинство их восстали и начали разорять и жечь венгерские селения. Король пытался утихомирить их, но они продолжали набеги, отвечая: «Это тебе за Котяна». Не пожелав далее подчиняться венгерскому королю, куманское войско устремилось на юг и, сокрушая все на своем пути, ушло на Балканы – в земли соседней Болгарии. Венгеро-куманский союз не состоялся,

что резко ослабило обороноспособность Венгрии и привело к ее разгрому монгольскими войсками.

Тем не менее в XIII веке, после того как схлынула волна монгольского нашествия, влияние кипчаков, оставшихся в Венгрии, было заметно при венгерском дворе, особенно при короле Ласло, воспитанном матерью-куманкой. Он окружил себя знатными куманами, среди которых большим влиянием на дела государства пользовались ханы Альпар и Узур, при дворе и даже среди народа распространились куманские обычаи, роскошь, одежда.

К этому времени при монгольском хане Берке (1259–1267 гг.), занявшем трон после смерти своего старшего брата Бату-хана и принявшем ислам, началось отделение Улуса Джучи, или Золотой Орды, т. е. земель на западе, завоеванных монголами при Бату-хане, от распавшейся Монгольской империи и сближение с кипчакскими мамлюками Египетско-Сирийского султаната, врагами западноевропейских крестоносцев, побуждавшими Золотую Орду к нападению на Европу. Берке-хан решил сделать из Венгрии плацдарм для нападения на Европу, где к 1259 году распространились слухи о новом нашествии, когда Берке-хан отправил королю Беле послов с предложением военного союза. Монголы помнили, что предки венгров, тоже кочевники, угорские племена, несколько столетий назад пришли в Центральную Европу из глубин Азии и, вполне вероятно, монголы пытались использовать данное обстоятельство, в определенной степени близость исторических и этнических корней, чтобы склонить венгров к союзу с монголами против Европы. Союз предлагалось скрепить династическим браком детей Белы и Берке. Предусматривалось, что сын Белы с частью венгерских войск примет участие в походе под командованием военачальников Берке-хана на Европу и получит пятую часть будущей добычи. Бела колебался между двух огней, но затем склонился в пользу союза с Западом. Все же к этому времени венгры, восточный по происхождению народ, стали гораздо ближе цивилизации Запада и сделали, хотя и не без колебаний, окончательный выбор в его пользу. Берке-хан пытался использовать кипчакский фактор для сближения с Венгрией, ведь кип-

чаки составляли основу как золотоордынской, так и венгерской армий. Этническое родство было одной из причин политических связей Золотой Орды и венгерских куманов. Но Бела отказался от военного союза с Джучиевым Улусом, и поход Берке-хана на Европу не состоялся.

Политика близкого к куманам короля Ласло, сменившего Белу, вызывала постоянное раздражение венгерских магнатов, владения которых к тому же часто подвергались куманским набегам, в то время как Ласло, заинтересованный в ослаблении своих непокорных венгерских вассалов, закрывал на это глаза. Тогда венгерская знать обратилась к римскому папе, который прислал в страну своего представителя и обязал короля в 1279 году огласить своеобразный манифест, требовавший от куманских ханов и их окружения оставить почитание своих старых языческих богов, отбросить обычаи язычников и всем поголовно креститься. Кроме того, к ним предъявлялось требование отказаться от кочевого образа жизни, «от палаток и переносных жилищ... и оставаться в деревнях по обычаю христианскому».

О куманах, переселившихся в Венгрию, источники свидетельствуют, что они брили бороду и коротко стригли волосы. Многие из них брили голову наголо. Но их знать, в отличие от простых кочевников, носила косу или клочок волос на левой стороне головы. Ношение одежды и волос на куманский манер было широко распространено среди венгерской знати, что беспокоило католическое духовенство. В манифесте 1279 года в качестве снисхождения куманам разрешалось брить бороду, стричь волосы и носить свою одежду. Встречается указание, что они носили «шерстяной калпак». Для контроля за соблюдением объявленных в манифесте правил в каждое куманское «племя» и его «колена», т. е. в орды и курени назначались инквизиторы. Куманская верхушка получала определенные наделы земли и на основании этого владения превращалась в вассалов короля, равных в правах с венгерской знатью.

Через три года куманы вновь восстали, часть из них откочевала под власть Золотой Орды и оттуда при поддержке ордынцев напала на Венгрию, разорив страну до самой столицы – Пешта. Вероятно,

после этого все, что стесняло свободу куманов, в манифесте было отменено, поскольку в 1290 году римский папа Николай вновь писал королю Венгрии о том, чтобы он заставил куманов жить в домах, а тем, кто принял христианство, уничтожить хотя бы идолов, символизирующих их старых языческих богов. Вплоть до смерти короля Ласло в 1290 году куманы занимали прочные позиции при венгерском дворе и сопротивлялись христианизации.

В 1285 году Ласло вступил в переговоры с влиятельным золотоордынским военачальником Ногаем, «темником» по-древнерусски или «тюмен-беги» по-тюркски, что позволило ему удержаться у власти еще несколько лет. Ногай был Чингисидом, одним из потомков хана Джучи, основателя Золотой Орды. Ногай являлся ключевой фигурой в истории Джучиева Улуса с 1260 года до его смерти в 1300 году, когда под его управлением оказалась большая часть западных владений Золотой Орды от Дона до нижнего Дуная, известная как Ак-Орда. Хотя Ногай не был официально ханом Ак-Орды, он обладал поистине ханской властью на этих землях, о чем свидетельствуют древнерусские летописи, которые часто называют Ногаю «царем», русским эквивалентом и переводом слова «хан». С 1262 года имя Ногаю встречается уже среди новообращенных в мусульманскую веру, о чем он и сам заявляет в своем письме султану Мамлюкского государства в Египте и Сирии Ал-Малику аз-Захири в 1270 году. К сфере влияния Ногаю также относились северные земли Болгарии, поэтому неудивительно, что его старший сын впоследствии занял болгарский трон. С Ногаем был вынужден считаться император Византии, чьи владения в 1271 году подверглись набегам его войск. В 1272 году византийцы заключили мир с Ногаем и для укрепления союза с ним выдали за него замуж одну из дочерей императора – Ефросинью. Политическая значимость этого брака была весьма наглядна для современников той эпохи. Поэтому Ласло был не первым из правителей на Балканах, с которым Ногай поддерживал тесные связи. Хотя факт сговора Ласло с Ногаем не доказан, однако известно, что куманы, ушедшие из Венгрии к Ногаю, в 1285 году вместе с кипчаками Золотой Орды участвовали в набеге на Венгрию. Вне сомне-

ния, что одной из главных причин связей Венгрии и Улуса Джучи было этнокультурное родство кипчаков обоих государств.

Из-за противодействия христианизации в 1290 году римский папа даже призвал к войне с Венгрией соседние европейские государства, но в этом же году Ласло убили приближенные к нему куманские князья. Возможно, это связано с борьбой группировок внутри куманской знати по вопросу об отношениях с Золотой Ордой. Таким образом, часть куманов в Венгрии были сторонниками сближения с этнически близкой им Золотой Ордой. Это был неудавшийся вариант военного союза куманов – венгерских кипчаков, оказывавших сильное влияние на венгерских королей, с Джучиевым Улусом. Берке-хан не смог привлечь короля Белу к военному союзу, так как последний находился под религиозным влиянием римских пап. Союз Ласло и Ногая оказался непрочным, хотя и поддерживался как венгерскими, так и золотоордынскими кипчаками, которые к этому времени стали одними из самых влиятельных племен Джучиева Улуса, о чем свидетельствует, например, формирование гвардии его хана Тохтамышша, взявшего у Московского княжества реванш в 1382 году за поражение ордынцев Мамай на Куликовом поле, только из воинов четырех племен, в числе которых находились кипчаки. Интересно, что и в древнерусских летописях, посвященных Куликовской битве, воины беклярибека Золотой Орды временщика Мамай называются половцами, свидетельствуя в пользу того, что кипчаки составляли заметный контингент его армии. Оппозиция венгерской знати и папства союзу как Венгрии и Золотой Орды, так и кипчаков этих государств оказалась сильнее, а после смерти короля Ласло в 1290 и Ногая в 1300 году шансы на сближение Венгрии и Золотой Орды и вовсе исчезли [Федоров-Давыдов, М., 1966, с. 233].

Римские папы и венгерская знать воспринимали куманов в Венгрии как «пятую колонну» и стремились «нейтрализовать» их влияние в стране путем христианизации, отрывая их от собственной культуры, языка, образа жизни. Только через сто лет, в конце XIV века кипчаки в Венгрии полностью осели и приняли христианство, но по-прежнему оставались военным сословием в венгер-

ском обществе. На протяжении большого исторического периода – с XI по XIX век венгерские кипчаки, или куманы сохраняли свою этническую самобытность и язык [Плетнева, М., 1990, с. 180–181]. Памятником языка и культурным достижением куманов является «Кодекс команикус», датируемый XIV веком и дошедший до наших дней. То же можно сказать и об ясах, которые ныне, как и куманы или команы, стали этнографическими группами в составе венгерского народа.

Еще до монгольского нашествия, с начала XII века куманы начали активно проникать на территорию Болгарского царства, где был сильный тюркский элемент в правящей элите в лице болгар, в то время еще не подвергшийся полной славянизации. Еще в 679–680 годах болгары – тюркоязычные кочевники, пришедшие с востока во главе с ханом Аспарухом, основали между Дунаем и Балканскими горами Болгарское государство. В течение двух последующих столетий болгары постепенно славянизировались в преобладающем местном южнославянском населении. В немалой степени этому способствовало влияние Византии и принятие в 864 году болгарами ее веры – православного христианства. Болгария тогда находилась под заметным идеологическим воздействием Византии. Поэтому приход куманов был далеко не первой тюркской волной для этого региона. Еще в XI веке до правого берега Дуная дошли племена печенегов и узов, а еще ранее авары, тюркоязычные или монголоязычные племена, осаждавшие столицу Византии Константинополь, чья кочевая держава в центре Европы пала под натиском империи франков первых наследников Карла Великого.

А во второй половине того же столетия к границам Византии в Болгарию пришли куманы. Они заняли пастбища в широкой долине нижнего Дуная, в Добрудже и на северо-востоке Болгарии. Из дунайских куманов выдвинулась в 1187 году династия основателей второго Болгарского царства – Асеней (Ашеней). В 70-х годах XII века в Болгарии вспыхнуло восстание против византийского господства, во главе которого стали два брата – куманы Асен и Петр, поддержанные кипчакскими войсками, служившими

Болгарскому царству. В результате Асен стал в Болгарии царем и вошел в историю как царь Болгарии Асен I. Куманы, выходец из которых занял царский трон, стали вследствие этого играть еще более заметную роль в жизни страны.

При преемнике Асена Калояне его куманское и болгарское окружение, недовольное жестким курсом последнего на централизацию государства, устроило заговор, и в 1207 году он был убит. Престол Болгарского царства опять занял представитель куманской знати, племянник Асена I Борил, правивший в течение 11 лет. Куманы были основателями трех правящих династий Болгарского царства – Асенидов (Асений, Ашеней), Тертеридов (1280–1292) и Шишманидов, которые лишь на несколько лет (в 1277–1280 и 1292–1297 годах) уступали болгарский трон незаконным претендентам Ивайло и Смилеку. Куманы в союзе с болгарскими валахами выступали и против Византии. Так, в 1186–1197 годах Калоян и его куманы сражались с византийцами и западноевропейскими рыцарями, крестоносцами, называемыми в православном христианском мире латинянами.

Роль куманов резко возросла после их победы в 1205 году над крестоносцами под Андрианоподем и пленения латинского императора Балдуина, что спасло Болгарию от судьбы Константинополя и Византии, разоренной латинянами в 1204 году. При царствовании Борила и его преемника, тоже выходца из куманов, Асена II (1208–1241) приток кипчаков, бежавших из степей Дешт-и-Кипчака на запад от монголов, а в 1241 году после убийства хана Котьяна из Венгрии, резко возрос. Судя по находкам на северо-востоке Болгарии каменных статуй, которые датируются второй половиной XIII века, в Болгарию откочевали кипчаки не только из западной части Дешт-и-Кипчака, но и из восточной, из азиатских степей. Отдельные курены кипчаков из восточного Дешт-и-Кипчака продолжали ставить свои святилища своим предкам на новых землях. Впрочем, как и в Венгрии, куманы крестились, но принимали православие – официальную религию Болгарии. В письме к папе Григорию от 1227 года на латинском языке упомянут куман Борис – судя по имени, явно православный христианин. Интересно, что

западная куманская христианская епархия была православной, и руководил ею греческий епископ, на что указывал в письме королю Венгрии папа Григорий в 1234 году. Болгарское царство признало свое подчиненное положение по отношению к монгольским завоевателям в 1241 году, платило дань Золотой Орде и вплоть до конца XIII и начала XIV веков находилось в прямой зависимости от нее [Златарски, София, 1972, т. 2, с. 430–480].

Золотой Орде платила дань и Византия. Ее император Андроникос III (1328–1341 годы правления) старался поддерживать с ордынцами дружественные отношения. В ранние годы своего правления, до июля 1331 года, он заключил мирный договор с Улусом Джучи, а ранее император Византии отдал в жены Узбек-хану свою дочь. В эти годы установился относительный баланс официальных отношений между Византией и Золотой Ордой, но в 1337 году Византию потряс набег ордынцев. Главной причиной нападения было то, что Византия «забыла» о посылке регулярной дани хану Золотой Орды. Ранней весной войско Золотой Орды форсировало Дунай и ограбило всю Фракию до Геллеспонта. Грабеж продолжался 50 дней, ордынцы увели с собой 300 тысяч пленных. Это был последний столь масштабный поход Золотой Орды на Византию, хотя военная угроза сохранялась еще несколько лет. В 1341 году византийское посольство во главе с Диметриосом Кидоном прибыло к Узбек-хану, признавая его как сюзерена. После смерти Узбек-хана внимание ордынцев переключилось на другие театры военных действий. Лишь независимые к этому времени от Золотой Орды группы татар в Добрудже и Буджаке присутствовали на Балканах, но их влияние в регионе было невелико. Таким образом, влияние Золотой Орды на жизнь Византии в первой половине XIV века было весьма значительно [Златарски, София, 1972, т. 2, с. 430].

С куманами связана и средневековая история Сербии, управляемой тогда родовыми вождями – князьями, влияние над которыми оспаривали Византия и Болгария. После падения Первой Болгарской империи в 1018 году сербские правители – великие жупаны стали зависимы от Византии. Независимой Сербия стала при правлении великого жупана Неманджа в конце XII века, а его

сын Стефан Неманджич стал первым независимым сербским правителем, получившим международное признание, и его восхождение на сербский престол было освящено представителем, легатом папы римского в 1217 году. Но в 1219 году брат Стефана Сава Неманджич отделил сербскую церковь от Ватикана и признал над ней прямое управление православного патриархата Константинополя – столицы Византии.

Наибольшее влияние на Балканах Сербия приобрела при правлении Стефана Уроша I в 1243–1276 годах. Первое появление куманов в Сербии связано с сербско-венгерскими отношениями, когда венгерский король Стефан V (1270–1272 годы правления) отдал свою дочь от брака с куманкой Елизаветой – дочерью куманского предводителя Сейхана в жены Стефану Драгутину, старшему сыну короля Стефана Уроша I, которого прочили на сербский престол еще при жизни отца. Но затем Стефан Урош I не выполнил своего обещания сыну и венгерскому королю, что привело к обращению несостоявшегося короля к венгерскому тестю за военной поддержкой с целью овладеть тронном отца. Стефан V послал ему венгерские и подчиненные венгерскому королю куманские отряды. Опираясь на них, Драгутин после отказа отца освободить сербский трон в его пользу сверг того и провозгласил себя королем Сербии в 1276 году.

После смерти Стефана V наследовавший венгерский трон его сын от куманки Ласло Коман (по-венгерски Кун Ласло), уже упоминавшийся выше, продолжал поддерживать Драгутина, своего родственника. Сведения о кипчаках, воевавших в Сербии, появляются с 1270 года, где они участвуют в местных междоусобицах и разоряют сербские города. В 1280 году куман Шишман, влиятельный наместник в одной из провинций Болгарии, с подчиненными ему куманами и болгарами в союзе с золотоордынскими отрядами вторгся в Сербию, где тогда правил младший брат Драгутина Милутин, вошедший в историю под именем короля Стефана Уроша II. Но войска Шишмана завязли в этой войне. Чтобы закончить войну, Милутин обещал Шишману свой трон при условии, что последний заключит с ним союз. Этот политический

альянс был скреплен браком Шишмана с дочерью великого сербского жупана Драгоша и дочери Милутина Анны с сыном Шишмана Михаилом, позднее, в 1323 году ставшим царем Болгарии. Но в 1290–1300 годах могущественный военачальник Золотой Орды, фактический правитель западных владений этой империи Ногай вынудил Милутина отдать в заложники своего сына Стефана, будущего сербского короля Стефана Уроша III, вернувшегося к отцу лишь в 1300 году после смерти Ногая, когда давление Золотой Орды на Балканские страны ослабло.

Тем не менее местные куманы продолжали играть заметную роль в событиях на Балканах. В 1330 году куманы, валахи, ясы и три тысячи золотоордынцев участвовали в болгаро-сербской войне на стороне болгар и потерпели поражение. Валахов возглавлял в этом походе воевода Басараб, выходец из кипчакского рода, ранее вассал венгерского короля. По возвращении с войны против сербов Басараб разбил венгров в южных Карпатах и освободился от их власти. Затем он женился на сестре болгарского царя Ивана Александра, потомка Шишманидов, которые также были куманского происхождения, и основал в Валахии свою династию [Златарски, София, 1972, т. 2, с. 430–480].

Так куманы становятся заметным фактором жизни в Валахии (на территории современных Румынии и Молдовы), и подтверждение этому – одна из правящих династий этой страны, Басарабиды, куманская по происхождению. Известно о помощи валахов куманам против Византии, когда они указали кочевникам проходы в горах для набегов на «Второй Рим», а затем и сами в союзе с куманами и Болгарским царством нападали на Византию. Но при этом главной военной силой этого союза были куманы.

На переселение некоторой части кипчаков в Валахию в эпоху монгольского нашествия есть указания арабоязычных авторов Ан-Нувейри и Ибн-Тагира. По словам последнего, кипчаки, узнав о монгольском нашествии и получив согласие валашского государя, переплыли Черное море и прибыли в эту страну, где подверглись нападению и разгрому со стороны валашского правителя. У Ан-Нувейри есть еще более определенный текст, посвященный

попытке кипчаков заключить договор о вассалитете с валашским государем в 1242–1243 годах: «Когда татары (монголы) решились напасть на земли кыпчаков в 639 году (хиджры) и до них (кипчаков) дошло это (известие), то они вошли в переписку с Унус-ханом, государем Валашским, насчет того, что они переправятся к нему через море Судакское (Черное) с тем, чтобы он укрыл их от татар. Он дал им согласие (свое) и отвел им (для жительства) долину между двумя горами. Переправились они к нему в 640 г. х. Но, когда они спокойно расположились на этом месте, то он нарушил свое обязательство, сделал на них набег и избил, и забрал в плен многих из них» [СМИЗО, т. 1, с. 542]. Несмотря на такое трагическое стечение обстоятельств, часть кипчаков, как описывалось выше, осталась в этой стране и даже основала правящую династию, а затем постепенно, как в Болгарии и Венгрии, интегрировалась с местным населением, хотя источники в последующее время хранят молчание и не приводят никаких сведений по этому поводу.

В пользу этого свидетельствует то, что среди персонифицированных этнонимов, связанных с территорией средневековой Румынии, такие имена, как барчул (бурдж-оглу), токсоба, кумандур имеют прямое отношение к кипчакской или куманской общности, и в них нельзя не усмотреть названия кипчакских племен [Кумеков, А.-А., 1988, с. 21].

Рост влияния предводителей куманов в правящих кругах Балканских стран в 1242–1330 годах во многом связан с их поддержкой со стороны мощного имперского соседа – Золотой Орды, где их соплеменники играли в течение указанного времени все более усиливающуюся роль. Как считает большинство исследователей, приход куманов на Балканы, особенно к власти в Дунайской Болгарии после 1185 года, кардинально изменил политическую и этническую карту этого региона и открыл новый период в его истории, который длился до смерти хана Золотой Орды Бердибека в 1359 году, т. е. до начала «великой замятни» или смуты в этой, к тому времени уже тюркской кипчакской империи, хотя и сохранявшей традиции монгольского государственного и общественно-политического устройства и правящий «Золотой род» потомков Чингис-хана, чьи предки

были монголами. С этого времени Балканы и Центральная Европа до прихода турок-османов во второй половине XIV века становятся зоной нестабильности и погружаются в хаос войн и междоусобиц [Istvan Vasary, Cambridge, 2005, p. 72–79, 134].

Польша в эпоху монгольского нашествия и Золотой Орды

Польша в силу географического фактора на несколько веков позже, чем ее восточнославянские соседи – древнерусские княжества, оказалась в зоне контактов с тюрко-монгольскими народами евразийских степей. А начало воздействия кочевых народов Великой Степи на польскую цивилизацию относится к последнему десятилетию первой половины XIII века, когда в эпоху монгольских завоеваний войска первых наследников «Потрясателя Вселенной» Чингис-хана в 1241 году двинулись на запад, на завоевание Европы, к «последнему морю».

Накануне монгольского нашествия Польша не представляла собой единого централизованного государства и была разделена на фактически независимые друг от друга владения – Малую Польшу со столицей в Кракове, Шленск или Силезию с центром во Вроцлаве и Мазовию. К 1241 году уже год как пали под натиском воинов внука Чингис-хана хана Бату (Батыя древнерусских летописей) последние барьеры в лице древнерусских княжеств на пути монголов в Европу, которая не была готова к сопротивлению, хотя вести о приближении завоевателей к ее границам поступали уже давно. Польша в этом отношении также не была исключением. Древнерусские князья, чьи княжества – Черниговское и Галицко-Волынское были разгромлены и захвачены монголами, до этого пытались вступить в союз с королем Венгрии Белой IV и польскими владетелями для отражения степных завоевателей, но нашли поддержку лишь в Мазовии, где они и укрылись после поражения от Бату-хана при дворе мазовецкого князя Болеслава. При этом волынским князьям был выделен «на кормление» город Вышеград.

Начиная поход вглубь Европы, Бату-хан двинулся с основными силами своей конной армии, сформированной из монгольских и тюркских степняков, на Венгрию традиционным путем кочевников через венгерскую равнину, планируя создать здесь опорную базу своего господства в центре континента. Насколько позволяют судить источники, отряды других своих военачальников Бату-хан направил в Польшу, Чехию и Дунайскую Болгарию, чтобы обезопасить фланги основных сил от предполагаемых ударов со стороны этих государств.

Первой жертвой европейского похода монголов стала Польша. Сравнительно недавно польский исследователь Г. Лябуда пересмотрел относящиеся к этой теме разноречивые и разрозненные источники и пришел к выводу, что в основу описания можно положить труд Яна Длугоша, который располагал ныне утраченной монастырской доминиканской хроникой, черпавшей свои сведения у современников событий [Dlugosz, б/м, 1873, s. 268]. Первое вторжение в Польшу Г. Лябуда относит к январю 1241 года, когда монголы, вскоре после взятия Киева и во время боев в Галицко-Волынской Руси, прорвались на территорию Польши к реке Висле, где захватили Люблин и Завихост, отказавшиеся добровольно подчиниться завоевателям. Через эту образовавшуюся брешь польской обороны один из монгольских отрядов достиг Рацибужа.

Второй удар был обращен на Сандомир: разгромив этот главный опорный пункт польской обороны на Висле, монголы нанесли поражение малопольскому рыцарству 13 февраля того же года в полевом сражении под Турском. Видимо, после этого монгольские рати были оттянуты для пополнения на исходные базы в Руси. Г. Лябуда полагает, что в связи с тем, что главный удар Бату-хан наносил на венгерском направлении, в Польшу была направлена «тьма» (т. е. 10 тысяч воинов) под командованием военачальника Байдара [Labuda, 1959, s. 189–224], хотя некоторым исследователям эта цифра представляется заниженной.

Байдар был одним из тех прославленных в боях «сильных воевод», которые взяли Киев с Бату-ханом. Среди них внуки Чингис-хана и братья Бату-хана – Мункэ и Гуюк, будущие великие ханы

Монгольской империи перед ее распадом в 1259–1260 годах, Орду-Эджэн, Кадан и такие известные полководцы, как Субэдэй-бахадур, Бурундай, Бирюй, Бечак. Кроме Байдара в Польше действовали, как полагают, подчиненный ему военачальник Кайду и Орду-Эджэн, старший брат Бату-хана, если верить Плано Карпини, послу римского папы к великому монгольскому хану в 1245 году, который со своим спутником и переводчиком Бенедиктом Поляком достиг Каракорума – столицы Монгольской империи в степных глубинах Центральной Азии и чьи сведения стали основой первых знаний средневековых европейцев о монголах [Путешествия в восточные страны..., 1993, с. 40; Юрченко, 2001, с. 162–165; Spotkanied wochswiatow..., 1999, s. 10–20]. В таком случае Орду-Эджэн как Чингисид вряд ли был в подчинении Байдара и, вполне вероятно, также возглавлял «тьму». Предполагается, что в походе на Польшу участвовал и Шибан (Шейбани), младший брат Орду-Эджэна и Бату-хана.

Как бы то ни было, где-то 10 марта воины Байдара форсировали Вислу у Сандомира, откуда отряд Кайду по приказу Байдара направился для опустошения края в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Сам Байдар предпринял глубокий рейд до окрестностей Кельц. Прикрывая путь на Краков, польские отряды из этого города под началом воеводы Владимежа и из Сандомира под командованием воеводы Пакослава пытались остановить врага, но не устояли под сокрушительной атакой лавой степной кавалерии и были разбиты под Хмельником. Воевода Владимеж пал в бою. Краковский и сандомирский князь Болеслав Стыдливый с матерью, русской княгиней Гремиславой Ингваровной и всей семьей, покинув малопольскую столицу, бежал в Венгрию. Но горожане и гарнизон Кракова мужественно защищались. Краков пал 28 марта после кровопролитного штурма. Но и после взятия города горстка храбрецов удерживала собор святого Андрея. Этот собор, стоящий неподалеку от Вавеля, сохранился и поныне. Как и повсюду, монголы разоряли земли и угоняли в плен жителей. В краткой редакции краковской хроники читаем: «Татары (монголы) вступили в Краков, подожгли храм и увели бесчисленное множество жителей».

Соединенные силы Байдара и Кайдуг в начале апреля быстрым рейдом, маневрируя по пересеченной местности, через Рацибуж и Ополе прорвались к столице Силезии Вроцлаву. Разорение Малой Польши вызвало тревогу в других землях страны. Жителей Шленской земли призвал к обороне князь Генрих Благочестивый: во Вроцлав стекались со всех сторон польские рыцари и ополченцы-лучники, люди разных сословий: крестьяне, холопы, шляхта. Воины из Малой Польши и южной части Великой Польши объединились под воеводством Сулислава, брата краковского воеводы; во главе верхнешленского воинства стал опольский предводитель Мешко; сам Генрих вел нижнешленское войско. О воинских отрядах из Мазовии и Куявии источники не упоминают, может быть, тому причиной – отвлекающий рейд Кайдуг к Ленчице, а возможно, и распри князей.

Один из отрядов объединенного войска составляли иностранные рыцари, предводимые, должно быть, Болеславом, сыном моравского маркграфа Дипольда. В него входили французские темплиеры. Об этом известно из письма их великого магистра Понсе Добона королю Франции Людовику IX. Они потеряли в битве с монголами под Легницей более 500 человек, в том числе и шесть рыцарей. В этом же отряде находились горняки из Злотой Гожи. Вероятно, в отряде было небольшое число немецких рыцарей, которые в 1222 году получили от князя Генриха Бородатого небольшое селение Лососино в Бендлевице и, возможно, несли там какую-то службу.

Князь Генрих обратился за помощью и в Чехию. Чешский король Вацлав I обещал привести войско. Князь Генрих не стал оборонять Вроцлав, но горожане, укрепившись в крепости, отразили монгольские атаки. Разорив пригороды, монголы оставили город в своем тылу [Пашуто, 1970, с. 206, 209–211]. Генрих решил дать степнякам полевое сражение, уповав на численное превосходство своей рати и главное – на тяжеловооруженных польских и немецких рыцарей, перед атакой сомкнутым строем которых, как ему казалось, не должна была устоять легковооруженная конница кочевников.

9 апреля отряды Генриха, шедшие на соединение с чехами, приняли бой с противником при Легнице. Но исход сражения был решен необычной для европейцев тактикой степной конницы, очень маневренной и быстроходной, спаянной строжайшей дисциплиной под единым командованием, основанной как на системе материального поощрения, так и на жесточайших карах за проступки. Войска Чингисидов отнюдь не были недисциплинированными ордами полуголых, одетых в шкуры дикарей, которые побеждали числом, как поначалу полагали их европейские противники. Тактика конных атак монголов была отработана до мелочей в бесчисленных завоевательных походах, и пришла очередь поляков испытать на себе их эффективность. Тактические уловки, коими пользовались степняки, были у них в крови, и при Легнице европейцы столкнулись с полным набором этих боевых приемов: ложными отступлениями с заманиванием в засаду под удар основных сил, членением отрядов по фронту и в глубину, использованием скрытого резерва. Луки монголов и тюрок были более дальнобойными по сравнению с европейскими, о чем свидетельствует надпись на камне Чингис-хана, где сообщается о том, что его племянник Есункэ пустил стрелу на 335 сажений.

Сражение открывалось атакой лучников, которые вели массированный и одновременно прицельный огонь с коней, причем точность его была такой, что стрелы то и дело поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы его луков, что ошеломяло европейцев. Этот прием заключался в том, что степные лучники поотрядно выстраивались цепью в круг и начинали атаку, «вращаясь» перед фронтом противника по часовой стрелке – так что мишень всегда была слева от стрелка, т. е. в самой удобной для него позиции. В зависимости от длины фронта стрелок успевал сделать 2–3 выстрела, после чего «хоровод» уводил его из зоны стрельбы, и он мог подготовиться к очередной серии выстрелов (в колчане у него было 60 стрел), не подвергаясь опасности, тем более что постоянно был в движении. Противник же оставался практически неподвижной мишенью, а тучей летящие стрелы, пущенные всего с 20–40 метров, точно попадали в самые

уязвимые места и «сразу бывает много убитых и раненых» [Горелик, М., 2002, с. 30–31]. Легкие клинки и доспехи, а также наличие у каждого степного воина запасного коня, когда во время бешеной скачки он мастерски перескакивал с лошади на лошадь, позволяли им лучше маневрировать в бою. С детства степняки осваивали меткую стрельбу из лука на полном скаку, технику езды под брюхом лошади или свесившись на один бок, так что стрелы противника не могли поразить их. Они умели вскакивать на мчавшуюся лошадь и падать с нее из седла, свешиваться на стременах и волочиться по земле, притворяясь убитыми, ловко набрасывать на врага аркан и подхватывать на скаку лежащий на земле предмет, стоять в седле во время скачки.

Представим теперь в связи с этим чувства польских, немецких и французских рыцарей в бою под Легницей. Привыкшие к размеренному передвижению в строю, европейским способам ведения боя, к упорным атакам под развернутыми знаменами, рыцари терялись перед новым противником. Вот скачет рыцарь, чьи доспехи весят 50 кг, навстречу смуглому ордынцу, намереваясь пронзить его пикой, а степняк вдруг резко поворачивает в сторону на своей обученной лошади и выволакивает немца из седла особым крюком, который оказывается у него под наконечником копья. А за ним несется следующий степняк с занесенным кривым клинком... Польский рыцарь гарцует перед вражеским батыром, хочет скрестить с ним клинки в честном поединке – и вдруг летит аркан и рыцарь валится на землю в своих пудовых латах, становясь неповоротливым и беспомощным...

Монголы в это время, несомненно, обладали не только лучшей в мире военной тактикой, но и самими передовыми военными технологиями, заимствованными чуть ли не во всех странах Азии и Европы. Интересны данные Яна Длугоша по этому поводу, где очень наглядно описываются использованные монголами при Легнице отравляющие вещества. Монголы одни из первых в истории применили отравляющие вещества в боевых действиях. Само содержание сообщения Длугоша не позволяет сомневаться по поводу примененного оружия. Неизвестен только

состав использованной смеси. Есть предположение, что это дымный порох. Но, возможно, смесь имела более сложный состав и была специально приготовлена для своего рода газовой атаки. Поскольку известно, что монголы переняли от китайцев их умение делать смеси, которые при зажигании выделяли газ, от которого «крысы сдыхали, а у людей кровь шла из носа». А смеси эти готовили из переработанного растительного сырья – кросеня и корня не определенного до сих пор растения, применявшегося в Китае как отравы для крыс, а также при изготовлении мышьяка. По описанию польского летописца видно, что применение отравляющих веществ монголами при Лигнице осуществлялось умело и эффективно и имело, скорее всего, давнюю традицию, когда еще во время облавных охот кочевники использовали дым для «выкуривания» животных из нор [Горелик, 2002, с. 28–31; Свентославский, 1998, с. 295–296]. «Газовая» атака монголов внесла смятение в ряды их противников, не оставив им никакого шанса на победу.

Монголам удалось перехватить объединенные силы поляков и их союзников до подхода чешских подкреплений, что также стало, наряду с вышеупомянутыми факторами, важной составляющей их победы, когда в разгар сражения войско Вацлава I находилось на расстоянии однодневного перехода от легницкого Добра Поля. Несмотря на отвагу, в которой поляки и их союзники ни на йоту не уступали своему противнику, союзное войско потерпело поражение. Погибло много воинов, в битве пал и князь Генрих. В письменных источниках середины XIII века на немецком языке говорится о 40 тысячах павших поляков, немцев и других европейцев в битве под Легнице.

Согласно своему обычаю, победители отрезали уши убитым воинам противника для отчета и, насадив на шест голову князя Генриха, подступили к Легнице. Но горожане, узнав об исходе битвы, не пали духом и отразили вражеский приступ. Тогда степняки отошли к Одмухову. Пробыв в Нижнем Шленске две недели, они отправились под Рацибуж, однако взять город внезапной атакой не удалось. Получив приказ Бату-хана, который с главными силами находился в Венгрии, рать Байдара 16 марта отошла

от Рацибужа и, по свидетельству Кельнской хроники, покинула территорию Польши [Пашуто, 1970, с. 209–211; *Regestadiplomaticanes...*, 1855, s. 502].

Таким образом, поляки смогли отстоять некоторые важные центры своей страны, сражались до конца и не сдавались, невзирая на поражения. Завоеватели понесли в Польше немалый урон. Как писал в середине XIII века Плано Карпини, из воинства Бату-хана, участвовавшего в походе вглубь Европы, «многие были убиты в Польше» [Путешествия..., 1993, с. 42]. Но неизмеримо больше погибло мирных жителей, которые подверглись «огромному избиению, произведенному татарами (монголами), и главным образом христиан, а преимущественно венгров, моравов и поляков», [Путешествия..., 1993, с. 60; Пашуто, 1970, с. 219], – как сообщает тот же Карпини. В польской историографии, помимо упомянутых выше краковской хроники и хроники Яна Длугоша, записи о монгольском нашествии на Польшу сохранились в хронике Познани в ее ранней и более поздней великопольской редакции.

После распада Великого Монгольского Улуса – империи, созданной Чингис-ханом, и образования на его руинах в Восточной Европе и Центральной Азии в 1266 году Золотой Орды или Улуса Джучи, где правили потомки Чингис-хана, подвергшиеся тюркизации со стороны своих многочисленных подданных кипчаков-половцев и принявшие ислам в 1312 году, больше не предпринималось завоевательных походов вглубь Европы, хотя периодически золотоордынские «тьмы» вторгались в Польшу, Литву, Венгрию и на Балканы. Во всяком случае, во второй половине XIII века Польша была дважды атакована войсками Золотой Орды. Но это были, скорее всего, не походы, а набеги, и целью их было уже не завоевание, а ограбление соседей. Огромная территория, многочисленное население, сильная центральная власть, большое боеспособное войско, умелое использование торговых караванных путей, выколачивание дани с покоренных народов, успешные набеги на соседей – все это создавало мощь ордынской империи. Она крепла и усиливалась и в первой половине XIV столетия пережила пик своего могущества.

Набеги золотоордынских отрядов побудили в 1411 году польского короля Владислава направить делегацию в Рим с просьбой к римскому папе Иоанну XXII объявить крестовый поход всей Европы против Золотой Орды. Однако Сигизмунду, могущественному монарху Европы того времени, германскому императору, королю венгерскому и богемскому, удалось уже к 1412 году переубедить Владислава и побудить его вместе с другими европейскими государями к союзу с Золотой Ордой против Османской империи. Но польско-золотоордынские отношения – это не только войны и набеги, но и дипломатические связи. Свидетельством этого являются жалованные грамоты ханов Золотой Орды польским королям, в частности хана Тохтамыша королю Ягайле [Султанов, 1978, с. 235–237; Зайцев, 2002, с. 114].

Начиная с конца XIV века, когда в Золотой Орде началась междоусобица – «великая замятня», и особенно после ее распада в XV веке немало ордынцев знатного происхождения бежало со своими семьями и подчиненными им отрядами, спасаясь от преследований, в пределы Великого княжества Литовского, чьи правители – великие князья были литовцами и язычниками, а большинство их подданных православными восточными славянами. В XVI веке Великое княжество Литовское объединится с Польшей в единое государство – Речь Посполитую. Великий князь Гедиминас или Гедимин, правивший в 1316–1341 годах, был первым из князей Литовской Руси, кто приглашал ордынцев на военную службу и использовал их в борьбе против врагов Литвы и Польши – немецких рыцарей Тевтонского ордена и Великого княжества Московского. Великое княжество Литовское, в состав которого входили восточнославянские земли, в частности Беларусь и Смоленск с округой и чьим государственным языком, отчасти из-за того, что литовский тогда еще не имел письменности, был западнорусский – прямой предшественник белорусского, за что иногда это государство именовали Литовской Русью, видело в Москве соперника, также стремившегося объединить восточнославянские земли под своей эгидой.

О пришельцах в Литву и Польшу «из владений какого-то хана» в своих «Анналах» под 1324 год, еще до «великой замятни»

в Золотой Орде, сообщает монах-францисканец Лука Баддинг. Однако особенный рост поселений ордынцев наблюдается в годы правления великого князя Витаутаса или Витовта с 1397 года, когда они сформировали его личную гвардию. В Вильно, Троках (Тракае), Новогрудке и селе Сорок-татар были построены первые мечети. Среди тех, кого великие литовские князья приглашали на службу, были не только тюрки-мусульмане, но и караимы, тюркский народ, исповедующий иудаизм и живший тогда преимущественно в Крыму. Князь Витовт активно вмешивался во внутренние дела и распри Золотой Орды, а после ее распада пытался влиять на ситуацию в образовавшихся на ее бывшей территории государствах, к числу которых относились Большая Орда, Крымское, Казанское, Сибирское на Тоболе и Астраханское ханства, Великое княжество Московское, а затем Узбекский улус, из которого впоследствии выделились Ногайская Орда и Казахское ханство. Так, основателем правящей ханской династии Гиреев, потомков Чингис-хана, в Крымском ханстве был Хаджи-Гирей, который родился в Литве, в поселении ордынцев возле Трок [Кошелев, 1992, с. 103–104].

После унии Польши и Литвы и образования Польско-Литовского государства – Речи Посполитой, в котором доминировала польская элита и которое по существу стало по своей мощи империей, объединив с Польшей и Литвой Украину, Беларусь и Смоленск, ордынцы продолжали селиться в этой стране. Известно об одном из ханов Большой Орды – Шейх-Ахмеде, который в начале XVI века оказался то ли в гостях, то ли в заточении в литовском замке Ковно, и антикрымски настроенные польские и литовские магнаты не раз советовали великому князю литовскому Александру Казимировичу, а затем и польскому королю Сигизмунду I отпустить его вместе с братом Хаджике (Хамелек) к ногаям с целью возбудить их против Крыма. Но Шейх-

Ахмед умер, и в центре интриги оказался Хаджике. В конце концов инициатору ее – местному князю Михаилу Глинскому удалось уговорить короля отправить его в Ногайскую Орду [Трепавлов, 2001, с. 150]. В 1560 году есть сообщение польской стороны о том,

будто «нагаи многие ныне пришли из Крыма служить королю» [Трепавлов, 2001, с. 305].

Селились ордынцы в Речи Посполитой родоплеменными группами – улусами. Военнослужилые ордынцы делились на хорунжества, которые создавались на основе разных тюрко-монгольских племен и родов, представленных в составе выходцев из степных постордынских государств: уйшун (уйсун, юшин), найман, джалаир, кондрат (конграт), барын. Отсюда хорунжества Юшинское, Найманское, Ялаирское, Кондратское, Барыньское.

В силу изложенных выше причин ордынцы, именуемые в Польше «татарами», встречались с поляками на полях сражений не только как противники, но и как товарищи по оружию. Особенно показательна в этом отношении «битва народов» – поляков, литовцев, русских из Смоленска, белорусов, чехов и ордынцев в 1410 году под Грюнвальдом с немецкими крестоносцами, рыцарями Тевтонского ордена, победа в которой заложила основу могущества Польского государства в Европе в течение последующих двухсот лет. В книге «Память о легендах» сообщается, что в Грюнвальдской битве участвовало пять тысяч конных ордынцев во главе с ханом Джелаль-ад-Дином. Их роль в победе союзной коалиции над тевтонами значима тем, что, согласно немецким орденским хроникам, великий магистр Тевтонского ордена – предводитель немецких крестоносцев Ульрих фон Юнгинген пал в этой битве от руки ордынского военачальника Багарадина.

Когда в 1429 году в Луцке собрались великий князь литовский и западнорусский Витовт, король польский Владислав (Ягайла, Ягелло), король римский и германский, венгерский и богемский Сигизмунд, представители папы римского, императора Византии, датского короля, великого магистра Тевтонского в Пруссии и Ливонии, западнорусские и литовские князья, герцоги Мазовецкие с целью общеевропейской борьбы с Османской империей, на съезде, по некоторым данным, присутствовал будущий крымский хан Хаджи-Гирей и представители хана Золотой Орды Улуг-Мухаммеда, поскольку Витовт в письме Ливонскому ордену писал накануне съезда: «Царь Махмет (Улуг-Мухаммед), наш друг,

писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз».

Еще в княжение Витовта ордынцам были предоставлены права, свобода вероисповедания и разные привилегии, подтвержденные позднее польскими королями. Но в социальном и сословном плане ордынцы Речи Посполитой не были однородны. Самой влиятельной была группа военнотружителей ордынцев, юридически приравненных к польскому дворянству – шляхте. Польско-католическое государство признало за семьями из ханского рода и родоплеменной аристократии их сословные права. Хотя не все привилегии католической шляхты были предоставлены ордынской знати Речи Посполитой (например, они не принимали участие в выборах короля и депутатов сейма, так как были мусульманами), тем не менее главным правом шляхты – иметь крепостных и землю – они обладали, причем их крепостными могли быть и христиане.

Эти права сохранились и впоследствии, после того как Литва и Польша стали частью Российской империи, несмотря на то, что мусульмане по российскому законодательству не имели права владеть крепостными-христианами, но для мусульман, бывших подданных Речи Посполитой, было сделано исключение, и в 1840 году указ императора Николая I подтвердил это. Беднейшую группу ордынцев составляли лица, именовавшиеся в официальных польских документах «простыми татарами». Они происходили в основном из военнопленных поселенцев – «ясочных людей», не являвшихся представителями степной знати. С середины XVI века ордынцы, или татары Речи Посполитой, начинают постепенно утрачивать родной язык, который принадлежал к кипчакской группе тюркских языков, и стали пользоваться польским и белорусским языками. В это время, по одним данным, их было от 100 до 200 тысяч, а по другим – не более 40 тысяч. Вместе с тем они сохранили свою религию – ислам суннитского толка, которую и сегодня исповедуют их потомки – около 13 тысяч татар в Беларуси и по несколько тысяч в Польше и Литве [Зайцев, 1978, с. 119; Кошелев, 1991, с. 103; Ислам в истории Российской империи..., 2001, с. 29].

Золотая Орда и ее связи с мусульманским миром

Золотая Орда или Улус Джучи, государство, созданное первыми наследниками Чингис-хана на руинах мировой Монгольской державы, стало частью мусульманского мира не сразу. Принятие ислама ханами Золотой Орды было обусловлено внутренними причинами, поскольку в начале XIV века ситуация в Золотой Орде изменилась. Наиболее дальновидные представители ее правящих кругов чувствовали, что регулировать жизнь огромной империи по старым традициям уже невозможно. Слишком сложным становилось управление страной. Необходимо было привлекать грамотных и образованных людей, знатоков экономики и финансов. Самыми подходящими для этого были мусульмане – чиновники, выходцы из Хорезма, Волжской Булгарии, подвластных Золотой Орде. К тому же торговля Золотой Орды была в руках мусульманских купцов – ортаков, в основном выходцев из Центральной Азии – хорезмийцев и таджиков. Да и интенсивные отношения с Египтом и Ираном, где монгольские правители Хулагуиды еще раньше приняли ислам, требовали привлечения людей, знающих «мусульманские языки» – персидский и арабский. Кроме того, общая для всей империи религия помогла бы объединить подданных вокруг государя-единоверца.

В 1313 году, воцарившись на золотоордынском троне, юный Узбек-хан с фанатизмом новообращенного мусульманина и с пылом юности, подогреваемой наветами и проповедью своего мусульманского окружения, провозгласил ислам господствующей религией и истребил своих знатных родичей, пытавшихся воспротивиться столь вопиющему нарушению старомонгольских сленников, превращали их в средоточие экономической и культурной жизни. Сарай и Новый Сарай были крупнейшими городами мира того времени.

Эпоха Узбек-хана отмечена культурным подъемом и широким градостроительством. К середине XIV века в Золотой Орде существовало более ста городов. Многие из них были основаны

ордынцами. К их числу относятся столицы Золотой Орды – Сарай и Новый Сарай в Нижнем Поволжье, Сарайчик в Западном Казахстане, где были захоронения ханов, а также такие и донные существующие города, важные культурные и экономические центры России, как Казань, Астрахань, Тюмень. При Узбеке и Джанибеке города Золотой Орды переживали расцвет. Возведенные трудами сотен тысяч невольников дворцы, мечети, караван-сарай, богатые кварталы знати и купечества, все более многочисленные поселения ремесленников в городах Золотой Орды, особенно ее столицы Сарая свидетельствовали об ее экономических и культурных достижениях в период могущества Улуса Джучи [Ланда, М., 1995, с. 44–45].

Другим важнейшим фактором, способствовавшим данному обстоятельству, являлся внешний, в первую очередь связи с мусульманскими странами, прежде всего с Египетско-Сирийским султанатом – государством тюркских мамлюков. Появление Улуса Джучи и государства тюркских мамлюков в Египте и Сирии на карте мира совпало по времени (40–50 годы XIII века), что не случайно, поскольку между этими событиями прослеживается определенная причинно-следственная связь.

XIII век вызвал оживление работорговли. После страшных войн, развязанных монгольскими владыками, оказалось огромное число людей, оторванных от родины, превращенных в невольников, которых можно было продавать и покупать. Сами монгольские армии были обременены массами пленных, превращенных в рабов. Монголы низко ценили рабов, достававшихся им дешево во время походов и грабежей. Когда войны стали стихать, пленные превратились в источник наживы, стали объектом купли и продажи. Огромное количество рабов из степей Дешт-и-Кипчака было продано монголами, мусульманскими и итальянскими купцами на рынках работорговли в Сарае, Кафе (совр. Феодосия), Солдае (совр. Судак), Константинополе (совр. Стамбул), Багдаде, Дамаске, Александрии, Самарканде и Бухаре в Европу, в северо-западную Африку, Индию, но особенно много их попало в Египет и Сирию. Арабский летописец Аль-Айни писал: «Взятые в плен из этих

народов (кипчаков) были отвезены в земли сирийские и египетские...» [СМИЗО, СПб., 1884, с. 503].

У каждого уважающего себя мусульманского правителя была личная охранная гвардия: в Индии она называлась гулямами, в Египте и Сирии – мамлюками. Она пополнялась рабами, купленными еще детьми или юношами, обученными и воспитанными затем при дворе государя. Эти воины, как предполагалось, должны были быть преданы своему повелителю, независимы от государственного аппарата, правительства и его чиновников. Мамлюки подчинялись только своему господину, правителю-монарху. Лучшими мамлюками и гулямами считались тюркские рабы.

В Египетско-Сирийском султанате, куда было продано очень много тюркских рабов, дворцовая гвардия уже в середине XIII века оказалась в основном сформированной из кипчаков. После смерти последнего султана Малика ас-Салиха из курдской династии Айюбидов в 1250 году троном овладела при помощи мамлюков его жена Шаджарат-ад-Дурр, дочь тюркского раба. После ее кратковременного правления и гибели трон занимали кипчакские мамлюки, создавшие армию, отличавшуюся высокими боевыми качествами. Они отразили не только атаки западно-европейских крестоносцев, полностью изгнав их с Ближнего Востока, но и монгольских завоевателей, что удалось очень немногим. Среди победителей монголов были мамлюкские султаны-кипчаки Кутуз, Бейбарс, Калавун, Ан-Насир. Если Кутуз нанес монголам первое сокрушительное поражение при Айн-Джалуте, то его преемник Бейбарс не ограничивался в борьбе с монголами ильханов Хулагуидов только военными усилиями, воспользовавшись раздорами между Хулагуидами и Джучидами, что привело к переходу в стан мамлюков воинов Улуса Джучи, ранее сражавшихся под началом Хулагу. При этом Бейбарс в своем письме, посланном в 1261 году хану Джучиева Улуса мусульманину Берке, призывал его как единоверца выступить против христианина Хулагу, что и возымело успех. Бывшие воины Берке-хана быстро влились в состав мамлюков, многие стали эмирами, заняли высокие посты в мамлюкской иерархии.

На фоне войн Улуса Джучи с Хулагуидами с 1262 году первое посольство Бейбарса к Берке-хану в 1263 году положило начало ряду аналогичных миссий на протяжении XIII–XIV веков. В их состав входили суннитские богословы, призванные способствовать распространению ислама, чиновники и мамлюкские эмиры-кипчаки, общавшиеся с населением Джучиева Улуса и с большинством придворных золотоордынских ханов без переводчиков. С этого времени в арабских источниках и появляются сравнительно полные сведения об Улусе Джучи, не утратившие своего значения и поныне. Посредником в сношениях двух держав стала Византия, опиравшаяся на поддержку Улуса Джучи при отражении захватнических поползновений Улуса Хулагуидов. В 60-е годы XIII века сложилась своеобразная ось Сарай – Константинополь – Каир, противостоявшая Хулагуидам и их вассалам Киликийской Армении, Грузии, за которыми стояла далекая Юаньская империя – государство монголов в Китае, а также латинскому Западу.

Между всеми этими государствами торговое посредничество осуществляли итальянцы: для первой группы – генуэзцы, для второй – венецианцы. Посредничество генуэзцев и союз с Византией помогали мамлюкам пополнять свою армию соплеменниками за счет ввоза новых рабов-воинов из Улуса Джучи, с подвластного его ханам Дешт-и-Кипчака, сохраняя относительную гомогенность ее состава. Кипчакские мамлюки играли господствующую роль в правящей элите Египетско-Сирийского султаната с 1250 по 1382 годы, хотя и оставались чужеземцами в этих странах. Они были изолированной кастой в египетско-сирийском обществе, своеобразным привилегированным военным сословием, и хотя пополнялись рабами, все же подлинными рабами в эпоху правления кипчакских мамлюков были широкие слои коренного арабского населения этих стран.

Длительная изоляция от местного населения консервировала тюркский этнический характер мамлюкской верхушки, чей престиж подкреплялся традиционным образом тюрок в мусульманском мире как опоры и ударной силы суннитского ислама. Арабские авторы называли государство мамлюков тюркским –

даулат-ат-атрак [Кораев, М., 2003, с. 66–75]. Первые знаменитые тюркские султаны мамлюков, упоминавшиеся выше, кроме Ан-Насира, практически не знали арабского языка, хотя остались в арабской истории избавителями от крестоносной и монгольской угроз, а также поборниками джихада — «священной войны». Языком общения мамлюков был тюркский. В Египетско-Сирийском султанате переводили произведения персидской и арабской поэзии на кипчакский язык.

В этой связи представляет интерес перевод на тюркский бессмертного произведения Фирдоуси «Шах-наме», выполненный поэтом Шарифом в кипчакской мамлюкской среде. Кипчаки Египта и Сирии говорили на своем родном языке, претерпевшем, однако, значительное изменение под влиянием других тюркских наречий, особенно огузского диалекта. На кипчакско-огузском языке, оформившемся в Египте и Сирии как литературный язык ко второй половине XIV века, создается немало литературных произведений самого разнообразного содержания.

В свою очередь, в Улусе Джучи создавалась письменная культура на языке тюрков, ряд произведений которой вызвал интерес в тюркской среде мамлюков, в частности, памятник XIV века «Хусрау и Ширин».

Способствовали развитию золотоордынско-мамлюкских отношений и династийные браки. Например, хан Джучиева Улуса отдал свою дочь за султана Бейбарса, от которого родился первый его наследник Саид-хан Мухаммед, которого называли также в честь деда по матери Наср-ад Дин Берке-хан. Известно, что золотоордынская принцесса из рода Чингизидов, правивших в Улусе Джучи, по имени Тулунби, по инициативе его правителей была помолвлена с султаном Ан-Насиром [Исламов, Казань, 2002, с. 10–11].

В Египте и Сирии при кипчакских мамлюках утвердилось много черт общественного и частного быта, которые они принесли из степей, подвластных Джучиевому Улусу. Мамлюки недолюбливали арабские обычаи. Им хотелось ввести свои правила, которые представляли причудливые сочетания кипчакских обрядов и обычного степного права. Жители Каира с удивлением наблю-

дали, как мамлюкский эмир при выходе из дома посылал перед собой 300 всадников с музыкантами впереди, одетыми в тюбетейки и длинные кафтаны по-кипчакски. По берегам Нила мамлюкские эмиры разъезжали на таких же арбах-повозках, которые видел и описал путешественник Плано Карпини в середине XIII века в степях Джучиева Улуса. Как когда-то на степных просторах Дешт-и-Кипчака пировали их тюркские предки, так и здесь, в арабском Египте, к столу знатных мамлюкских эмиров и самих султанов закалывали лошадей и овец, ели конину, пили кумыс. Ан-Насир, казалось бы, один из наиболее арабизированных мамлюкских правителей, тратил огромные деньги на покупку лошадей, для свадьбы своего сына заколол 20 тысяч овец. Кумыс подавали к столу на аудиенциях Бейбарса, что и послужило одним из обстоятельств его гибели. Бейбарс погиб случайно, во время небольшой драмы, которую он сам инсценировал. Он намеревался убить одного из своих соперников – мамлюкского эмира и приготовил для него чашу отравленного кумыса. Но, в стиле героев Шекспира, последний смог незаметно переменить чаши, и Бейбарс сам попал в свою ловушку, выпил яд и умер через 13 дней в ужасной агонии. Кипчакские мамлюки пренебрегали даже шариатом в своей среде, предпочитая судить по степному обычному праву.

По свидетельству арабских летописцев Ибн-Фурата и Аль-Макризи, султан Калавун, которому принадлежит честь окончательного изгнания крестоносцев с Ближнего Востока и громкие победы над Хулагуидами, чья жизнь прошла по большей части в походах, известен не только ратными подвигами. Он выделил 2000 динаров для постройки на землях Джучиева Улуса в Крыму (в Солхате) мечети и послал туда своего мастера-каменотеса для высечения на ее стенах своих титулов, которые видел путешественник из Марокко Ибн-Баттута. А ранее с разрешения хана Улуса Джучи в Крыму была построена мечеть по инициативе Бейбарса. Археологические раскопки Сарая подтверждают предположение, что там в золотоордынскую эпоху работали мастера из Египта. Сходства с мамлюкской архитектурой Египта обнаруживаются в сооружениях Булгара периода Золотой Орды.

Хотя мамлюкские правители Египта и Сирии были далеко не ортодоксальными мусульманами, тем не менее они сыграли заметную роль в официальном принятии Сараем исламской религии, т. к. Каир тогда считался центром мусульманской цивилизации с более чем 300-летней историей. В 1261 году в Египетско-Сирийском султанате был учрежден халифат, он стал главным государством в мусульманском мире. Поэтому мамлюкские султаны старались побудить ханов Джучиева Улуса к принятию ислама. В немалой степени плодами их усилий было принятие ханом Берке и его женой Джиджек ислама. Известно, что хан Улуса Джучи Туда-Мункэ, правивший в 1280–1287 годах, отправляет с золотоордынским посольством в 1283 году письмо в Египет, где просит дать ему мусульманское имя и прислать ему халифские знамена. По восшествии на золотоордынский престол в 1312 году Узбек-хана он уже на следующий год известил мамлюкского султана об истреблении им той части ордынской знати, которая выступила против провозглашения ислама государственной религией в Джучиевом Улусе.

Посольство мамлюков в 1323 году наряду с множеством подарков из Сарая привезло письмо султану с просьбой прислать книги по мусульманскому праву в Улус Джучи. В записях арабских ученых сообщается, что среди дорогих подарков из Египта для золотоордынских ханов был также и Коран Османа – одного из праведных халифов. По мере усиления ислама в Золотой Орде его правители взяли за образец аппарат управления и формы государственного устройства, завоеванного монголами мусульманского государства Хорезмшахов. Согласно этому образцу при хане появился визир, своеобразный глава правительства, который отвечал за все сферы невоенной жизни государства. Визир и возглавляемый им диван (Государственный совет) распоряжались налогами, финансами, торговлей.

Тем не менее, как ни странно на первый взгляд, именно с эпохи Узбек-хана связи Улуса Джучи и Мамлюкского Египетско-Сирийского султаната несколько утратили свою интенсивность, характерную для предшествующих времен, что объясняется охлаж-

дением в отношениях царствующих домов Сарая и Каира вследствие неудачной женитьбы султана Ан-Насира на одной из сестер хана Узбека, а также исламизацией Джучиева Улуса при Узбекхане, приведшей к запрету торговать мусульманами и в итоге – к прекращению притока воинов-рабов из Дешт-и-Кипчака в Египет для пополнения мамлюкского войска.

К числу причин упадка мамлюкско-золотоордынских связей относится ослабление общего союзника Византии под натиском малоазиатских эмиратов распавшейся империи туркмен-сельджуков по мере утраты Хулагуидами власти над ними, переходящей в руки династии Османов, поставивших при Орхане (1326–1362) под свой контроль Дарданеллы; падение общего противника – державы Хулагуидов, прекратившей в 1340-е годы свое существование; затяжные кризисы в обеих империях, приведшие в конечном счете к утрате власти тюрками в Египте и Сирии и установлению гегемонии в 1382 году кавказских или черкесских мамлюков, а в Золотой Орде – к «великой замятне» 50–70-х годов XIV века, результатом которой стал окончательный распад Улуса Джучи [Хотко, СПб., 2001, с. 147–180].

Но при всей первостепенной значимости мамлюкско-золотоордынских взаимоотношений ими не исчерпываются связи Джучиева Улуса с мусульманским миром. По завещанию Чингис-хана, например, земли туркмен-сельджуков в Малой Азии должны были отойти Улусу Джучи, а когда Хулагуиды узурпировали это право, между ними началась война, и сельджукские эмираты подпали под власть Хулагуидов. Но после падения Хулагуидов эмираты Анатолии – осколки империи туркмен-сельджуков, с 1399 года вовлеченные в процесс создания новой империи, начало чему было положено Османом, правителем бейлика – княжества в Конийском султанате, под именем которого она и существовала затем в течение столетий, восстанавливают связи с Джучиевым Улусом. Однако уже скоро, на рубеже XIV–XV веков, они представлены единым политическим целым – Османской империей.

Свидетельством связей Улуса Джучи с Османской империей служит дипломатическая переписка между золотоордын-

скими ханами и османскими падишахами, в частности письма Улуг-Мухаммад-хана и Махмуд-хана соответственно султанам Мураду II и Мехмеду Фатиху. Как видно из этой переписки, ханы Улуса Джучи накануне распада своего государства де-факто признали переход Крымского ханства, ранее составной части Золотой Орды, под сюзеренитет Османской империи. Интересно отметить, что османы, хотя и опосредованно, через крымских ханов, считали себя правопреемниками Улуса Джучи и почитали Джучидов – старшую ветвь потомков Чингиз-хана, династию, правившую в Золотой Орде и в ее наследных ханствах, одно из которых (Крымский юрт) стало союзным Османской империи государством.

В Османской империи официально закреплялось право на трон за Чингисидами – Гиреями, правителями Крыма, в случае пресечения династии Османов. К этому времени находившаяся на историческом подъеме молодая Османская империя и прошедшая пик своего могущества Золотая Орда, тюркские империи Евразии подверглись сокрушительному разгрому со стороны правителя Самарканда Тимура – «Железного хромца», основателя мировой империи от Малой Азии до Китая. Но если Османская империя выстояла и на много веков пережила империю Тимура, то Улус Джучи более не возродился, став достоянием истории.

Свидетельством связей Улуса Джучи с Делийским тюркским султанатом в Индии может служить тот факт, что султан Индии Ильгутмиш, достигший высот власти в этой стране, был уроженцем Нижнего Поволжья или Приуралья, проданный в свое время в рабство монголами и возвысившийся от гуляма, воина-раба, до правителя. При дворе султанов Дели служили кипчаки из Джучиева Улуса, из крымских, причерноморских степей. Например, шейх Раджаб-ал-Буркуи «из города Ал-Керим (Старый Крым) из Кипчакской степи...» А для конницы, ударной силы Делийского султаната, покупали лошадей «тюркской породы» из «Татарии», т. е. из Дешт-и-Кипчака [Ibn-Battuta, L., 1929, p. 12]. Ибн-Баттута свидетельствует по этому поводу: «Лошади эти развозятся в страны Индийские и бывает их в караване по шести тысяч, а иногда и более или менее... В Синдской земле, в местности, называ-

емой Шашнакар, за (каждую) лошадь вносят по 7 динаров серебром. Делают за них взнос (также) в мултане, столице Синдской земли. В прежнее время вимали четверть того, что привозили. Царь Индии, султан Мухаммед, отменил это и приказал, чтобы с торговцев мусульманских вимался зекат (узаконенный налог в пользу бедных), а сторговцев иноверных – десятина. При всем том торговцам по этой части остается большой барыш, потому что они продают в Индии дешевого (коня) за сто динаров серебром, что составляет на золото Магрибское 25 динаров. Нередко они продают его вдвое и втрое дороже. Отличный конь стоит 500 динаров и больше того...»

Кони из Золотой Орды были в Делийском султанате, говоря современным языком, своего рода военным стратегическим товаром: «Жители Индии не покупают их для скорой езды и скачек, потому что на войне облакаются в броню и ею покрывают (также) лошадей и только хлопочут о крепости лошади и ширине шагов ее...» [Ibn-Battuta, L., 1929, p. 12–18]. Известно о посольстве золотоордынского хана Берке к делийскому султану: «В 631 г. (7 октября 1233 г. – 25 сентября 1234 г.) несколько послов Берке-хана прибыло ко двору его величества Шемс-ад – дунья-ва-д-дина, и они привезли с собою подарки...» [СМИЗО, М., 2003, с. 252]. Но, тем не менее, хотя в Делийском султанате, также как и в мамлюкском Египте, правили кипчакские династии и кипчакские воины – гулямы, гвардия, сформированная из тюркских рабов, была опорой их трона, их отношения с Золотой Ордой не стали регулярными, и дело тут в географическом факторе удаленности или еще в чем-либо, пока неизвестно.

Знали о Золотой Орде и в отдаленных от нее уголках мусульманского мира – таких государств, как Марокко и Кордовский халифат в Испании, выходцы из которых побывали здесь. Например, великий путешественник всех времен и народов, марокканский бербер Ибн-Баттута посетил Джучиев Улус в первой половине XIV в. и подробно описал свое путешествие от Крыма и Сарая через Дешт-и-Кипчак в Хорезм. Ибн-Баттута встретил в Золотой Орде к востоку от его столицы – Сарая в городе Маджаре выходца

из «земель Андалузских», некоего иудея, торговца, проживающего здесь уже несколько лет.

Таким образом, Улус Джучи имел широкие связи с мусульманским Востоком, особенно с Египтом и Сирией, а также с Анатолией в лице сельджукских эмиратов и преемствовавшей им Османской империи, Делийским султанатом, Улусом Чагатаидов и пришедшей ему на смену империей Тимура, и даже с Марокко и мусульманской Испанией, не говоря уже об империи ильханов Хулагуидов, ставшей мусульманской с конца XIII в., с правления ильхана Газана, заимствуя не только религию, но и многое другое: ремесла, архитектуру, бани, стихи, орнаментальный декор, расписную посуду, геометрию и приборы, нравы и вкусы, более изощренные, чем у степных воинов Улуса Джучи, и «ордынская культура приобрела определенный мусульманско-средиземноморский оттенок», как считает известный востоковед К. Босворт [Босворт, М., 1971, с. 191].

Последний из могижан монгольской эпохи: эмир Тимур – могильщик Золотой Орды

Долгая память осталась в Средней Азии, Индии, Иране, Анатолии, на Арабском Востоке, Кавказе, в евразийских степях и на Руси о величайшем завоевателе средних веков эмире Тимуре, победителе Золотой Орды. Тимур давно уже стал сакральной личностью, персонажем народных преданий на мусульманском Востоке. Из уст в уста, из поколения в поколение передавались предания о его грандиозных завоеваниях и необыкновенных приключениях в среде мусульманских, особенно среднеазиатских тюркских народов, и правда все больше смешивалась с вымыслом, и «нас возвышающий обман» все больше отодвигал на задний план «тьму низких истин». Так, в Казахской степи спустя столетия после смерти Тимура звучала посвященная ему песня «Эмир-аксак» – «Хромой эмир». И это несмотря на то, что он показал себя кровавым завоевателем прежде всего на мусульманском Востоке, где масштабы его зверств и разрушений превышают даже послед-

ствия завоеваний Чингис-хана, не говоря уже о христианских Грузии и Армении, хотя справедливости ради стоит вспомнить, что в народной памяти грузин и армян он предан проклятиям.

В середине XIV века Чагатайский Улус – монгольское государство в Средней Азии, возникшее после распада мировой Монгольской империи в 1259–1260 годах, в свою очередь разделилось на два отдельных государства – Маверраннахр и Моголистан. В Маверраннахре – междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и в Моголистане – Семиречье, Прииссыккулье, Кашгарию фактическая власть находилась в руках тюрко-монгольских эмиров, представителей кочевой знати, которые поделили между собой области Средней Азии.

Эмир Тимур («Железный» по-тюркски) происходил из монгольского племени барласов, которые, как полагает ряд ученых, переселились в Маверраннахр еще в XIII веке, в эпоху Чингис-хана и его первых наследников, и избрали местом своих кочевий долину Кашка-Дарьи с главным городом Шахрисябз. К началу XIV века барласы под влиянием тюркского окружения постепенно переходили на тюркский язык. Тимур родился 9 апреля 1336 года (в год мыши) в местности Ходжа-Ильгар, в окрестностях Кеша, как тогда назывался Шахрисябз. Его отец Тарагай был благочестивым мусульманином, другом ученых и дервишей – мусульманских мистиков, а также поддерживал дружеские отношения с некоторыми среднеазиатскими вельможами. Но Тарагай не был ни владетелем Кеша, ни главой барласов.

Тимур рано проявил качества лидера. По словам арабского летописца Ибн-Арабшаха, Тимур рос юношей настойчивым, отчаянным, решительным и хитрым, водил дружбу с детьми визиров и проводил время с сыновьями эмиров. Он с малых лет любил коней, был хорошим наездником, увлеченно и много занимался воинскими упражнениями и в итоге прекрасно поражал цель из лука, как никто другой из своих сверстников владел саблей – самым почитаемым тогда оружием воина.

Тимур начал свою военно-политическую карьеру в конце 50-х – начале 60-х годов XIV века с установления власти над бар-

ласами, владевшими долиной Кашка-Дарьи, для чего ему пришлось прибегнуть к помощи владетелей из восточной части бывшего Чагатайского Улуса. Правители Моголистана не препятствовали формированию его дружины из числа своих подданных и снабжали его военным снаряжением. Когда в начале 1360-х годов один из эмиров, некий Хусейн был провозглашен верховным эмиром в Мавераннахре, Тимур стал его главным помощником, правой рукой.

Рослый, атлетически сложенный и приятной наружности, не лишенный обаяния, Тимур, согласно воспоминаниям лично знавшего его Ибн-Арабшаха, обладал огромной физической силой, был отчаянно смелым, бросался в гущу боя и, казалось, не ведал страха смерти. В 764 году хиджры (1362–1363 годы) он, по своему обыкновению, бросившись в очередную рискованную авантюру, в 26 лет был искалечен. Известно, что отряд численностью до тысячи бойцов под командованием эмира Хусейна отправился в набег по просьбе одного из владетелей Сеистана (территория Персии). Тимур во время этого похода был ранен стрелами в правую руку и ногу. В результате правая рука с изуродованными двумя пальцами утратила способность сгибаться в локте, но не утратила подвижности в плечевом суставе, а правая нога не могла быть выпрямленной и стала заметно короче левой. Со времени ранения Тимур получил прозвище Тимурленг на фарси, т. е. Тимур-Хромец (по-тюркски Аксак-Тимур, или Железный Хромец), в европейском произношении Тамерлан.

Важная веха в жизни Тимура – 1370 год, когда он возглавил восстание против своего вчерашнего соратника и повелителя – эмира Маверраннахра Хусейна. Восставшие осадили Балх, где укрепился эмир, и овладели городом, который служил резиденцией Хусейна. Верховный эмир Маверраннахра был схвачен и казнен. Балх был взят атакой нескольких тысяч барласов, предводительствуемых Тимуром. Атака совпала с мятежом против Хусейна внутри крепости среди его приближенных эмиров племен найманов и дулатов (дуглатов). Восстанию предшествовал тайный заговор, который возглавил Тимур, вовлекший в него эмиров барласов, найманов и дулатов. Там же, в Балхе, 9 апреля 1370 года группа воена-

чальников провозгласила Тимураверховным правителем Маверра-нахра. Через некоторое время был созван курултай, на котором все эмиры, вельможи и должностные лица страны присягнули на верность новому правителю. Так в Маверранахре возникла династия Тимуридов, правившая здесь до начала XVI века.

Тимур был сторонником монгольских традиций и ревнителем прав монгольских ханов – потомков Чингис-хана, согласно которым только Чингизиды имели право на престол в Средней Азии и Дешт-и-Кыпчаке – степях от Монголии до Крыма и Поволжья. Став полновластным правителем государства, Тимур, тем не менее, принял только титул эмира, ханского титула никогда не носил, возводил на трон подставных ханов из Чингисидов и называл себя представителем «обладателя престола» — «сахиб-ат-тахт». На своих монетах и в своих письмах к иноземным государям он всегда называл себя «эмир Тимур гурган». Эмир (собственно – амир) – арабское слово и соответствует здесь тюркскому бек, бег, бий и монгольскому нойон. Гурган – монгольское слово, обозначает «зять» и со времени Чингис-хана превратилось в почетный титул лиц, женатых на царевнах из дома Чингис-хана, к числу которых принадлежал и Тимур.

В качестве руководящего лозунга своих завоеваний и правления Тимур использовал персидский девиз — «Расти ва русти» («Справедливость и сила»). Девиз помещался на печати и на перстне Тимура.

Создание постоянной укрепленной столицы в Самарканде – городе, сильно разрушенном сто лет назад Чингис-ханом и возродившемся во времена Чагатаидов, и нарушение этим Ясы – свода законов Чингис-хана (поскольку летняя столица кочевых правителей-наследников Монгольской империи была, как правило, в подвижной кочевой ставке, а зимняя в городе) вызвало заговор эмиров кочевых тюркизированных монгольских племен против Тимура и смуту в стране. Однако смута была подавлена, а заговорщики наказаны. Еще некоторое время Тимур вел борьбу с эмирами арлатов, джалаилов и каучинов, причем самыми упорными врагами Тимура оказались джалаиры. Опираясь в первую очередь на бар-

ласов, а также на эмиров племен найманов и дулатов (дуглатов), Тимур в конце концов одержал верх и стал единственным владыкой в Маверранахре.

Хотя теперь он располагал достаточной силой для подавления мятежных племен, однако реальная угроза его положению, исходившая не от отдельных лиц, а от политической системы как таковой, продолжала существовать. Поэтому Тимур разрушил прежнюю систему – ликвидировал местную автономию и вольницу предводителей родов и племен, превратив активную племенную конфедерацию в беспрекословно преданную ему армию.

Первым шагом в этом сложном деле было формирование корпуса военачальников по принципу личной преданности Тимуру. Новую верхушку общим числом до нескольких сот человек составили ближайшие соратники Тимура и представители его семьи. Постепенно он заменил этими людьми прежнюю племенную аристократию, отстранив таким образом последнюю от реальной власти. Так в годы правления Тимура (1370–1405) система распределения областей между главами сильных родов была упразднена, и в Маверранахре восстановлено прежнее, действовавшее еще до развала Чагатайского Улуса, деление государства на уделы между представителями одного правящего рода.

Одновременно создавались отборные отряды войск – гвардия Тимура под командованием его ближайших сподвижников и сородичей. Состав воинских формирований был полиэтничен, но главной его опорой были все же тюркизированные кочевые племена – так называемые чагатаи, уже упоминавшиеся барласы, найманы, дулаты, арлаты, каучины, по внешнему виду больше походившие на монголов, чем на мусульман, хотя к этому времени ислам утвердился в их среде. Чагатаи носили на монгольский манер косы и особый головной убор [Бартольд, М., 1964, т. II, кн. 2, с. 37–63]. О «чака-татах» и их особом положении в империи Тимура несколько раз говорит Руи Гонсалес де Клавихо, посол короля Кастилии (Испании. – *Авт.*), в письме к самаркандскому владыке [Руи Гонсалес де Клавихо, М., 1990, с. 65–70]. Ибн-Арабшах утверждает, что в войске Тимура были не только мусульмане, но и «идолопоклонники»,

и даже женщины, принимавшие участие в битвах. Сам Тимур был воином чагатайского типа, и его тюрки-чагатаи были ему ближе, чем его ираноязычные подданные – таджики и персы. Хотя историк из Хорасана – провинции Персии Хафиз-и-Абру утверждает, что Тимур из всех своих воинов более всего доверял хорасанцам. В то же время Тимуру приписываются изречения, в которых военные качества признаются только за тюрками. Например, Тимур отозвался о Султানে Ахмеде из племени джалаиридов – ранее владельце Западной Персии как о человеке, не внушающем беспокойства, «с характером таджика» [СМИЗО, М., 2003, с. 350].

Тимур, однако, не чувствовал себя в безопасности. Прежде всего ему необходимо было быть уверенным, что против него не выступит новая элита. Чтобы обезопасить себя, Тимур применил тот же способ, что и для создания государства. Способ этот был известен и заключался в том, чтобы направить энергию непокойных эмиров подчиненных Тимуру племен, склонных к заговорам и претензиям на власть, в военное русло завоевательных походов против соседних стран и народов. Объединив под своей властью население Маверраанахра, Тимур обратил взор на соседние области. С этой целью он в начале 70-х годов XIV века начал серию военных походов сначала против ближайших соседей, а после 786 года хиджры (1384–1385 гг.) предпринял широкомасштабные дальние походы, лишь иногда возвращаясь в Самарканд. Начался второй этап карьеры Тимура, связанный с завоеваниями и созданием им мировой империи.

Тимур, вне сомнения, был государем от природы и обладал многими выдающимися достоинствами, например, полководческим и дипломатическим талантами, познаниями в науке. Хотя он не получил образования и, по свидетельству Ибн-Арабшаха, не знал даже грамоты, тем не менее, кроме тюркского языка, знал фарси и понимал по-монгольски. Беседуя с учеными и слушая своего киссахана – «чтеца рассказов» Маулана Абида, Тимур приобрел познания в нескольких науках, так что своей осведомленностью в вопросах истории смог удивить одного из выдающихся арабских историков того времени Ибн-Халдуна. Подробности мусульман-

ского вероучения были усвоены им настолько, что он смог участвовать в религиозных диспутах.

Архитекторы при возведении построек должны были руководствоваться художественными замыслами Тимура. Например, по приказу Тимура в XIV веке в городе Ясы (с XVI века Туркестан) на месте захоронения поэта, шейха и суфия Ходжи Ахмада Яссави, ставшего мусульманским святым, был воздвигнут радующий взоры людей и поныне шедевр мусульманской архитектуры – мавзолей и мечеть Ходжи Ахмада Яссави, где ряд столетий спустя обрели вечный покой ханы Узбекского улуса и Казахского ханства (с останками которых так безобразно обошлись в 1990-х годах их соплеменники и наши современники – «иваны, не помнящие родства»), не говоря уже о его знаменитых и известных всему миру постройках в Самарканде.

По словам историка Хафиз-Абру, современника и служителя его двора, Тимур никогда в жизни не отличался страстью к крепким напиткам. Из всех удовольствий, любимых властителями, Тимур увлекался охотой, игрой в нарды (кости), особенно игрой в шахматы и достиг в ней большого искусства. Все это, однако, не только не вызвало разлада между ним и той военной средой, из которой он вышел, но во многом способствовало его военным успехам. Познаниями в истории, особенно военной, он пользовался для воодушевления своих воинов примерами из героического прошлого. В военном деле Тимур был необыкновенным знатоком и даже новатором, по сути, не проиграв ни одной войны и по праву стяжав славу великого полководца. По данным Ибн-Арабшаха, число воинов, внесенных в списки армии Тимура, доходило до 800 тысяч. Отличился Тимур и на ниве управления государством, продемонстрировав незаурядный талант организатора. По своему мировоззрению он был прежде всего царем-завоевателем, для властолюбия которого не было пределов; ему приписывали изречение, что «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей».

Несмотря на свою хромоту, обладал Тимур и царственным обликом, что имело важное значение на Востоке. Тимур имел гром-

кий командный голос, и всегда его речь была тверда и решительна, он не терпел фальши и лести, предпочитал правду, какой бы горькой и суровой она ни была. Это был человек со стальными нервами, никогда не терявший самообладания. Тимур не впадал в уныние при неудачах и не показывал радости при победах. Он любил смелых воинов, благодаря которым «переворачивал вершины гор», поскольку и сам был таковым, и был в высшей степени удачлив в ратных делах. Так пишет о Тимуре его заклятый враг – Ибн-Арабшах, который 12-летним мальчиком был взят в Дамаске в плен Тимуром и увезен в Самарканд. Впоследствии Ибн-Арабшах вернулся на родину, оттуда перебрался в Египет и написал там в 1436–1437 годах книгу, посвященную деяниям Тимура. О личной храбрости Тимура свидетельствуют и другие летописцы. В 1379 году во время осады Ургенча в Хорезме его владетель Юсуф Суфи послал Тимуру вызов на единоборство. Тимур принял вызов, прискакал ко рву крепости и звал оттуда на бой своего противника, но тот не явился. В 1383 году в Сеистане Тимур рвался лично участвовать в сражении, но был удержан только просьбами эмиров.

Из того, что известно специалистам о Тимуре, российский востоковед В. В. Бартольд вывел заключение, что действия Тимура-правителя объясняются тремя принципами – династическим, религиозным и военным.

Суть династического принципа заключалась в том, что жизнь потомков и ближайших родственников Тимура не должна была подвергаться опасности и была неприкосновенна, даже если они с оружием в руках выступали против Тимура. Когда при осаде Дамаска в 1400 году внук Тимура Султан-Хусейн из-за любви к одной нежной «пери» из вражьего стана перешел на сторону противника и сражался против своих, он был взят в плен и приведен к деду, который наказал виновного только палками. В религиозном отношении краеугольным камнем политики Тимура было открытое уважение к религии и ее представителям, особенно к сайидам (потомкам дома пророка Мухаммада). Им, как и потомкам самого Тимура, гарантировалась неприкосновенность жизни. Тимур запретил своим воинам грабить и брать в полон сайидов

и ученых-богословов. Если сайиды совершали враждебные действия против Тимура, то их переселяли в другие области или изгоняли из страны.

Что касается военного принципа, то здесь Тимур следовал традициям Монгольской империи и очень высоко ценил военную науку и государственное управление Чингис-хана; в его войске господствовали монгольские порядки и дисциплина. Тимур оправдывал свои завоевания тем, что считал себя восстановителем порядка Монгольской империи, нарушенного ее распадом. Тимур был прежде всего воином и князем монгольского типа и лишь потом мусульманином. Мусульманская религия чаще была для Тимура орудием достижения военных и политических целей, чем причиной, определявшей его поступки [Гафуров, Душанбе, 1989, кн. II, с. 218–220; Султанов, М., 2006, с. 187–197].

В течение 35 лет своего правления Тимур совершил великое множество походов. Многие из них имеют названия: например, «поход Тимура на Хорезм третий раз» в 1376 году, «четвертый поход Тимура против Джете» (т. е. против государства Моголистан, или Моголов, в Семиречье и Кашгаре), а продолжительные походы в страны Ближнего и Среднего Востока носят названия «трехлетний» – с 1386 года, «пятiletний» – с 1392 года, «семилетний» – с 1399 года. Область походов Тимура обнимает огромный регион: на северо-востоке до Иртыша, на юго-востоке до Дели, на северо-западе до Ельца в Рязанской земле, на западе до Средиземного моря, на востоке до Восточного Туркестана. Но Тимур присоединил к своей империи с центром в Самарканде только Прикаспийские области, Приаралье, Персию, Афганистан и Месопотамию. Его походы в Моголистан, Дешт-и-Кипчак, или Золотую Орду, Сирию против Египетско-Сирийского султаната черкесских мамлюков, Делийский тюркский султанат в Индии, Анатолию против Османской империи, Грузию, Армению имели характер опустошительных набегов.

В 1372 году Тимур впервые захватил Хорезм, который незадолго до этого освободился от власти Золотой Орды. После этого он пять раз выступал в поход против хорезмийцев и в послед-

ний раз напал на них в 1388 году. Во время того похода Ургенч – один из центров торговли между Восточной Европой и Средней Азией – по приказанию Тимура сравнивали с землей. Городское население было уведено в Самарканд, а на месте разрушенного города посеяли ячмень. Лишь в 1391 году Тимур разрешил восстановить Ургенч. Обычно походы на Хорезм Тимур предпринимал сравнительно немногочисленными силами в несколько десятков тысяч воинов. Территория Хорезма окончательно стала частью империи Тимура в 1388 году [Бартольд, М., 1964, т. II, кн. 2, с. 37–63; Он же, М., 1968, т. V, с. 175–177, 564–568].

С 1388 года Тимур начал ожесточенную и долгую борьбу с ханом Золотой Орды Тохтамышем, обязанным самаркандскому правителю своим тронem и взявшим реванш у Дмитрия Донского за поражение ордынцев Мамай на Куликовом поле, когда в 1382 году сжег Москву и восстановил выплату ею дани Джучиеву Улусу. Когда в 1376 году молодой Тохтамыш, гонимый своими родичами Чингизидами, предстал перед Тимуром в его столице, последний передал ему в управление присырдарьинские города Отрар, Сабран, Сыгнак, где Тохтамыш подвергся нападению и разгрому со стороны враждебных ему Чингизидов. В 1377 году Тимур лично принял участие в походе Тохтамыша против хана Золотой Орды Уруса, но лишь в 1380 году, после смерти Урус-хана и победы над бежавшим с Куликоваполя от русских беклярибеком Мамаем вблизи Азовского моря, Тохтамыш овладел золотоордынским тронem. Однако уже в первые годы своего правления он не испытывал благодарности к своему бывшему покровителю, а в 1386–1387 годах предпринял первые враждебные действия против него, совершив походы в Тебриз, а затем через Дербент в подвластный Тимуру Азербайджан [Бартольд, М., 1968, т. II, с. 175–177, 564–568].

Тимур нанес ответные удары. В 1386 году перед походом на Западную Персию против Тохтамыша он дезориентировал противника обманным маневром: рассредоточил войска, назначив им разные пункты сбора, а сам с частью армии двинулся на север в сторону Худжанда (город на севере нынешнего Таджикистана) и степи, затем повернул на запад, в сторону Персии, в разных пун-

ктах стал собирать отряды своего войска и неожиданно предстал перед противником в Луристане – западной Персии, что обеспечило ему победу [Бартольд, М., 1963, т. II, ч. 1, с. 157–163.].

В 1391 году в сражении с Тохтамышем Тимур применил особый строй из семи больших отрядов, что явилось неожиданно для противника и принесло победу правителю Самарканда. Персидские источники сообщают по этому поводу: «Тимур-завоеватель устроил семь корпусов на такой лад, что ничего подобного этому никто не видел и не слышал. Такого рода мысли могут быть только следствием Божиих внушений и небесной поддержки, потому что в особенном свойстве числа 7 заключается много тайн, в которые могут проникнуть знакомые с 7 стихами Корана. Один корпус... состоял из людей боевых и храбрецов, владеющих мечом. Устроив главный корпус, стороны и края его подкрепил храбрецами и опытными бойцами, разбивающими ряды неприятелей. 20 кошунов (войсковых единиц. –Авт.) людей отважных, выбрав из войска храбрецов и бойцов, прорывающих ряды, он оставил при себе и стал отдельно позади главного корпуса с тем, чтобы во время самого разгара сражения, если у одной из частей его победоносного войска будет нужда в подкреплении, он будет готов к помощи и снаряжен к делу. На правом крыле выстроил другой корпус, готовый к бою с окопными щитами... На крайнем фланге правого крыла... хорошо устроенное войско и ополчение... готовыми пожертвовать собой. На левом крыле Тимур выстроил другой корпус... Тимур во всяком деле полагался на помощь Бога и уповал на милость Творца, а не на многочисленность храброго войска и наличие большого количества снаряжения...» [СМИЗО, М., 2003, с. 348–350]. Как видно из текста, Тимур придавал большое значение резерву, свежие силы которого в решающий момент сражения должны были обеспечить победу, и каждая его войсковая единица четко знала свою задачу в бою.

В 1392 году Тимур вторгся на Северо-Западный Кавказ. Войска его (персидские летописцы говорят о 200 тысячах бойцов) вошли в Черкессию, движение через земли которой было сопряжено со значительными трудностями для армии. Воины Тамерлана

под командованием Мирзы Мухаммед-султана, мирзы Мираншаха и эмира Джехан-шаха двинулись из Азака (Азова. – *Авт.*) на Кубань. Черкесы прибегли к тактике «выжженной земли», «сожгли луга между Азаком и Кубанью», лишив войско Тамерлана продовольствия, поскольку стада скота, его сопровождавшие, пали от бескормицы. Войско Тамерлана «перенесло много страданий» и с трудом перешло через реки, топи и болота, однако, несмотря на лишения и потери, воины «ограбили улус черкесский, захватили большую добычу... благополучно возвратились, удостоились чести целования ковра». Обычай «целования ковра» подразумевал оказание чести личной аудиенции Тамерлана своим отличившимся военачальникам и, возможно, носил оттенок его сакральности перед подданными [СМИЗО, М., 2003, с. 350].

Сам Тамерлан «со всеми войсками повернул к горе Эльбурс (Эльбрус. – *Авт.*)» и «в намерении покорить неверных» напал «на Буракана, который был правителем асов (аланов. – *Авт.*)». Во время похода его воины произвели вырубку леса и проложили дорогу, что позволило ему взойти на Эльбрус. Интересно отметить, что Тамерлан впервые применил в войне с горцами Кавказа в тактических целях такой метод, как вырубка леса, чтобы лишить горцев естественной, привычной им природной среды – прием, который впоследствии, в XIX веке, широко применяли войска Российской империи при завоевании Кавказа. «В горных укреплениях и защищенных ущельях у него много было стычек с врагами веры и во всех делах войско (его)... одержало победу, многих из тех неверных (асов. – *Авт.*), предав мечу..., разорили их крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных. Возвратясь победоносно оттуда... с бесчисленной добычей, (Тамерлан) остановился в высочайшей орде...»

Но на этом поход не закончился: воины под непосредственным командованием Тамерлана решили овладеть высокогорными крепостями, последним оплотом непокорных горцев – «обитателей Эльбурза», куда «пройти было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился

глаз и шапка валилась с головы... на такой высоте, что пущенная стрела не долетала...» Самаркандский полководец успешно решил эту боевую задачу, «приказал сделать несколько высоких лестниц, привязать их одну к другой и, поставив их на первый уступ горы, взойти наверх, снова втащив, поставить на третий уступ горы, на котором находится крепость... храбрецы один за другим взобрались по лестницам. Другая группа смельчаков, наверху той горы опоясалась канатами, концы канатов прикрепили к вершине горы... и спустились до места, находившегося против крепости...» [СМИЗО, М., 2003, с. 359]. Затем оба отряда одновременно с разных высот атаковали крепость и, несмотря на тучи стрел и камней со стороны осажденных, овладели ею, устроив резню ее защитников.

Следующей пала высокогорная крепость Пулад, где скрывался один из старших эмиров Золотой Орды – Утурку. Он был взят в плен и заключен Тимуром под стражу. Завершил поход Тамерлан в «местности Абаса», где жили абазины и абхазы. Лояльность ханам Золотой Орды и противодействие армии Тамерлана дорого обошлись народам Северного Кавказа, особенно Северо-Западного и Центрального. Земли Грузии и Армении также подверглись опустошению. И это не был его последний поход на Южный Кавказ. Только на Грузию Тимур совершил пять походов.

В 1387 году, когда Тимур был еще в Персии, Тохтамыш напал со своими войсками на коренные земли его империи, дошел до Аму-Дарьи, осадил Бухару и опустошил ее окрестности. Но лишь в 1391 году Тимур предпринял ответный поход против Золотой Орды, невзирая на прибытие посольства Тохтамыша. Поход увенчался победой, Тохтамыш был разгромлен в битве при Кундузче, Тимур с войсками дошел до Волги. Затем спешно вернулся в свои владения, удовлетворившись бегством Тохтамыша. Но последний через короткое время вновь вернул себе золотоордынский трон.

Враждуя с Тимуром, Тохтамыш пытался создать против него союз Золотой Орды с черкесскими правителями – мамлюками Египта и Сирии. Это было время «пятiletнего» (1392–1396) похода

Тимура на запад, когда по приказу правителя Египта и Сирии черкеса Баркука был убит посол Тимура. А для правителя Самарканда, как и для его предшественника Чингис-хана, заветов которого так придерживался Тимур, убийство посла было едва ли не самым тяжелым преступлением, требовавшим неотвратимого возмездия. Здесь Железный Хромец также был верен монгольским традициям. Тимур собрался покарать мамлюков, но вторжение Тохтамыша в его владения к югу от Дербента вынудило его послать туда свои войска для отражения нападения.

В 1395 году Тимур предпринял свой главный поход против Тохтамыша и в генеральном сражении на Тереке сокрушил Золотую Орду, подорвав основы ее могущества и владычества на Руси и предопределив тем самым ее распад, что способствовало усилению Московского княжества и освобождению Руси от золотоордынской власти. Сам Тохтамыш погиб позднее – по данным арабо-персидских источников, через 10 лет на Тереке, а согласно древнерусским летописям – в 1407 году в Сибири, близ Тюмени, куда он бежал после очередного поражения, но местные тюменские мурзы «не вошли в положение» хана-неудачника и просто его убили.

Хотя воины Тимура razорили Елец, Русь объективно выиграла от его похода, отделавшись легким испугом, в отличие от Золотой Орды, по территории которой воины Тимура прошли кровавым смерчем и разрушили ее центры городской культуры – столицу Сарай, Азак (Азов), Хаджи-Тархан (Астрахань) и другие города [Бартольд, М., 1963–1969, т. II, ч. 1, с. 157–163]. На Москву и другие древнерусские княжества, бывшие тогда провинциями и окраинами Золотой Орды и не сулившие ее завоевателям ни богатой добычи, ни политических дивидендов, Тимур не пошел, ибо не в его характере было размениваться на мелкие цели.

В 1398 году был начат «индийский поход» Тимура. Его придворные летописцы изображали этот поход как священную войну – газават против «неверных» – «гебров» (зороастрийцев. – *Авт.*), идолопоклонников (индусов и буддистов. – *Авт.*) и еретиков (индийских мусульман. – *Авт.*). Авангард войск Тимура

до подхода основных сил взял город Мултан, ключевую крепость султанов Дели на северо-западной границе Индии, где захватил огромную добычу, преподнесенную затем Тимуру. Армия Тимура в сентябре 1398 года навела через Инд понтонный мост и перешла реку, без сопротивления овладев городом Таламбу. В октябре чагатаи взяли внезапной атакой индийские города Аджудхан и Дибалпур, осадив сильную крепость Бхатнаир. Воины Тимура подвели к стенам крепости осадные машины, сделали подкопы и готовились к штурму. Осажденные в отчаянии предали огню своих жен, детей, имущество и «приготовились к отчаянной битве». Но 11 ноября ожесточенное сопротивление было сломлено, Бхатнаир пал и был превращен завоевателями в «кучи золы и мусора». Путь на Дели – столицу Делийского султаната был открыт.

Перед броском на Дели Тимур устроил смотр своим «законным в латы всадникам» [Ашрафян, М., 1987, с. 71–74] и отдал приказ об истреблении 100 тысяч пленных, опасаясь оставить их в своем походном лагере, ввиду войск Делийского султаната – 10 тысяч всадников, 40 тысяч пехотинцев и боевых слонов, изготовившихся к генеральному сражению. Битва состоялась 17 декабря и была кровавой. Тимур командовал центром. Ставка на боевых слонов, которых в боевых порядках войск Дели было 120, не оправдала себя. Тимур извлек уроки из предшествующих боев, когда боевые слоны растоптали его воинов. На этот раз он, по свидетельству посла короля Кастилии, «велел привести много верблюдов, нагрузить их соломой и поставить против слонов. А когда началась битва, приказал поджечь солому, и когда слоны увидели горящих верблюдов, обратились в бегство... сеньор индийский был побежден». Разграбив и опустошив Дели, ставший беззащитным после поражения войск Делийского султаната, где Тимур встретил ожесточенное, но неорганизованное и быстро сломленное сопротивление горожан, его армия с богатой добычей в 1399 году вернулась в Самарканд.

В следующем году Тимур двинулся в поход на Египетско-Сирийский султанат, где с 1382 года правили черкесы, опираясь на гвардию мамлюков, сформированную из воинов-рабов, их соплеменников, похищенных на Кавказе и купленных на рын-

ках работоторговли, из числа которых мамлюкскими военачальниками «выбирались» правители – султаны. Черкесские мамлюки под натиском войск Тимура отошли к Дамаску, укрывшись за его стенами. Город Тимуру удалось взять только после многодневной осады – мамлюкский гарнизон и жители оказывали серьезное сопротивление. Воины Тимура при штурме Дамаска заполнили ров перед его стенами, загнав туда тысячи пленных, по телам которых поднялись на крепостные стены. После того, как Дамаск был оставлен большей частью гарнизона по соглашению с Тимуром, 40 мамлюков заперлись в цитадели, предпочтя капитуляции смерть в бою. Войска, вышедшие из Дамаска, отступили в Египет, применяя при этом «тактику выжженной земли», что остановило преследовавшего их противника.

В начале XV века суровым испытаниям со стороны Тимура подверглась крепнувшая к тому времени год от года государственность турок-османов. Османская империя была на историческом подъеме и являлась одной из самых могущественных держав мира, включив в свой состав Анатолию, Балканский полуостров и блокировав Константинополь – последнее владение Византии. Еще в 1386 году Тимур пересек границы восточной Анатолии и в битве при Эрзинджане разбил армию анатолийских эмиров. Это был разведывательный рейд, своего рода «проверка на прочность» своих дальних соседей. После этого он ушел, но пригрозил, что вернется. Восемь лет спустя османский падишах Баязид I Йылдырым (Молниеносный. – *Авт.*), победитель сербов на Косовом поле в 1389 году, прибыл в Эрзинджан для укрепления его обороны, что выразилось в увеличении гарнизона города, а также строительстве и ремонте его крепостных стен, поскольку Эрзинджан был форпостом османов на их восточной границе. В 1395 году Тимур появился снова и прошел до Сиваса, османской крепости в восточной Анатолии, уничтожая на пути все население. От его руки погиб сын Баязида I, бывший здесь наместником. Но тогда армия Тимура повернула на восток, чтобы овладеть Халебом (Алеппо), Дамаском, принадлежавшими мамлюкам Египта и Сирии, и Багдадом – столицей независимого владения.

В 1402 году Баязид I осадил со 120-тысячным войском Константинополь, но с востока на него двинулись полчища Тимура, превосходящие по численности его армию. В лагерь Баязида I под византийской столицей прибыли послы Тимура с безапелляционным требованием вернуть императору Византии все захваченные у него османами земли. Посольство было следствием тайных соглашений между императором Византии и Тимуром о союзе против османов. Византийцы должны были препятствовать переброске османских войск с Балкан в Анатолию в случае войны османов с Тимуром, а Тимур, в свою очередь, обязался оказать Константинополю военную помощь. Оскорбительный ответ Баязида I Тимуру послужил поводом для войны. К тому же Тимур захватил крепость Кемаху вблизи Эрзинджана – владения Баязида. В послании самаркандскому правителю владыка османов угрожал бесчестьем его гарема. Баязид I был вынужден снять осаду Константинополя и двинуться на восток навстречу противнику, который уже был в Сивасе.

Когда Баязид I «узнал, что Тамурбек (Тимур. – *Авт.*) уже в его землях, то изменил путь следования, оставил обоз в одном укрепленном замке, называемом Ангури (Анкара), взял все свое войско и спешно двинулся на Тамурбека. А Тамурбек, узнав о хитром расчете Турка (Баязида I. – *Авт.*), оставил прежнюю дорогу и пошел левее через высокие горы. Когда Турок подошел и увидел, что Тамурбек ушел с прежней дороги и двинулся по другой, он решил, что (тот) обратился в бегство, и бросился за ним (в погоню) так быстро, как только мог. А Тамурбек, оставаясь в горах дней восемь, вернулся на ровную дорогу и двинулся к замку Ангури, где Турок оставил свой обоз, и захватил его. Турок, узнав, что Тамурбек в Ангури, направился туда как можно скорее, и когда подошел, то (уже) сильно притомил войско. А Тамурбек предпринял весь этот маневр для того, чтобы его (Баязида I. – *Авт.*) обмануть. Здесь им пришлось сразиться...» [Руи Гонсалес де Клавихо, М., 1990, с. 65–70].

Решающая битва произошла 25 июля 1402 года в центре Анатолии, недалеко от современной Анкары. В армию Баязида I входили не только османы, но и воины из покоренных стран, напри-

мер, тяжелая конница сербов, а к войскам Тимура присоединились с 10-тысячными отрядами правители Ширвана Ибрагим I Ширванский и Шеки Сиди Ахмед, чьи владения находились на землях Азербайджана. Недооценка Баязидом I противника и высокомерие по отношению к нему привели к тому, что османы оказались на невыгодных тактических позициях перед сражением, что выразилось в занятии господствующих высот над местностью боя войсками Тимура из-за нераспорядительности Баязида. К тому же османские воины, утомленные маневрами Тимура, описанными выше, были раздражены скупостью своего повелителя, задержавшего им выдачу жалованья, и были менее дисциплинированы, чем войска самаркандского правителя.

Когда огромная армия Тимура, превосходившая по численности 120-тысячное войско Баязида, усиленная отрядом боевых слонов из Индии, двинулась в сокрушительную атаку, османы дрогнули и побежали. Здесь решающую роль сыграли боевые слоны, своеобразные живые «танки» средних веков, предусмотрительно укрытые Тимуром в засаде в лесу, который в те времена, в отличие от наших дней, густо покрывал предместья Анкары, на месте которой и произошла битва. Единственными воинами Баязида I, стойко державшими свои позиции, были сербы во главе с их правителем Стефаном – вассалом османов, которому удалось спасти старшего сына Баязида I – Сулеймана, младший сын падишаха Мустафа пропал во время битвы.

Тимур наголову разбил Баязида I «и взял его в плен вместе с одним из сыновей» (старшим сыном. – *Авт.*), как сообщает Клавихо. Победа Тимура была обусловлена и переходом на сторону правителя Самарканда части воинов противника из числа тюркских племен. Пленного Баязида Тимур приказал нести за ним на носилках, которые легенда превратила затем в золотую клетку, и выставлять на всеобщее обозрение своих подданных. Тем не менее с Баязидом I обращались в плену с почтением, и, когда он в марте 1403 года умер, его сын Муса получил свободу и ему было разрешено перевезти тело отца в фамильный мавзолей в Бурсе. Тимур после победы над Баязидом I прошел через всю

западную Анатолию, разграбив османские города, в том числе тогдашнюю столицу османов Бурсу, где в его руки попал гарем Баязида I со всеми его женами. В конце 1403 года покинул Анатолию и вернулся в Самарканд.

Вместе с тем стоит заметить, что победа Тимура ослабила натиск Османской империи на Византию и продлила ее существование на полвека, хотя император Византии не выполнил своих обязательств перед правителем Самарканда. «Император Константинополя и генуэзцы Перы (район столицы Византии. – *Авт.*) вместо того, чтобы исполнить то, о чем они договорились с Тамурбеком, дали возможность туркам из Греции переправиться в Турцию... По этой причине Тамурбек затаил злобу на христиан, за что пришлось расплачиваться тем, кто жил в его землях» [Ашрафян, М., 1987, с. 74]. Выразилось это в преследовании армян, грузин и греков, страдавших от походов Тимура, а после вхождения в состав его империи – от его налоговой политики в отношении христиан.

В 1402 году, когда грузины отказались платить дань Тимуру, он совершил на них пятый по счету поход, но на пути его вторжения встал гарнизон замка-крепости Тортум всего из 200 грузинских воинов, которые шесть дней героически сражались с ордами Тимура и все пали в бою. «Замок захватил сеньор Тамурбек (Тимур. – *Авт.*) и обложил его данью, а относится он к владениям Гургании (Грузии. – *Авт.*)» [Ашрафян, М., 1987, с. 73–74].

Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью, которая удивляла даже европейцев начала XV века в лице упомянутого Клавихо и немца Иоганна Шильтбергера. Железный Хромец приказывал сооружать башни из 2000 живых людей, положенных друг на друга и засыпанных глиной и кирпичами, после взятия Исфизара или похоронить живыми 4000 пленных воинов после захвата Сиваса. А в Индии в захваченном Тимуром Дели «сделанные из голов индусов башни достигали предельной высоты...» [Ашрафян, М., 1987, с. 73–74]. В Персии во взятом им городе Исфahanе «он приказал умертвить всех, кто был старше 14 лет... затем приказал вывести женщин и детей в поле за городом, где отделил детей моложе семи лет. После этого приказал своим воинам

наехать на них своими лошадьми. Собственные советники Тамерлана и матери этих детей пали перед ним на колени. Но он не внял их мольбам, повторил свое приказание, которое, однако, ни один воин выполнить не решался. Разгневавшись на них, Тамерлан сам наехал на детей и сказал, что хотел бы знать, кто осмелится не последовать за ним. Тогда воины были вынуждены последовать его примеру и растоптать детей копытами своих лошадей. Всего растоптанных насчитали около семи тысяч. После этого он приказал поджечь город...» [Шильбергер, Баку, 1984, с. 29].

Перед такими изощренными зверствами мусульманского завоевателя бледнеют все массовые избиения, совершенные в мусульманских странах по приказанию его предшественника, язычника Чингис-хана.

Тимур почти всю свою жизнь провел в походном седле и не пытался создавать новую систему государственного управления. Он унаследовал две хорошо известные ему системы государственного управления на Востоке – военно-административную тюрко-монгольскую и арабо-персидскую гражданскую и приспособил их для своих целей. Сохраняя традиции монгольской государственности, Тимур возводил на престол подставных ханов из потомков Чингис-хана, управляя формально от их имени, фактически же единовластно. Кочевые и оседлые подданные управлялись в его империи отдельно и разными ведомствами.

К 1404 году Тимур поставил под свой контроль Моголистан и Восточный Туркестан. Таким образом, обширный район Притяньшанья составил стратегический коридор, необходимый Тимуру для прорыва к границам «Срединной империи» – Китая, где тогда правила династия Мин, 36 лет назад свергнувшая монгольскую династию потомков Чингис-хана – Юань, господствовавшую в Китае с 1260 по 1369 годы. Отношения между империями Тимура и Мин складывались непросто. Известно об удержании Тимуром минского посла Фу Аня при своем дворе в качестве заложника с 1395 по 1404 годы, о высокомерном отношении самаркандского правителя к китайским послам и даже брани, которую Тимур позволял себе в их адрес на официальных приемах. Скорее

всего, для этого у Тимура были основания. Как сообщает И. Шильтбергер: «Великий хан, король китайский, отправил Тамерлану посла со свитой в 400 всадников, чтобы потребовать у него выплаты дани», которую, по мнению китайского императора, «он (Тимур. – *Авт.*) задолжал хану за пять лет. Тамерлан взял посла с собой в Самарканд и отправил его оттуда с ответом, что он считает хана (китайского императора. – *Авт.*) не верховным владетелем, а своим данником, которого он лично посетит. После этого он приказал известить всех своих подданных, чтобы они готовились к походу на Китай...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 29].

Джунгарские ворота, оазисы Восточного Туркестана, стали опорными пунктами Тимура при подготовке его похода на Китай. Первоначально для участия в походе против империи Мин предлагалось направить 200 тысяч воинов, но затем Тимур «отправился с войском, насчитывавшим 800 тысяч человек...» [Шильтбергер, Баку, 1984, с. 29]. В авангарде, в первом эшелоне войск, нацеленных на Китай, шли 20 тысяч отборных конников, ветеранов-победителей Делийского и Египетско-Сирийского султанатов, Золотой Орды и Османской империи, которым ставилась задача форсированным маршем преодолеть пустыню, отделяющую Восточный Туркестан от Китая. Узнав о военных приготовлениях Тимура, минский император Юнлэ отдал приказ китайским войскам готовиться к отражению возможного нападения, но насколько способны были противостоять китайцы армии Тимура, пока недостаточно ясно: Тимур умер в феврале 1405 года в городе Оtrarе во время начала похода против Китая, оставив в наследство своим потомкам огромную империю. Реванш за потомков Чингисхана так и не состоялся – наследники Тимура отменили поход [Зотов, М., 1991, с. 69–70].

Снискавший «славу» кровавого завоевателя в других странах, среди своих подданных Тимур был окружен ореолом святости уже при жизни. Образ сакрального правителя создавался по канонам описания харизматического лидера на мусульманском Востоке, включавшим необычный внешний облик Тимура, который, несмотря на его вызванные боевыми ранениями физические недо-

статки, обладал царственной внешностью – свойством, чрезвычайно ценным для вождя в мусульманских странах, где лишь природный изъян в человеке расценивался как отметина нечистой силы, а боевые ранения относились к разряду доблестных деяний и способствовали авторитету правителя. В его пользу работали разносторонние знания, воинские мудрость и доблесть, наконец, сакральность Тимура, воплощенная и в его девизе «справедливость и сила» в глазах подданных, выражающаяся, по их мнению, в поддержке его деяний Всевышним – Аллахом, о чем свидетельствовали его победы, невозможные без покровительства небесных сил, и даже зверства в завоеванных странах рассматривались как «кара Господня» за «грехи» их правителей и народов.

Смерть Тимура ознаменовала конец завоеваний и распад его мировой империи, а в государствах его первых наследников, в отличие от времени правления Железного Хромца, мусульманская государственная идея – арабо-персидская получает преобладание над степной тюрко-монгольской военной традицией, последним из «могикан» которой в империи Тимуридов был сам ее основатель. В области военного искусства Тимур продолжил традиции своего предшественника Чингис-хана, обогатив их собственным боевым опытом в новых условиях, когда появилось, пусть пока и несовершенное, огнестрельное оружие, в первую очередь артиллерия. Тимуру удалось, опираясь на монгольские военные традиции, побеждать турок-османов, олицетворявших передовое для того времени военное искусство, когда они выступили новаторами, что выразилось в массовом применении ими в боевых действиях пушек.

В заключение хотелось бы вновь обратиться к личности эмира Тимура, ставшего олицетворением кровавой эпохи истории не только нашей страны. Споры вокруг него по-прежнему не утихают. Воображение многих он поражает, и даже есть попытки его канонизировать и возвеличить, прежде всего в современном Узбекистане, где еще в советскую эпоху узбекский ученый Муминов безуспешно пытался это сделать. Сегодня эмир Тимур провозглашен в Узбекистане идеологическим и историко-культурным сим-

волом нации, а узбекский народ – наследником империи Тимуридов с претензией на ведущую роль в Центральной Азии, что нашло отражение в лозунге нынешнего руководства этой страны: «Узбекистон кележага буюк давлят!» – «Узбекистан будет великой страной!» Именно таким образом в Узбекистане прочитывается наследие Тимура, и чтобы понять данную особенность, достаточно лишь посетить Государственный музей истории Тимуридов в Ташкенте и взглянуть на имеющуюся среди его экспонатов карту империи Тимура. Хотя попытки причислить Тимура к узбекам, которые тогда как этнос еще не вышли на историческую арену Евразии и этногенез которых завершился в советскую эпоху в XX веке, неубедительны с научной точки зрения. Тем более что именно в результате нашествия кочевых узбеков хана Мухаммада Шейбани в конце XV века на Среднюю Азию прекратили существование, уже в эпоху правления правнуков Тимура, остатки его некогда великой империи.

Но время позволяет теперь взглянуть на Железного Хромца – эмира Тимура с 600-летней высоты. Оно, беспощадно стирая все «румяна» и «белила», обнаруживает истинные мотивы деяний «великого» завоевателя, принесшего столько кровавых жертв своему властолюбию. Мелкие помыслы, прикрытые громкими словами, суетность стремлений к величию, высокомерное презрение к людским страданиям, наглая уверенность в своем праве совершать любые преступления, лишь бы достичь успеха... Но, как ни странно, деспоты и тираны, каковым и был эмир Тимур, в отличие от предателей, не вызывают презрения и у многих представителей тех народов, которым он принес столько страданий, его деяниям даже придается некая сакральность, не говоря уже о мистическом страхе перед пророчествами, связанными с его именем, как это, например, случилось 22 июня 1941 года, когда вопреки предсказанию об угрозе войны была вскрыта советскими учеными его гробница и сразу началась Великая Отечественная война.

И последнее: как бы то ни было, именно походы Тимура разрушили мощь Золотой Орды, после его нашествия ее упадок стал необратим.

Глава IV

НАСЛЕДНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Поход Ермака в Сибирь: «собрание» бывших владений Золотой Орды в государстве Российском

Прежде чем начать речь о Ермаке – покорителе Сибири, вспомним эпоху, в которой он жил. Это было время, когда после распада Золотой Орды, совпавшего с эпохой Великих географических открытий и открытия американского континента, туда в поисках богатств потянулись те, для кого ратное ремесло служило основным источником существования: разорившиеся идалго – испанские дворяне, вчерашние солдаты, оставшиеся не у дел после реконкисты – отвоевания Испании у мавров-мусульман, авантюристы и лихие люди всех мастей, а также монахи, беженцы от католической инквизиции, бедняки, надеявшиеся на благосклонность фортуны. Надежды и слухи порождали все новые и новые легенды об Эльдорадо – крае золота и несметных сокровищ. Затем в этот процесс были вовлечены и другие западноевропейцы – португальцы, голландцы, французы, англичане. Но у русских искателей приключений было свое «Эльдорадо» – «Сибирская земляца», и не за морями, а за «Камнем» – Уральскими горами, чьим золотом являлись пушные богатства этого края, который, как и Русь, еще менее века назад был владением Золотой Орды. Подобно тому, как открывали и приводили новые земли под власть испанской короны

конкистадоры Эрнан Кортес и Франсиско Писарро, русские казаки, сочетавшие качества завоевателей и землепроходцев, олицетворением которых стал Ермак, почти на полвека позднее испанцев по суше и рекам начали процесс освоения Сибири и присоединения ее земель к России, который через столетие завершился у берегов Тихого океана.

Народы, населяющие евразийское пространство, по-разному оценивают роль, которую сыграл в истории Ермак. Для русских он – покоритель Сибири. Уже через 40 лет после гибели Ермак стал героем русских песен и сказаний. Лишь к исходу XVII века его в какой-то мере заслонила фигура Степана Разина, оказавшая, в свою очередь, влияние на легенду о Ермаке. Но, в отличие от Разина, преданного Русской православной церковью проклятию – анафеме, Ермак был причислен к лику святых и стал одной из знаковых фигур, с помощью которых осуществлялась пространственная легитимация Российской империи.

Первые летописные известия о Ермаке появились сразу после Смуты на Руси, уже в 20–30-х годах XVII столетия. При этом в официальной оценке Ермака уже в то время возникли два противоречившие друг другу направления. Одно осуждало «воровство» Ермака, предшествовавшее его сибирской экспедиции. Второе же не только не упоминало о разбойном казачьем прошлом Ермака, но и представляло его защитником православной веры. В 1636 году вторая точка зрения возобладала в позиции и церкви, и государства. Свою лепту в популяризацию образа внесли иностранцы, чьи записки дополнили русские предания о легендарном герое, в которых он предстает народным заступником, таким Робин Гудом. Здесь нужно упомянуть о голландце Николасе Витсене, побывавшем в Москве в 60-х годах XVII века, и англичанине Джоне Перри, служившем при Петре Великом в Сибири, где он и записал сказания о Ермаке. Да и сегодня о Ермаке в России продолжают писать книги и картины, снимать фильмы, его прославляют в церквях, на школьных уроках и университетских курсах.

Что же касается светской власти, то, несмотря на свое разбойное прошлое, Ермак еще при жизни был обласкан ею. Рус-

ский царь Иван IV Грозный («Terrible» – «Ужасный», как его называют англичане) пожаловал ему титул «князя Сибири». И в этом нет ничего удивительного: в истории нередки случаи, когда разбойники и простолюдины становились государственными деятелями и национальными героями. Например, упомянутый выше испанский конкистадор, бывший свинопас Франсиско Писарро, пленивший императора индейцев-инков в Перу и ставший обладателем несметных богатств, был осыпан милостями короля Испании Карла V. А английские пираты Генри Морган, Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир, сочетавшие морские разбои с открытием и присоединением под власть британской короны новых земель, стали адмиралами британского королевского военного флота и, как Ермак, получили дворянское достоинство.

Но образ Ермака врезался и в память народов, живших в Сибири и на севере Казахстана до прихода русских, – сибирских татар и казахов, чьи государства Сибирское ханство на Тоболе и Казахское ханство вышли из Золотой Орды и в этногенезе которых заметную роль сыграли ногаи. Так, сибирские татары как народ сложились преимущественно на ногайской этнической основе. Причем версии этой памяти различны. Сейчас активизирована та, согласно которой Ермак был «кровавым конкистадором» и, в любом случае, – русским казаком, то есть представителем того российского сословия, которое якобы было вековым врагом степных и горских мусульманских народов. В данном случае сделана попытка, опираясь на дошедшие до нашего времени исторические и этнографические свидетельства, реконструировать тюркскую или, точнее, ногайскую версию, которая, как предполагается, существовала в прошлом и позволяет составить о Ермаке более объективное представление, чем однозначно «розовая» или «черная». Но для этого необходимо сначала воссоздать фон сибирского похода Ермака.

Восточная политика традиционно занимала важное место в истории России. Ее составными частями во второй половине XVI века, помимо постоянного стремления к установлению хозяйственных и политических контактов с Османской и Персидской

империями, Ногайской Ордой, Кабардой, Казахским и Сибирским ханствами, с далекими Бухарой и империей Великих Моголов в Индии, империей Цин в Китае, были тяжелые и малоуспешные войны с Крымским ханством – союзником османов, борьба и покорение Казанского и Астраханского ханств. После поглощения Казани и Астрахани границы Российского государства вплотную приблизились к ногайским и казахским кочевьям, Сибирскому ханству на Тоболе. Дальнейшая успешная политика России по расширению владений в восточном направлении, которая в итоге привела к «взятию» Сибири Ермаком и превращению Российского государства в евразийскую державу, тогда во многом зависела от русско-ногайских, русско-сибирских и русско-казахских отношений. Начало русско-сибирским связям было положено еще в начале XVI века во время правления московского государя Василия III, отца Ивана Грозного. Тогда же Сибирское, а также Казахское ханства были включены в орбиту интересов Московской Руси, на что определенно указывает опись царского архива, где читаем: «Ящик 38. А в нем книги и списки Казатцкие при Касыме царе, и Тюменские при Иваке царе» [Вельяминов-Зернов, СПб., 1864, ч. 2, с. 335]. В 1573 году царь Иван Грозный направил посла Т. Чебукова к казахскому Хакк-Назар-хану для заключения русско-казахского союза против Сибирского ханства, правителем которого с 1563 года был хан Кучум, союзник Бухары, где правили кочевые узбеки, враги казахских и ногайских правителей. Но в пути посольство подверглось нападению сибирцев, и русский посол пал от руки племянника Кучума. Несмотря на несостоявшиеся переговоры, Хакк-Назар-хан поддерживал политику России в отношении Кучума.

Серьезным форпостом и гарантом успехов в осуществлении этой политики в Поуралье, а затем конкретно и в «сибирском взятии», был торгово-промышленный дом российских купцов Строгановых на Каме и в Пермском крае. Строгановы играли в покорении Сибири роль, подобную той, которую олицетворяли в испанской конкисте Америки так называемые «аделантадо». Этот титул испанский король давал тем, кто организовывал за свой счет или с чьей-

либо помощью военную экспедицию с целью завоеваний новых земель, которыми они после завоевания должны были управлять от имени короля. Аналогично обстояло дело и со Строгановыми, получившими соответствующие полномочия от Ивана Грозного.

Распределение политических сил на восточных границах России в это время было довольно сложным. На руинах некогда евразийской империи – Золотой Орды, распавшейся в первой половине XV века, шел уже вековой спор за ее имперское наследие между государствами, образовавшимися на постордынском пространстве. Главными полюсами этой борьбы были Московское государство и Крымский юрт, к которым в той или иной степени тяготели ногайские и башкирские мурзы, казахские и сибирские ханы. К середине XVI века казахский Хакк-Назар-хан, воспользовавшийся распадом Ногайской Орды, центр которой тогда находился между Волгой и Уралом, распространил свою власть и на часть ногайцев и башкир в районе Урала, став «ханом казахов, ногаев и башкир» [Трепавлов, М., 1998, № 1–2 (4–5), с. 102–106].

Но еще раньше, к началу XVI века, пальма первенства в состязании за золотоордынское наследие начинает переходить к Москве. Водораздел этого соперничества прошел не только между государствами-наследниками Золотой Орды, но и внутри их правящей верхушки. Завоеванию Иваном Грозным Казани и Астрахани предшествовала многолетняя борьба в среде казанской и астраханской знати прорусской и прокрымской партий.

То же происходило в Ногайской Орде, когда в междоусобице претендентов на власть, братьев Исмаила и Юсупа, победил первый – проводник русского влияния, что привело к гибели Юсупа и распаду Ногайской Орды в связи с бегством части ногайских родов в пределы Крымского, Казахского и Сибирского ханств. И, тем не менее, роль ногайцев в событиях, связанных с борьбой за наследие Золотой Орды, трудно переоценить. Достаточно сказать, что дочь ногайского мурзы Юсупа Сююмбике в 1549 году, после смерти своего мужа хана Казани Сафа-Гирея, стала фактической правительницей Казанского ханства – регентом при возведенном на казанский трон ее трехлетнем сыне Утямыш-Гирее.

Оборона Казани и падение Казанского ханства в 1552 году под натиском русских войск Ивана Грозного, связаны прежде всего с ее именем. Сохранившийся в центре Казани минарет (башня) высотой 75 метров символизирует память о Сююмбике. Фактический нейтралитет при взятии Казани большинства ногайских мурз, не подержавших свою соплеменницу, и их действенная помощь русским в овладении Астраханью предрешили поглощение Москвой этих ханств.

Об их промосковской ориентации, например, свидетельствуют записки османского адмирала Сейди Али Реиса, совершившего с 1554 по 1557 годы путешествие по разным странам Азии и побывавшего, в частности, в Хорезме, где его предупредили о прорусской политике ногаев: «Мангыты, т. е. ногаи, даже хуже узбеков, и когда они видят чужеземцев, они непременно захватывают их для русских» [The Travels..., L., 1889, p. 80].

Казанцы и астраханцы, а также ногайцы, подданные российской короны, именуемые «служилые татары», помогали Москве и в овладении Сибирью. Несмотря на поражение в 1556 году и дробление на ряд самостоятельных улусов, главным из которых была Большая Ногайская Орда, ногаи и их правители, хотя и находились в зависимости от московских царей и казахских ханов, тем не менее оказывали заметное влияние на огромный регион от Волги до Иртыша. В составе ногайских владений была и Западная Сибирь. В 1554 году повелитель Большой Ногайской Орды Исмаил принял присягу на верность русскому царю, а в следующем году ему последовал Едигер, один из ногайских правителей Западной Сибири [Скрынников, Н., 1982, с. 106–107]. За отсутствием документов сейчас трудно судить, чем был вызван этот шаг Едигера: стремлением найти союзника в борьбе с Шибанидами, выходцами из Средней Азии, претендовавшими на власть в Сибири, или таким миролюбивым путем обезопасить себя от возможных посягательств со стороны России? Скорее всего, обоими соображениями.

«Сибирское царство» было ареной постоянной борьбы местных правителей с Шибанидской ветвью из Бухары, потом-

ками ханов-Чингисидов Золотой Орды, чья родословная восходила к Шибани, Шейбани или Шибану, отпрыску старшего сына Чингис-хана – Джучи. Еще в начале XVI века предводитель кочевых узбеков Мухаммад Шейбани-хан, создавший на руинах империи Тимуридов в Средней Азии сильное, но недолговечное государство, предпринял завоевательный поход в Сибирь. Сражение с сибирцами на Иртыше закончилось для него отступлением. Его престижность в глазах среднеазиатских Шейбанидов-мусульман заключалась, однако, в том, что Шейбани-хан выступал в данном случае «борцом за веру», это была религиозная война в стране «язычников-ногаев», за которой должны были открыться пути для торговых караванов.

Проникновение в Сибирь усиливается при бухарском Абдулле-хане с 1557 года, и в 1563 году оно приводит к воцарению в части Сибири Шейбанида бухарского происхождения – Кучум-хана. С 1563 года в Западной Сибири возникает несколько противоборствующих улусов, но роль Кучума, поддерживаемого бухарскими Шейбанидами, становится преимущественной, и в русских документах того времени он фигурирует как «царь Сибири» [Зияев, Ташкент, 1968, с. 6–87]. При поддержке бухарского хана Кучум нанес поражение Едигеру и его соправителю Бекбулату, взял их в плен и умертвил. Смена правящей династии в «Сибирском царстве» сопровождалась смутой и резкой сменой политики в отношении Москвы. Уже в первой грамоте Кучум-хана Ивану Грозному не было ни слова о возобновлении даннических отношений, как это было при Едигере, и новый сибирский владыка именовав себя «вольной человек Кучюм царь». Предложения Кучума московскому Двору заключали в себе лишь слегка завуалированный вызов: «И ныне похощь миру, и мы помиримся, а похощь воеватися, а мы воюемся» [Скрынников, Н., 1982, с. 110, 241].

Семь лет вел борьбу Кучум с сибирской знатью – ногайскими мурзами и князьями самодийских племен, прежде чем подчинил их своей власти. Сочетая насилие и дипломатию, он искал себе опору и среди ногайцев. Своего сына и наследника Алея Кучум женил на дочери князя Тинахмата из Большой Ногайской Орды, а дочь

выдал за Ак-мурзу из той же Орды. Хан Кучум окружил себя отрядами не только шейбан-узбеков из Бухары, но и набранными из ногаев и башкир. Имеются единичные сообщения и о рейдах отрядов Кучума в Прикамье, хотя не исключено, что слухи о них сознательно инспирировались Строгановыми для создания образа врага за Уралом и формирования соответствующего отношения к нему при московском Дворе.

Но у Строгановых были более опасные и вполне зримые противники, точнее сказать, конкуренты – английские и голландские купцы, алчущие сибирских пушных богатств, создавшие благодаря покровительству Ивана Грозного, к которому они смогли войти в доверие, ряд влиятельных торговых компаний, действовавших в России. Несмотря на запреты московских властей, англичане снарядили экспедицию в Сибирь, «достигли устья Оби на корабле... были убиты самоедами, т. е. сибирцами, которые думали, что они, англичане, приехали ограбить их...» Не исключено, что для опасений у сибирцев были основания, поскольку, по словам агента английской «Московской компании» Д. Горсея: «... в их земле, т. е. в Сибири, были некие англичане... взятые ими, т. е. сибирцами, с кораблем, пушками, порохом...» Можно догадываться, как «с пушками, порохом» намеревались «торговать» с жителями Сибири английские купцы. Вероятно, это была пиратская экспедиция, хотя и ограниченного масштаба.

Следующую попытку проникнуть в Сибирь морским путем на свой страх и риск предпринял фламандский купец О. Брюнел, служивший ранее Строгановым и сорвавший их экспедицию в Сибирь морским путем. Так что поход Ермака в Сибирь, организованный Строгановыми в 1581 году, не был у них первой попыткой в этом направлении. Брюнел же, снарядив с помощью голландского купца Б. Мушерона корабль, сел на мель около устья Печоры и с трудом спасся [Скрынников, Н., 1982, с. 119–125]. Но попытки западных купцов проникнуть в Сибирь «северным путем» вдоль арктического побережья России и их требование монопольного права на торговлю в Русском государстве вызвали ярость Ивана Грозного, отказавшего им в своем покровительстве, и привели

к лишению их торговых привилегий. Таким образом, уже тогда богатства Сибири привлекали не только «законных» наследников Золотой Орды в лице Московского государства, Ногайской Орды, Узбекских и Казахского ханств, но и «заморских гостей» с Запада, которым уже недостаточно было завоевания только американского континента.

Свои интересы имели в Сибири казахские ханы, представители противоборствующей с Шейбанидами ветви Чингисидов, которые вели свое происхождение от сына Джучи и брата Шейбани – Орду-Еджэна. Для «царя Сибири» они были серьезным противником, что видно из его слов московскому послу И. Позневу: «... а нынеча деи мне война с казацким царем, и одолеет меня деи царь казацкий и сядет на Сибири...» [Продолжение..., СПб., 1793, ч. 6, с. 240]. Участие казахских ханов в сибирских событиях являлось продолжением как казахско-ногайских отношений, так и казахско-узбекского противоборства, но уже не на Сыр-Дарье, а на другом, северном фронте. Казахский Хакк-Назар-хан пытался, как отмечалось выше, вовлечь сибирцев в сферу своего влияния с русской помощью. Свидетельством этих усилий является также присутствие казахского султана Ораз-Мухаммада в свите противника Кучума, племянника Едигера и сына Бекбулата, влиятельного сибирского князя Сайид-Ахмада, или Сейдяка русских летописей, и Кадырали-бия Джалаири, в будущем первого казахского историка и летописца, в свите самого Кучума.

Данными персонажами не исчерпывается представительство выходцев из Казахских степей при сибирских владетелях. В грамоте, датированной 1535 года, Сайид-Ахмад сообщал Ивану Грозному, что «казатцкой царь Хозя Махмет с 15 сынами у нас живет» [Кляшторный, Султанов, А.-А., 1992, с. 282]. Отношения сибирских и казахских правителей скреплялись и династийными браками. По преданию, одна из дочерей казахского хана Шигая была замужем за Ахмад-Гиреем, братом Кучума [Миллер, М. – Л., 1937, т. 1, с. 200–201]. Сам Кучум-хан также был женат на дочери хана Шигая. И, тем не менее, казахи и сибирцы встречались и на полях сражений. Так, казахский Ахмат-хан, чье правление

в казахских степях было недолгим и чья родословная неизвестна, погиб в войне с Сайид-Ахмадом [Вельяминов-Зернов, СПб., 1864, ч. 2, с. 275, 325]. В свою очередь, Ахмад-Гирей пал от рук казахских сородичей, которые заманили сибирца в засаду на берегу Иртыша. Кроме того, в русских летописях и документах правителей Сибирского ханства иногда называют ногаями и казахами. Первый правитель «Сибирского царства» Ивак в царской грамоте 1597 года назван ногоем, а в Есиповской летописи от 1636 года сообщается: «Кучум, сын Муртазы, прибыл из казацкой орды...» [Миллер, М. – Л., 1937, т. 1, с. 196]. И все же, хотя полной ясности в вопросе о происхождении Кучума нет, источники определенно связывают Кучума с Шейбанидами.

Картина будет неполной, если не учитывать еще одну силу – казачество, которому была определена решающая роль в последующих событиях, приведших к «взятию Сибири» Ермаком. «Казак» – тюркское слово. В исторической литературе существуют разные его толкования. Несомненно, что первоначально оно не несло ни политической, ни этнической нагрузки, имело только нарицательное значение: «свободный», «бездомный», «скиталец», «изгнанник». То есть казаком называли человека, отколовшегося от своего народа, племени или покровителя и ведущего жизнь искателя приключений. Русские тоже числили казаками людей без определенных занятий и определенного места жительства, людей вольных.

Хотя слово «казак» зарегистрировано на Руси с конца XIV века, родиной казачества историки признают ее южные окраины, смежные с причерноморскими и казахскими степями, условия жизни в которых придавали этой вольнице характер военного сообщества. Иными словами, исходное значение термина «казак» имеет социальный оттенок, отражающий состояние, статус лица или коллектива в каждый данный момент по отношению к правителю, обществу или государству. Так, изгой, который переходит с места на место, добывая себе пропитание собственным мечом, – это казак. Человек, который пускается в дальний и опасный путь один, без сопровождения – тоже казак. Молодец, неумоимо уго-

няющий табуны врага, – опять-таки казак. Таким молодцем был и наш герой Ермак. В 1581 году он напал на стада ногайского мурзы Урмагмета и «отогнал шестьдесят лошадей... а летось отогнали с Волги тысячу лошадей».

Людей, которые какое-то время по необходимости или по доброй воле жили жизнью казака, было всегда немало. В степи казаком мог стать любой человек, славянин или выходец из степных и казакских народов, простолюдин или принц крови в десятом поколении. В самом деле, хотя среди русских казаков преобладали беглые крестьяне, посадские люди да холопы, в «десятиях» конца 70-х – начала 90-х годов XVI века можно встретить имена «детей боярских» и беспоместных дворян, которые «сошли на Дон в казаки», «сошли в поле», «в Поле казакуют». Ермак казаковал более 20 лет своей жизни, о чем свидетельствовали его сподвижники в челобитной царю Михаилу Романову: «двадцать лет полевал с Ермаком в Поле», «в Сибири сорок два года, а прежде де того он служил... на Поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы».

Известный у многих народов под разными именами социальный и возрастной институт «казачества» почти универсально предполагал выделение группы юношей-ордынцев, не имеющих права на наследование отцовского владетельного престола, с целью «добывать славу для престола и счастье для себя» за пределами собственной орды. В своеобразных условиях Степи от Иртыша до Днепра в XVI веке этот институт был распространен почти повсеместно, но со временем трансформировался и к середине столетия в Поволжье, Причерноморье, Приазовье, Приуралье имел черты «казачьей вольницы». При этом этнический состав казачьих общин становился смешанным, хотя изначально в них преобладали выходцы из степных тюркских народов, из разных орд, как отмечено, например, в русском документе 1538 года: «... на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших окраин казаки, с ними, смешавшись, ходят...» [Скрынников, Н., 1982, с. 217]. В другом русском документе, адресованном ногайскому хану Урусу, отмечены «как ваши казаки, так и наши казаки» [Скрынников, Н., 1982, с. 80–81].

Казачья ватага Ермака не была исключением в этом отношении. Еще до сибирского похода о разношерстности его дружины, а точнее, о ее многоплеменном составе говорилось в Ремезовской летописи: «Собрании вои (собрались воины. – *Авт.*)... с Ермаком с Дону, с Волги, и с Еику (Урала. – *Авт.*), ис Казани, ис Астрахи (Астрахани. – *Авт.*), ворующе, разбиша государевы казенные суды (корабли. – *Авт.*), послов и бухарцев на усть Волги-реки». Столь же часто казачья дружина, обреченная в силу своего социально-рангового статуса заниматься «промыслом» в степи или на водных путях, становилась наемной военной силой в порой совершенно противоположных по политической и иной ориентации государствах.

Ермак, «воюя бусы... по Хвалынскому (Каспийскому. – *Авт.*) ... яко и царскую казну шарпал (грабил. – *Авт.*)». При Иване Грозном в составе русского воинства, осаждавшего Казань, и в Ливонской войне, когда Ермак сражался под знаменами царя с поляками и литовцами под Могилевом, участвовали наемные казачьи дружины, предводители которых зачастую имели тюркские и «черкасские», т. е. черкесские или кавказские, имена. Наглядным примером этого является ватага Ермака. Имя ее предводителя «Ермак», вне всяких домыслов на русской языковой почве и без народно-этимологических объяснений, – тюркское, оно означает «забава», «развлечение», «соперник». Примечательны тюркские прозвища Ермака, сохранившиеся в русских летописях, – Таган и Токмак.

Описание Ермака в Ремезовской летописи: «Плосколиц, черн брадою» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 272] – придает ему внешность степняка. Прозвища его казаков, четырех главных соратников в сибирском походе, указывают на их самое различное этническое происхождение: «Черкас» (черкес), «Болдыря» (родившийся от тюрко-славянского брака), «Мещеряк» (из мещеры – угро-финского народа), «Пан» (поляк или украинец). В Погодинской летописи есть более определенные данные по этому поводу: «... приидоша с Руси воеводы... с ними же многие русские люди и ермаковы казаки...» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 275]. Исходя из текста, можно предположить, что «русские люди»

и «ермаковы казаки» в глазах летописца не суть одно и то же, т. е. мнение о формировании казачества на основе смешения разных народов подтверждается.

Хотя в формировании казачества участвовали разные этнические группы и в нем было весомо тюркское начало, все же к концу XVI века оно все более русифицировалось. Причиной тому было не только присутствие в рядах казаков заметного славянского элемента, но и влияние православия – государственной религии России, все чаще привлекавшей казаков на службу. Ведь поступление на нее, равно как и переход в российское подданство, одновременно означали обращение в христианство (и, соответственно, получение нового имени). Так, казак дружины Черкас, приняв крещение, стал Иваном Александровым.

Первые сведения о казачьей дружине атамана Ермака, бежавшей с берегов Волги на Каму, в русских источниках появляются в 1581 году. Эта дружина, которую Строгановы снабдили стругами, оружием, порохом и продовольствием, осенью 1582 года двинулась по Волге на Каму, с Камы вверх по Чусовой и через Камень (Уральские горы) – в Сибирь, далее мелкими реками до реки Тагил, положив начало завоеванию края. От Тагила пришлось тащить струги волоком по суше. С Тагила перешли в реки Туру и Тобол. Подавляющую часть пути – где-то 1200 км из 1500 флотилия Ермака прошла вниз по течению сибирских рек, за два месяца достигнув Иртыша. При этом сопротивление казакам было незначительным. Лишь на Иртыше, по мере приближения Ермака к столице хана Кучума городу Кашлыку, начались жестокие бои.

В распоряжении атамана Ермака было всего 540 человек или немногим более того, но это были опытные, закаленные и обстрелянные воины, вооруженные пищалями – тяжелыми пороховыми ружьями, бывшими новинкой для их сибирского противника. Сплоченной и дисциплинированной горстке казаков противостояли разноплеменные войска хана Кучума, во много раз превосходившие их по численности, но не знавшие никакой дисциплины и не имевшие никаких навыков обращения с огнестрельным оружием. Хотя у Кучум-хана были свои пушки, но его воины не сумели восполь-

зоваться ими в боях с Ермаком. В течение двух-трех месяцев войска Сибирского ханства были разбиты по частям.

Многолетние войны закаляли казаков и научили их использовать в полной мере преимущества их вооружения. Когда казацьи струги подходили на расстояние выстрела к противнику, казаки бросали весла и беспрестанно палили с одного борта, в то время как их товарищи у другого борта перезаряжали пищали. Залпы следовали один за другим, поражая противника, что так живописно представил знаменитый русский художник Суриков на своей картине «Покорение Сибири». Затем казаки, обратив ружейным огнем врага в бегство, брались за сабли и довершали разгром на суше. Ермак и его товарищи овладели столицей Сибирского ханства – Кашлыком. В Кашлыке казаки нашли богатую добычу, и прежде всего огромное количество мехов, собранных в ханскую казну Кучума за много лет. Следуя традиции вольных казаков, Ермак разделил добычу поровну между всеми воинами его дружины.

Нельзя сказать, что победа далась Ермаку легко и бескровно. Особенно упорным и кровопролитным было сражение его дружины с отборными воинами Маметкула, лучшего военачальника хана Кучума, у озера Абалак в декабре 1582 года. В этом бою пало несколько десятков казаков, прежде чем был достигнут успех. Летом 1583 года Ермак послал своих людей к самому царю Ивану Грозному с известием о том, что его казаки «царство Сибирское взяли и многих живущих тут под государеву руку подвели...» Царь одарил посланцев деньгами и сукном, а на помощь Ермаку отправил отряд князя Болховского. Ермак одержал победу, но торжествовать было рано.

Лихой набег удался, однако осень была на исходе, и казачья флотилия не могла пуститься в обратный путь. В ноябре грянули морозы, и реки, единственные пути сообщения с Русью, подернулись льдом. Пришлось вытащить струги на берег. Началось трудное зимовье, так как Кучум-хан перекрыл пути подвоза хлеба в Кашлык. Князь Болховский, многие стрельцы его отряда, а также казаки умерли в Кашлыке зимой 1584 года от острого недоедания и страшных сибирских морозов. Тем не менее Ермаку полтора года

удавалось удерживать Кашлык и отбивать атаки воинов Кучума. Чтобы не умереть с голоду, Ермак отправился в новый поход для снятия Кучумовой блокады. В ночь с 5 на 6 августа 1585 года дружина подверглась нападению воинов Кучума, оказавшегося для казаков неожиданным, что предрешило гибель Ермака и его соратников в жестокой сече.

Деяния дружины Ермака нашли отражение в «Сибирских летописях», повествование которых основывалось на «сказах» старых ермаковцев, записанных через 42 года после похода. «Сказы» не дают ясного ответа на вопрос о личности Ермака. Более или менее они единодушны в том, что он был христоробивый и отважный русский казак, воевавший за русского царя, а затем отправившийся в Сибирь. В его немногочисленной дружине был православный священник-расстрига, что позволяло впоследствии утверждать, будто Ермак нес «Христово слово» в стан «неверных» [Скрынников, Н., 1982, с. 138]. По крайней мере, именно так после 1636 года стала интерпретироваться роль Ермака в Сибири [Скрынников, Н., 1982, с. 21, 266]. О досибирском прошлом Ермака почти ничего не было известно. Более того, из этого прошлого полностью выбрасывались детали, намекающие на тюркское, точнее, ногайское происхождение героя.

Обычно в фольклоре и художественной литературе появление Ермака в Поле связывается с его неразделенной любовью к некоей красавице. Мотив любви присутствует и в тюркской легенде, согласно которой Ермак был вхож в окружение правителя ногаев, что позволило ему вступить в связь с ногайской княжной. Спасаясь от благородного гнева ее брата, он вынужден был бежать на Волгу, где и стал казаком.

Обращает на себя внимание использование Ермаком тюркской лексики в переписке с царским двором: «Ермак же сяде в царстве Сибирском и посла великому князю с сеунчем 50 человек. Царь Иван Васильевич тех сеунчей пожаловал» [Скрынников, Н., 1982, с. 14]. Слово сеунчюк (гонiec с хорошей вестью), сеунч в современных тюркских языках звучит как суюнши, суюнчи, севинч; его значение – «хорошая вестъ», «подарок за хорошую вестъ». Из тек-

ста летописи следует, что Ермак послал царю «сеунчем» казака Черкаса, к этому времени уже ставшего Иваном Александровым. После русского завоевания Сибири он возглавил там сотню татарских воинов на царской службе, прослужил 50 лет и стал «тобольского города атаманом» [Миллер, М. – Л., 1937, т. 1, с. 357–359].

В Строгановской летописи по Афанасьевскому списку излагается эпизод, из которого следует, что в глазах Шибанидов Ермак ассоциировался с ногаями и выступал от их имени: «Того же лета (1581 года. – *Авт.*) прииде от Карача (главного министра или визиря при хане Кучуме. – *Авт.*), прося от него обороны от Нагайских людей, и на том шерстова (клялся. – *Авт.*), что не учинити зла» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 101]. Это известие вполне согласуется с сообщением Есиповской летописи по Погодинскому списку, что местом первого исхода Ермака была долина Яика (реки Урал), тогда один из центров ногайских владений: «А приход Ермаков с товарищи в Сибирскую землю с Еика на Иргизские вершины да в низ по Иргизу» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 276]. В составленной с учетом «бусурманских письмен и сказов» Ремезовской летописи приводится история о выдаче за Ермака дочери князя Елыгая в ногайской Саргачиковой волости, после того как казаки с оружием в руках захватили эту волость. И рядом с этим сообщением приводятся начальные слова событийно не связанной с этим татарской песни «Царицын плач» о пяти убитых ермаковцах: «Яным, яным, биш казак» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 342].

Сибирскими же летописцами записано и местное татарское предание о последнем бое Ермака. В нем обстоятельства гибели Ермака отличаются от приводимых Строгановской, Есиповской и Ремезовской летописями, согласно которым покоритель Сибири утонул под тяжестью доспехов в Иртыше во время внезапного ночного нападения воинов хана Кучума. По тюркской версии, победителем Ермака был будто бы могучий и храбрый мурза Кучугай, воин Кучума. Он служил дворецким при хане, собирал ясак от его имени, побывал в плену у Ермака, но был отпущен. При ночном нападении на казачий лагерь Кучугай «устремился за Ермаком

в струг, стругу же отплывшу от берега и плывушу по реки, они же показаша между собою брань велию, сразишеся друг с другом». С саблей в руке Ермак «нача одолевати» Кучугая, отражавшего его сабельные удары копьем. Но у казака развязался ремень боевого шлема и обнажилось горло. В этот момент «Кучугай пробode в гортань» Ермака [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 321; Дворецкая, М. – Л., 1957, с. 467–482].

С ногайской же частью Сибирского ханства можно связать и известия о похоронах Ермака по местному обычаю и о его обожествлении после смерти. «И нарекоша его богом и погребоша по своему закону на Баишевском кладбище под кудрявую сосну, и панцыри его разделиша на двое: один отдаша в приклад Белогорскому шайтану, и той князь Алач взял, той бо во всех городах славен» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 346].

В почестях, оказанных сибирцами Ермаку после смерти, возможно, отразилась их реакция на лояльное отношение ермаковцев к местным верованиям. В противовес официальной трактовке Ермака, пришедшего в Сибирь якобы для того, чтобы победить «бусурман» с язычниками и «разорити их богомерзкая и нечестивая капища» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 187], документы говорят о другом. Погодинский летописец воспроизводит текст послания Ермака царю о «сибирском взятии»: «Писали Ермак с товарищи благочестивому государю царю и князю Ивану Васильевичу всея Руси самодержцу... что царство Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерсти (присяге. – *Авт.*) татар и остяков и вагулич (хантов и манси. – *Авт.*)... по их верам на том, что им быть под его царскою высокую рукою до веку» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 281–282]. Из текста ясно, что на местные верования Ермак не покушался. Не делал он и попыток разрушения языческих капищ и мусульманских мечетей. Казаки Ермака пришли в Сибирь с мечом, но не с крестом. И в этом состоит заметное отличие покорения Сибири русскими от конкисты Америки испанцами, португальцами и англичанами, которые, по словам современника событий, испанского гуманиста Барто-

ломе де Лас Касаса, «шли с крестом в руке и ненасытной жадой золота в сердце», хотя последнее обстоятельство также было при- сущо дружине Ермака.

Взяв с боем Аремзянскую волость, ермаковцы заставили покорившихся сибирцев целовать в знак верности русскому царю не крест, а казацкую саблю. В кунгурских «сказах» церемония присяги описана так: предводитель казаков положил на стол окро- вавленную саблю и велел «целовати за государя царя, чтобы им (сибирцам. – *Авт.*) служить и ясак платити по вся годы, а не изме- нити» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 333]. Поведение Ермака позволяет усомниться в том, был ли он вообще православным. К тому же принятие православия предполагает смену имени, как это было с его соратниками, в случае же с Ермаком этого не про- изошло. Последующие действия Ермака усиливают сомнения по поводу исповедания им православия. Кунгурские «сказы» сообщают, что в Сибири Ермак посещал языческие мольбища и в труд- ных для него обстоятельствах даже обращался за советом к шама- нам. Попав в «великое болванское моление» в Чандыре, он спросил шамана, суждено ли ему пройти «за горы на Русь». Шаман дал отрицательный ответ [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 326].

В свете гипотезы о ногайских корнях Ермака особое звуча- ние получает следующее место в одной из царских грамот на имя Кучума: «Которые ногайские улусы, тайбугин юрт, которые коче- вали вместе с тобою, от тебя отстали, на которых людей тебе была большая надежда» [Скрынников, Н., 1982, с. 17]. Более понят- ными становятся слова и действия самого хана Кучума и его сына. Теряя власть, хан сделал выбор, оказавшийся для него роковым: «Не поехал, деи, я к государю (Руси. – *Авт.*) по государевой гра- моте, по своей воле... а нынеча деи я иду в нагаи, а сына своего посылаю в Бухары». Но царевич, сын Кучум-хана, так и не уехал в Бухару, поскольку «у них в Бухарех многих нагайских мурз, заманив оманом, побили» [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 161].

В словах сына хана Кучума, Шейбанида и сородича узбекских бухарских ханов, примечательно то, что он ассоциирует себя пре- жде всего со своими сибирскими подданными – ногайскими мур-

зами, а не с узбеками, хотя могущество «царя Сибири» основывалось на поддержке не только со стороны сибирцев, но и со стороны бухарцев. Показательна и казнь Кучума в Ногайской орде: «Егда же Кучум со своими к Нагаям приходом явился, тогда Нагаи ни мало потерпеша, собрався с роды своими, убиша Кучума и протчее имение отгяша, а людей его похолопиша» (превратили в рабов. – *Авт.*) [Сибирские летописи, СПб., 1907, с. 353]. Возможно, причиной гибели Кучума было стремление ногаев выразить свою лояльность Москве. Но если считать Ермака ногаем, то нельзя исключать и мотив мести за его убийство.

Все известия о начальном этапе русского завоевания Сибири дошли до нас в церковно-патриотическом освещении, в них не осталось места для чего-то нерусского и неправославного.

Вместе с тем предложенный выше «тюркский» взгляд на некоторые события, связанные с походом Ермака в Сибирь, не меняет общей оценки самого похода. Он «явился прямым следствием решений и действий Московского правительства Ивана Грозного» [Красинский, М., 1947, № 3, с. 97]. Другое дело, что внимание к тюркским мотивам, прослеживающимся внутри, казалось бы, исключительно русской темы, позволяет выявить и других персонажей, причастных ко «взятию Сибири». Это и правители Большой Ногайской Орды, рассчитывающие восстановить при содействии царя и Строгановых утраченные ими позиции в Сибири, и западноевропейские – английские и голландские купцы, и казахские ханы, враги Кучума и среднеазиатских Шейбанидов, и складывавшееся в ходе смешения разных народов казачество, игравшее относительно самостоятельную роль. На их фоне в личности Ермака проступают новые черты, более отвечающие обстоятельствам места и времени, в том числе и явные признаки тесной связи этого вольного казака на русской службе с ногаями.

В любом случае «взятие Сибири» было совершено в значительной степени тюркскими руками, и, как предполагается, сам Ермак – наглядный пример этого. Роль служилых татар или ордынцев и ранее была заметна в истории Московской Руси, когда сформированные из ордынцев отряды деда Ивана Грозного – великого

князя и государя Московской Руси Ивана III Великого нанесли поражение ополчению Великого Новгорода и присоединили его земли к Москве. Традиция их привлечения на «государеву службу» сохранялась и в дальнейшем при «собираании земель» под скипетром российской короны. Возможно, и Ермак был одним из знаменитых представителей этой плеяды «инородцев», служивших России.

При этом «вклад» Ермака был очень крупным. Ибо осуществленное им завоевание Сибири сделало Россию подлинно евразийской, по сути, великой державой, владеющей большей частью бывшей территории Золотой Орды, и позволило русским царям с уверенностью считать себя законными правопреемниками Джучидов, т. е. ханов Золотой Орды. Как раз об этом с гордостью заявлял Иван Грозный: «А теперь божею волею Узбеков юрт (одно из названий Золотой Орды. – *Авт.*) у кого в руках, сами знаете, известно, от кого на том юрте посланники и воеводы сидят» [Соловьев, М., 1959, кн. 3, с. 596].

При взгляде на русское завоевание Сибири напрашиваются аналогии, имеющие отношение к «последнему крестовому походу Запада» – конкисте Нового Света – американского континента, тем более что это происходило фактически почти в одно время. На первый взгляд здесь много общего, особенно внешне, когда и в Сибири, и в Америке немногочисленные пришельцы-конкистадоры, пользуясь превосходством в огнестрельном оружии, наносили сокрушительные поражения многочисленным ополчениям местных народов. Меч и страсть к наживе стали символами как завоевания Сибири, так и конкисты Америки. Соответственно этим настроениям из разношерстной массы искателей приключений формировался контингент военных экспедиций как на Руси, так и в Западной Европе. Этим беспрецедентным военным кампаниям свойственна территориальная экспансия, направленная на присоединение новых земель, в итоге превратившая западные страны – Испанию, Португалию, Голландию, Францию, Англию, а также Россию в крупнейшие империи.

Но на этом сходство кончается. Миссионерские мотивы, связанные с обращением местных народов завоеванных земель в хри-

стианство, так бросающиеся в глаза при конкисте Нового Света, не были столь ярко выражены во время сибирского похода Ермака. Если для западноевропейских конкистадоров американский континент был терра инкогнита – неизвестная ранее земля, то для русских Сибирь была достаточно знакомым, хотя и неосвоенным к тому времени краем. Еще более века назад, до похода Ермака, Западная Сибирь и Русь были частями одного государства – Золотой Орды. Кроме того, хотя в социальном отношении состав военных экспедиций как в Сибирь, так и в Новый Свет был аналогичен, в этническом и цивилизационном отношениях здесь разница существенна. Западноевропейские экспедиции конкистадоров формировались исключительно из европейцев – испанцев, португальцев, голландцев, французов, англичан, в зависимости от того, какое из европейских государств в данный момент осуществляло экспансию. Лишь в ходе экспедиций к ним присоединялись союзники из местных племен.

Другая картина предстает при завоевании Сибири Ермаком, дружина которого изначально состояла не только из славян, но и из выходцев из числа тюркских, кавказских, угро-финских народов, в частности, из ногаев, представленных и среди народов Сибири. Тем более что правитель Сибирского ханства, хан Кучум, противостоявший Ермаку, сам был выходцем из других земель – из далекой Бухары.

Неодинаковыми были последствия завоевания Сибири русскими и конкисты Нового Света западноевропейцами. Для покоренных народов Нового Света они оказались трагическими. При всем взаимообогащении цивилизаций Европы и Америки конкиста нанесла огромный ущерб коренным народам американского континента, их уникальной культуре и привела к их массовому истреблению, когда исчезли целые индейские народы, не говоря уже об их ассимиляции и утрате местных языков в результате целенаправленной политики западноевропейских пришельцев. Причем, если испанцы и португальцы к XVI веку по мере христианизации индейских народов Америки прекратили под влиянием католической церкви их истребление, то англосаксы – англичане

и их преемники североамериканцы олицетворяли в большинстве своем протестантскую ветвь христианства, которая считала невозможным обращение индейцев в христианство, так как, по мнению протестантов, коренные жители Америки были «порождены дьяволом», что предопределило их истребление на государственном уровне вплоть до конца XIX века.

Ничего подобного в Сибири после присоединения к Российскому государству не происходило, поскольку обыкновением политики России (хотя и не всегда на всем протяжении ее истории) было сохранение новых, включенных в ее состав, в том числе и завоеванных народов без изменения их традиций, религии и языка, в чем в определенной степени сказалось культурное наследие и традиции Золотой Орды. Во всяком случае, со времени сибирского похода Ермака и поныне не изменилась этнографическая карта Сибири, и ее народы под властью России не только не исчезли, но и сохранили свою численность, хотя и не избежали негативных издержек русского завоевания, став в итоге многовекового симбиоза и взаимообогащения культур неотъемлемой частью российской цивилизации.

К вопросу об исторических преемниках Золотой Орды

Истоки феномена российской имперской государственности, наглядным олицетворением которой было Московское царство в период его расцвета и Российская империя, имеют в своей основе синтез трех компонентов: древнерусской государственности Киевской Руси, идеологической и культурной традиции Византийской империи через посредство православной христианской религии и имперского наследия Золотой Орды, о чем и пойдет речь ниже.

Спор о евразийском наследии Улуса Джучи – государства, образовавшегося в итоге распада мировой Монгольской сверхдержавы, у истоков которой стояли Чингис-хан и его первые наследники, на степных просторах Дешт-и-Кипчака от Алтая до Дуная,

а также на землях Руси, Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, Западной Сибири, Северного Хорезма, не утратил злободневности в наши дни. Свидетельством этого являются попытки определенных научных и официальных кругов современного Татарстана отнести историческое наследие Золотой Орды к отождествлению в первую очередь с историей современных татарских народов, что отразилось в третьем томе фундаментального научного труда «История татар», изданного в 2009 году в Казани, авторами которого вместе с историками Татарстана являются ученые России и других стран СНГ, а также дальнего зарубежья.

Спорным, на наш взгляд, является утверждение историков Татарстана, что «наиболее тяжелую часть ноши», т. е. «моральной ответственности» за историческое наследие Золотой Орды «несли и несут» татары [Усманов, Казань, 2009, с. 14]. Если в отношении крымских и сибирских татар данное утверждение справедливо, то в отношении казанских татар этот тезис дискуссионен. Непонятно, по каким причинам историки Татарстана причисляют к «собственно татарским государствам» Ногайскую Орду, а ногайцев к татарам. Это с точки зрения русских летописцев так и было, но они до конца XVII века называли среди «татар, лутчих людей» и казахов. Однако Золотую Орду олицетворяли прежде всего тюркские степные народы, прямыми потомками каковых ныне являются ногайцы, казахи, каракалпаки, крымские и сибирские татары, башкиры, часть узбеков – потомков кочевых племен, не говоря уже о том, что основателями этой империи были монголы, прямые потомки которых – такие народы России, как буряты и калмыки. В степной зоне Дешт-и-Кипчака от Алтая до Дуная – будущих Ногайских и Казахских степей находились зимняя столица и летняя ставка Улуса Джучи – Сарай и Сарайчик. Предки же современных казанских татар, ядро этногенеза которых составили не степные, а оседлые тюркоязычные булгары, смешавшиеся с отюреченными и исламизированными финно-угорскими и восточнославянскими племенами Поволжья и Урала, обитали во владениях Золотой Орды на ее периферии, в лесной зоне на границе с русскими землями и местами проживания финно-угорских

народов. Поэтому, не отрицая право казанских татар на культурное наследие Золотой Орды, представляется все же, что не только татарские народы «несли и несут» «моральную ответственность» за историческое наследие Джучиева Улуса. Интересно в этой связи отметить, что только у трех в прошлом степных народов: крымских татар и казахов, а также у части узбеков – потомков выходцев из кочевых племен, вполне в духе золотоордынской традиции наследования верховной власти – существовал институт Чингисидов, представителей «золотого рода» Чингис-хана, олицетворявших ханскую власть, которые имели право на верховное правление на всем обширном постордынском пространстве. Поэтому неудивительно, что крымские Чингисиды, потомки младшего сына Джучи-хана Тукай-Тэмура – Гирей оказывались на троне ханов Казани, а казахские Чингисиды, потомки старшего сына Джучи-хана Орду-Эджэна, были ханами не только своих соплеменников-казахов, но и ногаев, каракалпаков, киргизов, башкир и Хивинского ханства, порой тесня в борьбе за престолы Узбекских ханств узбекских Чингисидов, потомков сына Джучи-хана Шейбани (Шибана) [Султанов, 2015, М., с. 248–299]. В этой связи представляет немалый интерес проблема золотоордынского наследия по отношению не только к тюркским народам Восточной Европы и Центральной Азии, но и к восточно-славянским и угрофинским. А истоки данной проблемы уходят в эпоху монгольских завоеваний XIII века.

При всем трагизме монгольская эпоха не была проста и однозначна. Это относится и к таким сложным конгломератам, как империи Чингис-хана и его первых наследников, в числе которых Золотая Орда. Поэтому абсолютно негативное отношение к монгольскому завоеванию и всему, что с ним связано, видимо, не совсем правомерно. Этого мнения, в частности, придерживался такой серьезный исследователь данной эпохи, как В. В. Бартольд [Бартольд, М., 1963–1977]. Создаваемые в основном в результате кровавых завоеваний, эти империи в дальнейшем играли и цивилизующую роль. Ведь создание империй, при всем неприятии насилия и крови, – это и попытки, хотя далеко несовершенные,

человечества к интеграции. Примеры тому – не только державы Ахеменидов и Александра Македонского, Рим, Арабский халифат, Османская, Британская и Российская империи, но и сами результаты монгольской экспансии. Созданные в итоге походов Чингис-хана и его первых наследников государства, ярким примером которых стал Улус Джучи, включивший в свой состав и Русь, являют собой пеструю картину во всех отношениях. Более того, отмечается возникновение гораздо большей политической устойчивости после образования этих государств во всей Евразии – от Восточной Европы до Центральной Азии и Китая.

К тому же отсутствие пространственных перегородок в пределах этих обширных империй создавало возможность сближения народов Евразии. Культуры тюркских, монгольских, восточнославянских, финно-угорских, кавказских и других народов Евразии длительное время формировались, находясь в единой системе связей, что сближало их, определяя во многом сходство жизненного уклада и менталитета этих народов, и это приводило к объединению их в многонациональные государства, каковыми и были империи потомков Чингис-хана, такие как Улус Джучи. Поэтому лишь отрицательный взгляд на них как на «дикие орды» был бы исторически несправедлив.

После распада империи Чингис-хана древнерусские земли вошли в состав Улуса Джучи. Монголы принесли собственное общественное устройство только в подвластные им пространства степей Дешт-и-Кипчака, в отношении же Руси и земель финно-угорских народов завоеватели довольствовались их полным подчинением, учредив на их землях институт баскаков-сборщиков налогов, но не меняя общественное устройство. Довольно быстро и сбор налогов перешел в ведение местных русских князей и финно-угорских владетелей, признающих власть Джучиева Улуса. От выплаты дани была освобождена Русская православная церковь. Она получила специальные ярлыки, которые защищали церковное имущество от произвола ордынцев. Такая ситуация сохранялась в Джучиевом Улусе и после объявления его ханом Узбеком ислама государственной религией – явление, невиданное в дру-

гих мусульманских империях, где все немусульмане платили специальный налог – «джизью». Казалось бы, для мусульманской империи была вполне естественной политика исламизации своих «неверных» подданных – жителей Руси и финно-угорских земель, но ханы Золотой Орды не совершили насилия над душами своих православных подданных и позволили им сохранить в эпоху своего владычества собственную веру, язык, культуру, государственность, в отличие от русских правителей, которые в течение более чем двух веков – со взятия в 1552 году русскими войсками Казани и до вступления на русский трон Елизаветы Петровны – с упорством, достойным лучшего применения, искореняли ислам в России и проводили политику принудительной христианизации и ассимиляции знати тюркских народов России.

Джучиды, потомки Чингис-хана, выполняли его завет терпимо относиться к представителям различных вероисповеданий. Поэтому представляется спорным утверждение, что Русская православная церковь вдохновляла российское общество на борьбу с золотоордынской властью, как и мнение, что поражение ордынцев Мамай на Куликовом поле подорвало могущество Улуса Джучи на Руси. Победа коалиции русских княжеств во главе с Москвой над беклярибеком Мамаем, который не был даже ханом Золотой Орды, поскольку не принадлежал к числу потомков Чингис-хана (по праву рождения имевших право на трон на всем постордынском пространстве) и возглавлял только часть золотоордынских войск, имела больше моральное и психологическое значение, но не для Джучиева Улуса, а для Руси, как ее первая крупная победа над ордынцами за более чем 150 лет.

В 1381 году, через год после Куликовской битвы золотоордынский хан Тохтамыш взял и разрушил Москву, восстановив статус-кво, существовавший до этого. Улус Джучи сокрушил правитель Самарканда Тимур, основатель мировой империи от Малой Азии до границ Китая, совершивший три похода в его пределы, о чем уже говорилось выше. Были разрушены города Джучиева Улуса, караванные пути переместились на юг, во владения Тимура. От этих потрясений Золотая Орда уже не смогла опра-

виться и в первой половине XV века распалась на отдельные владения: Большую Орду, Великое княжество Московское, Крымское, Казанское, а затем Астраханское ханства, Узбекский улус, на руинах которого возникли Ногайская Орда, Казахское и Узбекские ханства.

В Великом княжестве Московском, где по золотоордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий, ценилось ханское звание и принадлежность к роду Чингисидов. Русская знать легко находила соответствия своей титулатуре в золотоордынской системе и устойчиво вписывалась в ордынские порядки [Трепавлов, М., 1998, с. 101–114]. Сходство порядков в Улусе Джучи и на Руси было столь значительно, что еще в «Задонщине», русской повести XV века, Русь называлась «Залесская Орда». В свою очередь, в государственной структуре Великого княжества Московского Чингисиды считались «честию бояр выше» [Ланда, М., 1995, с. 44–67].

Для Московской Руси обретение независимости не означало разрыва связей с наследниками Золотой Орды. Как и раньше, русские князья формально признавали свою обязанность выплачивать дань, оговаривая ее в документах и завещаниях. Более того, освободившись политически, Московская Русь получила возможность наладить еще более тесные экономические и культурные связи со своими тюркскими соседями. В сознании тюркской знати постордынских ханств, да и среди потомков ордынской знати в числе московской аристократии еще долго, вплоть до середины XVI века, было живо убеждение в праве господствовать над Москвой и ее землями. В конце концов оно воплотилось в назначении, пусть и временном, представителя ордынской знати Чингисида Петра Ибрагимовича наследником трона государя Московской Руси великого князя Ивана III Великого, а также в номинальном «царствовании» на Руси ордынца – Чингисида Саина Бекбулатовича, при крещении взявшего имя Симеон, в течение почти года до января 1576-го, которому русский царь Иван IV Грозный, чья мать Елена Глинская принадлежала к знатному роду потомков

выходцев из Золотой Орды, известный на Западе как Иоанн «Ужасный», на время был вынужден «отдать» трон, а также в восхождении на русский трон Бориса Годунова, потомка золотоордынца Четмурзы [Баскаков, М., 1979, с. 57–59), о котором А. С. Пушкин писал в своем произведении «Борис Годунов»: «татарин, нехристь».

Годунов любил появляться в окружении тюркской знати, в его ставке находились казахский, сибирский, хивинский и шемаханский «царевичи». Именно Годунов своим официальным царским указом уравнил Чингисидов, ханов вассального от Москвы Касимовского ханства, являвшихся к тому же мусульманами, с грузинскими православными царевичами, жившими в Москве, и с высшими иерархами Русской православной церкви. Правил в Касимовском ханстве находившиеся на русской службе выходцы из тюркских государств постордынского пространства. Так, с 1480 года правителем Касимова был крымский хан Нур-Даулет, с 1487-го – казанские ханы, однажды – астраханский хан, а с 1600-го – казахский Чингисид по имени Ораз-Мухаммад.

И позднее потомки ордынской знати играли видную роль при царском дворе, породнившись в середине XVII века с правящей династией Романовых. Еще в XVIII веке около 17% русской знати составляли потомки выходцев из ордынской знати. При этом Борис Годунов опасался Симеона Бекбулатовича как соперника, тем более что после смерти Ивана Грозного бояре собирались венчать на царство Симеона, чтобы не допустить к власти Годунова, который де-факто управлял бы страной, если царем становился сын Грозного Федор Иванович, что и произошло. Правда, к тому времени, когда Борис Годунов сам стал царем, Симеон Бекбулатович уже давно не имел никаких властных полномочий и был удален от московского двора в село Кушалино под Тверью. Тем не менее он обладал титулом великого князя и поэтому де-юре имел право на русский престол, что сыграло роковую роль в его судьбе. По свидетельству Никоновской летописи, от царя Бориса Годунова ко дню рождения Симеона Бекбулатовича было послано милостивое письмо и бутылка испанского вина, выпив которое, Симеон и его слуга ослепли.

До сих пор историки спорят, что вынудило Ивана Грозного отдать на время трон Симеону Бекбулатовичу: то ли боязнь стать жертвой заговора разоренных им бояр, то ли стремление отобрать у монастырей дарованные им богатства не от своего имени, а от имени Симеона, то ли страшное пророчество волхвов, что в 1576 году тот, кто будет на царском троне, погибнет от руки убийцы. Вместе с тем интересна и версия, что Симеон был временно возведен на трон с целью ослабить угрозу со стороны Гиреев – ханов Крыма, так же, как и он, бывших Чингисидами, чьи орды тогда поставили под вопрос само существование Московской Руси как независимого государства, захватив даже резиденцию Грозного – Александрову слободу. Возможно, Грозному представлялось, что Симеону будет легче договориться со своими сородичами и соплеменниками, и для этого он временно предоставил крещеному ордынцу царские полномочия, что в силу указанных обстоятельств, видимо, было неслучайно.

И позднее потомки ордынской знати играли видную роль при царском дворе, породнившись в середине XVII века с правящей в России династией Романовых. Прием, к которому прибегнул Иван Грозный, использовался и позже, например, когда на русский трон вступил Михаил Романов, сын патриарха Русской православной церкви Филарета, реально управлявшего страной от имени своего официально коронованного сына, и в какой-то степени был воспроизведен спустя почти полтысячелетия нынешним правителем России, президентом В. В. Путиным, на четыре года «уступившим» пост российского президента своему протеже Д. А. Медведеву, при этом де-факто контролируя власть в стране, оставаясь на посту главы правительства.

Хотя Чингисиды создали империю военным путем, их государство опиралось не только на военную силу, что объясняет их почти 300-летнее владычество на Руси. Воистину пророческими оказались слова китайского древнего мудреца Лу Цзя, приписываемые зачастую Конфуцию: «Можно завоевать империю сидя на коне, но нельзя с коня управлять ею». На Руси потомки Чингисхана сумели лучше адаптироваться к местным условиям и создать

более эффективную систему управления завоеванными территориями, чем это сделали монголы в Китае – в Юаньской империи или в Персии и Азербайджане – Улусе ильханов Хулагуидов, где они были у власти гораздо меньше времени – примерно 100 лет.

Со своей стороны, Русь имела в лице метрополии, каковой была для нее Золотая Орда, духовную и военную поддержку в многочисленных войнах с католической Европой, объявившей крестовый поход против Руси и ордынцев. Таким образом, выбор князя Александра Невского, победителя шведов и тевтонцев, «приемного сына» и фаворита Бату-хана был сделан в пользу союза с Золотой Ордой. Этого выбора придерживались и другие видные деятели Руси золотоордынской эпохи, например, московский князь Иван Калита, воспользовавшийся отстранением от власти восставшего против Золотой Орды и носившего тогда титул великого князя Руси Михаила Тверского, когда титул великого князя перешел к Калите, активно помогавшему ордынским войскам подавлять восстание в Твери силами своей московской дружины.

Именно золотоордынская система сделалась прообразом российской имперской государственности. Это проявилось в установлении авторитарной традиции правления, в жестко централизованной общественной системе, дисциплине в военном деле и веротерпимости. Хотя, конечно, были и существенные отклонения от этих принципов в определенные периоды российской истории. Помимо этого, Русь и другие подвластные Джучиевому Улусу земли были вовлечены в находящуюся на более высоком уровне финансовую систему золотоордынской империи; завоеватели создали эффективную, пережившую века ямскую систему путей сообщения, сеть почтовых организаций на значительной части Евразии, в том числе на территории России. Наследием Золотой Орды стало обыкновение (хотя и не всегда на всем протяжении истории России) не ассимилировать новые, завоеванные и включавшиеся без кровопролития в состав Российского государства земли, не изменять жизнь, религию и язык покоренных народов.

Вместе с тем историческая память русского народа о времени монгольского завоевания и владычества Золотой Орды проста.

Достаточно сказать, что опасения возрождения мощи кочевых народов и объединения их в единую империю сохранялись в российском обществе до конца XVIII века, что можно объяснить только «золотоордынским синдромом». Русь была под владычеством Золотой Орды 242 года, и этот период ее истории ознаменовался тяжелыми материальными и человеческими жертвами. Древнерусские летописи изобилуют описаниями разрушений, грабежей, беззаконий и жестокостей, творившихся на Руси ордынцами. Древнерусские летописцы для описания их действий применяли только черную краску. Ею же, не смягчая тонов, пользовалась в отношении ордынцев и вся дальнейшая русская литература, а беллетристика в особенности. Все это, включая неизбежные и частые в таких случаях преувеличения, вполне понятно и психологически легко объяснимо: древнерусский народ, попав под тяжелое владычество степных завоевателей, разумеется, не мог испытывать к ним ничего, кроме ненависти и страха. Ордынец мог быть только «поганим» – диким, коварным, грабителем и насильником. И подобный образ его, не всегда близкий к истине, стал традиционным в русской литературе и в представлениях русского народа. Не изжит он и поныне, хотя прошло более шести столетий со времени падения ордынского владычества на Руси [Halperin, M. 2005, p. 4–5].

Вместе с тем, если отнестись к этому вопросу объективно, следует признать, что, кроме отрицательных качеств, ордынцы, по свидетельству российского историка М. Д. Каратеева, обладали и другими – и как люди, и как правители. Прежде всего они отличались честностью, верностью долгу и дисциплинированностью, и в этом отношении влияние их на русский народ могло быть не только негативным. Иго их было тяжелым, хотя ордынцы не старались изменить образ жизни покоренных, не покушались на их веру, язык и культуру, не пытались их ассимилировать, а после принятия ислама исламизировать, и косвенно оказало Руси большую услугу: из губившего страну удельного раздробления привело ее к единству в рамках обширной евразийской империи, вызванному необходимостью общими силами свергнуть это иго.

В то же время тюркские народы России и постсоветского пространства – поволжские, сибирские и крымские татары, ногайцы, башкиры, кумыки, карачаевцы, балкарцы, казахи, каракалпаки видят во времени Золотой Орды истоки своего этногенеза и возникновения своей национальной государственности.

Российская имперская идея во многом представляет синтез золотоордынских и византийских имперских традиций, между которыми есть и общее, и существенные различия. Как Византия, так и Золотая Орда были великими евразийскими державами, и Российская держава унаследовала от них эту особенность. Что касается отличий, то византийское наследие прослеживается больше в духовной жизни, а золотоордынское – в практике государственного строительства и управления, хотя далеко не исчерпывается только этим. Отличие состоит также и в том, что Российская империя была единственной именно имперской наследницей Джучиева Улуса, в то время как среди имперских преемников Византии наряду с Россией была и Османская империя. Но подлинное величие России как великого государства, при всем значении древнерусской и византийской традиций, было заложено не столько восточными славянами, варягами и византийцами, сколько ордынцами. В силу исторических обстоятельств древнерусская государственность не развилась до имперского уровня, а пошла по пути «дробления» и пала под натиском тюрко-монгольских завоевателей, создавших мировую евразийскую державу – Золотую Орду, ставшую предтечей Московского государства и Российской империи.

Оказавшись в составе Джучиева Улуса, подвластные этой империи народы не остановились в своем развитии. Были радикально изменены пути этого развития, что в итоге привело Русь, например, к принятию от Улуса Джучи эстафеты гегемонии среди евразийских держав, когда к концу XV века она в лице Московского государства стала решающей силой в великом состязании «царств-наследников» Золотой Орды. Эта борьба за гегемонию в евразийском наследии Золотой Орды затянулась до конца XVII века, когда Московское государство прекратило выплату дани, правда, нерегулярную (так называемых «поминок») Крым-

скому ханству, своему основному сопернику в борьбе за наследие Джучиева Улуса.

Став частью исторического прошлого, это соперничество оставило о себе память и в виде многочисленных российских княжеских родов тюркского происхождения, истоки формирования которых относятся как ко времени Золотой Орды, так и к более поздней эпохе [Баскаков, М., 1979, с. 47–300]. К последствиям золотоордынского владычества для Руси, замалчиваемым рядом российских и советских историков, можно отнести религиозно-национальный подъем, что выразилось в создании высоких художественных образцов во всех областях религиозного православного искусства. Олицетворением этих достижений можно считать творчество художника-иконописца Андрея Рублева. Объективно этому способствовала веротерпимость золотоордынской элиты.

Русь имела в лице метрополии, каковой для нее была Золотая Орда, духовную и военную поддержку в войнах с немецким Тевтонским орденом, Швецией, Польшей, Великим княжеством Литовским, избежав таким образом, по мнению российских историков П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Л. Н. Гумилева, культурной ассимиляции и физического истребления со стороны католического Запада.

Заметно было золотоордынское влияние и на русский язык, что находит свое отражение в современном русском языке, где пятая-шестая часть словарного запаса – тюркского происхождения. Начало присутствию в Москве мусульманской общины из числа разных народов было положено в эпоху Золотой Орды, и многие исторические названия в столице России восходят к этим временам: Китай-город (от тюркского слова «китай» – крепость), Ордынка (бывшая дорога в Орду), Балчуг («глинистое место» по-тюркски), Татарские улицы и Татарские переулки, Крымский вал и Крымский мост, Арбат (от тюркской «арбы» или арабского «рабада» – предместья), Мансуровский переулок и Измайлово – от имен ордынцев, перешедших на русскую службу.

Таким образом, Русь многое унаследовала от Улуса Джучи. Например, наследие Золотой Орды в области государственной

организации стало прообразом в первую очередь российской имперской государственности, где по ордынским образцам функционировали военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий. До конца XVII века русские цари вели переписку с мусульманскими государями с использованием стиля и формул, свойственных парадно-канцелярскому производству Золотой Орды, а в дальнейшем Крымского ханства. Направлявшиеся правителям мусульманских стран грамоты украшались, во всяком случае, до начала XVIII века, не заимствованным у Византии изображением двуглавого орла как герба России, а особого геральдического знака – тугры, взятого с грамот крымских ханов, с которыми у московских государей была активная переписка. Правители России привычно и органично использовали мусульманскую символику, не воспринимая ее как нечто чуждое. Иначе чем объяснить, что тугра первых Романовых не только была хорошо известна тюркским правителям Бахчисарая и Стамбула, империи Великих Моголов в Индии, но и украшала документы выезжавших на Восток российских купцов?

Трудно переоценить роль в истории России тюркской служилой знати, переходившей в православие и сформировавшей заметную часть российского высшего общества, хотя нередко и сохранявшей мусульманскую веру, что не мешало ей преданно служить русскому престолу. Выходцы из нее становились не только номинальными русскими царями и наследниками престола, но и подлинными властителями России, как, например, потомок ордынца Чет-мурзы царь Борис Годунов. Хотя и роль Симеона Бекбулатовича, его краткое пребывание на русском троне, вероятно, не столь однозначны, поскольку он был Чингисидом, статус которых как представителей династии, в свое время правящей в Золотой Орде и постордынских государствах, был высок и в России XVI века.

Окончательная точка в многовековом состязании государств – наследников Золотой Орды в пользу Российской державы была поставлена во второй половине XIX века, когда последнее

тюркское государство-наследник Золотой Орды – Хивинское ханство на землях древнего Хорезма стало частью Российской империи. История совершила очередной виток по спирали – «все вернулось на круги своя»... [Кадырбаев, М., 2003, с. 66–75]. Евразийская держава возродилась, хотя и в ином обличье. Таким образом, ответ о путях возрождения России как великой державы во многом следует искать, обращаясь к исторической традиции формирования ее имперской государственности, где весьма заметно наследие Золотой Орды.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

На русском языке

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Алтан Тобчи: Монгольская летопись. Труды восточного отделения ИРАО, ч. 4. СПб., 1858.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Сборник сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, т. 2.

Гандзакеци К. История Армении. М., 1976.

Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004.

Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В переводах В. Г. Тизенгаузена. М., 2003.

Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль / Пер. с арабского П. К. Жузе. Баку, 1940.

Иерусалим: общество по исследованию еврейских общин. И., 1982.

История Мар Ябалахи и раббан Саумы. М., 1958.

История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. 1.

Кафаров П. И. «Си ю цзи» или описание путешествия на запад.

Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV, СПб., 1866.

Книга Марко Поло. М., 1957.

Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от р. Х. Алма-Ата, 1990.

Козин С. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. – Л., 1941.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М. – Л., 1958.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Арабские и персидские источники VII–XV вв. М. – Л., 1939. Т. 1.

Менандр. История // Вестник древней истории. 1941.

Мэн-да-бэйлу (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит. Н. Ц. Мункуева. М., 1975.

Полное собрание русских летописей. 2-е изд. СПб., 1908 Т. II, Ипатьевская летопись.

Полное собрание русских летописей. 2-е изд. СПб., 1926. Т. I, Лавретьевская летопись.

Полное собрание русских летописей. СПб., М. – Л., 1841–1965. Т. IV, IX.

Попов П. С. Мэнгу-ю-му-цзи: записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.

Пространная летописная повесть о Куликовской битве / Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М. – Л., 1952.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М. – Л., 1960.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М. – Л., 1946.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СМИЗО. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. – Л., 1941.

Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990.

Сибирские летописи. СПб., 1907.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СМИЗО. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

«Хэй да ши люэ» – Источник по истории монголов XIII в. М., 2016.

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.

Шихаб ад-Дин Мухаммад Ан-Нисави. Жизнеописание султана Джелал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973.

На европейских языках

Bretschneider E. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources. L., 1910. Vol. 2.

Haenish E. Steuergerechtsame der chinesischen Kloster unter der Mongolenherrschaft. Leipzig, 1940.

Hambis L. Le chapitre CVII du Yuan che. Leiden, 1945.

Hambis L. Le chapitre CVIII du Yuan che. Leiden, 1954. T. 1.

Ibn-Battuta. The Travels in Asia and Africa. L., 1929.

Pegolotti F. B. La practica bella mercatura / Edited by Evans. Cambridge, Massachussets: The Medieval Academy of America, 1936.

Pelliot P. Sur notes de chinois bibliographie. BEFEO, 1909. T. 9.

Pelliot P. Sur quelques travaux chinois concernant l'époque Mongol. Toungh Pao, 1914.

Pelliot P. A propos des Comans. Journal Asiatique. Ser. II. P., 1920. T. 15.

Pelliot P., Hambis L. Histoire des campagnes de Chengis Khan. Chen-wu-tsin-tcheng-lou. Leiden, 1951. T. 1.

Tabakat-i-Nasiri: A general History of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan translated by Raverty. 1881. T. II.

The History of World-Conqueror by Juvaini / transl. J. A. Boyle. Manchester, 1958.

The Travels and adventures of the Turkish Admiral Sidi Ali Reis in India, Afghanistan, Central Asia and Persia during the years 1553–1556. L., 1889.

На восточных языках

Каишгарский Махмуд. Девону лугат ат-тюрк. Ташкент, 1960–1963. Т. 1–3.

Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М., 1975.

Кэ Шаоминь. «Синь Юань-ши» («Новая история династии Юань») – в серии Цуншу-цзичэн, эр-ши-у-ши (25 династийных историй). Шанхай, 1936. Т. 8.

«Ляо-ши» («История династии Ляо») – в серии Соинь-бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории). Шанхай–Пекин, 1958.

Ogel B. Sino-Turcica. Taipei, 1964.

Ту Цзи. «Мэнуэр-шицзи» («Исторические записки о монголах»). (б. м.), 1934.

Хун Цзюнь. «Юань-ши и-вэнь чжэн-бу». 20 цзюаней. Пекин, 1897.

«Цзинь-ши» («История династии Цзинь») / сост. То Кэ То и др. Сыбу-бэйяо, Шанхай, 1930 (20).

«Юань-ши» («История (монгольской) династии Юань») – в серии Соинь-бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории). Шанхай – Пекин, 1958.

Литература

На русском языке

Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001.

Али-Заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана. XIII–XIV вв. Баку, 1956.

Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003.

Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. А.-А., 1959.

Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1897.

Арсланова А. А. Остались книги от времен былых... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. Казань, 2002.

Арсланова А. А. Войны Джучидов с Хулагуидами // История татар с древнейших времен. В 7 томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XIV в. Казань, 2009.

Арсланов А. М. Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Запада (вторая половина XIII–XIV вв.): Диссертация ... кандидата исторических наук. Казань, 2015.

Ахинжанов С. М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII века. Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.

Аирафян К. З. Дели. История и культура. М., 1987.

Базилевич К. В. Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью монгольских завоевателей. М., 1940.

Бартольд В. В. История изучения востока в Европе и России. Л., 1925.

Бартольд В. В. История Туркестана. Сочинения. Т. II, ч. I. М., 1963.

Бартольд В. В. Работы по истории Средней Азии. Тимур и Тимуриды. Т. II, ч. 1. М., 1963.

Бартольд В. В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II, кн. 2. М., 1964.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения в 9 томах. Т. I. М., 1965.

Бартольд В. В. Басджирт. Сочинения. Т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Токтамыш. Т. V, М., 1968.

Бартольд В. В. Рецензия на книгу Аристова... Сочинения. Т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. Статьи из «Энциклопедии ислама»: Менгу-Тимур. Сочинения в 9 томах. Т. V. М., 1968.

Бартольд В. В. «Татары». Сочинения. Т. IV. М., 1968.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008.

Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1864.

Боразбиев М. И. Золотая Орда и Крымское ханство в генеалогических преданиях высшего сословия тюрков Центрального Кавказа (балкарцы, карачаевцы, ногайцы). Дешт-и-Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. / Материалы международной научно-практической конференции 11–12 апреля 2003 г. М., 2003.

Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1956.

Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971.

Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доняне. СПб., 1996.

Будовниц И. У. Общественно-политическая жизнь Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.

Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Ч. I. Прага, 1927.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. История России / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна и др. Тверь – М., 1997.

- Вигилев А. Н.* История отечественной почты. Ч. 1. М., 1977.
- Вилента И. В.* Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев // Вестник Московского ун-та, сер. 8 – история. 1988. № 1.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
- Галкин Л.* Генуэзские пираты на Каспии // ВС. 1998. № 4.
- Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. II. Душанбе, 1989.
- Гекеньян Х.* Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья. 1223–1556 // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани, 1223–1556. Казань, 2002.
- Голден П.* Половцы дикие // Tatarica. 1997. № 1.
- Головачев В. Ц.* Система дуальных предписанных браков у северных кочевых соседей Китая по данным исторических источников / Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2006.
- Гольман М. И.* Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX в. М., 1988.
- Гончаров Е. Ю.* Старый и Новый Сарай – столицы Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. I. Донецк, 2000.
- Гончаров Е. Ю.* О городище Сарайчик // Диалог культур Евразии. Вып. 2. Казань, 2001.
- Гончаров Е. Ю.* Монетное обращение города Сарайчук в средние века / Труды I международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV вв.». Саратов, 17–21 сентября 2001 г. М., 2006.
- Горелик М. В.* Армии монголо-татар. X–XIV вв. // Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
- Горелик М. В., Васильев Д. Д., Кляшторный С. Г.* Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1990.
- Горский А. А.* Русь от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
- Горский А. А.* Русское Средневековье. М., 2010.
- Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда. Л., 1937.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. Л., 1950.

Греков Б. Д. Татарское нашествие // Исторический журнал. 1937. № 6.

Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории: русские земли в XIII–XV веках. М., 1986.

Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. Л., 1978.

Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XV века: хронология правления // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. 7. Л., 1983.

Григорьев А. П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востокведение. Вып. 11. Филологические исследования. Л., 1985.

Григорьев А. П. Формуляр жалованных золотоордынских грамот. Turcologica, 1986.

Григорьев А. П. Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. Л., 1990.

Гумилев Л. Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М., 1994.

Гуриев Т. А. Проблема монгольского компонента в осетинском эпосе «Нарты» // Литературные связи Монголии. М., 1981.

Голубовский П. В. Половцы в Венгрии // Университетские известия. Киев, 1989. № 12.

Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М., 1976.

Дворецкая А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. М. – Л., 1957.

Дворниченко А. Ю., Тот Ю. В., Ходяков М. В. История России. М., 2005.

Демин А. С. Элементы тюркской культуры в литературе древней Руси XV–XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.

Дубровская Д. В. Лошадь, подарившая Китаю Запад: история одного скакуна // Этикет народов Востока. Нормативная традиция, ритуал, бычай. М., 2011.

Зайцев И. В. Письма золотоордынского Улуг-Мухаммеда османскому султану Мураду II: Османская империя, Золотая Орда и государства Восточной Европы в конце XIV – первой трети XV века. // Бюллетень (Nesletter). № 9. Hungaro-Rossica. М., 2002.

Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. М., 2004.

Зайцев И. В. Астраханское ханство. М., 2006.

Зайцев И. В. Русский востоковед-татарофил: Сергей Сергеевич Аверкиев (1886–1963) и его книга о татарском влиянии на жизнь русского народа / Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа. Казань, 2015.

Зимин А. А. Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Сер.: история и философия. 1952. Т. 9. № 1.

Зияев Х. Узбеки в Сибири. Ташкент, 1968.

Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016.

Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М., 1991.

Зуев Ю. А. «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина как источник по ранней истории джалаирав. Письменные памятники Востока. М., 1972.

Зуев Ю. А. Кипчакский Урбе-хан в эпосе и истории / Мат. конф. А.-А., 2001.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // ОИ. 1997. № 2.

Ермолаев И. П. Становление российского самодержавия. Казань, 2004.

Ибрагимов Н. Ибн-Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Измайлов И. Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания Золотой Орды в XIII–XIV вв. Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

Измайлов И. Л. Ислам в Улусе Джучи (Золотой Орде) // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 2001.

Измайлов И. Л. Монгольские завоевания в Поволжье в начале XIII в.: Т. Т. Олсен и его взгляд на проблему // Научный Татарстан. 2003. № 4.

Исламов Р. Ф. «Шахнаме» Шарифа в контексте золотоордынской и кипчакско-мамлюкской литератур (Источники. Поэтика): Автореферат на соиск. уч. ст. кандидата исторических наук. Казань, 2002.

Исхаков Д. М. Клановая принадлежность «дома Чингис-хана» (Алтын Урука) и его атрибуты (постановка проблемы) // Средневековая археология евразийских степей / Материалы учредительного съезда международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т. 2. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 2. Казань, 2007.

Кадырбаев А. Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиров, найманов и киреитов. Алматы, 1993.

Кадырбаев А. Ш. Золотая Орда как предшественница Московского государства и Российской империи. Дешт-и-Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов / Материалы международной научно-практической конференции 10–11 апреля 2003 г. М., 2003.

Камалов И. Х. Золотая Орда и Русский Улус (татарское влияние на Россию). Казань, 2016.

Кара Д. Уйгуро-монгольские литературные связи // Литературные связи Монголии. М., 1981.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. М., 1989.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.

Каргалов В. В. Баскаки // ВИ. 1972. № 5.

Каргалов В. В. Русь и кочевники. М., 2004.

Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. Сб. ст. М., 1976.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. А.-А., 1992.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Князький И. О. Русь и степь. М., 1996.

Кобищанов Ю. М. Очерки истории исламской цивилизации в 2-х т. Т. 2. М., 2008.

Козьмин Н. Н. Экономические причины войн между Чингизидами. М. – Иркутск, 1935. Вып. II.

Кораев Т. К. Золотая Орда и мамлюкский Египет. Дешт-и-Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов / Материалы международной научно-практической конференции 10–11 апреля 2003 г. М., 2003.

Котышев Д. М. К вопросу о баскаческой организации на Руси второй половины XIII – нач. XIV вв. // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Ч. 1. Челябинск, 1995.

Котышев Д. М. Ордынское иго как фактор политического развития Русского государства в XIV–XVI вв. // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV–XX вв. Челябинск, 1995.

Кошелев В. С. Мусульманская община на территории Белоруссии в прошлом и настоящем // Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия. Май 1922: тезисы докладов и сообщений. М., 1992.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.

Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

Крамаровский М. Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.

Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории. 1947. № 3.

Краткая история СССР. Ч. 1. Л., 1972.

Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. СПб., 2003.

Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968.

Кычанов Е. И. Новые материалы об этногенезе дунган // Советская этнография. М., 1978. № 2.

Кычанов Е. И. Великий Чингис-хан. «Кара Господня» или человек тысячелетия? СПб., 1984.

Кычанов Е. И. Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Кычанов Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань-ши») о Золотой Орде. Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2004.

Кульпин Э. С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII–XV веках) // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

Кумеков Б. Е. Арабские источники о кыпчаках. А.-А., 1988.

Кушкумбаев А. К. Предисловие // Военное дело Улуса Джучи и его наследников: Сборник научных статей. Астана, 2012.

Кушкумбаев А. К. Ключевые принципы монгольской военной стратегии XIII–XIV вв. // Военное дело Улуса Джучи и его наследников: Сборник научных статей. Астана, 2012.

Кушкумбаев А. К. Значение засады в монгольской стратегии и тактике ведения боевых действий // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012.

Кушкумбаев А. К. Военное право и воинская дисциплина в монгольской и золотоордынской армии // Известия Национального центра археологии и источниковедения. Астана, 2012. № 4.

Кушкумбаев А. К. Содержание десятичной системы в военной организации монгольской эпохи // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени: сборник научных статей. Астана, 2012.

Кушкумбаев А. К. Военное дело империи Чингизидов // Мәңгі ел. Научно-популярный исторический журнал. 2013. № 2.

Кушкумбаев А. К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени: сборник научных статей. Астана, 2013.

Кушкумбаев А. К. Улусная система Золотой Орды в XIII–XIV веках: К вопросу о локализации Ак-Орды и Кок-Орды // Золотоордынское обозрение. Казань. 2013. № 2.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991.

Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М., 1995.

Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.

Логунова Г. В. Русь и Золотая Орда: проблема взаимовлияния. Иркутск, 2014.

Мавродин В. В. Левобережная Украина под властью татаро-монголов // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 32. Вып. 2.

Мавродин В. В. Образование Русского национального государства. Л. – М., 1939; 2 изд. – 1941.

Майоров А. А. К вопросу о тульском баскачестве на землях северо-восточной части Черниговского княжества XIII–XIV вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. № 8 (1).

Маслова С. А. Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1 (51).

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М. – Л., 1937.

Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.

Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Мухаметов Ф. Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси: Диссертация ... док. исторических наук. М., 2007.

Назипов И. И. Северо-Восточная Русь в системе политико-правовых связей Орды. Пермь, 2014.

Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. Пг., 1924. Вып. 1.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М., 1940.

Насонов А. Н. Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Ч. 2. М. – Л., 1940.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.

Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I. М., 2010.

Никитин А. Н. Перераспределение Чингизидских владений в XIII в.: опыт мирного передела континента // История и культура Улуса Джучи. 2006: Б. Шпулер и изучение Золотой Орды. М., 2007.

Носов Н. Е. Русский город феодальной эпохи. СПб., 1991.

Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

Отечественная история / под ред. Р. В. Дегтяревой и С. Н. Полторака. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

Павлова Е. В. Частное землевладение в удельных русских княжествах Северо-Восточной Руси в течение позднего монголо-татарского периода и вопрос о влиянии монголо-татарского права // *Mongolica-V*. СПб., 2001.

Пацуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость в (XIII в.). М., 1956.

Пацуто В. Т. Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Петрушевский И. П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид-ад Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. М. – Л., 1952.

Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Ч. I. М., 1915.

Покровский М. Н. Избранные произведения. М., 1967.

Политов В. В. Полагаю, что труд «Золотая Орда и ее падение» заслуживает Сталинской премии / Отзыв А. Н. Насонова о монографии Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского. 1951 г. // Исторический архив. 2014. № 2.

Политов В. В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси: Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2017.

Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Попов П. С. Мэнгу-ю-му-цзи: записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.

Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с Татарскими государствами в XIII–XIV вв., 1238–1598 гг. М., 2007.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М. – СПб., 2006.

Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.

Почекаев Р. Ю. И вновь к вопросу о действии золотоордынских правовых институтов на Руси // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. СПб. – Казань, 2016. Вып. 6.

Почекаев Р. Ю. Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX в. М., 2017.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1918.

Пресняков А. Е. На пути к единой державной. Политический и общественный строй Великороссии в период татарского владычества // Родина. 2003. № 11.

Продолжение российской вивлиофики. СПб., 1793. Ч. 6.

Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016. Рахимзянов Б. Р. Базис и эволюция отношений «Орда – Москва» (XIII–XVII вв.) / XIII Фаизхановские чтения. М., 2017.

Рудаков В. Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI веков // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Вопросы истории. 1993. № 7.

Савицкий П. Н. Европа и Евразия. Русская мысль. София, 1921. Вып. 1.

Савицкий П. Н. Евразийская концепция русской истории / Государственный архив Российской Федерации, ф. 5783, оп. 1, ед. хр. 28, л. 2.

Савицкий П. Н. Евразийство. Россия между Европой и Азией.

Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.

Самашев З. С. Исследование золотоордынского города Сарайчик (предварительное сообщение) // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998.

Самашев З. С., Кузнецова О. В. Поливная керамика Сарайчика // Известия МОН-НАН РК. Сер.: Общ. науки. 2000. № 1.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Свентославский В. Боевые газы в армии средневековых монголов // Военная археология. Оружие и военное дело в истории и социальной перспективе / Материалы международной конференции. СПб., 1998.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.

Скрынникова Т. Д. К вопросу о формировании монгольской государственности // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Селезнев Ю. В. Титулатура русских князей в XIII–XIV вв. и социально-политическая иерархия Золотой Орды // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17-й конференции памяти В. Д. Королюка. М., 1998.

Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009.

Селезнев Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV вв. Воронеж, 2013.

Семенов А. А. К вопросу о золотоордынском термине «баскак» // Известия АН СССР. 1947. № 1.

Семенов О. В. О времени и обстоятельствах возникновения ямской гоньбы в русских землях // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1 (148).

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I. М.; Л., 1947.

Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

Соловьев К. А. Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси. (IX – I пол. XV вв.). М., 2001.

Соложеницын А. И. 200 лет вместе (1795–1995), ч. 1. М., 2001.

Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. М., 1975.

Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.

Султанов Т. И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник 2001: Золотая орда и ее наследие. М., 2002.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Султанов Т. И. Центральная Азия в конце XV – середине XVIII в. / История Центральной Азии. Учебное пособие. Т. I. Издание 2-е, дополненное. М., 2015.

Тагиров И. Р. Без татарского народа Российское государство – неполное // Независимая газета. 2001. 27 февраля.

Тишков В. А., Чешко С. В. Татары. М., 2001.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

Толстов С. П. Города гузов // Советская энциклопедия. 1974. № 3.

Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов В. В. Тюркская знать в России (Ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. № 1–2 (4–5). М., 1998.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов В. В. Улусный субстрат и имперский суперстрат: поиск «ядра» кочевой государственности // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005.

Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010.

Трепавлов В. В. Золотая Орда в общественном сознании и историографии / Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии. М., 2017.

Трепавлов В. В. Народы Евразии в эстафете империй. От Золотой Орды к Российскому государству. СПб., 2021.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингиз-хана (взгляд на русскую историю не с Запада, а Востока) // Вестник Московского университета, серия 9: Филология. 1991. № 4.

Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.

Трубецкой Н. С. Общероссийский национализм. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.

- Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София, 1920.
- Тугушева Л. Ю.* Кыпчаки, кто они? Киото, 2004.
- Хакимов Р.* Два истока российской государственности // Родина. 2005. № 8.
- Халитова Н. Н., Халитов Н. Х.* Двуглавый орел в исламском и тюрко-татарском средневековом искусстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань, 2013.
- Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, булгарах, мадьярах, словаках. СПб., 1869.
- Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И.* Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела / Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989.
- Хотко С. Х.* Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001.
- Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингис-хана. М., 2004.
- Хрусталева Д. Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). СПб., 2013.
- Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. М., 1991.
- Ускенбай К.* Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник, 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.
- Ускенбай К.* Восточный Дашт-и-Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013.
- Усманов М. А.* О тугре в официальных актах и посланиях Джучидов / Бартольдские чтения. М., 1990.
- Усманов М. А.* Введение. История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III, Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Торговля нижневолжских городов Золотой Орды / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998.

Фроянов И. Я. О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.

Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси / Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Черникова Т. В. Европеизация России во второй пол. XV–XVI вв. М., 2012.

Чхао Чху-чанг. К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников). Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.

Щавелев А. С. Съезды русских князей и восточно-кочевая политическая традиция // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее новое время. Сборник тезисов 17-й конференции памяти В. Д. Королюка. М., 1998.

Эгль Д. Великая Яса Чингис-хана, монгольская империя, культура и шариат // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.

Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – нач. XX в. М., 1991.

Юрченко А. Г. Восточный ребус для западной историографии // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 2001.

На европейских языках

Dlugosz J. Dziejow Polskich. T. III. Krakow, 1868.

Dlugosz J. Historicae Polonicae. T. II. Opera omnia / Ed. A. Przydzicki. T. XI. Cracoviae, 1873.

Golden P. B. Cumanica II: The Olberli (Olperli) the fortunes and misfortunes of on Inner Asian nomadic clan // Archivum Eurasiae Medi Aevi, VI, 1986–1987 (offrint).

Golden P. B. An introduction to the history of the Turkic peoples. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.

Halperin Ch. J. The Missing Golden Orde Chronicles and historiography in the Mongol empire // Mongolian Studies. 2000. № 23.

Halperin Ch. J. The Scourge of God: The Mongols and Violence in Russian History // Violence in Russian literature and culture. Madison, 2005.

Heyd A. Le Colonie Commerciale degli Italiani in Oriente. Vol. 1–2. Venezia, 1868.

Labuda G. Wojna z Tat Pragaearami w roku 1241 // «Przegląd Yistoryczny». T. 1. Warszawa, 1959. № 2.

Marquart J. Uber Volstum der Comanen Osstturkische Dialekstudien. Abn., der Konigl // Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. Berlin, 1914. Bd. 13. № 1.

Marx K. Secret Diplomatic History of Eighteen Century. L., 1899.

Pelliot P. Une ville musulmane dans la China du Nord sous les mongols // Journal Asiatique. Paris, 1927. № 211.

Rachewiltz I. de. The papa envoys to the Great Mongol Khans. Stanford, 1974.

Rachewiltz I. de. Qan Qagan and the Seal of Guyuk // Documenta Barbarorum. Festschrift fur Walter Heissig zum 70. Geburtstag, Wiesbaden, 1983.

Rachewiltz I. de. Some reflection on Cingis Qan's Yasay // East Asian History. 1993. Vol. 6.

Rachewiltz I. de. The Name of the Mongols in Asia and Europe // Etudes mongoles et siberiennes 27 (1996).

Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae eft Moraviae. T. 1. Pragae, 1855. № 1060.

Vasary Istvan. Cumans and Tatars. Oriental military in Pre-Ottoman Balkans. 1185–1365. Cambridge, 2005.

Златарски Б. История на Българската държава през средните векове. Т. 2. София, 1972.

Научное издание

Кадырбаев Александр Шайдаатович

ЗОЛОТАЯ ОРДА
Очерки истории и историографии

Редакторы *Н. А. Сидоркина, И. С. Батышев*
Верстальщик *Н. В. Макеева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Корректор *И. С. Батышев*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 03.10.2022 г. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 21,39. Тираж 500 экз. Заказ № 3043-22

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *Ш. Р. Кашаф*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>